

C-30
1506_m

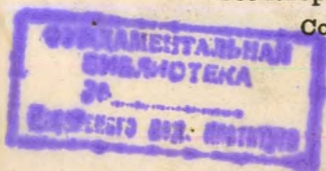

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНѢ

ИМѢЕТЪ СЧАСТІЕ ПОСВЯТИТЬ
всепокорнѣйшая и преданнѣйшая
Софія Кашпирева.

1196

СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

С. КАШПИРЕВОЙ.

Отдѣлъ для юношества.

Сентябрь. 3.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ. 276

С.-Петербургъ.

Тип. Маѣвова, въ д. Министер. Фин., на Двори. площ.

1871.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Приключенія Жерарда. Глава VI, VII, VIII, IX, соч. Карла Рида.	1
II. Мечты и происки въ Самборѣ. (Продолженіе). <i>А. Е. Разина.</i>	45
III. Рейналь и его спутники. (Окончаніе).	59
IV. Альгея. (Окончаніе).	87
V. Среди Океана (съ картинкой)	119
VI. Двѣ Судьбы	147
VII. Охота на глухарей (съ картинкой)	163
VIII. Письмо изъ Петиньи.	173
IX. Объявленіе о Зарѣ.	179

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЖЕРАРДА.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ СРЕДНЕВѢКОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

ГЛАВА VI.

Когда Жерардъ на другое утро проснулся, его первымъ движеніемъ было броситься къ окну. Онъ схватился руками за рѣшетку, уперся колѣнами въ стѣну, и такимъ образомъ приподнялся на столько, что могъ различить то, что происходило за стѣнами тюрьмы. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи онъ, разумѣется, могъ оставаться только самое короткое время, но и одного взгляда на вѣшній міръ было достаточно, чтобы придать ему новыя силы и бодрость. Когда онъ прыгнулъ на полъ, глаза его блестя и улыбка блуждала на губахъ. Онъ видѣлъ то, что въ настоящую минуту было ему дороже всѣхъ сокровищъ міра:— знакомое, дружеское лицо! Старый Мартынъ сидѣлъ у ручейка и прикидывался удящимъ рыбу; но когда Жерардъ, прамѣтя его, свистнулъ, онъ быстро обернулся и кивнулъ ему головой. Нѣсколько отдохнувъ,

другъ нашъ снова взялся за рѣшетку и выглянулъ въ окно; онъ увидѣлъ удаляющуюся фигуру Мартына, и пока хватало силы, слѣдилъ за ней глазами, но вдругъ съ страшнымъ шумомъ грохнулся на землю. Старые заржавѣвшіе отъ времени гвозди не выдержали тяжести его тѣла и выскочили. Жерардъ очутился на полу съ желѣзной рѣшеткой въ рукахъ. Въ эту самую минуту растворилась дверь и въ ней показалась фигура бургомистра. Онъ тотчасъ понялъ, что случилось, но не сказалъ ни слова. Чего было бояться ему? Еслибъ Жерарду вздумалось выпрыгнуть въ окно, отстоящее слишкомъ на 100 футовъ отъ земли, Ванъ-Свитенъ не только не запретилъ бы ему, но былъ бы очень доволенъ такимъ рѣшеніемъ. Оно послужило-бы ему самымъ безопаснымъ и вѣрнымъ средствомъ отдѣлаться на всегда отъ Жерарда. И такъ онъ промолчалъ, и въ торжественномъ молчаніи поставилъ на ящикъ принесенные имъ хлѣбъ и воду.

При видѣ Ванъ-Свитена, первымъ побужденіемъ Жерарда было убѣжать. Но видно бургомистръ прочелъ что-то не доброе въ глазахъ молодаго узника; онъ слегка кашлянулъ, и въ комнату тотчасъ вошло трое, хорошо вооруженныхъ людей. — Бы останетесь здѣсь пока не дадите клятвеннаго обѣщанія никогда болѣе не видѣться съ Маргаритой и ея отцомъ, сказалъ бургомистръ, обращаясь къ Жерарду.

— Я скорѣй умру, твердо отвѣчалъ тотъ.

— Пускай такъ, ухмыляясь проговорилъ Ванъ-Свитенъ, и удалился изъ комнаты.

Мартынъ между тѣмъ посѣбно шелъ по дорогѣ

въ Севербергенъ. Маргарита съ нетерпѣніемъ ожидала его и, при возвращеніи, осыпала вопросами:—видѣлъ ли онъ Жерарда? на что онъ похожъ? очень ли онъ блѣденъ? очень ли на видъ перепуганъ и т. д. Мартынъ разсказалъ имъ, что видѣлъ его у одного изъ самыхъ высокихъ оконъ городской тюрьмы, но на такомъ отъ себя разстояніи, что никакъ не можетъ опредѣлять, на сколько онъ успѣлъ перемѣниться въ лицѣ.

Когда Мартынъ вошелъ въ домъ Петра, Маргарита кончала письмо къ графинѣ Шармуа, въ которомъ разсказывала все случившееся, и горячо молила о помощи. Она протянула это письмо старому служивому.

— Отнеси поскорѣй, другъ мой, сказала она ему, — вся надежда наша теперь на Графиню Шармуа; авось она не оставитъ насъ!

— Полно Маргарита, сказалъ до сихъ поръ молча глядѣвшій на нее отецъ, — не посылай этаго письма, дитя мое; зачѣмъ намъ прибѣгать къ чужой помощи? мы сами спасемъ его!

Маргарита нерѣшительно взглянула на Петра.

— Но какъ намъ сдѣлать это, отецъ? робко спросила она.—Вспомни о вышинѣ башни; никакая лѣстница въ Голландіи не достанетъ до окна той комнаты, въ которой запертъ Жерардъ.

— Намъ не вужно никакой лѣстницы, отвѣчалъ на это Петръ.

Маргарита и Мартынъ съ недоумѣніемъ взглянули другъ на друга и потомъ, на Петра. Но послѣдній спокойно продолжалъ.

— Лѣтъ двѣсти или триста тому назадъ, одинъ флорентійскій рыцарь также былъ заключенъ въ башню; башня эта была гораздо выше той, въ которой теперь сидитъ нашъ Жерардъ, и не смотря на это, вѣрный слуга рыцаря, съ помощью лишь одного лука и нѣкоторыхъ другихъ бездѣлушекъ, которыя можно закупить за 2 или за 3 серебряныя монеты, спасъ своего господина и освободилъ его изъ тюрмы.

Маргарита и Мартынъ покачали головой; тогда Петръ обстоятельно и подробно принялся рассказывать имъ, какъ было дѣло; и по окончаніи рассказа, слушатели удивились только одному: какъ могли они считать невозможнымъ то, что было такъ просто и естественно.

Письмо, разумѣется послѣ этого, уже не было отправлено. Они понадѣялись сами на себя.

Ночь, наступившая послѣ вышеописаннаго нами дня, была чудная, лунная и теплая. Отецъ Жерарда еще не возвращался, и въ семьѣ его никто повидимому не подозрѣвалъ случившагося съ Жерардомъ несчастія.

Часа черезъ два послѣ того, какъ въ домѣ всѣ улеглись, къ постелѣ карлика Эгидія осторожно подкралась маленькая фигура Кати, одѣтая съ головы до ногъ во все бѣлое, и по тихоньку разбудила брата. Онъ сначала очень испугался, принявъ сестру за привидѣніе, но звукъ ея голоса вполнѣ успокоилъ его.—Жильсь сказала она ему,—съ нашимъ бѣднымъ Жерардомъ случилось ужасное несчастіе! Онъ сидитъ въ городской тюрмѣ! Карликъ вскрикнулъ отъ удивленія.—Тише, тише Жильсь, ради Бога! прошептала испуганная Катя,—я такъ боюсь, чтобы насъ не услы-

халь злой Корнеліусъ! О, какой онъ злой, Жильсъ! Вообрази себѣ, что это онъ донесъ на брата!

— Какъ-же ты узнала объ этомъ Катя? спросилъ Эгидій.

— Я уже цѣлый день беспокоилась о долгомъ отсутствіи Жерарда, отвѣтила Катя, — а вечеромъ, вдругъ услышала, что Корнеліусъ, разговаривая съ Сибрандтомъ, что-то часто упоминалъ его имя. Чужа что-то недоброе, я тихонько подкралась къ нимъ и подслушала весь разговоръ. И тутъ Катя рассказала брату то, что уже отчасти извѣстно читателю: какъ родилось въ Корнеліусѣ подозрѣніе на счетъ истинной причины гнѣва отца ихъ на Жерарда, какъ онъ рѣшился насолить брату, какъ выслѣдилъ его, какъ отправился къ бургомистру и наконецъ, съ какой необыкновенной радостью бургомистръ выслушалъ его донесъ и распорядился объ арестованіи ихъ брата. Кончивъ свой рассказъ, Катя упросила Жильса отправиться съ ней къ подножію той башни, въ которой сидѣлъ Жерардъ. Ей хотѣлось успокоить бѣднаго заключеннаго, сказать ему, что отецъ ихъ еще не возвращался и по этому, нельзя тотчасъ освободить его; но что Илья вѣроятно не долго пробудеть въ Амстердамѣ и что, по прибытіи его, навѣрно все объяснится и устроится. Жильсъ согласился идти съ сестрой и, полчаса спустя, они осторожно отворили дверь дома и вышли на улицу. Не смотря на свѣтлую, лунную ночь, Катя не рѣшилась отправиться безъ фонаря. — Съ огнемъ все таки не такъ страшно, сказала она, идя за братомъ, — и злые духи и привидѣнія, говорятъ, боятся его.

А Жерардъ между тѣмъ сидѣлъ въ своей душевной темницѣ. Весь этотъ день прошелъ для него неизменно тягостно; время тянулось, словно цѣлая вѣчность! Бѣдный узникъ былъ совершенно измученъ; онъ и не дотрогивался до принесенной ему бургомистромъ пищи, потому что боялся отравы, и вслѣдствіе этого, голодъ сильно мучилъ его. Часу въ двѣнадцатомъ ночи онъ, мрачный и угрюмый, сидѣлъ на своемъ ящикѣ, какъ вдругъ что-то влетѣло въ комнату, ударилось объ стѣну надъ самой головой его и покатилося по полу. Жерардъ, по бѣлымъ перьямъ, съ ужасомъ узналъ стрѣлу; онъ какъ ужаленный вскочилъ на ноги и забился въ самый дальній уголъ своей темницы. Мысль, что враги его такимъ безжалостнымъ образомъ хотѣтъ отдѣлаться отъ него, была ужасна, и Жерардъ пережилъ невеселыя минуты, ожидая вторичнаго выстрѣла; но его не воспослѣдовало. Тогда молодой человѣкъ, нѣсколько пріободрившись, на четверенькахъ подползъ къ испугавшему его предмету и рѣшился взять его въ руки. Но какъ удивился онъ, когда увидѣлъ, что на стрѣлѣ нѣтъ желѣзнаго наконечника, что она совершенно безвредна и слѣдовательно, могла быть пущена только рукою друга! Онъ съ радостью взялъ ее и принялся внимательно осматривать. Къ стрѣлѣ былъ привязанъ мотокъ шелку и на самомъ деревѣ написано нѣсколько словъ. Сердце узника сильно забилося, онъ поспѣшно зажегъ одну изъ всегда имѣвшихся при немъ свѣчей, и прочелъ слѣдующее:—Милый! привяжи крѣпко твой ножъ къ одному концу шелка и спусти его; другой-

же ковецъ держи въ рукахъ; потомъ сосчитай сто и затѣмъ тяни обратно къ себѣ.

Жерардъ кинулся къ своему дубовому ящику. Нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, онъ не могъ бы даже сдвинуть его съ мѣста; теперь же, Богъ вѣсть, откуда взялись силы; онъ дотащилъ ящикъ до самаго окна, вскочилъ на него и посмотрѣлъ внизъ. У подножія башни двигались какія-то фигуры, но они были до того неясны, что сливались въ одну темную точку. Дрожащею рукою распустилъ онъ шелкъ, къ одному концу привязалъ ножъ и сталъ осторожно спускаться до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что ножъ стукнулся о землю. Потомъ, сосчитавъ сто, Жерардъ потянулъ шелкъ обратно за ковецъ, остававшійся у него въ рукахъ. Онъ тотчасъ замѣтилъ, что шелкъ сталъ какъ будто тяжеле. Нѣсколько времени спустя, ему попался узелъ, и вслѣдъ затѣмъ, у него въ рукахъ очутился уже не шелкъ, а тоненькая бичевка; онъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее, не понимая въ чемъ дѣло: но въ эту минуту раздался снизу голосъ Маргариты:—тащи, Жерардъ, тащи, пока не увидишь средства къ свободѣ! и онъ снова принялся за свою работу; вскорѣ ему попался въ руки новый узелъ; посредствомъ его, къ тоненькой бичевкѣ была прикрѣплена болѣе толстая веревка.

Тутъ Жерарду вдругъ все стало ясно, и онъ съ новой энергіей принялся тащить одну веревку за другой; наконецъ, когда руки его уже отказывались было служить ему, къ окну сталъ подниматься толстый, здоровый канатъ. Счастье придало ему новыя силы; онъ

втянулъ канатъ въ комнату; крѣпко опуталъ имъ ручки своего ящика и затѣмъ, въ изнеможеніи опустился на полъ. Крупныя капли пота падали со лба его. Нѣсколько оправившись, Жерардъ всталъ и тщательно осмотрѣлъ свой дубовый ящикъ. Для него было весьма важно узнать, выдержитъ ли этотъ ящикъ тяжесть его тѣла. Въ видѣ испытанія его крѣпости, онъ вскочилъ на него и принялся изо всѣхъ силъ прыгать по немъ. При третьемъ скачкѣ, одна изъ сторонъ ящика отскочила и изъ него вылетѣло нѣсколько связокъ пергамента. Жерардъ вскрикнулъ отъ досады, но при внимательномъ осмотрѣ оказалось, что ящикъ не сломался, а только открылся. Прыгая по немъ, Жерардъ вѣроятно нечаянно ногой дотронулся до какой нибудь скрытой пружины. Довѣріе его, однако, къ дубовому великану, нѣсколько поколебалось; онъ рѣшился изыскать средство еще крѣпче прикрѣпить свой канатъ. Тутъ ему бросилась въ глаза лежащая на полу желѣзная рѣшетка. Онъ отдѣлилъ отъ нея одинъ брусъ, посредствомъ бичевки привязалъ къ нему канатъ и положилъ брусъ поперегъ окна. Такимъ образомъ веревка была прикрѣплена къ двумъ точкамъ, и всѣ возможныя предосторожности взяты.

Разхаживая по комнатѣ, Жерардъ то и дѣло отстранялъ ногою попадавшіяся ему связки пергамента. Даже въ эту критическую минуту его жизни, въ немъ высказалась страсть къ письму. Онъ не могъ хладнокровно смотрѣть на такое количество драгоценнаго для него пергамента.—Если-бъ всѣ эти связки принадлежали мнѣ! подумалъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ,

какъ молнія, въ головѣ его блеснула мысль, что нѣтъ ничего легче, какъ присвоить ихъ себѣ. Мы надѣемся, что Жерардъ никогда не поддастся бы искушенію присвоить себѣ чужую собственность, какъ бы не была она привлекательна для него; но къ несчастію, на главномъ листѣ одной изъ рукописей ему бросилась въ глаза надпись ея; онъ сталъ подбирать одну связку за другой и вскорѣ убѣдился, что ему подъ руки попались разныя сдѣлки и городскія дѣла, отдавныя бургомистру на сохраненіе. Мысль насолить врагу и крупной неприятностью заплатить за всѣ причиненныя имъ страданія, была слишкомъ заманчива для вѣтренной головы Жерарда. Онъ послѣдовалъ первому, необдуманному движенію и, быстро подобравъ нѣсколько связокъ пергамента, одну за другой повывбрасалъ ихъ за окно. Снизу послышался испуганный голосъ Маргариты. Она звала Жерарда. Молодой человѣкъ послѣшилъ успокоить ее и показаться. Онъ влѣзъ на ящикъ, съ ящика на окно и, перенесъ было уже одну ногу за перекладину, но вдругъ невольно струсиль и сѣлъ. Ему впереди предстояло бороться съ немалыми опасностями, но самое страшное все таки было, сразу упасть съ окна на канатъ. Онъ подумалъ какъ бы взяться за дѣло, и рѣшился принять положеніе плавающего человѣка. Жерардъ выпустилъ ноги за окно и ухватился ими за канатъ, а руками крѣпко держался за ту часть веревки, которая оставалась въ комнатѣ. Потомъ онъ сталъ тихо перебирать руками, пока не ухватился за брусъ, лежавшій поперекъ окна. Настала ужасная минута! Чтобы и руками ухватиться

за канать, нужно было сразу опуститься на одинъ или на два фута, такъ какъ выше веревка слишкомъ близко прилегала къ стѣнѣ, и невозможно было взяться за нее. Прочитавъ короткую молитву, въ которой свѣ поручалъ душу свою Богу, Жерардъ освободилъ одну руку, ощупалъ ею канать и ухватился за него, а затѣмъ изъ другой, выпустилъ брусъ.

При этомъ все тѣло его разумѣется сразу опустилось на нѣсколько футовъ. Сдержанный крикъ послышался снизу! Началось почти пятнадцати-саженное воздушное путешествіе! Жерардъ крѣпко ухватился ногами за канать и сталъ медленно спускаться, представляя одну руку за другой. Онъ посмотрѣлъ внизъ, но увы! пространство, отдѣляющее его отъ земли было еще такъ велико, что у бѣднаго юноши закружилась голова. Онъ рѣшился уже не глядѣть внизъ, уставилъ глаза на стѣну башни и продолжалъ осторожно спускаться. Боль въ рукахъ, израненныхъ треніемъ о канать, усиливалась при каждомъ движеніи, силы быстро измѣняли ему, сердце болѣзненно билось и ужасъ наконецъ овладѣлъ Жерардомъ. Онъ посмотрѣлъ на верхъ и съ радостью замѣтилъ, что окно тюрьмы уже значительно удалилось отъ него. Въ эту минуту послышался голосъ Маргариты.—Осторожнѣе, Жерардъ! Милый, не гляди на насъ! Но Жерардъ не выдержалъ и все таки посмотрѣлъ внизъ. О счастье! футахъ въ двадцати отъ него, съ поднятыми къ нему руками, стояли Маргарита и Мартынъ. Видъ этотъ до того ободрилъ бѣднаго страдальца, что онъ быстрѣе прежняго приваялся спускаться, и вскорѣ, благополучно до-

брался до земли. Онъ бросился въ объятія своихъ друзей, и радость, наполнившая въ эту минуту его сердце была такъ велика, что вознаградила за всѣ вынесенныя страданія. Но Мартынъ не далъ молодымъ людямъ долго предаваться счастію свиданія.—Уйдемъ поскорѣе, пока насъ не замѣтили, сказалъ онъ, и увлекъ ихъ за собою. Они какъ тѣни скользнули вдоль стѣны, и уже было повернули въ сторону, но вдругъ остановились и, по поданому Мартыномъ знаку, тихо подкрались къ кусту и усѣлись за нимъ. Въ ночной тишинѣ ясно послышался легкій шумъ, производимый натягиваніемъ лука. Мартынъ приготовлялся по своему встрѣтить непрощеннаго гостя. Идя впереди, онъ первый замѣтилъ двигающійся по ихъ направленію фонарь, и предположилъ, что это ночной караулъ ходитъ дозоромъ. Читатель вѣроятно догадывается чей фонарь такъ понапрасну испугалъ нашихъ друзей. Жерардъ, глядѣвшій изъ за своей засады на приближающихся фигуръ, вскорѣ узналъ въ нихъ Катю и Жильса, сказалъ объ этомъ Мартыну, и вышелъ на встрѣчу сестрѣ. При видѣ его, Катя вскрикнула и со страхомъ посмотрѣла на брата.—Ужъ не призракъ ли это его? мелькнуло въ головѣ суетворной дѣвочки. Нѣсколько словъ все объяснили ей, и она съ великой радостью обняла освобожденнаго узника.—Пойдемъ скорѣй домой, милый, нѣжно сказала она ему,—какъ обрадуются тебѣ у насъ.

Жерардъ отшатнулся отъ Кати.—У меня съ сегодняшняго дня уже нѣтъ ни дома, ни отца, сурово проговорилъ онъ.—Тотъ, кого я до сихъ поръ называлъ

отцомъ, сталъ моимъ гонителемъ. Я съ опасностью жизни вырвался изъ рукъ его, и теперь постараюсь уже болѣе никогда не попасться ему!

— О, тише, тише, Жерардъ! дрожащимъ голосомъ воскликнула Катя, — ты самъ не знаешь, что говоришь! Отецъ нашъ не способенъ такъ жестоко поступать съ роднымъ сыномъ; тутъ кроется что-то непонятное!

И она рассказала брату слышанный ею между Сибрандтомъ и Корнелиусомъ разговоръ. Но слова ея не произвели на Жерарда почти никакого дѣйствія.

— Я давно знаю, сказалъ онъ, — что Корнелиусъ точить на меня зубы. Но ни онъ, ни даже бургомистръ ничего не могли-бы сдѣлать со мною, если-бы не отецъ. Онъ одинъ имѣетъ власть надо мною, и если-бы не его приказаніе, то бургомистръ не смѣлъ-бы даже тронуть меня; я такой-же свободный гражданинъ города Тергау, какъ и онъ самъ.

Катя съ грустью слушала Жерарда, но видя его волненіе, не возражала ему; она понимала, что братъ говоритъ сгоряча и надѣялась, что время образумитъ его. Въ настоящую минуту нечего было и думать уговорить его вернуться домой. Онъ отправился въ Се-венбергенъ съ Маргаритой и Мартыномъ, а Катя, нѣжно простившись съ нимъ, грустно пошла своей дорогой.

Во время разговора Кати съ братомъ, Жильсъ подбиралъ брошенные Жерардомъ изъ окна связки пергамента. Онъ уже давно занимался тѣмъ, что ходя по домамъ, подъ разными предлогами выпрашивалъ у знакомыхъ листы пергамента и потомъ продавалъ ихъ Жерарду. Теперь-же онъ очень обрадовался при видѣ бо-

гатай, словно упавшей съ неба жатвы, и поспѣшилъ въ догонку удалявшагося брата. Жерардъ тотчасъ узналъ выброшенные ими рукописи и съ радостью далъ за нихъ Жильсу нѣсколько мелкихъ монетъ.

Маргаритѣ это очень не понравилось. — Полно, сказала она молодому художнику, — не бери на душу грѣха; какъ-бы то ни было, а пергаментъ принадлежит все таки не тебѣ, а другому.

Но Жерардъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы подчиниться голосу разсудка. Ему улыбалась мысль, хотя нѣсколько отомстить врагу, и увы! онъ не послушался благоразумнаго совѣта своего друга! Еслибы онъ могъ въ эту минуту приподнять лишь край той таинственной занавѣси, которая скрываетъ отъ насъ будущее, Жерардъ странными глазами посмотрѣлъ-бы на эти, повидимому, ничтожныя связки, и не скоро-бы рѣшилъ роковой для него вопросъ: брать-ли ему рукописи или нѣтъ? Но все было отъ него сокрыто и одно движеніе руки рѣшило всю его будущность!

ГЛАВА VII.

Гизбрехтъ-Ванъ-Свитень хранилъ у себя въ карманѣ ключъ отъ темницы Жерарда. Онъ ждалъ десяти часовъ утра, чтобы навѣстить его. — Пускай проголодается, думалъ онъ, — сговорчивѣе будетъ! Въ десять же часовъ, бургомистръ, въ сопровожденіи вѣрнаго слуги своего Дириха Бровера, отправился на верхъ. Онъ остановился у двери темницы и сталъ прислушиваться.

Все было тихо, словно въ могилѣ. Ванъ-Свитенъ злобно усмѣхнулся.—Видно присмирѣлъ, голубчикъ, провормоталъ онъ и, повернувъ ключъ въ замкъ, отворилъ дверь темницы.

Бургомистръ, какъ громомъ пораженный, неподвижно остановился на порогѣ. Онъ весь задрожалъ и дико поглядывалъ по сторонамъ. Слѣдовавшій за нимъ слуга, заглянулъ чрезъ плечо своего господина; при видѣ пустой комнаты, каната, ломаной рѣшотки, онъ не могъ удержаться отъ громкаго возгласа. Вдругъ Ванъ-Свитенъ, какъ сумасшедшій, бросился къ ящику, принялся шарить въ немъ руками, судорожно перебралъ нѣсколько рукописей, бросалъ ихъ, снова поднималъ и какъ-бы не вѣря своимъ глазамъ, опять принимался искать и шарить по всѣмъ угламъ. Дирихъ во все глаза посмотрѣлъ на бургомистра.—Что такое? что случилось съ вами? спросилъ онъ. Гизбрехтъ пошевелилъ губами, словно слясъ отвѣчать, но голосъ не повиновался ему и онъ съ нѣмымъ отчаяніемъ продолжалъ глядѣть въ пустой ящикъ.

— Что пользы смотрѣть туда, баринъ, уговаривалъ его вѣрный слуга,—ужь тамъ-то вы его навѣрно не найдете!

— Пропало, пропало, пропало! какъ-то глухо простоналъ бургомистръ.

— Пропало? что пропало? Пресвятая Богородица! да онъ съума сошелъ!

Вдругъ Ванъ-Свитенъ неистово закричалъ: — Карауль, карауль!—вскочилъ на ноги, бросился на Дирихта, схватилъ его за воротъ и, изо всей мочи, принялся трясти его. — Чего стоишь ты здѣсь, дуракъ; весело

что-ли смотрѣть, какъ обкрадываютъ твоего несчастнаго господина? Бѣги, мошенникъ; скорѣй-же! Да нѣтъ, стой, все напрасно! Сумасбродный я, сумасбродный! Какъ могъ я оставить *это* въ одной комнатѣ съ нимъ! Да вѣдь никто-же до сихъ поръ не находилъ тайной пружины! Нужно было именно ему открыть ее. Судьба, судьба! О Господи! и онъ почти безъ чувствъ упалъ на ящикъ, бормоча: пропало, пропало!

— Что пропало, баринъ? съ участіемъ спросилъ Дарихъ.

— Что?—Все! и домъ, и земля, и доброе имя, простовалъ Гизбрехтъ, ломая себѣ руки.

— Что? воскликнулъ слуга.

Торжественный и вмѣстѣ съ тѣмъ полный любопытства вопросъ слуги поразилъ бургомистра и заставилъ его нѣсколько прійти въ себя.

— У меня пропали городскія дѣла, проговорилъ онъ, заикаясь на каждомъ словѣ и бросая пытливый взглядъ на недоумѣвающего слугу.

— Только-то? спросилъ Дирихъ.

— А развѣ этаго мало, возразилъ бургомистръ. — Что скажутъ мнѣ граждане? Что станется съ городомъ? Я до того дорожу пропадавшими рукописями, что заплачу сто рублей тому, кто отыщетъ ихъ и принесетъ мнѣ; но только съ однимъ условіемъ: если будетъ недоставать хоть одной изъ нихъ, то я не плачу ни копѣйки!

— Ладно, сударь, не безпокойтесь, отозвался Дирихъ,—я почти увѣренъ, что деньги достанутся мнѣ. Вы только позвольте мнѣ взять нѣсколько человѣкъ

солдаты и отправиться съ ними въ домъ Жерарда; тамъ я и арестую его за воровство.

— Отлично, отлично придумано, мой вѣрный Дирихъ, воскликнулъ Гизбрехтъ, — а я и не сообразилъ, что его можно теперь преслѣдовать за воровство! Таки попался голубчикъ! Мы теперь иначе распорядимся съ нимъ! Мы посадимъ его въ нижнюю комнату, знаешь тамъ, гдѣ жабы и крысы. Увидимъ, какую онъ тамъ пѣсню запоетъ. Послушай, Дирихъ! Человѣкъ этотъ уже никогда болѣе не долженъ увидать свѣта Божіаго. Понимаешь? Самъ виноватъ, зачѣмъ суетъ носъ туда, куда не просятъ. Но главное, Дирихъ, поскорѣй, главное поскорѣй, пока онъ еще не успѣлъ проболтаться. Бѣги, мой другъ!

Не прошло и получаса, какъ Дирихъ Броверъ, въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ солдатъ входилъ въ лавку Ильи и спрашивалъ у страшно перепуганной Екатерины, дома-ли ея сынъ Жерардъ?

— Что напроказничалъ онъ опять? спросила бѣдная женщина.

— Ничего важнаго, сударыня, не извольте беспокоиться, вкрадчиво отвѣтилъ лукавый слуга Ванъ-Сви-тена. — Онъ вѣроятно въ шутку унесъ нѣсколько свертковъ пергамента; но бургомистръ отвѣчаетъ за эти рукописи предъ цѣлымъ городомъ, и непременно желаетъ возвратить ихъ себѣ. Что-же касается до вашего сына, то ему, вѣроятно, будетъ сдѣланъ выговоръ и больше ничего.

Екатерину эти слова совершенно успокоили, но не такъ-то легко было провести Катю. Она съ недовѣріемъ

слушала Дириха и вполне убѣдилась, что не даромъ подозрѣвала его, когда увидѣла, какъ измѣнился Броверъ въ лицѣ, услыхавъ отъ Екатерины, что Жерарда вѣтъ, и что онъ даже не почеваль дома.

— Уйдемте отсюда, грубо сказалъ онъ, обращаясь къ сопровождавшимъ его солдатамъ, — мы здѣсь только напрасно время теряемъ. Но не уйдетъ онъ отъ меня, голубчикъ, я найду его, будь онъ хоть подъ землей! сердито прибавилъ онъ, грозя кулакомъ и направляясь къ двери.

Катя тихо послѣдовала за нимъ, и знакомъ показала, что имѣетъ что-то сообщить; Дирихъ пропустилъ солдатъ впередъ и остановился за дверью. Говорите скорѣй, — мнѣ некогда, грубо обратился онъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Тихе, тихе, отозвалась она, — я такъ боюсь, чтобы мать не услышала насъ! Она бѣдная не знаетъ, вѣдь Жерардъ совсѣмъ оставилъ Тергау!

— Какъ?..

— Да, на вѣки. Я въ прошлую ночь въ послѣдній разъ видѣла его!

— Гдѣ это? съ удивленіемъ спросилъ Дирихъ.

— У подножія той башни, въ которой сидѣлъ онъ, отвѣтила она.

— Откуда досталъ онъ канатъ?

— Не знаю, — я знаю только, что Тергау всегда былъ недостоемъ Жерарда, и что теперь, послѣ того, какъ его такъ жестоко оскорбили въ немъ, онъ поклялся никогда болѣе не возвращаться въ этотъ городъ. Пускай же бургомистръ радуется; ему удалось выг-

вать изъ города честнаго гражданина и лишить семью отличнаго сына и брата. Я не понимаю одного: на что ему теперь еще лишать насъ добраго имени и славы?

Дирахъ изъ всей длинной фразы Кати повялъ только одно, а именно, что Жерардъ убѣждалъ, и это страшно взбѣсило его.

— Кто же велѣлъ ему красть эти рукописи въ такомъ случаѣ? колко спросилъ онъ.

— Онъ вовсе и не кралъ ихъ, отвѣтила Катя, — а взялъ на зло бургомистру, который вздумалъ лишить его свободы. Впрочемъ, ему еще придется отвѣчать за свой поступокъ герцогу. Что-же касается этихъ несчастныхъ свертковъ пергамента, то я увѣрена, что они валяются гдѣ нибудь здѣсь по близости, въ первомъ попавшемся пруду или болотѣ.

— Неужели! воскликнулъ весь оживившися Дирахъ. — Нельзя ли вамъ указать мнѣ именно то мѣсто, гдѣ можно найти ихъ?

— Нѣтъ, отвѣтила Катя. — Но я знаю одно: Жерардъ слишкомъ честенъ, чтобы присвоить себѣ чужую собственность, и слишкомъ уменъ, чтобы, пускаясь въ длинный путь, отяготить себя такой бесполезной ношей.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте! и Дирахъ, въ сопровожденіи своихъ солдатъ, поспѣшно отправился обьискивать близъ лежащіе пруды и болота.

А Катя, лишь только онъ повернулъ за уголъ, побѣжала въ свою комнату и призвала къ себѣ Жильса.

— Милый, сказала она, — сердце мое предвѣщаетъ что-то недоброе. Я сказала Дираху, что Жерардъ убѣ-

жалъ изъ Голландіи, но сама увѣрена, что онъ въ Севенбергенѣ. Жильсъ, я прочла что то ужасное въ мрачныхъ глазахъ Бровера! Повѣрь мнѣ, страшная опасность грозитъ Жерарду; намъ необходимо предупредить его. О Боже! зачѣмъ я не такъ сильна и бодра, какъ прочія дѣвушки? Прости мнѣ, Господи, мой грѣшный ропотъ, но до сихъ поръ я никогда не чувствовала такъ всей своей немощи и слабости! Но за то, ты силенъ, милый Жильсъ, ласково прибавила она, обращаясь къ брату,—вѣдь ты очень силенъ, не правда ли?

— Да, я силенъ! воскликнулъ карликъ, но сообразивъ невыгодныя послѣдствія своего признанія, тотчасъ прибавилъ: но только ужъ очень не люблю ходить пѣшкомъ.

— Кто же поможетъ мнѣ, если ты откажешься, мой милый Жильсъ; неужели ты не любишь Жерарда?

— Какъ не любить, я предпочитаю его всѣмъ остальнымъ, и ради его, согласенъ даже отправиться въ Севенбергенъ, но только не пѣшкомъ! Достань мнѣ осла у Петра Бискета и я тотчасъ поѣду.

Катя долго не соглашалась.—Помилуй, сказала она брату — ты обратишь на себя вниманіе всего города. Всякій будетъ смотрѣть на тебя и дѣлать разныя предположенія на счетъ того, куда бы ты это могъ ѣхать? и Жерардъ такимъ образомъ можетъ быть еще въ большей опасности, чѣмъ въ настоящую минуту.

Жильсъ обѣщался сдѣлать большой обѣздъ и повернуть въ Севенбергенъ, только вполнѣ убѣдившись, что никто не слѣдитъ за нимъ.

У Кати не было выбора, она поневолѣ согласилась;

достала осла и отправила брата. Сама же бѣдная дѣвочка заперлась въ комнатѣ, пала на колѣни и горячо помолилась за своего возлюбленнаго Жерарда.

Около трехъ часовъ по полудни, Жильсъ подъѣхаль къ домику Петра Брандта. Жерардъ и Маргарита съ любопытствомъ выбѣжали къ нему на встрѣчу.

— Жерардъ! закричалъ карликъ, — Катя велѣла тебѣ сказать, чтобы ты немедленно бѣжалъ, если тебѣ дорога жизнь. Тебя обвиняють въ воровствѣ! Не надѣйся оправдаться! — Въ Тергау ты правосудія не добьешься. Унесенныя тобою рукописи служатъ лишь предлогомъ къ обвиненію. Катя прочла приговоръ твой въ глазахъ людей бывшихъ у насъ. Бѣги же! ради Маргариты, ради всѣхъ любящихъ тебя, не медли ни минуты. Спасайся скорѣй, пока еще не поздно!

Страшное извѣстіе словно громомъ поразило несчастныхъ!

Между тѣмъ Жильсъ, повторявшій до сихъ поръ только вызубренный урокъ, прибавилъ нѣсколько словъ отъ себя.

— Дирихъ Броверъ, въ сопровожденіи четырехъ чело­вѣкъ солдатъ, былъ у насъ и обыскалъ весь домъ. Катя умна, Жерардъ! послушайся ее и, немедля, ищи спасенія въ бѣгствѣ.

— Да, мой милый, съ отчаяніемъ воскликнула Маргарита, — бѣги скорѣй! Ахъ, эти рукописи! Зачѣмъ взялъ ты ихъ!

— Полно убиваться, Маргарита, отвѣтилъ Жерардъ. — Сама Катя говоритъ, что рукописи служатъ лишь пред-

логомъ къ обвиненію. Ну, да я ихъ запрячу такъ, что старому негодяю ни за что не отыскать ихъ!

И Жерардъ, горячо поблагодаривъ Жильса за оказанную ему услугу, просилъ его передать Катѣ, что онъ уже бѣжалъ.

— Не успѣешь ты доѣхать до дома, какъ меня уже здѣсь не будетъ, сказалъ онъ, и вслѣдъ затѣмъ отправился отыскивать Мартына.

Разсказавъ ему все, что случилось, онъ попросилъ стараго служиваго покараулить дорогу, ведущую изъ Тергау въ Севенбергенъ, пока онъ зароетъ рукописи гдѣнибудь въ саду.

— Ладно, отвѣтилъ Мартынъ. — Въ случаѣ опасности, т. е. если я увижу Дириха Бровера или когонибудь изъ его людей, я пушу стрѣлу въ тотъ старый дубъ, который растетъ у насъ посреди сада — знаешь? Ты тогда немедленно бѣги въ сосѣдній лѣсъ и жди меня у Живаго колодца; я приѣду къ тебѣ и провожу по лѣсу.

Предотвративъ такимъ образомъ всякую возможность внезапнаго нападенія, Жерардъ, въ сопровожденіи Маргариты, отправился въ садъ и, отыскавъ большую расщелину въ старомъ деревѣ, принялся укладывать въ нее одинъ свертокъ пергамента за другимъ. Одинъ изъ нихъ былъ значительно меньше остальныхъ, и Жерарда поразилъ въ немъ прекраснаго качества пергаментъ. Онъ развернулъ свертокъ и, взглянувъ въ него, съ удивленіемъ воскликнулъ: — Маргарита! эта рукопись, кажется, принадлежитъ скорѣе вашему отцу и моему, чѣмъ

Гизбрехту-Ванъ-Свитену. Я прочту, что здѣсь написано!

— Только не теперь, Жерардъ, не теперь, воскликнула бѣдная дѣвушка, все время съ замираніемъ сердца слѣдившая за работой Жерарда и ежеминутно ожидавшая, что вотъ, вотъ вонзится въ старый дубъ пушечная Мартыномъ стрѣла.

Жерардъ уступилъ ей просьбѣ, но рукопись все таки положилъ къ себѣ.

Пока онъ возился въ саду, на небѣ собирались грозныя тучи, и въ то время, какъ друзья наши вернулись въ домъ, мелькнула молнія, грянулъ громъ и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра.

Мартынъ объявилъ, что на дорогѣ никого не видать, но что гроза должно быть будетъ страшная. Жерардъ рѣшился пообождать. Подали ужинъ, но никто и не дотронулся до него; имъ было не до ѣды. Жерардъ зналъ, что съ восходомъ солнца ему придется, можетъ быть, на долгое время покинуть все то что онъ любить: и Маргариту, и родной городъ, и родную семью. Онъ рѣшился попытать счастіе въ чужихъ краяхъ; особенно тянуло его въ вѣчный городъ. Еще съ Маргаритой Ванъ-Ейкъ часто говаривали они о Римѣ, о его великолѣпныхъ церквахъ и зданіяхъ, о всѣхъ великихъ памятникахъ искусства, хранящихся въ немъ. Ему улыбалась мысль видѣть тѣ мѣста, гдѣ жило и умерло столько великихъ мужей; полюбоваться произведеніями великихъ художниковъ и больше всего поклониться мощамъ столькихъ святыхъ мучениковъ, умершихъ ради святой вѣры нашей. Но добратся до Рима, въ тѣ вре-

мева, было далеко не легко. Жерардъ очень хорошо зналъ это, онъ предвидѣлъ, что ему придется бороться со многими опасностями, и будущее представлялось ему очень невѣрнымъ и загадочнымъ, на сердцѣ у него было тяжело, да какъ бы могло'оно быть иначе?

Гроза, между тѣмъ, не унималась. Солнце уже давно сѣло; наступила темная безлунная ночь, а на дворѣ все по прежнему бушевала и играла буря. Петръ ушелъ къ себѣ отдохнуть, а Жерардъ и Маргарита сидѣли вмѣстѣ и обдумывали бѣгство молодаго художника. Мартынь также присоединился къ нимъ и занялся натягиваніемъ новой тетивы на свой лукъ.

Вдругъ старикъ приподнялъ руку и сталъ прислушиваться. Всѣ притаили дыханіе, но сначала ничего не слышали; не прошло однако и полминуты, какъ явственно раздались, словно тихо подкрадывающіеся къ заднему крыльцу, осторожные шаги.

Мартынь поспѣшно задулъ свѣчку. Вслѣдъ затѣмъ, съ другой стороны дома къ главному крыльцу, на этотъ разъ уже безъ всякой предосторожности, тяжело ступая по осеннимъ листьямъ, подошло еще нѣсколько человѣкъ.

Настала мертвая тишина. Кровь застыла въ жилахъ несчастныхъ.

Въ эту минуту раздался сильный стукъ въ переднюю дверь и вслѣдъ затѣмъ, словно по давнему знаку, удары повторились и съ задняго крыльца. Враги заняли всѣ выходы. Нечего было и помышлять о бѣгствѣ. Маргарита, въ отчаяніи ломавшая себѣ руки, при видѣ неминуемой гибели, вдругъ пришла въ себя и, шепнувъ

Мартыну:— скажите, что онъ былъ, но ушелъ, — схватила Жерарда за руку и потащила его вверхъ по лѣстницѣ, черезъ спальню отца, въ свою комнату.

Удары въ дверь учащались.

— Кто стучится такъ поздно?

— Отвори и увидишь!

— Я ворами не отворяю. Честные люди всѣ спятъ въ это время.

— Именемъ закона повелѣваю тебѣ отпереть Мартынь; а то, смотри, худо будетъ!

— А, да это кажется голосъ Дириха Бровера. Что заставляетъ тебя тревожить людей въ такой поздней часъ?

— Отвори и увидишь.

Мартынь отодвинулъ засовъ и Дирихъ Броверъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, вошелъ въ комнату; онъ подошелъ къ задней двери и впустилъ стоявшихъ тамъ людей.

— Мартынь, говори, гдѣ Жерардъ Элласоенъ? строго спросилъ Дирихъ.

— Жерардъ Элласоенъ? его здѣсь нѣтъ, самымъ безпечнымъ образомъ отвѣтилъ Мартынь.

— Нѣтъ? И лицо Бровера помрачилось.

— Гдѣ же онъ?

— Говорятъ, будто бы убѣжалъ въ Италію. А впрочемъ право не знаю.

— Убѣжалъ? полно! въ такую-ту бурю не очень убѣжишь!

Мартынь спокойно зажегъ свѣчу и принялся за работу.— Все, что могу я сообщить вамъ объ Жерардѣ,

самымъ равнодушнымъ тономъ сказала онъ, — это то, что братъ его Жильсъ, убогій мальчишка, котораго вы вѣроятно знаете, привѣзжалъ сюда на ослѣ, часу въ третьемъ, и наговорилъ что то такое Жерарду. — Я не разслыхалъ его словъ, потому что стоялъ слишкомъ далеко; но тотчасъ по отъѣздѣ карлика, у насъ началось цѣлованье, да прощанье, и затѣмъ, Жерардъ ушелъ. Говорятъ, что будто-бы онъ убѣжалъ въ Италию, — а въ какую такую Италию, Богъ его знаетъ!

Слушая этотъ рассказъ, лицо Дириха помрачало все болѣе и болѣе. Онъ очевидно ни минуты не сомнѣвался въ его истинѣ. Да и нужно признать, что Мартынь исполнилъ свое дѣло мастерски. Менѣе опытный человекъ навралъ бы гораздо болѣе, и тѣмъ самымъ, возбудилъ бы подозрѣнія; но старый служивый сказалъ именно то, что нужно, не прибавляя ни одного лишняго слова.

Дирихъ обратился къ сопровождавшимъ его солдатамъ. — Старикъ видно правду говорить, братцы, сказалъ онъ. — Я и самъ предвидѣлъ, что дѣло выйдетъ именно такъ, а не иначе; и даже предупреждалъ нашего бургомистра, — но онъ не послушался меня. — Я, говорить, встрѣтилъ, по дорогѣ изъ Севенбергена въ Тергау, скачущаго на ослѣ карлика Жильса. Его навѣрно посылали въ Севенбергенъ, и вѣроятно для того, чтобы предупредить Жерарда. Стало быть Жерардъ тамъ. — Точно такъ, сударь, говорю я, — но мнѣ кажется, мы позднеенько догадались. Если Жерарда предупредили, то онъ давно успѣлъ скрыться! — Вотъ и вышло по моему!

— Впрочемъ, прибавилъ вѣрный слуга Ванъ-Свитена,

слова его точно ножемъ рѣзнули Мартына по сердцу, намъ необходимо, во всякомъ случаѣ, произвести основательный обыскъ всего дома.

Старый служивый остался повидимому спокоенъ, и не однимъ движеніемъ не измѣнилъ себѣ; но увы, лицо его выдавало его; оно поблѣднѣло и выразило явное безпокойство.

Перемена эта не ускользнула отъ зоркаго глаза Дириха. Онъ мгновенно оживился, поставилъ двухъ людей на дворъ, съ тѣмъ, чтобы они караулили окна, а самъ, забравъ съ собой всѣхъ прочихъ, отправился на верхъ.

Сердце Мартына упало.—Все кончено! уныло прошепталъ онъ,—они непременно найдутъ его! — Вдругъ мысль блеснула въ головѣ его и онъ весь встрепенулся.— Можетъ быть не все еще пропало! Окна въ комнатѣ Петра и Маргариты были не высоки; Жерардъ могъ выпрыгнуть изъ одного изъ нихъ и искать спасенія въ бѣгствѣ. На дворѣ, правда, стояло двое людей, но онъ легко могъ справиться съ однимъ изъ нихъ, а Мартынъ однимъ выстрѣломъ покончилъ бы съ другимъ. Старикъ, весь одушевленный надеждой на спасеніе, осторожно отворилъ дверь и, держа лукъ наготовѣ, принялся караулить окна. Въ комнатѣ Петра свѣтился огонь.—Видно Жерарда отыскивали тамъ. Неужели же онъ позволить взять себя безъ сопротивленія? и немного подумавъ, Мартынъ пришелъ въ негодование при одной мысли о возможности такого позора.

Нѣсколько мгновеній спустя, огонь перешелъ въ комнату Маргариты, но несмотря на то, ни одно окно не

открывалось; тогда Мартынъ сообразилъ, что еслибы Жерардъ имѣлъ намѣреніе прыгнуть въ окно, онъ-бы ни въ какомъ случаѣ не сталъ дожидаться появленія Дириха въ свою комнату, а убѣжалъ-бы гораздо раньше. Старикъ отошелъ отъ дверей и, подойдя къ лѣстницѣ, сталъ прислушиваться. Ему пришла въ голову утѣшительная мысль, что Жерардъ могъ убѣжать еще въ то время, когда они всѣ вмѣстѣ съ Дирихомъ и съ людьми его разговаривали внизу. Наверху все было тихо и, увѣренность въ спасеніи Жерарда, съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе укоренялась въ Мартынѣ. Вдругъ послышался крикъ! Онъ узналъ голосъ Маргариты.

— Его схватили! въ отчаяніи воскликнулъ онъ, и дико оглянулся по сторонамъ, словно затравленный, до крайности доведенный звѣрь! У него въ одно мгновеніе мелькнулъ и созрѣлъ въ головѣ цѣлый планъ отчаянной обороны. Онъ подошелъ къ дверямъ, голосомъ Дириха Бровера рѣзко сказалъ: — Караульте окна, и затѣмъ, осторожно притворивъ двери, у обѣихъ задвинулъ засовъ. Огородавъ себя такимъ образомъ отъ внѣшнихъ враговъ, онъ преспокойно взялъ свой лукъ и шесть стрѣлъ, одну приложилъ, а остальные спряталъ въ колчанъ; потомъ схватилъ ножъ, положилъ его около себя на стулъ и, ставъ у лѣстницы, принялся ждать. Онъ твердо рѣшился, или убить четырехъ человѣкъ, или самому пасть на мѣстѣ. Мартынъ зналъ, что съ двумя, онъ можетъ покончить сразу, пока они еще и не видятъ его, а съ двумя остальными онъ надѣялся справиться, разумѣется съ помощью Жерарда.

А что, если этотъ послѣдній окажется связаннымъ или, вообще неспособнымъ къ оборонѣ. Страшно было и подумать объ этомъ, но даже въ такомъ случаѣ Мартынъ не вполнѣ терялъ надежды на успѣхъ. Онъ рассчитывалъ на внезапность нападенія, отъ которой люди, весьма храбрые, часто теряются. Одно нервша-тельное движеніе Дариха—и онъ пропалъ! Да, но сколько вѣроятій и на собственную погибель! Самый-же счастливый для него исходъ, все таки угрожалъ ему вѣчной каторгой!

Мартыну пришлось ждать не долго. Тяжелые шаги подходили все ближе и ближе. Шаги людей, идущихъ на вѣрную смерть!

ГЛАВА VIII.

Дарихъ Броверъ со своими людьми прошелъ прямо въ комнату Петра. Она была очень велика, и въ ней находилось столько уголковъ, шкафовъ и всякаго рода убѣжищъ, что, казалось, было гдѣ спрятаться. Несмотря однако на самый тщательный обыскъ, Жерарда не оказалось. Тогда сыщики прошли въ комнату Маргариты. При самомъ входѣ въ нее, они поняли, что тутъ нечего искать; комната была очень мала, и почти единственной мебелировкой ея служилъ не высокій ящикъ, на которомъ была постлана постель Маргариты. Дѣвушка лежала на ней и повидимому спала крѣпкимъ сномъ; шаги входящихъ слушателей разбудили ее, и она въ страшномъ испугѣ вскочила съ по-

стели. При видѣ вооруженныхъ людей, безцеремонно входящихъ къ ней ночью, она закрыла лицо руками и стала просить о пощадѣ.

Дириху Броверу стало очень совѣстно.

— Не пугайся, красотка, сконфуженно сказалъ онъ, — мы только посмотримъ, не спрятанъ-ли здѣсь Жерардъ Элласоевъ, — и тотчасъ выйдемъ.

— Полноте морочить меня, возразила на это, нѣсколько оправившись, Маргарита, — вы сами отлично знаете, что Жерарда нѣтъ здѣсь. Злые люди принудили его на вѣки покинуть, и родной городъ, и родную семью, и меня несчастную! Неужели вамъ недостаточно этаго? Неужели вамъ еще хочется оскорблять бѣдную, невинную дѣвушку, и до полусмерти запугать ее своими дерзкими, ни съ чѣмъ несообразными поступками! Стыдитесь, сударь, стыдитесь!

Дирихъ не выдержалъ. — Уйдемте скорѣй, пока не услышали еще худшаго, сказалъ онъ своимъ людямъ, и всѣ пятеро обратились въ поспѣшное бѣгство. — Говорилъ вѣдь я бургомистру, что дѣло выйдетъ такъ, а не иначе, бормоталъ Броверъ, сходя съ лѣстницы.

Читатель легко можетъ представить себѣ, какъ радостно удивился Мартынъ, не увидя Жерарда между возвращавшимися полицейскими; онъ поспѣшно отвернулся, и постарался принять видъ беззаботнаго человека. Къ счастью для него, Дирихъ былъ слишкомъ сконфуженъ, чтобы замѣтить подозрительныя обстоятельства натянутаго лука, запертыхъ дверей и лежащаго на готовѣ ножа. Поговоривъ между собой, общество полицейскихъ единогласно рѣшило, что въ общей залѣ

кабака „Трехъ Королей“ гораздо теплѣе и уютнѣе, чѣмъ въ домѣ Петра; и вскорѣ всѣ отправились на село.

Дверь едва затворилась за ними, какъ въ комнату вошла Маргарита смертельно блѣдная и вся дрожащая. — О, Мартынъ! въ ужасѣ проговорила она. — Я убила его, я убила его! и показавъ ему рукой, чтобы онъ слѣдовалъ за ней, она, шатаясь, вышла изъ комнаты. Мартынъ, какъ сумасшедшій бросился за ней.

Жерардъ неподвижно лежалъ на полу въ маленькой горницѣ Маргариты, а несчастная дѣвушка въ дикомъ отчаяніи ломала себѣ руки и, надрывающимъ душу голосомъ, звала своего блѣднаго друга. Но онъ не слышалъ ее; губы его поблѣднѣли, широко раскрытые глаза ничего не видѣли, члены окоченѣли! Кругомъ валялись въ беспорядкѣ раскинутыя подушки, одеяла и простыни сброшенныя съ постели Маргариты. Крышка того ящика, на которомъ лежала она, была приподнята и, открывала ~~шею~~ внутренность его.

Тайна спасенія и настоящаго ужаснаго положенія Жерарда открывалась сама собою. Маргарита спрятала его въ такое мѣсто, существованіе котораго никто даже не подозрѣвалъ; и вполне съумѣла обмануть сыщиковъ, какъ видѣлъ читатель; но вмѣстѣ съ тѣмъ, она подвергла его не менѣе серьезной опасности, задохнуться отъ недостатка воздуха въ тѣсномъ, со всѣхъ сторонъ замкнутомъ ящикѣ.

Мартынъ принялъ энергическія мѣры къ спасенію больнаго; онъ вдвухъ ему воздухъ въ легкія, сильно теръ сукоюй руки и ноги, но видя, что ничего не помогаетъ, пошелъ за Петромъ; онъ только что успѣлъ

выйдти изъ комнаты, какъ вдругъ по лицу Жерарда пробѣжала легкая судорога, онъ повелъ глазами, и изъ груди его вырвался тяжелый вздохъ; нѣсколько минутъ спустя, сознание вполне вернулось ему, и нашъ, было умершій другъ, вскочилъ на ноги. Кто опишетъ восторгъ Маргариты и всеобщую радость въ домѣ Петра? Минувшая опасность однако научила ихъ быть поосторожнѣе, и Мартынъ рѣшилъ, что Жерарду необходимо еще до восхода солнца быть въ лѣсу. Теперь же слѣдовало всѣмъ успокоиться и подкрѣпить свои силы нѣсколькими часами спокойнаго сна. Всѣ покорились рѣшенію стараго служиваго, и вскорѣ, въ домѣ Петра водворилась тишина.

Пока все выше приведенное происходило въ Севенбергенѣ, Гизбрехтъ-Ванъ-Свитенъ безпокойно ворочался съ боку на бокъ. Онъ до того боялся грозы, что не рѣшился отправиться съ Дирахомъ, и провелъ ночь у себя дома; но безпокойство такъ мучило его, что оно до самаго утра не дало ему сомкнуть глазъ. Какъ только 'буря поутихла, еще за долго до восхода солнца, онъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошака, и отправился въ Севенбергенъ, въ кабачекъ „Трехъ Королей“. Всѣ его люди преспокойно спали; нѣкоторые изъ нихъ сидя за столомъ, другіе лежа подъ нимъ. Онъ разбудилъ ихъ, и узналъ, что они производили тщательный обыскъ въ домѣ Петра, но что не нашли Жерарда. Гизбрехтъ-Ванъ-Свитенъ разсердился.—Ахъ вы рохли! съ сердцемъ сказалъ онъ, — да я голову дамъ на отсѣченіе, что онъ былъ тамъ!

— Если вамъ удастся найти Жерарда въ домѣ

Петра Брандта, отвѣтилъ на это Дирихъ, — то я позволю дѣлать съ собою все, что только будетъ вамъ угодно. Но старикъ не слушалъ его.

— Я покажу вамъ, какъ дѣлаются обыски! воскликнулъ онъ, — слѣдуйте за мной!

Нѣсколько минутъ спустя, домъ Петра снова былъ въ осадномъ положеніи.

Но несмотря на самые тщательные поиски въ домѣ, никого не оказалось, даже самъ хозяинъ исчезъ изъ него. Сыщики ходили по всемъ комнатамъ, нѣсколько разъ поднимались и спускались по лѣстницѣ, заглядывали во всѣ углы, всюду шарали, и произвели страшный безпорядокъ; но все это ни къ чему не повело. Вдругъ одинъ изъ служителей сопровождавшихъ бургомистра вскрикнулъ и показалъ пальцемъ въ раскрытое окно. Всѣ бросились въ окно, и что же увидѣли они?

По полянѣ, тянущейся отъ самаго дома Петра, вплоть до лѣса, спокойно, словно прогуливаясь, шли: Жерардъ, Маргарита и Мартынь.

При этомъ видѣ Гизбрехтъ, ввѣ себя отъ ярости, бросился внизъ по лѣстницѣ, вскочилъ на лошака и ускакалъ въ погоню за ними.

Наши друзья встали еще до восхода солнца и собравшись внаизу, общими силами обсуждали вопросъ, какимъ образомъ Жерарду выбраться изъ Голландіи. Мартынь зналъ лѣсную тропинку, выходящую на проселочную дорогу, и вблизи отъ нея хорошую гостин-

ницу, гдѣ Жерардъ легко могъ достать себѣ лошадь, и затѣмъ, нѣсколько часовъ спустя, быть уже за границей.

Когда дѣло было рѣшено, всѣ четверо вышли изъ дома. Солнце только что стало всходить; Петръ проводилъ Жерарда до калитки сада, и тамъ нѣжно простился съ нимъ. Мартынь и Маргарита пошли съ нимъ дальше. Послѣдняя поминутно оглядывалась, опасаясь погони; — вдругъ она вскрикнула, и со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать по направленію лѣса; спутники ея обернулись, и тотчасъ послѣдовали примѣру молодой дѣвушки. Они въ одно мгновенье смекнули, что всякое сопротивленіе было-бы напрасно; — за ними гнались всѣ обѣскивающіе ихъ наканунѣ люди, и въ главѣ ихъ, на лошацѣ, скакалъ взбѣшенный Гизбрехтъ.

Имъ оставалась одна надежда: добратъся до лѣса и скрыться въ немъ. Огромныя деревья простирали къ нимъ свои густыя вѣтви, словно маня ихъ къ себѣ и обѣщая скрыть отъ враговъ въ своихъ дружескихъ объятіяхъ.

Къ счастью, они значительно опередили своихъ преслѣдователей, такъ что на ихъ сторонѣ были всѣ шансы первымъ добратъся до лѣса. Но Гизбрехтъ-Ванъ-Свитенъ замѣтилъ въ чемъ дѣло, ударилъ своего лошака и, далеко оставивъ за собой всѣхъ служителей, сталъ поперегъ дороги, отрѣзая ѣтимъ Жерарду отступленіе въ лѣсъ. Но злой старикъ забылъ, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, доведеннымъ до крайности. Жерардъ вмѣсто того, чтобы сробѣть и покориться, какъ ожидалъ того бургомистръ, канулся на него и нанесъ ему страшный ударъ дубиной по лицу.

Вань-Святень пошатнулся, кровь хлынула изъ раны и онъ, почти безъ чувствъ, упалъ съ своего лошака. Отчаянный, полный мести и злобы крикъ вырвался изъ груди его.

Минуту спустя, бѣглецы были уже въ лѣсу, и вслѣдъ за Мартыномъ все дальше и дальше углублялись въ чащу; — но, увы! враги ихъ не только не отставали отъ нихъ, но напротивъ, все ближе и ближе подходили къ нимъ! Бѣдная Маргарита съ величайшимъ трудомъ подвигалась впередъ; она изнемогала отъ усталости и страха, — Жерардъ поддерживалъ ее и старался приободрить несчастную дѣвушку; — онъ крѣпко сжималъ въ рукѣ своей дубину, и твердо рѣшился не отдаваться живымъ во власть злыхъ враговъ, но дорого продать жизнь.

Вскорѣ Мартынь привелъ ихъ къ густому орѣшнику, бросился въ него и велѣлъ молодымъ людямъ слѣдовать за нимъ. Шагахъ въ пятидесяти оттуда, бѣглецы наши наткнулись на четыре вьющіяся по разнымъ направленіямъ тропинки. Старый служивый выбралъ одну изъ нихъ. — Нагнитесь, сказалъ онъ, и они всѣ трое почти полякомъ добрались по ней до другой, едва примѣтной тропинки, которая поворачивала въ сторону и скорѣй привела ихъ въ густую сосновую рощу. Сосны росли до того тѣсно, что въ двухъ или трехъ шагахъ ничего не было видно. Они едва вошли въ лѣсъ, какъ Мартынь къ величайшему удивленію молодежи, опустился на землю, вынулъ изъ кармана кусокъ хлѣба, ломоть баранины и преспокойно принялся завтракать.

Жерардъ и Маргарита во всѣ глаза посмотрѣли на него; — старикъ улыбнулся.

— Мы здѣсь въ совершенной безопасности, сказала онъ, — нѣтъ человѣка въ Севенбергенѣ или Тергау, который бы отыскалъ насъ здѣсь. Но что это, вдругъ воскликнулъ онъ, указывая на болтавшійся на поясѣ Жерарда трех-угольный богатый кошелекъ, — откуда взялось у тебя такое украшеніе?

— Молодой человѣкъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на указанный Мартыномъ предметъ. Никто сначала не понималъ, какъ могъ чужой кошелекъ попасть на поясъ Жерарда; но мало по малу дѣло объяснилось. Когда молодой человѣкъ бросился на бургомистра и нанесъ ему ударъ дубинной, онъ сильно налегъ на лошака; кошелекъ вѣроятно, по обычаю того времени, былъ прикрѣпленъ къ сѣдлу, и вслѣдствіе толчка отстегнулся и затѣмъ запутался въ ремень, на которомъ висѣла дорожная сумка Жерарда. Открытіе это очень обрадовало нашего вѣтренаго друга. Онъ съ наслажденіемъ думалъ, что ему удалось сразу нанести врагу два, очень чувствительныхъ удара. Маргарита же спрашивала его не брать кошелька, въ немъ оказалась порядочная сумма денегъ, и молодой дѣвушкѣ ужасно не хотѣлось, чтобы Жерардъ присвоилъ себѣ чужое добро. Но онъ и Мартынъ смотрѣли на дѣло иначе. Кошелекъ представлялся имъ добычей, честно взятой съ боя, и ни тотъ, ни другой не хотѣли и слышать о томъ, чтобы отослать деньги бургомистру. Маргарита только вздохнула. Что было ей дѣлать?

ГЛАВА ІХ.

Вскорѣ послѣ этаго, Мартынъ всталъ и снова углубился въ лѣсъ. Чѣмъ дальше шли наши друзья, тѣмъ веселѣе становились они. Теперь уже, казалось, рѣшительно нечего бояться имъ; ни одинъ городской житель не рѣшился бы такъ далеко углубиться въ непроходимый лѣсъ.

Вдругъ Мартынъ пріостановился.

— Тише! угрюмо сказалъ онъ, — изъ за вашей болтовни мнѣ ничего не слышно.

— Что такое?

— Развѣ вы не слышите? Маргарита, ты помоложе меня, прислушайся-ка повнимательнѣе. Ну что?

До ушей Маргариты долетѣлъ тихій, протяжный звукъ, словно изъ далека доносившійся ударъ въ колоколь. Она сказала объ этомъ Мартыну.

— Вотъ и я слышу какой-то чудный звукъ, воскликнулъ Жерардъ. — Что это такое Мартынъ? и гдѣ раздаются эти дивные звуки? Должно быть по близости?

— Нѣтъ! какимъ-то страннымъ голосомъ отвѣтилъ старикъ, — они выходятъ изъ сосновой рощи:

— Изъ той, по которой мы шли сюда? Но Мартынъ, что съ тобой? ты страшно поблѣднѣлъ и весь дрожишь?

Старый служивый болѣзненно улыбнулся.

— А тебя это удивляетъ? — Ну, да что тутъ толковать, намъ остается одно: прискаты такое мѣсто, гдѣ бы можно было дорого продать жизнь!

— Мартынъ! съ ужасомъ воскликнулъ Жерардъ, — что ты говоришь такое? гдѣ опасность, откуда грозить она?

— Дѣти! за нами гонятся кровяныя собаки.

Молодые люди содрогнулись. Но неужели же нѣтъ спасенія Мартынъ? воскликнулъ Жерардъ.

Старикъ угрюмо покачалъ головой.

— Нельзя ли по крайней мѣрѣ спасти Жерарда, дрожащимъ голосомъ въ свою очередь спросила Маргарита, — нельзя ли намъ остаться на мѣстѣ, а ему дать убѣжать?

— Не знаешь ты этихъ собакъ, дитя, съ какимъ-то отчаяніемъ отвѣтилъ Мартынъ. — Не даромъ ихъ называютъ кровяными. Онѣ слышатъ запахъ крови и неотступно слѣдятъ за человѣкомъ, пролившемъ ее. Слуги Ванъ-Свитена вѣроятно привели ихъ на то мѣсто, гдѣ онъ былъ раненъ, и теперь Жерарду ни за что не уйти отъ этихъ проклятыхъ тварей; — онѣ прослѣдятъ его и въ лѣсу, переплывутъ за нимъ самыя широкія рѣки! И старикъ увыло опустилъ голову.

— Да ты посовѣтуй намъ чтонибудь, Мартынъ; укажи мѣсто, гдѣ можно было бы или спрятаться или наконецъ убить этихъ собакъ! воскликнулъ Жерардъ.

— Пожалуй, словно приговоренный къ смерти, отвѣтилъ Мартынъ, — идите за мной!

И онъ привелъ ихъ къ густому орѣшнику, похо-

жему на тотъ, въ которомъ они скрывались поутру. — У входа его онъ остановился.

— Намъ остается одно, сказалъ онъ, — перейти по ту сторону кустарниковъ и ждать. По мѣрѣ появленія собакъ, мы застрѣлимъ одну или двухъ, перебьемъ еще нѣсколькихъ, прочія же загрызутъ насъ.

Старый служивый кивнулъ головой.

— Въ такомъ случаѣ, позволю ужь мнѣ распорядиться, воскликнулъ молодой человекъ. — Время дорого; дѣлай все то, что буду дѣлать я, — и онъ, вынувъ изъ кармана длинный ножъ, принялся отрѣзывать снизу молодые отпрыски орѣшника, и на высотѣ приблизительно аршина въ полтора отъ земли, переплеталъ ихъ съ близъ растущими вѣтками. — Мартынь, съ какимъ-то безнадежнымъ, убитымъ видомъ дѣлалъ тоже самое. Работа была не легкая, и они не прошли и полъ-кустарника, какъ лай кровяныхъ собакъ сталъ раздаваться уже гораздо ближе, менѣе гармонично, значительно громче и суровѣе.

Мargarита поблѣднѣла отъ ужаса, а Мартынь, бросивъ на минуту работу, приложилъ ухо къ землѣ. — Я слышу конскій топотъ, сказалъ онъ.

— Какой конскій топотъ! возразилъ Жерардъ. — Вѣроятнѣе всего, что бургомистръ скачетъ на своемъ лошацкѣ въ погоню за мной!

Видно недостаточно ему досталось отъ меня, негодяю! Но за дѣло, за дѣло, каждая минута дорога! — Они снова принялись за работу, и мало по малу имъ удалось прорубить сводъ до самаго конца орѣшника; при выходѣ изъ него, они очутились на полянѣ. Огром-

ныя деревья росли на ней, но такъ далеко другъ отъ друга, что спрятаться между ними не было никакой возможности.—Въ ту минуту, когда друзья наши ступили на поляну, лѣсъ оглушился крикомъ и аукавіями нѣсколькихъ десятковъ голосовъ.

— Вся деревня гонится за нами! воскликнулъ Мартынь.

— И пускай ее, съ Богомъ, хладнокровно возразилъ Жерардъ. Послушай Мартынь. Я, какъ видишь, облегчилъ собагѣ дорогу по кустамъ, затрудняя ее въ то же время людямъ, для того, чтобы намъ не имѣть дѣло въ одно и то же время съ людьми и съ животнымъ. Собака непременно опередитъ нашихъ гонителей, и какъ только она покажется изъ за орѣшника, ее слѣдуетъ тотчасъ убить.

— Неужели ты воображаешь себѣ, что тамъ только одна собака? Ихъ навѣрно больше! возразилъ Мартынь.

— Я слышу только одну, сказалъ Жерардъ.

— Да, одна лаетъ, другія бѣгутъ молча, но стѣдить только замолкнуть первой, и вторая тотчасъ подастъ голосъ! Я увѣренъ, что ихъ по крайней мѣрѣ двѣ, а можетъ быть и больше.

— Въ такомъ случаѣ прійдется убить не одну, а нѣсколькихъ, спокойно сказалъ Жерардъ.—Во всякомъ случаѣ, какъ только собаки будутъ убиты, намъ слѣдуетъ тотчасъ броситься опять въ кусты, и спастись тою же дорогою, по которой мы шли сюда.

— Вотъ хорошая мысль! съ воскресшей энергіей воскликнулъ Мартынь и глаза его заискрились.

Голоса ихъ преслѣдователей раздавались уже такъ

близко, что Жерардъ шепотомъ сдѣлалъ послѣднія распоряженія.

— Ты, Мартынъ, сказалъ онъ, — становись вотъ здѣсь, за этимъ деревомъ, у самаго входа въ орѣшникъ, а я спрячусь подальше, за тѣмъ дубомъ; собака, разумѣется бросится прямо на меня, ты въ это время и стрѣлай въ нее — если же ты справишься съ одной, то я навѣрно покончу съ другой!

Мартынъ весь просіялъ. Друзья наши заняли свои мѣста, и притаивъ дыханіе приготовлялись къ неизбежной борьбѣ на жизнь или на смерть! Возгласы людей, оглушительный лай собаки, трескъ вѣтвей, ломаемыхъ преслѣдователями при проходѣ черезъ чащу, все это наполняло воздухъ, и подходило все ближе и ближе.

Вдругъ чья-то рука дотронулась до плеча Жерарда. Онъ весь вздрогнулъ и обернулся. Передъ нимъ стояла Маргарита.

— Мартынъ велѣлъ передать тебѣ, сказала она — что въ случаѣ, если намъ прійдется разойтись, ты приходилъ бы къ той высокой рябинѣ, которая стоитъ у самаго входа въ орѣшникъ. — Хорошо, хорошо! но только уйди ты, ради Бога, поскорѣй! Не стой на открытомъ мѣстѣ! съ страшнымъ волненіемъ воскликнулъ молодой человекъ.

Маргарита бросилась отъ него, но не успѣла добѣжать до Мартына, какъ вдругъ на поляну выскочила огромная собака, и пріостановившись на минуту, словно обнюхивая воздухъ, стремительно кинулась къ Жерарду. Шагахъ въ пяти отъ него, она, прострѣленная насквозь, не успѣвъ даже взвизгнуть, пала на землю.

Въ то же мгновенье, вторая собака выскочила изъ кустовъ, и подбѣжавъ къ убитому товарищу, привялась обнюхивать его. Жерардъ выскочилъ изъ за своего дерева съ приподнятой дубиной, но не успѣлъ однако ударить страшнаго звѣря; Мартынъ пустилъ въ него стрѣлу и хотя не убилъ, но все таки смертельно ранилъ собаку. Она громко завизжала. Жерарду не дали доканать ее; онъ только что успѣлъ броситься за кустъ, какъ на поляну вышло трое людей.

При видѣ убитаго и раненаго звѣря, они яростно закричали; другіе голоса отвѣтили имъ изъ кустарника, и вскорѣ на полянѣ собралась цѣлая толпа людей, напрасно тратившая время въ разговорахъ и возгласахъ.

А наши друзья между тѣмъ, Жерардъ съ одной стороны, Мартынъ съ Маргаритой съ другой, ничкомъ ползли подъ орѣшникомъ. Такимъ образомъ, преслѣдуемые и гонители, направляясь въ противоположныя стороны, прошли въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга.

Мартынъ къ этому времени успѣлъ вполне оправиться и даже приободрялъ Маргариту, которая страшно боялась за Жерарда.—Зачѣмъ мы покинули его, шептала она своему спутнику, торопясь къ назначенному для сбора мѣсту.

Они уже подходили къ дереву, какъ вдругъ услышали за собою страшные крики: преслѣдователи, не найдя ихъ на полянѣ, повернули обратно.

— Не бойся, Маргарита! шепнулъ Мартынъ; — мы успѣемъ убѣжать пока они еще въ чащѣ.

И бѣглецы ваши ринулись было впередъ, но вдругъ остановились и невольно вскрикнули. Въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ нихъ, сидя на лошацѣ, былъ Гизбрехтъ Ванъ-Свитенъ! Окровавленная повязка стягивала израненый носъ его; но надъ ней лукаво искрились и блуждали два зоркіе глаза. По выраженію ихъ ясно было, что онъ уже давно слышитъ производимый ими въ кустахъ шорохъ и только ждетъ удобной минуты схватить добычу. Мартынъ сурово насупилъ брови, втянулъ лукъ и прицѣлился прямо въ голову бургомистра. Маргарита закрыла лицо руками, но не сказала ни слова; она повимала, что для спасенія Жерарда смерть Гизбрехта необходима.

Но Мартынъ не успѣлъ выстрѣлить: какая то легкая фигура вдругъ кинулась на Ванъ-Свитена, въ мгновеніе ока закрутила ему голову платкомъ и тяжело сбросила съ лошака.—Читатель узналъ Жерарда.—Живо! закричалъ онъ,—каждая минута дорога? Мартынъ! садись на лошака и возьми къ себѣ Маргариту, а я побѣгу возлѣ.

Въ эту минуту, бургомистръ приподнялся и изо всей силы закричалъ:—Сюда, эй, помогите, разбой! Жерардъ наступилъ ему ногой на горло.—Молчи! грозно закричалъ онъ. Но было поздно! Въ то мгновеніе, какъ друзья наши бросились бѣжать, съ противоположной стороны поляны выскочило человѣкъ восемь или десять служителей. При видѣ бѣглецовъ и лежащаго на землѣ бургомистра, они въ первую минуту до того остолбенѣли, что дали нашимъ друзьямъ опередить себя на десять или двѣнадцать шаговъ; но потомъ съ бѣшенными криками пустились въ погоню за ними.

Но Жерардъ бѣгалъ хорошо; а лошацѣ, если бы

его пустили во всю прыть, далеко оставилъ бы за собою всѣхъ преслѣдователей. И такъ выигранные сначала нашими друзьями 10 шаговъ, не только не уменьшались, но напротивъ пространство, отдѣляющее ихъ отъ гонителей, стало мало по малу увеличиваться. Служители стали отставать все больше и больше, въкоторыя совсѣмъ бросили бѣжать, въ томъ числѣ Дирихъ Броверъ. Одинъ только парень бѣжалъ не хуже Жерарда и не отставалъ отъ него; видя это, Дирихъ крикнулъ ему:—достань его либо живаго, либо мертваго, но непременно! и самъ въ изнеможеніи опустился на землю.

Преслѣдованіе продолжалось еще нѣкоторое время въ одинаковыхъ условіяхъ, но за тѣмъ парень началъ замѣтно отставать; вдругъ дорога повернула въ сторону, и вдали показался порядочный пригорокъ. Сердце преслѣдователя радостно забилось;—встѣ гдѣ я доберусь до тебя, голубчикъ, подумалъ онъ.—Но не тутъ-то было! Мартынь посовѣтовалъ Жерарду взяться за граву лошака, самъ ударилъ животное, и они взобрались на гору такъ скоро, словно спускались съ нея. Тогда преслѣдователь ихъ рѣшился на послѣднее средство; помня слова Дириха Бровера, онъ въ то время, какъ друзья наши показались на верху горы, натянулъ лукъ и выстрѣлилъ. До него долетѣлъ крикъ ужаса и въ слѣдующую минуту все лежало на землѣ—и лошакъ и люди.

Торжествующій служитель кликнулъ своихъ отсталыхъ товарищей, и самъ бросился впередъ. Но не успѣлъ онъ подняться и до польгоры, какъ изъ-за лошака показалась грозная фигура Мартына съ натя-

путымъ лукомъ въ рукахъ. При этомъ видѣ, полицейскій торопливо спрятался за первый попавшійся кустъ и тамъ дождался спѣшавшихъ къ нему на помощь товарищей. Когда они все собрались и вмѣстѣ бросились впередъ, Мартынъ вскочилъ на лошака и быстро умчался. Преслѣдователи кинулись на верхъ и что же увидѣли они? — Далеко, далеко отъ нихъ, словно двѣ черныя точки бѣжали Маргарита и Жерардъ, а Мартынъ догонялъ ихъ на лошака.

— Нѣсколько словъ объяснить читателю, какъ было все дѣло. Именно въ ту минуту, когда полицейскій выстрѣлилъ, лошака попалъ ногой въ яму и упалъ, вслѣдствіе чего, разумѣется и Мартынъ и Маргарита очутились на землѣ. Жерардъ же, желая удержать молодую дѣвушку, былъ увлеченъ тяжестью ея тѣла и также упалъ. Мартынъ тотчасъ нашелся: обернувшись и увидя что ихъ преслѣдуетъ только одинъ чловѣкъ, онъ велѣлъ молодымъ людямъ бѣжать впередъ, а самъ остался задерживать непріятеля, какъ видѣлъ читатель.

Послѣ этого, разумѣется, нѣчего было и думать о дальнѣйшемъ преслѣдованіи. Все служители, Дирихъ Броверъ во главѣ ихъ, повѣсь носъ вернулись во свояси. А друзья наши, между тѣмъ, еще долгое время продолжали бѣжать. Мало по малу однако и они успокоились, и пошли медленнымъ шагомъ. Все опасности на этотъ разъ миновали!

(Окончаніе въ слѣд. №).

МЕЧТЫ И ПРОНСКИ ВЪ САМБОРѢ.

Послѣ отъѣзда князя Татова, въ Самборѣ началась опять прежняя веселая жизнь, съ тою только разницею, что ежели общество было не такъ многолюдно, какъ въ прошломъ году, за то оно было отборнѣе. Ближніе и дальніе родственники Мнишка видѣли, что счастье обращается въ его сторону, и съѣзжались, чтобы поздравлять его, льстить ему, ѣсть его вкусные обѣды и пить столѣтнее венгерское вино. Павъ Бучинскій помолодѣлъ даже: для его сына кончились военныя тревоги, и наступила пора гражданской дѣятельности. Извѣстія, одни пріятнѣе другихъ, очень часто приходили въ Самборѣ. Сначала царевичъ писалъ изъ Орла, потомъ изъ Тулы. Изъ письма видно было, что наследникъ Бориса, Ѳедоръ, несчастнымъ образомъ кончилъ жизнь. Черниковскій увѣдомлялъ ксендза Помасскаго какимъ образомъ отдѣлались отъ молодаго царя Ѳедора. Двадцатаго іюня отправленъ былъ изъ Москвы особенный гонецъ съ извѣщеніемъ, что сего числа благополучно совершенъ уже не царевичемъ, а царемъ Димитріемъ въѣздъ въ столичный городъ Москву. Ксендзъ

Савицкій описывалъ ксендзу Помасскому, какъ Димитрій, увидѣлъ Кремль, снялъ шапку, перекрестился и громко воскликнулъ:—Господи Боже! благодарю тебя: ты сохранилъ мнѣ жизнь и сподобилъ увидѣть градъ отцевъ моихъ и мой народъ возлюбленный!» По щекамъ его текли слезы. Весь народъ съ нимъ плакалъ. Колокольный звонъ со всѣхъ церквей раздавался оглушительно.—Одно только вышло не совсѣмъ удачно: возлѣ Кремля, на площади, называемой лобнымъ мѣстомъ, собралось безчисленное множество московскаго духовенства съ хоругвями, съ образами и съ крестами. Раздалось церковное пѣніе. Но на бѣду, нашъ Запорскій, человекъ усердный не по разуму, велѣлъ нашимъ музыкантамъ играть. Я самъ видѣлъ, какія гримасы по этому поводу дѣлали московскіе люди: эти дикари не привыкли смѣшивать духовную музыку съ военною.»

Отъ 18 іюля увѣдомляли, что въ Москву пріѣхала царица инокиня Марѳа, мать Димитрія. Царь выѣхалъ встрѣчать ее за городъ, и вся Москва повалила за нямъ. Царица-мать ѣхала въ каретѣ. Димитрій подѣхалъ къ ней верхомъ. Карета остановилась. Царь соскочилъ съ лошади и бросился къ каретѣ. Марѳа открыла полу занавѣса, закрывавшаго бокъ кареты; сынъ бросился ей въ объятія; оба зарыдали и повисли другъ у друга на шеѣ. Такъ они пробыли съ четверть часа передъ множествомъ народа. Потомъ карета двинулась: но царь не сѣлъ на лошадь, а шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты, нѣсколько верстъ... Боже, Боже нашъ! — восклицали москвичи: — какъ дивно и неизреченно Господь Богъ устрояетъ судьбу человѣческую! Рѣдкій не плакалъ

отъ умилевія, и никто не сомнѣвался въ томъ, что Димитрій истинный царевичъ.

Отъ 30 іюля увѣдомляли о торжественномъ вѣнчаніи Димитрія на царство. Іезуиты особенно подробно описывали, какъ по окончаніи обряда, царь, окруженный боярами, по устланному пути ходилъ въ Архангельскій соборъ и поклонялся тамъ гробамъ отцовъ и праотцовъ своихъ.

Въ концѣ августа получено было въ Самборѣ увѣдомленіе отъ Черниковскаго и Савицкаго, что наконецъ, послѣ многихъ колебаній со стороны царя, глубоко преданнаго католичеству, но не желавшаго раздражать своихъ бояръ, они устроили алтарь въ одной изъ запасныхъ залъ въ Кремлѣ, и совершили тамъ первое отъ созданія міра римско-католическое въ Москвѣ богослуженіе. Патеры усердно поздравляли съ этимъ событіемъ всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, пророчили близкое торжество латинства въ московскомъ государствѣ, для чего не достаетъ только, — прибавляли они, — царицы-католички. Извѣщали въ тоже время, что уже дѣлаются приготовленія для отправленія посольства въ Самборъ за нареченною невѣстою царя, чтобы взять ее въ Москву.

Самборъ былъ необыкновенно оживленъ; воевода принималъ много гостей, но нерѣдко уѣзжалъ къ королю въ Краковъ. Онъ чувствовалъ, что крупная, азартная игра, которую года за полтора передъ тѣмъ онъ затѣялъ, обѣщаетъ скорый выигрышъ; его земляки понимали, что онъ въ скоромъ времени сдѣлается тестемъ московскаго царя, и число приверженцевъ его

партіи возрастало. Онъ приготовилъ, между прочимъ, особый церемоніаль для обрученія своей дочери, когда пріѣдетъ, заранѣе возвѣщенный для этой цѣли, посоль: король обѣщалъ принять въ церемоніи участіе. По этому, въ половинѣ октября, когда изъ Львова прискакалъ въ Самборъ панъ Пшепендовскій, экстренный гонецъ воеводы, возвѣститъ, что посоль московскаго царя остановился во Львовѣ на дневку, и черезъ три дня будетъ въ Самборѣ, воевода съ дочерью и со всѣмъ семействомъ сѣлъ въ приготовленные экипажи, и уѣхалъ въ Краковъ. Только панъ Бучинскій получилъ приказаніе, какъ можно пышнѣе принять посла, помѣстить его въ покояхъ, которые занималъ въ прошедшемъ году царевичъ, угостить лучше, и съ почетомъ проводить въ дальнѣйшій путь, по направленію къ королевской резиденціи.

Маршалокъ двора былъ большой мастеръ устраивать встрѣчи, и царскій посланникъ, дьякъ Аѳанасій Власевъ, не могъ не остаться доволенъ. Многочисленная свита его за ужиномъ перепилась, но къ утру, когда посланникъ собрался ѣхать въ православный храмъ, почти всѣ были готовы сопровождать его. Поѣздъ былъ блистательный. Послу подали парадную карету воеводы, — и никогда еще передъ бѣдною, хотя и подновленною церковью мѣстечка Самбора, не останавливались такіе важные и блестящіе богомольцы. Вслѣдъ за посломъ, торжественною поступью вошли въ церковь почти сорокъ московскихъ дворянъ и челоуѣкъ пятьдесятъ ихъ прислуги. Богослуженіе было торжественное; отецъ Герасимъ съ пламеннымъ усердіемъ молился за царя

всѣя Руси Димитрія Іоанновича“ и съ умиленіемъ смотрѣлъ на молитву своихъ случайныхъ прихожанъ. Послѣ обѣдни, посланникъ передалъ священнику богатый царскій вкладъ въ церковь и пригласилъ его къ себѣ обѣдать. — Попотчую чѣмъ Богъ послалъ, говорилъ онъ съ важностью. — Вчера на ночь накормили меня какою-то польскою дрянью; а нынѣ я велѣлъ своимъ поварамъ изготавить свой обѣдъ, по московски. А этотъ молодецъ, сынишко твой, что ли? весь въ тебя: и ростомъ такой, и брови также насупилъ. Пусть и онъ прійдетъ, потрапезуетъ съ моими дворянами, — людей поглядить...

Обѣдъ, по тогдашнему московскому обычаю, продолжался часа три. Отецъ Герасимъ и сынъ его Яковъ, далеко не избалованные роскошнымъ столомъ, съ удовольствіемъ ѣли жирный безъ соли обѣдъ, къ концу котораго половина обѣдавшихъ была на-веселѣ, а нѣкоторые совсѣмъ пьяны. Посолъ замѣтилъ, что отецъ Герасимъ очень мало пьетъ. По этому онъ велѣлъ налить вина въ большую серебряную кружку, подаль ему и пригласилъ выпить.

— Благодарю почтеннаго посла, отвѣчалъ съ спокойнымъ достоинствомъ степъ Герасимъ; — у меня положено никогда не пить болѣе одной рюмки, и я уже выпилъ свою долю за здравіе царя.

— Ну, полно, батька! Пей, когда велѣть!...

— Еще разъ благодарю почтеннѣйшаго посла, сказалъ священникъ, и привставъ съ мѣста, поклонился.

— Ужь какъ я не люблю этаго, когда со мной спорять! Пей, говорятъ тебѣ, а то худо будетъ!...

— Я не могу больше пить, и больше пить не буду!

— Эй, человѣкъ!—вскричалъ раздосадованный по-
соль: — вылей попу эту кружку на голову!... Что,
будешь пить? ..

Священникъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на посла,
и принявъ эту грубую выходку за шутку, опять от-
казался.

— Не хочешь? Ну, такъ вольному воля.—Человѣкъ!
дѣлай, что вѣлно!...

Тотчасъ проворный слуга схватилъ кружку и опро-
кинулъ ее надъ головою отца Герасима. Вино хлыну-
ло широкою струею и потекло по сѣдымъ волосамъ
священника. Въ то же мгновение поповскій сынъ, съ
остроконечнымъ столовымъ ножомъ въ рукѣ, въ два
прыжка очутился возлѣ отца, съ силою бѣшенства от-
толкнулъ слугу, взялъ отца за руку и потащилъ его
къ дверямъ.

— Стой! Держи его! Лови!—кричалъ посьоль.

Нѣсколько дворянъ и слугъ бросились къ поповичу,
но принуждены были разступиться передъ взмахами его
ножа. Яковъ съ отцомъ благополучно выбрались на'
парный дворъ, мановали костель, молча и быстро про-
шли по площади и вошли къ себѣ, не повстрѣчавшись
съ попадѣй. Она въ это время, гдѣ то въ кладовой
занималась солениемъ на заму грибовъ.

Молча снялъ отецъ Герасимъ измоченную одежду;
молча надѣлъ ветхій подрясникъ, и подойдя къ сыну
угрюмо смотрѣвшему въ окно, слегка ударилъ его по
плечу.

— Ну что, Яша? сказалъ отецъ, стараясь говорить шутливо: — попались мы съ тобой въ передрагу? И правду говоритъ псалмопѣвецъ: «Блаженъ мужъ, иже не иде въ совѣтъ нечестивыхъ...» Да полно! Не хмурься! Это было для насъ полезнымъ указаніемъ...

Яковъ снялъ съ своего плеча отцовскую руку и нѣжно поцѣловалъ ее. — Да, указаніе полезное, и страшное, сказалъ онъ печально: — Мы едва унесли ноги. Въ этомъ ли, по твоему, заключается указаніе?

— Я думалъ нѣсколько иначе, — отвѣчалъ священникъ: — мы давно знаемъ, давно слышали, что въ московскомъ государствѣ нравы суровые, почти дикіе. Мы видѣли подтвержденіе этому. Мы убѣдились, что въ московской землѣ образованные люди крайне нужны, что этой странѣ пора проснуться, и слава тому, кто первый рѣшится отдать свои силы на борьбу съ тьмою, съ варварствомъ, съ невѣжествомъ, съ дикостью...

Въ это время вошла попадья и стала съ участіемъ разспрашивать, и о посольствѣ, и объ обѣдѣ, и сколько народу было за столомъ, и отчего такой большой обозъ со всякой кладью тянется за посольствомъ.

— Я насчитала двѣсти четыре воза. Неужели это все подарки?

— Да, это все подарки, отвѣчалъ сынъ.

— Да что такое съ вами сдѣлалось? — спросила попадья: — каждое слово надо вопросомъ вытягивать, точно, какъ будто не солово хлебали, или какъ будто на похоронахъ были, а не на пиру?

— Отъ похоронъ недалеко было, сказалъ отецъ

Герасимъ, вспомнивъ, какъ сверкалъ ножъ въ рукѣ его сына.

— Господи, какое мученье! Да говорите же, что такое было?

— Не торопись, женщина! Все узнаешь. Развѣ отъ тебя, вѣрнаго товарища моего, было чтонибудь скрыто?

— Подожди, отецъ! я расскажу! Тебѣ труднѣе будетъ говорить, сказалъ Яковъ: — Ты былъ такъ жестоко оскорбленъ...

Отецъ Герасимъ посмотрѣлъ на него съ кроткимъ упрекомъ и сказалъ: — Нѣтъ, Яша! Ты, вѣрно, меня плохо еще знаешь. Я вовсе оскорбленъ не былъ. Подумай, и ты согласишься. Будешь ли и ты оскорбленъ, когда дикій звѣрь на тебя кинется и напрімѣръ столкнетъ тебя.

— Мучители вы! Будете ли вы толкомъ говорить! вскричала попадья, теряя терпѣніе и начиная дрожать за своего мужа.

— Дѣло вотъ въ чемъ, матушка, отвѣчалъ Яковъ, снѣша удовлетворить любопытство матери;—только ничего не пугайся. Ты спрашивала, сколько народу было за обѣдомъ? За особымъ столомъ сидѣлъ посланникъ съ отцомъ и съ маршалкомъ Бучинскимъ. За другимъ столомъ обѣдали посольскіе дворяне. Всѣхъ то ихъ пріѣхало сорокъ человекъ; но за обѣдомъ сидѣли тридцать девять, а сороковой лежалъ гдѣ то обложенный прамочками, потому что утромъ былъ жестоко высѣченъ по приказанію посланника. Я разспрашивалъ, за что? Мнѣ очень просто объяснили: за то, что утромъ выпилъ стаканъ вина, чтобъ прошла головная

боль отъ вчерашняго пьянства. Посолъ это замѣтилъ и наказалъ виновнаго...

— Да ты это врешь, Яша? прервала его попадья.

— И я не зналъ этаго, сказалъ священникъ.

— Къ несчастію, это сущая правда, отвѣчалъ Яковъ;—и что всего ужаснѣе, это равнодушіе, съ которымъ говорятъ объ этомъ московскіе дворяне. Быть избитымъ палками или розгами, это у нихъ самое простое, будничное, естественное дѣло, вотъ что ужасно. Я подумалъ, что въ этомъ надо винить особенно свирѣпый нравъ посланника, но говорятъ, что онъ чловѣкъ добрый, простой, знающій службу и, къ удивленію, не дурно говорящій по-латыни. Онъ уже не первый разъ исполняетъ посольскую должность, и отъ царя Бориса ѣздилъ къ императору.

— Господи, какіе же они еще дикари! замѣтила попадья.

— Да, истинно дикари! сказалъ отецъ Герасимъ.— Выпивъ нѣсколько неумѣренно вина, посолъ хотѣлъ, чтобы и я утѣшился, а такъ какъ я этаго не могу, то онъ велѣлъ мнѣ вылить вино на голову. Слуга рабъ исполнилъ это неразумное приказаніе, а твой сыночекъ, (похвали его за это), чуть не рѣзаться былъ готовъ за это съ десятками слугъ-рабовъ и рабовъ-дворянъ.

— Ахъ ты мальчишка глупый! сказала съ укоризной мать: — вѣдь они тебя на клочки бы разорвали и съ отцомъ-то вмѣстѣ.

— Выслушай, матушка; а послѣ брани, пожалуй. За пьянымъ шумомъ едва я разслыхалъ, что посланникъ о чемъ то спорить съ отцомъ. Вслушиваюсь:

приказываетъ слугѣ вылить вино отцу на голову. Я подумалъ сначала, что эта грубая, дикая шутка. Но нѣтъ; вижу, слуга беретъ кружку и разомъ все выливаетъ. Бросаюсь къ отцу, а онъ сидитъ, какъ ошеломленный: вино течетъ по лицу, по платью, а онъ въ изумленіи не можетъ шевельнуться. Оттащилъ я его къ двери, а тутъ бросились насъ останавливать; но испугались ножа, и разступились...

— Слава Богу! Слава Богу! повторяла попадья, творя крестное знаменіе. — Но никого не задѣлъ? — Нѣтъ?.. Ну, слава Богу! Теперь то тебя не будутъ тянуть въ Москву, я думаю?

— Вотъ объ этомъ-то мы и говорили, жена, сказалъ священникъ. — Повидимому, московская земля ужасно дика, необразованна, невѣжественна. Вѣроятно, посломъ московскаго царя выбранъ одинъ изъ лучшихъ людей, и онъ—дикарь. Между тѣмъ, душа наша лежитъ къ этой единовѣрной, единокровной Руси, и мы обязаны сдѣлать все, что можемъ, чтобы внести въ нее свѣтъ просвѣщенія.

— Такъ ты на это дѣлопустишь сына? спросила попадья.

— Отчего бы не пустить, если онъ чувствуетъ геройское призваніе бороться съ невѣжествомъ,—въ тьму вносить свѣтъ...

— Ну, такъ слушай же, Яша! Не будетъ тебѣ счастья безъ материнскаго благословенія; а ужъ я тебя на это безуміе не благословлю. Легко сказать: вносить свѣтъ во тьму! Я знаю, что ты будешь тамъ, и всѣхъ умнѣе, и всѣхъ ученѣе. Да что же такое зна-

читъ одинъ человѣкъ среди многихъ миллионовъ звѣрей? Много ли дастъ онъ свѣту, и на долго ли его хватить? Снеси въ дремучій лѣсъ, ночью, зажженную свѣчу: на много ли свѣтлѣе тамъ станетъ? Сейчасъ же разные филины, летучія мыши, совы и тьмы жуковъ, мухъ, бабочекъ, обезпокоенные свѣтомъ, погасятъ его своими испуганными крыльями. Куда тутъ одному человѣку?... Еще еслибы онъ стоялъ во главѣ народа, еслибы у него была вся безграничная власть московскаго царя, тогда такъ. Да и то нужна желѣзная воля и крѣпкая голова. А этому Димитрію не очень то я вѣрю: какая въ немъ твердость, какого пути отъ него ждать, если онъ держитъ при себѣ іезуитовъ? Можетъ быть Москва когда нибудь и дождетъ такого царя гиганта; но теперь еще не настало ея время... Нѣтъ, въ этотъ дремучій лѣсъ не пуцую я мое красное солнышко... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ты лучше и не говори мнѣ ничего, отецъ. Какъ хочешь, не послушаю я тебя...

И старуха обнимала голову своего сына, гладила его кудри и цѣловала ихъ, и собою закрывала сына отъ взоровъ отца, какъ будто онъ собирался уже отпустить ея дорогаго Яшу... Отцу Герасиму не хотѣлось спорить съ женой. Мало по малу онъ склонился на ея доводы; это было тѣмъ легче, что отцовское сердце говорило тоже самое, что твердила мать, а самъ Яковъ съ ужасомъ помышлялъ объ избитомъ дворянинѣ. Рѣшено было, что онъ останется дома и будетъ служить родной странѣ своими знаніями и своею твердостью въ истинной вѣрѣ.

На слѣдующее утро, царскій посолъ присылалъ за отцомъ Герасимомъ одного изъ своихъ дворянъ. Священникъ разспросилъ, всѣ ли въ посольской свитѣ здоровы, не нуждается ли кто въ предсмертныхъ молитвахъ и напутствіи, и узнавъ, что все въ посольствѣ благополучно, не пошолъ. Дворянинъ уговаривалъ его, грозилъ ему; но отецъ Герасимъ оставался твердъ, говоря, что посолъ можетъ посѣтить его въ церкви, если ему чтонибудь нужно. Послѣ уже какъ то узналось, что посланникъ собирался ему что то подарить, серебряную чару или ковшь, чтобы искупить вчерашнюю обиду.

Такъ какъ недалеко уже было до Кракова, то посланникъ, передъ выѣздомъ изъ Самбора, сдѣлалъ смотръ всѣхъ подарковъ, назначенныхъ королю, воеводѣ и царской невѣстѣ Маринѣ Юрьевнѣ. Сначала провела мимо посланника двухъ драгоцѣнныхъ коней въ яблокахъ; потомъ онъ осмотрѣлъ верховой приборъ съ золотою цѣпью вмѣсто поводьевъ, оправленную дорогими камнями булаву, мѣха расшитые золотомъ, персидскіе ковры, трехъ кречетовъ, живаго соболя и живую куницу. Это были подарки для воеводы. Потомъ осмотрѣлъ королевскіе подарки: трехъ коней съ приборомъ, брилліантовый перстень и лукъ съ колчаномъ и стрѣлами въ золотой оправѣ. Наконецъ открыли возы съ подарками невѣстѣ: образъ святой Троицы, богато оправленный золотомъ и камнями; разныя матеріи, венеціанскіе бархаты, турецкіе атласы, три боченка съ гремя пудами жемчугу, большіе золотые часы въ видѣ слона съ башнею: эти часы играли на флейтахъ,

на трубахъ и били въ бубны; корабль золотой, отдѣ-
ланнй жемчугомъ и дорогими камнями; чаша изъ
цѣльнаго дорогаго камня въ видѣ птицы съ крыльями,
а на ней, вмѣстѣ крышки, серебряный олень съ ко-
ралловыми рогами; золотой павлинь съ красиво распу-
щеннымъ хвостомъ: его золотыя перья съ изумрудны-
ми вставками, дрожали какъ у живой птицы; заправка
съ жемчужиною, величиной съ грушу, чарка, кресты,
перстни и множество мелкихъ дорогихъ вещей. Все
это было внимательно пересмотрѣно, вытерто, вычи-
щено и опять уложено съ величайшимъ стараніемъ.
Старый маршалокъ двору, подѣ предлогомъ обереганья
царскаго добра, весь день не отходилъ отъ любопыт-
ныхъ предметовъ, и взялъ себѣ на память объ этомъ
замѣчательномъ двѣ парочку хорошенькихъ жемчужинъ.
Цѣлый день употребленъ былъ на осмотръ, такъ что
посольство тронулось въ дальнѣйшій путь только на
утро. 29 октября (1605 г.) посольство царя московскаго
въѣхалъ въ Краковъ и остановился въ домѣ сендомир-
скаго воеводы.

А. Равинъ.

(Окончаніе въ слѣдующ. №).

РЕЙНАЛЬ И ЕГО СПУТНИКИ.

(Окончаніе).

Мы забыли сообщить читателямъ, что въ зимнее время моряки не только исправили свою одежду, до того пострадавшую, что она разлѣзалась на части отъ малѣйшаго прикосновенія, но и обзавелись новою. Увѣренныя въ скоромъ своемъ возвращеніи, моряки, отправляясь изъ Сиднея, не очень запаслись одеждою и обувью, одинъ Рейналь имѣлъ въ запасѣ еще пару крѣпкихъ сапогъ; товарищи же его, постоянно странствуя по каменной мѣстности, скоро очутились безъ сапогъ. Не разъ пытались они сдѣлать себѣ изъ кожи морскихъ львовъ кожаные чулки—родъ мокассиновъ, но это оказывалось бесполезнымъ; кожа отъ постоянной сырости скоро сопрѣвала, рвалась о твердые камни, и къ тому же, пропускала воду. Необходимо было очень часто дѣлать себѣ новые чулки, а на это не доставало и самыхъ шкуръ отъ убиваемыхъ звѣрей. Это все заставило моряковъ прибѣгнуть къ дубленію кожъ, чрезъ что, кожи освобождаются отъ различныхъ органическихъ

остатковъ, какъ то: крови, жира и мяса, и получаютъ большую плотность. Кожи съ убитыхъ животныхъ кладутъ съ этою цѣлью въ дубовую или ивовую кору, и поливаютъ водою, при чемъ изъ кожи выдѣляется кислота, раздѣляющая органическіе остатки. За неимѣніемъ дуба или ивы, моряки отыскивали другія растенія, кора которыхъ обнаруживала такое же повидимому свойство, какъ дубовая или ивовая; собрали этой коры, нарубали и сдѣлали изъ нея отваръ, въ который положили кожи, подержавъ ихъ предварительно въ некоторое время въ известковомъ растворѣ. Извѣсти на островѣ не было также, но моряки, какъ мы сказали, добывали ее, обжигая сильно раковины — этотъ известковый растворъ отнималъ все жирныя части отъ кожи, которыя должны были лежать въ немъ не мене двухъ недѣль. Послѣ всего этого, съ болѣе толстыхъ кожъ моряки тщательно соскабливали волосъ и шерсть, растягивали и сушили ихъ; и вся эта работа занимала довольно долгое время. Кожи вышли сильно красноватаго цвѣта и очень съежились. Моряки ихъ намочили въ теплой водѣ, растянули по стѣнамъ внутри хижины, и расколачивали колотушками, отъ чего кожи вскорѣ сдѣлались гладкими. Оставалось теперь только шить сапоги.

Изъ куска дерева, съ помощью ножа, Рейналь сдѣлалъ одну колодку по формѣ ноги. Послѣ этого, среди обломковъ корабля найдя хорошую сосновую доску, съ очень правильными, твердыми и прямыми слоями, онъ распилилъ ее на части, которыя были расколоты на очень мелкія и тонкія спицы, заостренныя

съ одного конца; это должны были быть деревянные гвоздики для прикрѣпленія къ подошвѣ верхней части сапога. Корабельная иголка, которою сшиваютъ паруса, была обращена въ шило, тѣмъ, что къ ней приделана была деревянная ручка. Изъ паруса выдернуты были нитки; нѣсколько нитокъ, скрученныхъ вмѣстѣ и обмазанныхъ составомъ изъ жира морскихъ львовъ, и смолы, соскобленной съ досокъ корабля, замѣняли дратву, которою сшиваютъ сапоги. Проработавъ недѣлю, Рейналь повидимому спилъ вѣчто похожее на сапоги. Но ихъ нельзя было снять съ колодки; оказалось, что нѣкоторыя деревянные шпильки прошли чрезъ подошву довольно глубоко въ колодку, и что самая колодка не вынимается изъ сапога, плотно ее обхватывающаго; нужно было бы сдѣлать колодку изъ двухъ частей. Дѣлать было нечего, пришлось переделывать работу, послѣ чего Рейналь приобрѣлъ обувь, если не щегольскую, то достаточно защищавшую ногу отъ каменьева, мокроты и растений.

Примѣру этому послѣдовали и его товарищи, и вскорѣ они все имѣли новую обувь. Одежду же моряки себѣ шили изъ тонкихъ кожъ молодыхъ морскихъ львовъ; они также выдубили эти кожи, но не снимали съ нихъ волоса. Странно было смотрѣть на нихъ; въ этой одеждѣ изъ звѣриныхъ кожъ, моряки походила на Эсимосовъ, Чукчей или другихъ какихъ либо обитателей полярныхъ странъ.

Зима приближалась къ концу; наступилъ октябрь мѣсяцъ. Въ это время долженъ былъ отплыть изъ Сиднея корабль за розысканіемъ нашихъ моряковъ, какъ

это было обѣщано имъ при отъѣздѣ. Можно себѣ легко вообразить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали моряки прибытія этаго корабля. Между тѣмъ, одна недѣля смѣнялась другою, а ожидаемый корабль не появлялся. — Неужели наши товарищи, думали моряки, — забыли свое обѣщаніе, которое они должны были выполнить если не изъ дружбы, то по честности. Неужели исполненіе этой обязанности оказалось для нихъ почему либо невозможнымъ; неужели правительство Новой Земли отказало имъ въ просьбѣ дать корабль! Мысли эти всего мучительнѣе дѣйствовали на Мусграва. — Что будетъ съ моею женою и дѣтьми, говорилъ онъ, — если я погибну? За что они страдаютъ отъ моего несчастья. Онъ не разъ высказывалъ, что покинетъ островъ, и одинъ въ лодкѣ поплыветъ въ Австралію? На замѣчаніе, что онъ неизбежно погибнетъ, и что такая попытка есть своего рода самоубійство, онъ возражалъ: — не лучше ли разомъ покончить страданія, чѣмъ томиться безъ пользы, зная, что голодная смерть для насъ неизбежна. Стоитъ ли дорожить жизнью, зная, что вся жизнь проведена будетъ на этой скалѣ. Кому полезна такая жизнь?

— Что за польза въ такомъ отчаяньи, замѣтилъ ему Рейналь; — къ чему служатъ наши жалобы? Если насъ покинули люди, то не будемъ же мы сами покидать себя. Я не считаю невозможнымъ, чтобы намъ не удалось спастись изъ этаго заключенія, если мы употребимъ на это терпѣніе и мужество. Мы должны это сдѣлать, мы должны по крайней мѣрѣ попытаться это сдѣлать. Быть можетъ посланный за нами корабль, потерпѣлъ поврежденія въ пути, и долженъ былъ

искать себѣ убѣжище; зачѣмъ отчаяваться въ спасеніи, когда ова только отсрочено на нѣсколько дней или недѣль.

Рейналь предлагалъ ждать прибытія корабля, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлалъ все отъ него зависящее для того, чтобы всѣмъ вмѣстѣ покинуть этотъ островъ, и собственными средствами добраться до Новой Зеландіи.

Предложеніе это было одобрено, тѣмъ болѣе, что явилась возможность ждать прибытія корабля, — морскіе львы возвратились къ острову. Появленіе этихъ звѣрей не только предохраняло моряковъ отъ опасности умереть голодною смертію, но возвѣщало имъ — какъ для насъ прилетъ ласточекъ, — наступленіе лѣта и хорошей погоды. Дѣйствительно, въ декабрѣ мѣсяцѣ дожди и бури стали гораздо рѣже, солнце появлялось чаще, а самые легкіе туманы доставляли возможность видѣть голубое небо. Воздухъ сдѣлался тепель, хотя по временамъ овъ иногда очень быстро охлаждался, и затѣмъ, снова скоро нагрѣвался. Эти перемѣны въ температурѣ происходили отъ появленія тѣхъ громадныхъ плавающихъ ледяныхъ горъ, которыя, съ наступленіемъ лѣта, выходятъ изъ южнаго полярнаго моря и теченіемъ уносятся въ болѣе теплыя страны, распространяя собою значительный холодъ. Моряки очень часто видѣли, какъ эти ледяныя массы самыхъ разнообразныхъ формъ, проходили мимо ихъ острова, таяли отъ дѣйствія солнца и нерѣдко, съ шумомъ и трескомъ, опрокидывались въ море.

Не упуская времени, моряки стали приготовляться чтобы отправиться въ Новую Зеландію. Лодка ихъ

была слишкомъ мала; нужно было, или выстроить другую большихъ размѣровъ, или удлинить и увеличить старую. Но для той или другой работы необходимы были инструменты, которыхъ у нихъ не было; чтобы сдѣлать таковыя, нужна была по крайней мѣрѣ кузница, т. е. горнъ, мѣхъ, наковальня. Устроить это — было главною и первою задачею моряковъ. Совѣмъ разбитый корабль ихъ помогъ имъ въ этомъ случаѣ. На днѣ корабля оказалось не мало кусковъ чугуна, служившаго баластомъ, который обыкновенно кладется въ корабль съ тою цѣлью, чтобы придать ему устойчивость, для того, чтобы онъ не слишкомъ перекачивался съ одной стороны на другую, а стоялъ бы прямо. Между этими кусками нашелся одинъ довольно толстый, тяжелый и притомъ съ гладкою поверхностью. Его положили на большой чурбанъ дерева, и наковальня была готова; камни не могли служить для этой цѣли, потому что легко разламывались отъ ударовъ молотка, которые постоянно падаютъ на наковальню, когда на ней куютъ желѣзо. Изъ кирпичей, найденныхъ, какъ мы выше сказали, въ одномъ мѣстѣ острова, моряки сложили горнъ, родъ печки, на которомъ, прежде чѣмъ намѣреваются ковать какой нибудь металлъ, его накачиваютъ или нагрѣваютъ, чрезъ что онъ дѣлается по возможности мягкимъ. Съ этою цѣлью, на горнѣ раскладываютъ огонь, употребляя для этаго обыкновенно уголь, и, постоянно дѣйствуя мѣхомъ, пригоняющимъ сильную струю воздуха, увеличиваютъ значительно жаръ огня, въ которомъ и держатъ металлъ.

Обязанность доставлять уголь возложена была на

Алика. Задача эта была тяжелая. Онъ долженъ былъ сперва нарубить дрова, сложить ихъ въ большую груду, обложить ее толстымъ слоемъ земли, оставивъ небольшія отверстія для дыма, и затѣмъ, зажечь дрова и наблюдать все время, чтобы они не горѣли слишкомъ скоро и не потухли бы совсѣмъ. Нужно было постоянно наблюдать, чтобы земляная насыпь не обвалилась или не треснула, и по мѣрѣ надобности исправлять ее. Алику приходилось работать день и ночь.

Оставалось устроить мѣхъ или нѣчто ему подобное. Рейналь изъ нѣсколькихъ досокъ сколотилъ три широкія доски, положилъ ихъ одна на другую, при чемъ средняя была длиннѣе другихъ и примыкала къ трубкѣ, сдѣланной изъ свернутаго листа мѣди. Эта средняя доска вмѣстѣ съ трубкою, прикрѣплена была къ горну, остальные двѣ доски,—верхняя и нижняя, соединялись съ боковъ, посредствомъ кожи морскаго льва, съ среднею доскою, но такъ, что они могли двигаться и приближаться или отдаляться отъ средней доски. Въ срединѣ этихъ досокъ были сдѣланы отверстія для воздуха. Края этаго прибора были тщательно обиты кожею, такъ что при движеніи, воздухъ проходилъ въ трубку, а оттуда направлялся въ горно.

Все это было поставлено подъ навѣсъ, устроенный певдалекъ хяжины; и началась работа, въ которой всѣ хотѣли участвовать. Необходимо было распределить занятія, чтобы каждый зналъ свою работу и, постоянно сию занимаясь, могъ бы со временемъ усовершенствоваться; кромѣ того, должно было заботиться и о средствахъ къ существованію, то есть, добывать себѣ пищу.

Это возложено было на Хорриса и Форгеса, которые должны были заниматься рыбною ловлею, охотой, стряпнею въ кухнѣ, часткою платья—короче, имъ поручено было все домашнее хозяйство; дѣла имъ было очень много, но они исполняли свои обязанности съ истиннымъ самопожертвованіемъ въ теченіи цѣлыхъ семи мѣсяцевъ, пока сваряжалась лодка. Аликъ добывалъ угля, Мусгравъ съ Рейналемъ работали въ кузницѣ.

Матеріаломъ для работъ служили разныя желѣзныя части корабля, какъ то: болты, разная оковка, скрѣпленія и т. д. Какъ обрадовались моряки сдѣлавъ первые клещи, безъ которыхъ невозможна была другая кузнечная работа; они забыли, сколько усилій, неудачныхъ попытокъ и времени, потрачено было ими на эти одни клещи. Работая постоянно въ кузницѣ, Рейналь приобрѣлъ со временемъ не малый навыкъ и искусство, но тѣмъ не менѣе, всѣ моряки вмѣстѣ съ большимъ трудомъ могли сдѣлать пятьдесятъ небольшихъ гвоздей въ вечеръ; они не ложились спать, не сдѣлавъ этаго числа. Но сколько однихъ гвоздей требуется на постройку, хотя и не очень значительнаго судна! Сколько, кромѣ гвоздей, нужно болтовъ, скрѣпленій, оковки; сколько надо вырубить бревенъ, напилить досокъ и т. д. Моряки сообразили, что постройка небольшого судна, вмѣщающаго не болѣе 15 тоннъ, при тѣхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, въ которыхъ они находятся, потребуетъ не менѣе *двухъ лѣтъ*. Вѣроятно ли, чтобы въ теченіи такого долгаго времени, они всѣ въ состояніи будутъ съ успѣхомъ противиться всѣмъ лишені-

ямъ и страданіямъ, которыя принесетъ съ собою ихъ пребываніе на Аукландскихъ островахъ, въ продолженіи второй и даже третьей зимы?

Поэтому Рейналь съ Мусгравомъ предложили измѣнить первоначальный планъ избавленія, т. е. не строить новаго судна, а значительно увеличить, исправить и удлинить ихъ старую лодку. Это могло быть принято, но оказалось, что на этой лодкѣ, даже удлиненной, не могутъ пуститься въ море болѣе трехъ человѣкъ. Остальные двое должны были остаться на островѣ и ждать. Если отправившіеся, благополучно доѣдутъ до Новой Зеландіи или до другаго обитаемаго острова, то они сейчасъ же пришлютъ помощь оставшимся; если же они не доѣдутъ, погибнуть, то по крайней мѣрѣ, оставшіеся на островѣ, не погибнутъ, и могутъ ожидать, какъ и теперь, прибытія корабля въ болѣе или менѣе скоромъ времени. Планъ этотъ, повидимому, былъ довольно выгоденъ для оставшихся на островѣ, потому что, отправиться въ океанъ было до крайности опасно и отважно на небольшой лодкѣ. Однако моряки молчали, сознавая безнадежность своего положенія.

— Я такъ и думалъ, что всѣ предположенія о нашемъ избавленіи—пустая мечта, сказалъ наконецъ Форгесъ. —Я рѣшительно не пушусь въ океанъ въ такой скорлупѣ.—Я останусь на островѣ. Аликъ рѣшался ѣхать въ лодкѣ и одобрялъ этотъ планъ, поддерживаемый также Мусгравомъ. Харрисъ колебался, но видимо раздѣлялъ мнѣніе Форгеса. Рѣшено было ѣхать въ лодкѣ троимъ, исправивъ ее предварительно. Лодку втащили на берегъ, поставили на подожки, и необходимая работа

началась съ усиленнымъ прилежаніемъ. Надежда на скорое избавленіе поддерживала моряковъ и увеличивала ихъ стараніе. Съ шести часовъ утра принимались они за исправленіе лодки, и работали цѣлый день съ небольшими отдыхами до одиннадцати часовъ вечера. Двемъ, когда было свѣтло они чинили лодку; съ наступленіемъ же темноты, вечеромъ переходили въ кухню, гдѣ и приготавливали ежедневно нужные имъ гвозди, болты, скобки и т. д. Мусгрэвъ по вечерамъ приготавливалъ паруса, снасти и прочія принадлежности для плаванія на парусахъ изъ разныхъ остатковъ отъ Граутона—и былъ мастеръ этаго дѣла.

Къ концу мая старую лодку нельзя было узнать, она обратилась въ довольно большой крытый баркасъ длиною въ $2\frac{1}{2}$ сажени и вышиною въ полъ-сажени, который вмѣщалъ въ себѣ до $2\frac{1}{2}$ тоннъ, имѣлъ одну мачту по срединѣ съ большимъ парусомъ, и еще два большихъ паруса впереди на носу. Много времени заняло устройство руля, который долженъ былъ свободно и легко вертѣться на стержнѣ, прикрѣпленномъ къ задней, кормовой части лодки.

Разщипавъ на мелкія нитки старыя, негодныя канаты и веревки, моряки плотно проковапалили ими всѣ щели лодки, которую за недостаткомъ смолы, усердно обмазали известью съ составомъ жира морскихъ львовъ.

Палуба обведена была кругомъ перилами, сдѣланными изъ столбиковъ соединенныхъ между собою веревкою, за которою можно было держаться, и три очень большихъ отверстія, посредствомъ которыхъ можно было спускаться съ палубы внизъ, обиты были кус-

гами старыхъ парусовъ въ видѣ мѣшка, такъ что моряки могли, поставивъ въ нижнюю часть лодки свои ноги, закрыть этими мѣшками остальную часть тѣла, такъ что руки однако оставались вполнѣ свободными; мѣшки эти можно было плотно привязывать къ тѣлу, чрезъ это моряки не могли быть брошены волнами съ лодки въ море.

14 іюня пользуясь большимъ приливомъ, моряки вывели подпорки, на которыхъ стояла лодка, приподнявъ сперва верхнюю ея часть, и стали съ каждой стороны по двое, чтобы поддерживать, въ случаѣ надобности, лодку, которую сзади подвигалъ Рейналь посредствомъ толстой дубины. Лодка вскорѣ поплыла, но до того качалась, что могла всякую минуту упасть на сторону. Оказалось необходимымъ положить въ нее балластъ, т. е. тѣ куски чугуна, которые моряки заблаговременно уже притащали изъ стараго Графтова. Это было скоро сдѣлано, причемъ моряки прикрыли балластъ плотно досками, крѣпко приколотивъ оныя, чрезъ что можно было ходить свободно по низу лодки, а самый балластъ не могъ двигаться и перекачиваться съ мѣста на мѣсто вмѣстѣ съ лодкою. Отъ балласта лодка не мало опустилась въ воду, но и перестала качаться. Оставалось теперь только прикрѣпить небольшую бочку съ прѣсною водою на запасъ во время плаванія, а также компасъ, безъ котораго нельзя пускаться въ море. Это было скоро сдѣлано, и моряки отправились въ послѣдній разъ всё вмѣстѣ на охоту, чтобы застать пищу на предстоящее плаваніе.

19 іюня все было готово, и къ тому же дулъ по-

путный югозападный вѣтеръ; надо было отправляться не теряя времени. Настала минута разлуки, — а какой тяжелой разлуки! Рейналь, Музгрэвъ и Аликъ разстались съ двумя товарищами, съ которыми въ продолженіи цѣлыхъ девятнадцати мѣсяцевъ, не только были всякій день вмѣстѣ, но и дѣлили всѣ труды и опасности, жили — какъ братья. Помолившись въ послѣдній разъ вмѣстѣ Богу, и испросивъ Его помощи и покровительства, какъ для моряковъ, пускающихся въ океанъ въ небольшой лодкѣ, такъ и для остающихся на пустынной скалѣ, — друзья обнялись и разстались.

Пользуясь благоприятнымъ вѣтромъ, Рейналь, Музгрэвъ и Аликъ скоро потеряли изъ виду не только своихъ товарищей, но и всю группу Аукландскихъ острововъ; лодка храбро разсѣкала волны Тихаго Океана и летѣла такъ быстро, что моряки часовъ чрезъ шестьдесятъ могли пристать къ Новой Зеландіи. Къ вечеру однако вѣтеръ до того усилился, что превратился въ штормъ и покрылъ море страшными волнами. Путники наши, хотя и бывалые моряки, невольно содрогнулись: лодку ихъ кидало во всѣ стороны, и много ли нужно было чтобы опрокинуть ее совсѣмъ!

Настала ночь, а буря еще болѣе усиливалась, къ тому же пошелъ сильный градъ и свѣгъ. Наступившее утро было не лучше. Проведя всю ночь безъ сна, въ чрезвычайныхъ усиліяхъ, моряки почувствовали голодъ и взялись было за мясо, но оно до того оказалось пропитаннымъ морскою водою, что невозможно было его ѣсть. Къ вечеру буря разыгралась пуще прежняго; волпы возросли до изумительныхъ размѣровъ, и вдругъ,

одна изъ нихъ опрокинулась на лодку и перевернула ее. Раздался отчаянный крикъ ужаса, и моряки безъ сомнѣнья погибли бы, если бы они не привязали вокругъ себя тѣхъ мѣшковъ, о которыхъ мы говорили выше. Мѣшки удержали ихъ въ лодкѣ, которая, какъ скоро волна скатилась, снова приняла свое прежнее положеніе, благодаря балласту, удерживающему свою тяжестью дно судна въ водѣ. Моряки едва не задохлись въ водѣ, но очутившись снова на ея поверхности, они скоро очнулись.

Буря стихла въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, но за то наступившая ночь была еще ужаснѣе; лодка снова опрокидывалась, и при томъ два раза въ продолженіи получаса. Измученные, промокшіе до костей, почти околѣвъ отъ холода, не имѣя ни минуты сна и томимые страшнымъ голодомъ—они ничего не ѣли все время, а только пили по временамъ прѣсную воду; моряки четвертый день выдерживали бурю, ежеминутно ожидая своей гибели. Они все время смотрѣли на сѣверъ, въ тревожномъ ожиданіи увидѣть берегъ, и ничего не видѣли, кромѣ страшныхъ, безконечныхъ, пѣнистыхъ волвъ, готовыхъ поглотить ихъ всякую минуту. Наконецъ на пятый день утромъ они увидали землю—островокъ Стьюртъ, самый маленький и самый сѣверный изъ трехъ острововъ, образующихъ архипелагъ Новой Зеландіи. Но моряки были въ такомъ состояніи физической и душевной усталости, что едва могли ощущать радость при видѣ земли. Къ довершенію бѣдствія—насталъ штиль, и еще не успокоившійся океанъ кидаль во всѣ стороны изъ лодку,

сдѣлавшуюся игрушкою волнъ. Они имѣли правда съ собою весла, но по слабости своей не могли ими дѣйствовать; волны могли ихъ увести снова въ открытый океанъ. Наконецъ къ вечеру поднялся вѣтерокъ. Моряки напрягли всѣ свои усилія, натянули парусъ и вскорѣ, очутились близь самаго берега. Наступившая темнота не позволила имъ пристать къ берегу; они провели еще пятую ночь на морѣ, и только 24 іюля 1865 пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ, они направились къ порту Адвенчуръ, совершенно изнемогая отъ усталости. Отъ непрерывной работы, руки и пальцы ихъ распухли и были разѣдены соленою морскою водою до того, что они ощущали сильную боль, всякій разъ, какъ брались за веревку или руль.

Обогнувъ небольшой мысъ, моряки увидѣли заливъ, окаймленный домиками и садами, а на берегу—толпу людей. Это были природные жители Новой Зеландіи—маорисы, они сушили и чинили сѣтъ на берегу, какъ оказалось. Съ изумленіемъ смотрѣли они на приставшую лодку и осыпала прибывшихъ моряковъ всякаго рода вопросами, на которые тѣ не въ силахъ были отвѣчать.

Съ помощью этихъ людей, моряки вышли на берегъ и, поддерживаемые ими, дошли до очень красивой дачи г. Красса, который принялъ ихъ съ большимъ радушіемъ. Крассъ былъ англичанинъ—морякъ, при томъ единственный европеецъ въ портѣ Адвенчуръ. Женившись, онъ поселился въ этомъ портѣ, обрабатывалъ землю, приносящую ему щедро урежан, и занимался рыболовствомъ. Туземцы-маорьясы помогали ему въ его

работахъ, получая за это порохъ, табакъ, ромъ и другіе подобнаго рода товары. По временамъ на довольно большомъ баркасѣ ѣздилъ онъ въ море, ловилъ устрицы, встрѣчающіяся въ большомъ изобиліи въ этомъ мѣстѣ, и продавалъ ихъ въ Инверкаргиллѣ,—городѣ, лежащемъ на среднемъ островѣ Ново-Зеландскаго архипелага.

Предложивъ ванну морякамъ, отъ которой они не отказались, Крассъ снабдилъ ихъ бѣльемъ и платьемъ, накормилъ сытнымъ завтракомъ, за которымъ они рассказали ему вкратцѣ свое бѣдствіе, куда и зачѣмъ они ѣхали, и уложилъ ихъ спать.

Во снѣ имъ слышался шумъ волнъ, удары ихъ о берегъ корабля, легкіе порывы вѣтра. Моряки думали что это сновидѣніе, но проснувшись и осмотрѣвшись они увидѣли, что дѣйствительно лежатъ на очень хорошихъ тюфякахъ, но въ каютѣ корабля. Они встали, вышли на палубу, встрѣтили своего хозяина Красса и просили его объяснить имъ, гдѣ они находятся.

— Мы ѣдемъ въ Инверкаргилъ, отвѣчалъ Крассъ.—Вы прибыли какъ разъ наканунѣ моего отправленія въ этотъ городъ. Изъ разказа вашего я увидѣлъ, что вамъ мѣшкать нечего; вамъ нужно скорѣе заботиться о спасеніи вашихъ товарищей: Къ тому же, вы нуждаетесь въ помщи доктора, котораго нѣтъ въ портѣ Адвенчуръ. Все это заставило меня не откладывать моей поѣздки, для которой надо было воспользоваться приливомъ. Вы всѣ крѣпко и сладко спали, а какъ приливъ подступилъ, то я приказалъ васъ свести вмѣстѣ съ постелями на мой корабль, который теперь скоро пристанетъ къ гавани.

Дѣйствительно, спустя нѣсколько времени, корабль вступилъ въ устье Новой-рѣки, окруженное большими камнями, о которыхъ съ пѣною разбивались волны. Крассъ взялся самъ за руль, и послѣ легкаго удара, корабль благополучно присталъ къ берегу; лодка же, на которой спаслись наши моряки, привязанная къ кормѣ, сильно ударилась о камень и потонула въ виду моряковъ переплывшихъ съ нею океанъ.

Извѣстіе о возвращеніи Рейналя и его спутниковъ, быстро разнеслось по городу: никто этому не вѣрилъ, и всѣ хотѣли ихъ посмотреть. Богатый домовладѣлецъ Кольеръ помѣстилъ моряковъ у себя, и оказывалъ имъ всѣ возможныя пособія. Рейналь сильно расхворался; Мусгрэвъ же былъ въ состояніи на другой день уже идти въ управленіе и просить объ отпращиваніи корабля за его товарищами. Ему отвѣчали, что нѣтъ теперь корабля въ распоряженіи правительства, а что немного позже исполнять его просьбу.

Откладывать было однако невозможно; посланный позднѣе корабль могъ найти не моряковъ, а только ихъ трупы.

Это заставило прибѣгнуть къ благотворительности частныхъ лицъ. Сдѣлана была подписка; и на другой день собрали сумму, необходимую для снаряженія корабля на Аукландскіе острова. Случилось однако, что во всемъ Ченверкаргилѣ находился только одинъ корабль, который въ состояніи былъ отправиться за моряками, именно «Летучее облако», принадлежащее Крассу. Не колеблясь на минуты, Крассъ предложилъ свой корабль, сказавъ однако, что не беретса самъ управлять имъ въ

океанѣ, и при томъ въ такомъ опасномъ плаваніи, онъ находилъ нужнымъ взять опытнаго капитана. Кто же лучше Мусгрэва удовлетворялъ этому требованію. Ему предложили ѣхать, и онъ согласился. Онъ забылъ жену и дѣтей о которыхъ постоянно заботился, отказался отъ близкой возможности ихъ увидѣть, вновь ввѣрился коварнымъ волнамъ и предался во власть тѣхъ страшныхъ опасностей, отъ которыхъ только что избавился; и все это для того, чтобы исполнить то, что онъ считала своею священнѣйшею обязанностью, сдержать слово и спасти своихъ товарищей.

Черезъ пять дней послѣ своего избавленія, Мусгрэвъ поплылъ вмѣстѣ съ Крассомъ за своими товарищами, обѣщаясь вернуться черезъ двѣ недѣли.

Прошло не двѣ, а цѣлыхъ шесть недѣль, и Мусгрэвъ, не возвращался. Во все это время, погода стояла неблагопріятная и можно было предполагать, что его постигло вѣровъ какое вѣбудъ несчаствіе. Всѣ сожалѣли, что пустила Мусгрэва. Наконецъ на седьмой недѣлѣ, телеграфъ извѣстилъ о приближеніи какого то корабля. Народъ высыпалъ на пристань и вскорѣ узнали «Летучее облако». Черезъ нѣсколько минутъ Мусгрэвъ сошелъ на берегъ, а съ нимъ вмѣстѣ шли Харрисъ и Форгесъ. Они были спасены! Легко себѣ вообразить ихъ радость, когда они увидали себя внѣ всякой опасности. Толпа народа съ громкими привѣтствіями сопровождала Мусгрэва до самаго дома Кольера, гдѣ онъ и рассказалъ свои новыя пожденія.

По отплытіи изъ Инверкарчиска, поднявшійся противный и притомъ очень сильный вѣтеръ заставлялъ

Мусгрэва укрыться въ портъ Адвеняуръ. Простоявъ тамъ цѣлыхъ восемь дней, онъ пустился далѣе, достигъ группы Снарскихъ острововъ, гдѣ въ изобилии водятся тюлени и моржи, какъ вдругъ испортилась магнитная стрѣлка въ его компасѣ. Это заставило его зайти въ бухту Патерсона на восточномъ берегу острова Стюварта, гдѣ онъ добылъ новый компасъ, но былъ задержавъ пять дней непрекращавшеюся бурей и подъявшимся за тѣмъ противнымъ вѣтромъ.

Послѣ всѣхъ этихъ невзгодъ, Мусгрэвъ достигъ Аукландскихъ острововъ, и направился въ заливъ Короля, увидавъ, какъ ему казалось, небольшой дымокъ на небольшой горѣ. Входъ въ заливъ сопровождался страшнымъ противнымъ вѣтромъ, дождемъ и градомъ, волны едва не перекатывались чрезъ корабль, отлично сопротивлявшійся непогодѣ. Поздно вечеромъ кинувъ якорь, Мусгрэвъ на другой день поѣхалъ въ ту бухту, гдѣ онъ прежде потерпѣлъ крушеніе, и вскорѣ увидѣлъ свою хижину, изъ трубы которой шелъ дымъ. Товарищи его были слѣдовательно живы! Спустивъ лодку, онъ поплылъ къ берегу. Форгесъ, первый выскочилъ изъ хижины и, закричавъ отъ радости, упалъ безъ чувствъ на землю. Харрисъ тоже явился, и чрезъ нѣсколько минутъ былъ въ объятіяхъ Мусгрэва. Долго не могъ очнуться Харрисъ, но наконецъ онъ пришелъ въ себя.

Моряки возвратились на корабль, и тотчасъ же пустились въ обратный путь, во время котораго Форгесъ и Харрисъ сообщили, что они вовсе не надѣялись на избавленіе, потому что господствовавшія все время сильныя бури привели ихъ къ заключенію, что пусти-

шеся въ океанъ на лодкѣ товарищи ихъ, на всегда погибли. Они готовились умереть на этой скалѣ, и пришли въ совершенное отчаянье. Къ довершенію всѣхъ бѣдствій, Форгесъ и Харрисъ, какъ оказалось, поссорились между собою, хотѣли разойтись, и жить отдѣльно, каждый на своей части острова. Рассказывая объ этомъ, каждый изъ нихъ приписывалъ всю вину раздора исключительно себѣ; они снова были готовы поссориться изъ за этаго.

Приближающаяся буря, между тѣмъ, заставила Мусгрэва зайти въ бухту Сарры или портъ Россъ, лежащій въ сѣверной части Аукландскихъ острововъ, противъ острова Ендерби. Здѣсь отыскалъ онъ слѣды колоніи, основанной лѣтъ 20 тому назадъ, но потомъ покинутой; развалины домиковъ, окруженныхъ по видимому садами, были еще довольно замѣтны. Одинъ изъ этихъ домиковъ сохранился лучше другихъ, имѣлъ даже крышу, которая повидимому обвалилась весьма недавно. Заглянувъ изъ любопытства въ хижину, Мусгрэвъ въ ужасѣ отскочилъ назадъ. Предъ нимъ лежалъ матросъ, нѣсколько мѣсяцевъ только умершій. Подойдя ближе, онъ разглядѣлъ, что несчастный лежалъ на доскахъ покрытыхъ мохомъ; прямо вытянутыя руки и пальто указывали на то, что онъ умеръ тихою смертию. Правая нога была обута въ башмакъ, а лѣвая — перевязана тряпками, вѣроятно въ слѣдствіе какой нибудь раны; матросъ покрытъ былъ до половины непромокаснымъ плащомъ. Возлѣ кровати стояли двѣ бутылки съ прѣсною водою, изъ которыхъ одна была пустая, и валялось множество раковинъ, очень часто встрѣча-

ЮЩИХСЯ ВЪ ЭТИХЪ ВОДАХЪ МОЛЮСКИ, КОТОРЫМИ ПИТАЮТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ОБИТАТЕЛИ ОГНЕВНОЙ ЗЕМЛИ И АРКАДСКИХЪ ОСТРОВОВЪ, А ТАКЖЕ БЕРЕГОВЪ ХИЛИ, ПЕРУ И ДАЖЕ ЮЖНОЙ ФРАНЦІИ И ИТАЛІИ. НА ПОСТЕЛѢ ЛЕЖАЛЪ НЕБОЛЬШОЙ ГВОЗДЬ И КУСОКЪ МЯГКАГО КАМНЯ, НА КОТОРОМЪ БЫЛИ КАКІЕ ТО ЗНАКИ. ДОЖДИ ЗНАЧИТЕЛЬНО СГЛАДИЛИ ЭТО ЗНАКИ, НАЧЕРТАННЫЕ КАКЪ ВИДНО БОЛЬНОЮ, ДРОЖАЩЕЮ РУКОЮ. ОДНАКО МУСГРЭВУ УДАЛОСЬ РАЗОБРАТЬ ИМЯ ДЖЕМСА РЕЙТА. НО КТО ЖЕ ОНЪ БЫЛЪ, ЭТОТЪ ВЕСЧАСТВЫЙ? ОТВѢТЪ НА ЭТО МУСГРЭВЪ ПОЛУЧИЛЪ НЕ РАНѢ КАКЪ ВОЗВРАТИТЬСЯ НА РОДИНУ; ВЪ НАСТОЯЩУЮ ЖЕ МИНУТУ ОНЪ МОГЪ ЗАКЛЮЧИТЬ ТОЛЬКО ТО, ЧТО ЭТО КАКОЙ ВИБУДЬ МАТРОСЪ СЪ КОРАБЛЯ, ПОГАБШАГО У АУКЛАНДСКИХЪ ОСТРОВОВЪ. ОЧЕНЬ БЫТЬ МОЖЕТЪ, ЧТО ПОГИБЪ ВЕСЬ ЭКИПАЖЪ, ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ ОДНОГО СОБРАВШАГО СЕБѢ ПЛАТЬЕ СВОИХЪ ТОВАРИЩЕЙ, ЧТОБЫ УКРЫВАТЬСЯ ОТЪ ХОЛОДА, И ПОДДЕРЖИВАВШАГО СВОЕ СУЩЕСТВОВАНІЕ РАКОВИНАМИ ИЛИ МЯСОМЪ МОРСКИХЪ ЛЬВОВЪ ДО ТѢХЪ ПОРЪ, ПОКА ОНЪ ВЪ СОСТОЯНІИ БЫЛЪ ХОДИТЬ. РАНА НА НОГѢ ЗАСТАВИВЪ ЕГО НЕ ПОКИДАТЬ ПОСТЕЛИ—БЫЛА ВМѢСТѢ СЪ ТѢМЪ ПРИЧИНОЮ ЕГО СМЕРТИ ОТЪ ГОЛОДА.

ВИРОЧЕМЪ ВОЗВРАТИТЬСЯ ВПОСЛѢДСТВІИ НА РОДИНУ, МУСГРЭВЪ УЗНАЛЪ, ЧТО ЭТОТЪ МАТРОСЪ РЕЙТЪ ПРИНАДЛЕЖАЛЪ КЪ ЭКИПАЖУ КОРАБЛЯ, ПОДЪ КОМАНДОЮ ДАЛЬГАРНО, ПЛЫВШАГО ИЗЪ МОЛЬБУРНО И РАЗБИВШАГОСЯ ВЪ 1864 ГОДУ. ПРИ ВИДѢ ЭТАГО МАТРОСА, МУСГРЭВУ ПРИШЛА НЕВОЛЬНО МЫСЛЬ, ЧТО ПОДОБНАЯ УЧАСТЬ МОГЛА ЛЕГКО ПОСТИГНУТЬ ЕГО СЪ ТОВАРИЩАМИ, И ЕМУ ЖИВО ПРЕДСТАЛЪ ВЕСЬ РАДЪ МУЧЕНІЙ, ВЫНЕСЕННЫХЪ ЭТИМЪ СТРАДАЛЬЦЕМЪ ВЪ ПОЛНОМЪ ОДИНОЧЕСТВѢ. ПРЕДАВЪ ПРАХЪ ЕГО ЗЕМЛѢ, МУСГРЭВЪ ВЪ

разныхъ мѣстахъ зажегъ костры, чтобы видѣ дыма могъ привлечь къ нему другихъ жителей острова, если были таковыя въ то время; однако никто не явился. Мусгрэвъ отправился въ путь, и благополучно прибылъ въ Ченверкаргиль.

Утомленные такими странствованіями, моряки желали поскорѣе добраться до роднаго очага и увидать лица ихъ близкихъ. Къ счастью ихъ, въ скоромъ времени долженъ былъ отправиться корабль въ Мельбурнъ, который и взялъ ихъ всѣхъ съ собою, за исключеніемъ Форгеса, отправившагося на золотыя россыпи, недавно открытыя въ Новой Зеландіи.

Въ Мельбурнѣ Мусгрэвъ сообщилъ о найденномъ имъ мертвомъ морякѣ и о возможности существованія на Аукландскихъ островахъ потерѣвшихъ крушеніе лицъ. Снаряженъ былъ вновь корабль для розысканія и подробнаго осмотра, какъ этихъ острововъ, такъ и сосѣднихъ съ ними, и Мусгрэву снова предложили командовать этимъ кораблемъ,—на что онъ опять согласился. Экспедиція еще не дала никакихъ результатовъ, хотя окончилась благополучно. Мусгрэвъ послѣ этой поѣздки возвратился къ своимъ престарѣлымъ родителямъ въ Америку, и сдѣлался богатымъ землевладѣльцемъ, оставивъ на всегда морскую службу. Харрисъ вернулся къ своему дяди, богатому овцеводу, не далеко отъ Сиднея, и предался менѣе опасной дѣятельности: онъ завелъ себѣ также овецъ и спокойно продаетъ ихъ шерсть. Что случилось съ Форгесомъ, и нашелъ ли онъ счастье въ золотыхъ россыпяхъ Новой Зеландіи?—не извѣстно. Аликъ же остался по прежнему

морякомъ, и вскорѣ отправился въ море. Рейналь же оправившись отъ своей болѣзни, простился съ Мельбурномъ, оставивъ на память мѣхъ и пару башмаковъ, сдѣланныхъ имъ еще на островѣ, которыя и сохраняются, какъ рѣдкость въ музеѣ этого города. Отправившись въ Сидней, онъ отыскалъ тамъ тѣхъ лицъ, которые послали ихъ на Аукландскіе острова, и рѣзко упрекалъ ихъ за то, что такъ безчеловѣчно обманули моряковъ и совсѣмъ ихъ забыли. Купцы эти оправдывались тѣмъ, что она не въ состояніи были сама послать корабль, и что правительство отказало имъ въ просьбѣ снарядить корабль для отысканія моряковъ. Это была правда, но они обратились съ подобною просьбою по прошествіи тринадцати мѣсяцевъ, и получили отвѣтъ, что теперь поздно посылать за моряками, которые по всей вѣроятности давно уже погибли.

Рейналь горѣлъ нетерпѣніемъ возвратиться на родину, но время года не позволяло отправиться въ путь. Рейналь долженъ былъ поневолѣ ждать, и только въ апрѣлѣ 1867 года, отправился изъ Сиднея во Францію, куда и прибылъ въ концѣ августа послѣ двадцатилѣтняго своего странствованія.

Окончивъ нашъ рассказъ о Рейналѣ и его спутникахъ, мы считали не лишнимъ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ, если не о спутникахъ, то по крайней мѣрѣ, о тѣхъ существахъ, благодаря которымъ имъ удалось прокормиться на бесплодной скалѣ и дожить до минуты освобожденія. Мы говоримъ о морскихъ львахъ.

Морскіе львы—*otaria jubata*, *Phoca leonina*,—принадлежатъ къ породѣ тюленей или морскихъ собакъ. Животныя эти,—хотя и такія же млекопитающіяся, какъ наши коровы, собаки, волка, львы и т. д.—созданы преимущественно для морской стихіи, въ чемъ убѣждаетъ даже и наружный видъ ихъ. За исключеніемъ головы, они по наружности походятъ на рыбу. Они имѣютъ гладкое, цилиндрическое туловище, чрезвычайно подвижной и гибкій позвоночный столбъ, плотно прилегающіе волосы, короткія, закрытыя, почти совсѣмъ подъ кожею нога, кожкія на рыбахъ плавники, которые, закрывая плотно уши и носъ, не пропускаютъ въ нихъ воду. Они отлично плаваютъ, но по причинѣ короткихъ ногъ, не могутъ ходить, а должны обыкновенно скользить по землѣ, перекачиваясь съ боку на бокъ. Виды этой породы тюленя, очень многочисленны, есть съ бородою и безъ оной, съ гриввою и безъ оной, мелкіе, величиною въ 3 фута и крупныя чудовища, достигающія до 20 футъ длины и 3000 фунтовъ вѣсу.

Морской левъ принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ видовъ, и достигаетъ до 12 и болѣе футовъ длины и до 8 фут. вокругъ плечь, смотря по тому, много ли въ немъ жиру или нѣтъ. Толстая, съ гладкими, но короткими и очень густыми, темнаго цвѣта волосами, кожа покрываетъ его туловище, причемъ у самцовъ развивается большая красновато-желтая гривва, покрывающая шею и плечи, волосы которой, обыкновенно довольно длинныя, закинуты назадъ и скручены. Голосъ его напоминаетъ рыканье льва и бываетъ слышенъ весьма далеко. Глаза его съ зеленоватыми зрачками, очень

чувствительны къ свѣту, и потому, постоянно слезятся надъ водою.—Нельзя сказать, чтобы морской левъ обладалъ хорошимъ зрѣніемъ или слухомъ, но зато, чутье у него сильно развито и чрезвычайно чутко; оно предупреждаетъ его даже и во время сна о приближеніи какаго нибудь врага. Густая борода покрываетъ верхнюю губу и состоитъ, по преимуществу, изъ довольно длинной и крѣпкой, какъ рогъ, щетины; большой же ротъ его снабженъ крѣпкими зубами, какъ у всѣхъ плотоядныхъ питающихся мясомъ, животныхъ. Животныя эти, хотя и держутся въ водѣ и проникаютъ весьма далеко, почти до самаго полюса, любятъ однако грѣться на солнцѣ, и лѣтомъ, можно очень часто видѣть, какъ они лежатъ на раскаленномъ солнцѣ и морскомъ песку, или отдыхаютъ на скалахъ; въ худую же погоду, они удаляются въ густую траву долинъ или болотъ, лежащихъ не вдалекѣ отъ берега. Зимой же, когда вода морская бываетъ теплѣе прилегающаго къ ней воздуха, морскіе львы выходятъ на берегъ только по ночамъ, и то не на долго.

Увидѣвъ человѣка на берегу, морскіе львы выплываютъ изъ воды и смотрятъ съ любопытствомъ: нерѣдко случалось, что они преслѣдовали и нападали на бѣгущаго: если же онъ быстро повертывался къ нимъ, то они оставались въ изумленіи и не нападали. Эта самая удобная минута, чтобы ихъ убить. Смотря имъ смѣло въ глаза, должно идти на нихъ и нанести ударъ дубиною по лбу; если можно, прямо между глазами. Неловкій же ударъ приводитъ ихъ въ ярость, и тогда, самое лучшее, бѣ-

жать, дѣлая большіе изгибы. Животныя эти скоро замѣчаютъ, что человекъ ихъ истребляетъ, и потому, бѣгутъ въ воду, завидѣвъ его приближеніе; только одни смѣльчаки отваживаются идти ему на встрѣчу. Впрочемъ, есть легкое средство приманить этихъ животныхъ: стоитъ только спрятаться за кусты или за камень, и подражать голосу самки; услышавъ это—они незамедлительно приплывутъ на голосъ.

Самки менѣе самцовъ, и не имѣютъ гривы. Онѣ приплываютъ вмѣстѣ съ самцами въ началѣ ноября,—то есть въ началѣ весны на Аукландскихъ островахъ, и выбираютъ себѣ по преимуществу низкіе, покрытые кустарниками берега. Каждый самецъ выбираетъ извѣстное мѣсто для себя одного, и не пускаетъ въ черту онаго ни одного самца, а только самокъ, которыхъ и защищаютъ отъ нападенія первыхъ. — Этотъ обычай морскихъ львовъ бываетъ причиною тѣхъ страшныхъ поединковъ между морскими львами, которые хорошо знакомы всѣмъ морякамъ. Животныя прийдя въ ярость, становятся прямо на переднія лапы; глаза ихъ горятъ, а грива поднимается къ верху; въ такомъ видѣ кидаются они другъ на друга, и своими страшными зубами, безжалостно наносятъ раны и рвутъ другъ друга на части. Выбравъ себѣ мѣсто, самки осматриваютъ его по всѣмъ направленіямъ, удобно ли выводить въ немъ дѣтенышей, и если онѣ находятъ, что берегъ не представляетъ надлежащей для этаго защиты и безопасности, то онѣ доходятъ до склоновъ горъ, гдѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ производятъ на свѣтъ дѣтенышей, обыкновенно по одному въ разъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, самка сманиваетъ изъ логовища дѣтеныша, который сосеть ее молоко, и по немногу приводитъ къ самому берегу. Тутъ она его кормить молокомъ, ласкаетъ, играетъ съ нимъ, и всячески старается заманить въ воду. Это трудная задача, потому что дѣтеныши имѣютъ отвращеніе и страхъ къ водѣ, и не покидаютъ берега. Самка начинаетъ сама плавать, держась какъ можно ближе берега, и все голосомъ подзывая дѣтеныша послѣдовать за нею, но тщетно. Дѣтенышъ предпочитаетъ валяться на пескѣ, и только послѣ долгаго времени, рѣшается взойти въ воду, но едва коснувшись ея, онъ съ испугомъ выскакиваетъ назадъ. Самка снова терпѣливо начинаетъ его призывать, пока онъ опять не влезетъ въ воду: такъ что иногда проходитъ три или четыре дня, прежде чѣмъ дѣтенышъ вполнѣ довѣрится морской стихіи. Но тутъ снова является затрудненіе, онъ не умѣетъ плавать, готовъ идти ко дну, и начинаетъ громко и жалобно кричать, но мать зорко слѣдитъ за нимъ; она быстро подплываетъ подъ него, беретъ его на свою спину и начинаетъ плавать вмѣстѣ съ нимъ, поддерживая его надъ водою, пока дѣтенышъ не научится понемногу плавать одинъ.

Собравшись стадами, молодые дѣтеныши, сначала плаваютъ около береговъ и острововъ, съ возрастомъ же они становятся все смѣлѣе, отваживаются уходить далеко отъ берега, начинаютъ ловить рыбу и осваиваются вполнѣ съ тою жизнью, на которую обречены по своей природѣ. Въ началѣ юня они перестаютъ сосать молоко и уходятъ вмѣстѣ съ самками въ море, при-

чемъ они присоединяются сперва къ самцамъ, ожидающимъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, они все собираются вмѣстѣ, чтобы выходить на лѣтнее время снова на берегъ. — Въ это время ихъ бьютъ промышленники.

КОНЕЦЪ.

В. Косаровъ

АЛЬГЕЯ.

(Окончаніе).

Въ большомъ домѣ, въ юговосточной части Лондона, двѣ особы сидѣли за завтракомъ. Вдругъ раздался звонокъ почтальона, звонокъ который такъ различно отдается въ сердцахъ: однимъ, онъ говоритъ объ радости, весельѣ, и лишь успѣетъ раздаться подобный звонокъ, какъ пульсъ бьется сильнѣе и краска разливается по лицу и шеѣ; для другихъ, это страшное томленіе долгаго ожиданія ужасной вѣсти покрываетъ губы и щеки страшной блѣдностью.— Но звонокъ, о которомъ идетъ рѣчь, кажется не произвелъ сильнаго впечатлѣнія на тѣхъ, кто его услышалъ, такъ какъ дама сказала съ легкимъ волненіемъ: можетъ быть это свѣдѣніе объ квартирѣ.

— Да, вѣроятно, сказалъ ей товарищъ и, отстранивъ газету добавилъ:— тутъ вѣтъ никакихъ извѣстій о Джемсѣ Гальбостѣ, душечка.

— Я все еще надѣюсь, что она для насъ не потеряна, отвѣчала дама, и громкій вздохъ ея пронесся точно отголосокъ прошедшаго. Приходъ служанки прервалъ дальнѣйшій разговоръ; взявъ изъ рукъ вошедшей письмо, дама торопливо пробѣжала его и, обратясь

къ мужу, сказала:—Мы можемъ нанять квартиру и очень дешево, за полъ-гинеи въ недѣлю.

— Вѣрю, но мѣсто это, мой другъ, не изъ важныхъ; туда немногія поѣдутъ, особенно, когда минеральныя воды такъ близко.

— О, милый Эрнестъ, еслибъ вамъ только удалось провѣдать...

— Душечка Пегги, гони отъ себя эту пустую надежду, ты только мучишь себя по напрасну, воображая, что ребенокъ вашъ еще живъ. Еслибъ-ты видѣла малютку, которую мы схоронили, ты бы не сомнѣвалась болѣе. Не утѣшительнѣе ли думать, что душа ея—Ангель Божій, находится у Того, который прислалъ ее на время на землю и, что только тѣло малютки находится на нашемъ семейномъ кладбищѣ.

— Повѣрить тому я не могу, Эрнестъ; мнѣ все кажется, что умершій ребенокъ принадлежалъ мистрисъ Гримъ, которая была на одномъ съ нами кораблѣ; ты вѣдь знаешь, мой другъ, что ея ребенокъ былъ ровесникъ нашему, —не онъ-ли погибъ?

— Могло случиться и это; но мнѣ кажется мое предположеніе вѣрнѣе. Гдѣ-же нашъ ребенокъ, если онъ еще живъ? По моему мнѣнію, одво чудо могло спасти малютку, а смѣемъ ли мы надѣяться на то, что-бы было сдѣлано ради насъ чудо.

— Не спорю съ тобою, мой другъ; но ты знаешь, что обѣцано тѣмъ, вѣра которыхъ непоколебима? Когда я довѣряла мое сокровище бурному морю, сквозь ревь вѣтра, шумъ волнъ и всѣ страшныя звуки, носившіеся вокругъ меня, мнѣ слышался, кроткій голосъ, говорив-

шій мнѣ:—Не бойся, только вѣруй и спасена будешь! *)
Съ тѣхъ поръ, повсюду звучить мнѣ этотъ голосъ
словами обѣта, и поддерживаешь и ободряешь меня.

— Все это такъ, мой другъ, но не имѣеть ли это
обѣщаніе инаго смысла? Мы знаемъ, что ваша ма-
лютка на небесахъ и не можетъ болѣе вернуться на
землю, но мы можемъ пойти къ ней, и встрѣтиться
съ ней у нашего Небеснаго Отца. Во время корабле-
крушенія было такъ мало надежды спасти нашу соб-
ственную жизнь, что я согласился на твою просьбу,
помѣстить ребенка въ ящикъ и пустить его на воду,
но при этомъ, не имѣлъ ни малѣйшей надежды спасти
его.

— Здравый смыслъ за тебя, милый Эрнестъ;—но
горячая молитва часто бываетъ услышана, и вѣра на-
граждена.

— Да, когда молитва ваша успокоительно на насъ
дѣйствуетъ, и когда вѣра сопровождается покорностью
воли Того, который устраиваетъ все къ лучшему.—Но
довольно объ этомъ, душа моя; поговоримъ лучше объ
вашихъ планахъ. Я могу отвести тебя въ понедѣль-
никъ въ приморское село, прожить тамъ съ тобой не-
дѣлю, а потомъ, если ты пожелаешь этаго, то можешь
остаться тамъ нѣкоторое время съ дѣтьми, а я потомъ
пріѣду за вами.

— Хорошо, другъ мой; но такъ какъ я не желаю
оставаться безъ тебя, то и возьму квартиру только на
недѣлю, считая съ будущаго понедѣльника. Вслѣдствіе

*) Евангеліе отъ Луки глава VIII, стр. 51.

этого разговора, къ великой радости миссъ Фремлей, явились къ ней первые жильцы. Рано утромъ на слѣдующій день, Маргарита Фрозерь съ мужемъ и дѣтьми сидѣли уже на берегу моря. Ребенокъ ихъ, которому было только нѣсколько мѣсяцевъ, спалъ на рукахъ у кормилицы, нисколько не созная, что жилище его изъ шумной столицы перенеслось въ тихое приморское селеніе, за то, старшій ихъ сынъ Гербертъ, рѣзвый, двухъ-лѣтній мальчикъ, былъ въ восторгѣ отъ деревянной лопатки и тачки: онъ копалъ землю и рылся въ ней, устраивая замки и колодцы, и былъ такъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ ребенокъ. Его отецъ и мать сидѣли на берегу съ книгами и работою, слѣдя за мальчуганомъ и его невинными играми, но отъ время до времени, глаза матери наполнялись слезами, при видѣ, что онъ игралъ около того самаго моря, въ которомъ, по всему вѣроятію, погибла ея маленькая дочь. На второй или третій день послѣ ихъ прїѣзда, въ то время, когда маленькій Гербертъ игралъ, по обыкновенію, на морскомъ берегу, а мать наблюдала за нимъ, старикъ Моссъ съ Альгей сошли со скалы, и праялись собирать морскія раковинки. Увидя ихъ, маленькій Гербертъ пересталъ играть, и сталъ смотрѣть внимательно на приближавшихся къ нему старика и ребенка. Маленькая Альгея такъ рѣдко встрѣчалась съ дѣтьми, что видъ мальчугана съ выющимися свѣтлыми волосами, свѣжимъ цвѣтомъ лица и красивой одеждой, удивилъ и обрадовалъ ее. Она увлеклась имъ больше всякихъ растений и, оставивъ своего дѣда и корзинку, подшла къ Герберту. Дѣти смотрѣли другъ

на друга въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, наконецъ маленькая дѣвочка, какъ видно болѣе храбрая, сказала:

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Копаю ямку, отвѣчалъ Гербертъ застѣчиво.

— Можно мнѣ покопать? спросила Альгея и, склонивъ на сторону головку, смотрѣла на него съ самымъ ласковымъ и заискивающимъ взглядомъ. Мальчикъ тотчасъ-же подаль ей лопатку. Въ это время, старикъ Моссъ такъ увлекся найденной имъ анемоніей, что не замѣтилъ отсутствія своей любимицы, но увидя ее, къ своему удивленію и неудовольствію, въ обществѣ Герберта, позвалъ тотчасъ къ себѣ. Дѣвочка однако не пошла и, взглянувъ на него черезъ плечо, сказала весело:—Ты видишь, какъ я довольна, — я работаю. Въ то-же время г-жа Фрозеръ замѣтила новое знакомство сдѣланное Гербертомъ, и направилась прямо къ нему.

— Хорошенькая моя крошка, сказала она, — какъ тебя зовутъ?

— Альгея, отвѣчалъ ребенокъ, поднявъ свои блестящіе глазки на лицо красивой дамы.

— Альгея! какое странное и хорошенькое имя! а какъ твоя фамилія?

— Моссъ.

— Ты должно быть пре милая дѣвочка, и смотришь добрымъ ребенкомъ; гдѣ ты живешь?

— Вонъ тамъ, отвѣчала дѣвочка, указывая на скалу, — вмѣстѣ съ дѣдушкой, продолжала она, указывая на подходящаго старика.

— Этот милый ребенокъ, сударь, ваша внучка?

— Да, сударыня, сиротка, отвѣчала скороговоркой старикъ и, взявъ ребенка за руку, тотчасъ приказалъ ей отдать лопатку мальчику и идти съ нимъ домой.

Старикъ боялся встрѣчи съ каждымъ ему незнакомымъ лицомъ, томясь предчувствіемъ, найдти когонибудь изъ родныхъ Алгея, которые будутъ въ правѣ отнять у него это сокровище.

— Кажется она такъ рада встрѣчи съ моимъ мальчуганомъ, сказала г-жа Фрозеръ, — позвольте ей остаться тутъ и поиграть съ нимъ.

— Это ея обѣдennyй часъ, сударыня, отвѣтилъ сухо старикъ, — пора домой; благодарю васъ. И Адамъ Моусъ повелъ далѣе, все оглядывавшуюся дѣвочку, которая видимо желала вернуться къ красивому мальчику. Возвратившись къ мужу, г-жа Фрозеръ была вся подъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ прелестной дѣвочкой игравшей съ Гербертомъ, ей тяжело было вспомнить суровое обращеніе съ ней старика. Она сообщила это мужу; г-нъ Фрозеръ, углубленный въ чтеніе газетъ весьма его занимавшихъ, отвѣчалъ разсѣяннo женѣ, и не обратилъ особеннаго вниманія на ея слова; но это не измѣнило настроенія Маргариты и лицо дѣвочки не покидало ее. Лишь только вернулись они домой, она стала спрашивать г-жу Фремлей объ странномъ старикѣ и миломъ, прекрасномъ ребенкѣ. Г-жа Фремлей жила не болѣе двухъ лѣтъ въ этомъ селеніи и, говоря ея словами „вела такую уединенную и одиночную жизнь“, что не могла ничего сказать объ старикѣ; она знала только, что онъ былъ вѣкогда школьнымъ учите-

лемъ, усыновилъ малютку оставшуюся сиротой послѣ смерти своего отца, который былъ однимъ изъ воспитанниковъ старика. Несмотря на этотъ разговоръ, г-жа Фрозеръ не могла отдѣлаться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на нее ребенкомъ, и мысль объ немъ не покидала ее ни на яву, ни во снѣ. На другой день рано утромъ она снова отправилась съ своимъ мальчуганомъ на берегъ моря, и взяла съ собою новую лопаточку въ подарокъ отъ Герберта для маленькой дѣвочки, если та появится. Но ожиданіе ея было напрасно: ни старикъ, ни дѣвочка не пришли на морской берегъ. Сильно огорченная г-жа Фрозеръ вернулась домой, и побѣдавъ наскоро, отправилась снова на морской берегъ; но тутъ не было и слѣда присутствія стараго Мосса и Альгеи. Съ этаго дня, гуляя ежедневно по берегу, она всматривалась съ безпокойствомъ въ каждое лицо, появлявшееся передъ нею, сходилъ-ли кто съ горы, или прогуливался вдоль берега, не замѣчая, что за нею слѣдить прибрежный сторожъ, пока онъ наконецъ не рѣшился подойти къ ней.

— Извините меня, сударыня, сказалъ онъ, — мнѣ кажется я васъ видѣлъ гдѣ-то прежде. Не имѣлъ ли я честь вытащить васъ изъ воды, когда несчастный корабль «*Морская птица*» разбился объ этотъ берегъ три года тому назадъ?

— Очень можетъ быть, но я до того неблагодарна, что не узнала васъ. Я точно была въ числѣ несчастныхъ пассажировъ, выброшенныхъ на этотъ берегъ.

— Не мудрено, сударыня; это была страшная для васъ всѣхъ минута. Но, странное дѣло, я никогда не за-

бываю лицо, которое хоть разъ въ жизни видѣлъ. Увѣряю васъ, что, проходя въ толпѣ по улицѣ, стоить мнѣ только взглянуть по внимательнѣе на какую нибудь личность, и я ее узнаю хоть на краю свѣта. Вотъ какъ теперь вижу ваше блѣдненькое личико, когда я вытащилъ васъ изъ воды. Потомъ, я еще разъ васъ видѣлъ, когда на слѣдующее утро привесъ вамъ въ гостиницу нѣкоторыя изъ вашихъ вещей, найденныхъ на берегу. Да, это былъ ужасный день, сударыня!—съ тѣхъ поръ мы не видѣли еще ни разу такой страшной бури. Я никогда не забуду ее, да я думаю, что для многихъ она будетъ памятна.—Вы, я думаю слышали объ одномъ странномъ происшествіи случившемся тогда, какъ одного ребенка выкинуло на берегъ живаго и покойно спавшаго въ деревянномъ ящикѣ.

— Какъ? выбросило на берегъ ребенка въ ящикѣ! воскликнула г-жа Фрозеръ.—О! расскажите мнѣ,—расскажите ради Бога объ этомъ! и она, быстро вскочивъ, схватила сторожа за руку, смотря на него такъ дико и пристально, что онъ даже испугался.

— Что съ вами, сударыня, вы больны? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Я постараюсь быть покойной, отвѣчала она, не обращая никакого вниманія на всѣ его вопросы,—расскажите только мнѣ скорѣе объ ребенкѣ;—спасенъ онъ?

— Спасенъ, сударыня, навѣрное спасенъ, и живетъ на скалѣ со старикомъ, который нашелъ его. Старый Моссъ всей душой любитъ ребенка и бережетъ его, какъ зеницу своего ока.

— *Альгея Моссъ*,—назвала она себя, говорила г-жа

Фрозерь держа руку у головы, точно стараясь что то вспомнить, — вотъ отчего ея личико видѣлось мнѣ во снѣ и на яву. О ради Бога! обратилась она къ сторожу, ведите меня къ ней.

Сторожъ посмотрѣвъ на нее пристально и, рѣшивъ что должно быть она помѣшана, сказалъ ей ласково: — Очень хорошо, сударыня; мы съ вами пойдемъ къ ней на дняхъ; теперь же вы видите сами, что я на службѣ и не могу уйти съ берега. Но г-жа Фрозерь не слушала его болѣе, а шептала:

— Я пойду домой и расскажу Эрнесту, онъ вѣрно пойдетъ со мною; я увѣрена, что онъ пойдетъ... И, не говоря болѣе ни слова сторожу, она повернулась и побѣжала къ селенію, мчась какъ вѣтеръ, и ничего не видя передъ собою, кромѣ дорогаго лица своей дочери.

По дорогѣ ее встрѣтилъ г. Фрозерь, вышедшій къ ней на встрѣчу, и она тутъ же рассказала ему обо всемъ, умоляя его вести ее въ домъ Мосса.

Г. Фрозерь усомнился въ вѣрности передавшаго ей, но, видя такое возбужденное состояніе жены, чтобы успокоить ее, пошелъ съ нею къ домику Мосса. Дорога въ скалахъ была прелестна, но, занятыя своими мыслями, они не замѣчали ничего окружавшаго ихъ, и быстро поднявшись въ гору, добрались до маленькаго домика, заросшаго лавиликой и розанами.

Сильно билось сердце бѣдной матери, когда она подходила къ домику; но безпокойство ея превратилось въ страхъ, когда она увидѣла, что ставни домика наглухо затреты, двери заперты; и на громкій, вѣсколь-

ко разъ повторенный звонокъ никто не отозвался. Прошло вѣсколько минутъ томительнаго ожиданія, наконецъ показалась изъ за домика загорѣлая и босая дѣвочка и, смотря съ недоумѣнїемъ на незнакомцевъ, спросила:

— Вы желаете видѣть г. Мосса?

— Да, отвѣтитъ ей г. Фрозерь,—гдѣ онъ?

— Онъ уѣхалъ.

— Уѣхалъ, куда же?

— Я не знаю.

— Если ты не знаешь, малютка, то вѣроятно найдется ктонибудь изъ старшихъ, кто знаетъ.

— Не знаю, повторилъ снова ребенокъ.

— Что же мы станемъ дѣлать Эрвестъ? сказала со слезами въ голосѣ г-жа Фрозерь.

— Терпѣнїе, милый другъ, терпѣнїе, отвѣчалъ ей мужъ.—Посиди тутъ не много, а я пойду за этой загорѣлой дѣвочкой, и можетъ быть успѣю разузнать чтонибудь у семействѣ. — Гдѣ ты живешь, малютка? обратился онъ ласково къ ребенку,—покажи мнѣ свой домикъ, я хочу поговорить съ твоей мамой.

Устремивъ удивленные глаза на незнакомца, ребенокъ указалъ ручѣнкой на маленькую хижину на скаль, сказавъ:—мѣма тутъ.

— Ступай впередъ, крошка, и веди меня къ своей мѣмѣ, продолжалъ г. Фрозерь.

Ребенокъ побѣжалъ, быстро перебирая своими босыми ножками и, слѣдуя за нимъ, г. Фрозерь скоро дошелъ до маленькаго домика и вошелъ въ него.

Сквозь густой дымъ, наполнявшій внутренность хи-

жины, онъ увидѣлъ женщину кормившую ребенка, межъ тѣмъ, какъ другія дѣти, босыя и также плохо одѣтыя, какъ и его маленькая проводница, валялись по кирпичному полу. При его появленіи, всѣ они повскакали на ноги и устремили на незнакомца удивленные взоры, пока тотъ вѣжливо спрашивалъ у матери:— Не можете ли вы мнѣ сказать, сударыня, гдѣ находится г. Моссъ?

— Онъ недавно уѣхалъ, сударь; я не знаю куда, отвѣчала женщина.— Онъ принесъ только мнѣ ключъ отъ своего дома и попросилъ сберечь его. Вѣроятно онъ не долго будетъ въ отсутствіи, но сколько именно времени, не знаю.

— Взялъ онъ ребенка съ собою? спросилъ г. Фразеръ.

— О да, сударь! онъ ни за что не разстался бы съ нею ни на минуту.

— Ребенокъ не его собственное дитя?

— Нѣтъ, сударь, онъ нашелъ его послѣ кораблекрушенія. Я кормила эту малютку, и очень люблю ее потому, что она кроткое, милое существо.

— Вы кормили ее, говорите вы... и г-нъ Фразеръ задумался, потомъ снова обратился къ женщинѣ съ вопросомъ:— Не обезпокоитъ ли васъ, если я приведу къ вамъ одну даму.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчала женщина,— но у меня такой беспорядокъ, что совѣстно принять.

— Она не взыщетъ, она, бѣдная, потеряла ребенка во время кораблекрушенія, и предполагаетъ, что дѣвочка, о которой мы съ вами только что говорили,— ея дочь. Она найдена вѣдь въ ящикѣ, не такъ ли?

— Да, сударь, такъ мнѣ рассказывалъ и г. Моссъ: она была спасена просто чудомъ.

— Позвольте же моей бѣдной женѣ прійти переговорить съ вами; и если дочь моя жива, то я непременно огъищу ее. Съ этими словами г. Фразеръ раскланялся съ женщиной, и скоро вернулся къ ней снова, но уже съ женой.

Въ то время, какъ г-жа Фразеръ, слушая съ напряженнымъ вниманіемъ рассказъ жены рыбака, запоминавшая малѣйшую подробность о найденномъ на берегу ребенкѣ, другая сцена происходила въ такой же хижинѣ, въ разстояніи тридцати миль отъ этаго селенія. Тамъ лежалъ на смертномъ одрѣ старикъ, а подлѣ него, свернувшись клубочкомъ, пріютилась хорошенькая, маленькая дѣвочка, держа его дряхлую руку въ своей маленькой, пухленькой ручкѣ. Въ ногахъ у старика стояла старушка и морякъ, до того похожіи лицомъ въ сложеніемъ на старушку, что въ немъ сейчасъ же можно было узнать ея брата.

— Онъ отходить, другъ мой, сказалъ морякъ шопотомъ, но внятно сестрѣ, — онъ былъ добрый человекъ, и Господь помилуетъ его.

— Нѣтъ въ этомъ никакого сомнѣнія, отвѣтила старушка.

— Не лучше ли увести малютку?

— Нѣтъ, вѣтъ, Джемсъ, оставь ее; онъ не умретъ покойно, если не будетъ видѣть ее подлѣ себя.

Старикъ казалось повялъ слова старушки, потому что обратилъ свои помутившіеся глаза на ребенка, подлѣ него лежавшаго, и вѣчто въ родѣ улыбки промель-

кнуло на его лицѣ. Черезъ нѣсколько секундъ, онъ подозвалъ старушку поближе къ себѣ и, съ видимымъ усиленіемъ проговорилъ:—Пашенсъ! мнѣ кажется я умираю... Когда меня не станетъ, увези ее отсюда и не переставай хлопотать до тѣхъ поръ, пока ты не отыщешь ее мать. Я думаю, что это была она... Я почувствовалъ тотчасъ, что это была она... да простить мнѣ Господь эгоистическое чувство, заставившее меня увести ее. Мать вѣрно тамъ ждетъ нашего возвращенія, а если она и уѣхала, то вы узнаете ее адресъ отъ г-жи Фремлей. Весь небольшой мой капиталъ оставляю вамъ, мой добрый, вѣрный другъ; вы найдете мое завѣщаніе дома въ моемъ маленькомъ бюро. Господь да наградитъ васъ! Да встрѣтимся мы опять тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе разлуки.

Онъ вдругъ смолкъ, голова тихо упала на подушку, и маленькая Альгея, поцѣловавъ его слегка въ лобъ, тихо прошептала:—Онъ заснулъ, Пашенсъ, свими меня. Пашенсъ подошла ближе, и убѣдилась, что онъ не заснулъ,—а умеръ.

Много пролила она слезъ; она такъ сильно была привязана къ своему господину, и ей такъ больно было подумать, что его безупречная жизнь была подъ конецъ запятнана эгоистическимъ поступкомъ въ отношеніи маленькой Альгеи. Увидавъ г-жу Фразеръ на дорогѣ, онъ не могъ успокоиться: вниманіе ея къ ребенку, и нѣкоторое сходство, которое онъ подмѣтилъ между ними, подсказывало ему, что она мать Альгеи, и можетъ отнять у него малютку. Въ этой тревогѣ, онъ провелъ безсонную ночь, и тутъ-же рѣшился увез-

ти поскорѣе ребенка. Онъ старался увѣрить самаго себя, что, поступивъ такъ, онъ не дѣлаетъ ничего несправедливаго, что не одинъ эгоизмъ заставляетъ его такъ дѣйствовать: малютка любить его, счастлива съ нимъ, а родныхъ своихъ совсѣмъ не знаетъ. Нѣтъ ничего легче, какъ убѣдить себя, что поступки наши хороши, особенно если поступать такъ, намъ сильно нравится; и потому хотя внутренней голосъ и говорилъ Моссу, что справедливей и честнѣе было-бы возратить ребенка бѣдной матери, которая такъ давно и безнадежно ищетъ его; но онъ не послушался этаго голоса и, вставъ утромъ, объявилъ Пашенсъ, что, желая доставить себѣ маленькое развлеченіе, хочетъ ѣхать погостить нѣсколько недѣль у своего стараго друга, который живетъ въ пятидесяти миляхъ отъ нихъ, и давно желаетъ съ нимъ видѣться. Собравъ наскоро свои пожитки, они отправились въ дорогу, но не прошло и сутокъ, какъ старикъ сильно захворалъ: съ нимъ сдѣлался параличъ, вѣроятно, вслѣдствіе непривычнаго движенія и возбужденнаго состоянія. Къ счастью Пашенсъ, это было недалеко отъ дома ея брата, куда она и привезла его.

Трудно было старушкѣ увѣрить маленькую Альгею, что умеръ ея старый, добрый другъ;—это была первая потеря ребенка, и Пашенсъ пришлось сквозь слезы толковать ей о томъ, что ея дѣдушка находится не въ сырой, холодной могилѣ, куда его недавно опустили, но въ лучезарномъ небесномъ жилищѣ, гдѣ они со временемъ встрѣтятся съ нимъ. На другой день послѣ похоронъ старика, Пашенсъ вернулась домой съ своей маленькой воспитанницей; маленькій пустой домикъ

старика смотрѣлъ такъ холодно и непривѣтливо, что еще болѣе напомнилъ имъ Адама Мосса, веселыя выходы котораго такъ оживляли нѣкогда это жилище. Горе Альгеи выражалось шумно. — Онъ долженъ вернуться! кричала она, — я стану кричать, такъ громко кричать, что онъ услышитъ и прійдетъ къ намъ. Онъ всегда дѣлалъ все, что мнѣ хотѣлось. Я стану плакать, а онъ не можетъ видѣть, какъ я плачу, добрый, милый дѣдушка, онъ такъ любитъ меня!

Говоря это, она прятала свою голову въ колѣни Пашевсъ и кричала такъ, что казалось, сердце ея надорвется. Ночь немного успокоила малютку, а новое пріятное чувство проснуться у себя дома, развлекло ее, и она повеселѣла. Пашевсъ заботила мысль, тутъ-ли еще жильцы г-жи Фремлей и, поручивъ женѣ рыбака присмотрѣть за маленькой Альгеей, сама отправилась въ селеніе.

Странное стеченіе обстоятельствъ: оказалось, что г-жа Фразеръ только что уѣхала. Миссъ Фремлей рассказала ей, что они ждали каждый день возвращенія старика Мосса, и какъ нарочно, только вчера пришло въ голову г-жѣ Фразеръ отправиться на станцію и розыскивать тамъ, куда взялъ мѣсто Моссъ. Подробное описаніе наружности старика и ребенка, сдѣланное г-жею Фразеръ со всевозможными примѣтами, помогло вспомнить станціонному смотрителю, что онъ точно видѣлъ подобныхъ пассажировъ, и что они взяли мѣсто до Эмби; разумѣется туда сейчасъ-же и отправилась Фразеръ, въ надеждѣ найдти тамъ малютку, такъ какъ послѣ своего разговора съ женою рыбака, г-жа Фразеръ

не сомнѣвалась болѣе, что Альгея ея дочь. Миссъ Фремлей добавила:— Не найдя ребенка въ Эмби, они вѣроятно отправятся отсюда прямо въ Лондонъ, такъ какъ имъ не за чѣмъ возвращаться къ намъ въ селеніе.

— У васъ есть однако ихъ лондонскій адресъ? спросила Пэшенсъ.

— Да, она мнѣ его оставила, чтобы я ихъ уведомила, если дитя вернется;— вотъ онъ. И, вынувъ изъ кармана бумажникъ, наполненный разными записочками, она выбрала одну изъ нихъ и, подавая ее Пэшенсъ, продолжала:— Вѣроятно вы сами потрудитесь написать этой госпожѣ?

— Нѣтъ, я не напишу, сударыня, а сама свезу ребенка къ ней, такъ какъ я не хочу терять по пустому времени.

— Но были-ли вы когда нибудь въ огромной нашей столицѣ?

— Что-съ?

— Бывали-ли вы въ Лондонъ, пояснила свисходительно миссъ Фремлей.

— Нѣтъ, сударыня, никогда.

— Не лучше-ли вамъ, въ такомъ случаѣ, отправить ребенка съ кѣмъ нибудь изъ тѣхъ, кто тамъ бывалъ?

— Нѣтъ, сударыня. Послѣднее желаніе моего умирающаго господина было, чтобы я не оставляла никогда ребенка, пока не возвращу его матери, и я свято исполню его волю.

— Прекрасно, моя добрая старушка! Отъ всего сердца желаю вамъ успѣшнаго путешествія и благополучнаго возвращенія.

— Весьма вамъ благодарна, сударыня; желаю вамъ добраго утра. И бѣдная Пашенсъ ушла полная грустныхъ мыслей объ тяжелой обязанности, возложенной на нее старикомъ.

Она рѣшилась отправиться въ Лондонъ на слѣдующее утро, и поѣхала-бы даже въ этотъ день, если-бы не ушелъ уже первый поѣздъ, а со вторымъ, она пріѣхала-бы слишкомъ поздно въ столицу, что было-бы неудобно, ни для нея, ни для ребенка. Остатокъ этаго дня она рѣшилась употребить на то, чтобы приготовить Альгею къ перемѣнѣ, ожидавшей ее и, убравъ все послѣ обѣда, она стала выжидать, пока дѣвочка, уставъ играть, придетъ, по обыкновенію, посидѣтъ съ нею. Посадивъ ее къ себѣ на колѣни, она ласково спросила ее: — Хочешь, я расскажу тебѣ сказочку, птичка?

— Хорошо, Пѣти; да начинай скорѣе: Давнымъ давно или однажды... —

— Хорошо, хорошо, птичка. Вотъ, давнымъ давно была страшная буря, такая буря, что волны разбивались съ шумомъ о берегъ, вѣтеръ ревѣлъ, и многіе рыбаки, выѣхавшіе въ маленькихъ лодочкахъ въ море, не вернулись болѣе къ своимъ женамъ и дѣткамъ.

— Это грустная исторія, Пѣти; я не хочу слушать ее, сказалъ ребенокъ, соскочивъ съ колѣнъ и затыкая себѣ уши.

— Не бойся, птичка, это только начало, конецъ будетъ пре веселый.

— Навѣрно веселый?

— Положительно.

— Ну рассказывай! И, усѣвшись снова, самовольная малютка приготовилась слушать далѣе.

— И такъ я сказала, продолжала Пѣшевскъ, — что маленькія лодки рыбаковъ разбивались въ щепки; и не только эти лодки, но и большія суда, подобныя тѣмъ, которыя ты видѣла въ подзорную трубу дяди Морица, перебрасывались бурей, какъ мячикъ, и одно изъ нихъ, очень большое, разбилося о скалы подлѣ маленькой деревушки. Было много, весьма много народу на этомъ кораблѣ, и между пассажирами находилась одна дама съ маленькимъ ребенкомъ. Бѣдная мать не надѣялась сама спастись, но хотѣла непременно спасти свою малютку и, какъ-бы ты думала, что она сдѣлала? Она положила своего ребенка въ большой, деревянный ящикъ, и спустила его за бортъ, въ надеждѣ, что онъ будетъ выброшенъ волнами на берегъ, и что добрые люди, найдя ребенка, приютятъ его. На берегу моря была маленькая деревушка, а въ ней жилъ старичекъ. Онъ не былъ женатъ и не было у него малютки, которая-бы любила и ласкала его. Вотъ, онъ пошелъ разъ на берегъ прогуляться, и нашелъ большой ящикъ, а въ немъ ту малютку, живую и невредимую. Богъ, который любитъ дѣтей, чудеснымъ, образомъ спасъ жизнь этому маленькому существу, и отъ такого свирѣпаго моря, перенесъ ее благополучно на берегъ, мимо скалъ и подводныхъ камней. Старикъ принесъ ма-

лютку домой и, такъ какъ я тебѣ уже говорила, что ему некого было любить, онъ съ радостью взялъ ее къ себѣ и воспитывалъ, какъ собственное дитя свое. Прошло четыре года, ребенокъ жилъ подъ его кровлей въ холѣ и нѣгѣ, и не было ничего на свѣтѣ, чтобы старикъ любилъ болѣе своей малютки. Въ это время прѣхалъ въ деревню одинъ господинъ съ женою, и старикъ нашелъ въ лицѣ этой госпожи такое сходство со своей крошкой, что тотчасъ догадался, что это была мать ребенка, и сталъ бояться, чтобы она не отняла у него его крошку, — единственное существо, которое онъ любилъ, его *единственное сокровище*. — Запомни это, птичка, повторила Пашенсъ съ особеннымъ удареніемъ, и тихо добавила; — это одно только и можетъ заставить насъ всѣхъ простить ему. На слѣдующій-же день послѣ встрѣчи съ этой дамой, старикъ уложилъ свои и ребенка вещи, и увезъ малютку изъ деревни, подальше отъ тѣхъ, кто могъ призвать ее. Это былъ эгоистическій, нехорошій поступокъ старика, а онъ былъ всегда такой добрый и честный человекъ, что Господь, по безконечной любви своей, не далъ ему жить долѣе въ неправдѣ, и призвалъ его къ Себѣ. Умирая, старикъ поручилъ своей старой слугѣ, той, которая такъ давно жила у него, и которую онъ любилъ и уважалъ, чтобы она непременно возвратила ребенка матери. — И старая слуга исполнить это, она непременно исполнитъ! Съ этими словами, Пашенсъ прижала Альгею къ груди своей, и стала ее цѣловать.

Дѣвочка, сидѣвшая въ это время молча, вдругъ спросила:

— Селли Моррасъ говорила мнѣ, что я не здѣшная; что меня подняли, правда-ли это?

— Да, милочка, это правда; и завтра я должна отправиться съ тобою къ твоей матери. Мы поѣдемъ въ Лондонъ, это большой городъ, и станемъ тамъ искать ее. Какъ она обрадуется тебѣ, какъ станетъ любить и цѣловать тебя. Она бѣдная, согласилась-бы охотно быть старой Пашенсъ, лишь-бы держать тебя на колѣняхъ такъ, какъ я держу тебя, птичка моя. Ты тоже будешь любить ее, когда мы ее найдемъ, и будешь хорошей, ласковой дочкой. Расскажешь ей, какъ ты жила съ дѣдушкой и старой его служанкой Пашенсъ, -- не такъ-ли?

Альгея молчала, личико ея приняло въ первый разъ серьезное выраженіе, и наконецъ, она проговорила громкимъ, рѣшительнымъ голосомъ: — Если-бы я нашла двадцать матерей, я бы все таки осталась съ тобою. Ты всегда будешь со мною, всегда!

— Небо да наградить тебя, милая моя птичка; но мать твоя госпожа, ты тоже сдѣлаешься барышней и позабудешь о бѣдной, старой Пашенсъ.

— Нѣтъ, не забуду; ты должна остаться со мною навсегда, навсегда! дай мнѣ слово, что это такъ будетъ, а то я не поѣду съ тобою въ Лондонъ.

— Хорошо, птичка; но помни, ты будешь барышней и станешь ѣздить въ каретѣ.

— Тогда и ты должна кататься со мною; говори-же скорѣе: будешь или нѣтъ?

— Буду, милочка. Я останусь съ тобою, если ты, найдя твою мать, пожелаешь этаго, и если она захо-

четь оставить меня при тебѣ. Хорошо было-бы, если-бы Господь устроилъ такъ, и я бы осталась при тебѣ няней, проговорила обрадованная старуха. Ей такъ трудно было свыкнуться съ мыслью, что она лишится ребенка, къ которому привыкла, какъ къ своему собственному дитяти.

— Вотъ такъ то будетъ хорошо, милая, дорогая Пети, говорила малютка.—Мы завтра ѣдемъ въ Лондонъ?

— Да, завтра, мой дружекъ!

На слѣдующее же утро, оба эти безхитростныя существа, обѣ дѣти по неопытности, отправились съ первымъ поѣздомъ въ Лондонъ. Было уже поздно, когда онѣ пріѣхали въ этотъ городъ съ лабиринтомъ улицъ, по которымъ двигалось множество народа по всевозможнымъ направлениямъ. Горе, безпокойство и разныя житейскія неудачи виднѣлись на ихъ озабоченныхъ лицахъ. Деревенскихъ жительницъ поразилъ и испугалъ весь этотъ шумъ и суматоха. Малютка въ ужасѣ прижалась къ старухѣ, самымъ любезнымъ голосомъ просившей посыльнаго указать имъ дорогу въ Лондонскую улицу, Фицрой скверъ. Тотъ объявилъ имъ что, если онѣ не знаютъ Лондона, то самое подходящее для нихъ дѣло, взять экипажъ, и велѣтъ свести себя по адресу, такъ какъ по рассказамъ онѣ никогда не найдутъ этой улицы. Онъ взялъ для нихъ экипажъ, и старуха съ усталымъ ребенкомъ поѣхала по адресу, данному Миссъ Фремлей. Представьте ужасъ бѣдной Пашенсъ, когда ей сказали въ Лондонской улицѣ, что не знаютъ тутъ никакой г-жи Фразеръ. Напрасно

показывала она карточку, на которой значилось: № 14, Лондонская улица, Фицрой скверъ, никто не звалъ имени Фразеръ, и наконецъ ее надоумили, что должно быть ей дали не тотъ адресъ, потому что подобныхъ жильцовъ никогда тутъ не бывало. Что оставалось дѣлать? Было уже поздно, ребенокъ плакалъ отъ усталости и Пашенсъ рѣшилась вернуться на станцію поужинать, переночевать и на другой день ѣхать обратно домой. Безъ знакомыхъ трудно и накладно оставаться долго въ Лондонѣ, а у Пашенсъ къ тому же не было даже вѣрнаго адреса, чтобы продолжать свои поиски; и такъ, на другой день она отправилась съ первымъ поѣздомъ домой, въ тотъ маленькій домикъ, въ который они не думали вернуться болѣе. Уложивъ спать маленькую Альгею, Пашенсъ попросила г-жу Моррасъ посидѣть съ ней, а сама, не смотря на сильную усталость, отправилась къ Миссъ Фремлей, рассказать ей объ своей неудачѣ, но не застала ту дома: она уѣхала куда то на нѣсколько дней, и Пашенсъ ничего болѣе не оставалось, какъ приняться за свои ежедневныя занятія; и все въ маленькомъ домикѣ пошло обычнымъ порядкомъ. Черезъ недѣлю она получила отъ Миссъ Фремлей записку, въ которой та съ прискорбіемъ объясняла ей, что она по несчастію ошиблась, давши ей не тотъ адресъ, и теперь поправляетъ свою ошибку, посылая настоящій.— Письмо кончалось разными увѣреніями и надеждой, что ошибка эта не сдѣлала никакихъ безпокойствъ старушкѣ. Бѣдная Пашенсъ! это ей стоило болѣе, чѣмъ безпокойства, — это стоило ей денегъ, которыхъ такъ

мало было у нея! но она была слишкомъ разсудительна для того, чтобы жалѣть о томъ, чего нельзя было уже исправить, и только заботилась, какъ бы лучше поступить въ настоящемъ случаѣ. Послѣ долгихъ соображеній, она рѣшилась наконецъ написать по данному ей адресу и, пославъ письмо, терпѣливо ожидать послѣдствій. Долго ждала она отвѣта, и наконецъ, тяжелая забота легла ей на душу. Что было ей дѣлать съ оставленнымъ ей ребенкомъ? Приходилось, какъ видно, работать на двоихъ, а между тѣмъ, она была стара и слаба, да и зрѣніе ей измѣнять стало, и она не знала за что приняться, чтобы прокормить себя и ребенка. Будь она одна, она могла бы жить съ братомъ, и тѣмъ уменьшить свои расходы, но какъ быть съ малюткой! Ей приходило иногда въ голову, что она можетъ помѣстить дѣвочку въ пріютъ для бѣдныхъ дѣтей. Не работать же ей право подъ старость для чужаго ребенка! Но когда являлась старушкѣ эта недобрая мысль, она отгоняла ее словами Евангелія. „*Кто приметъ однаю изъ малыхъ сихъ во имя мое, тотъ Меня приметъ*“ *), и, схвативъ на руки удивленное дитя, она ласкала и цѣловала его, пока слезы, хлынувъ изъ глазъ, не облегчили ее.—Ради Господа и ради памяти старика, который такъ любилъ тебя, малютка, говорила она, цѣлуя ребенка,—бѣдная, старая Пашенсъ будетъ работать для тебя изъ послѣднихъ силъ своихъ! И съ новой энергіей принималась она обдумывать, какъ прокормить себя и малютку.

---

*) Отъ Марка, глава IX, стр. 37.

Ей пришло въ голову предложить брату жить вмѣстѣ. Она написала ему, что скопила во время своей продолжительной службы, маленькій капиталецъ, и желала бы, сообщая съ нимъ, открыть лавочку сластей и дѣтскихъ игрушекъ, такъ какъ въ его домикѣ есть подходящая для этаго комнатка: при этомъ, она обѣщала платить, что слѣдуетъ, за содержаніе себя и ребенка.

Братъ ея Джемсъ жилъ все въ томъ же, знакомомъ намъ маленькомъ домикѣ, доставшемся ему послѣ смерти родителей, и ходилъ работать на ту же ферму, гдѣ они работали нѣкогда вмѣстѣ съ сестрой. Онъ никогда не былъ женатъ, потому что ненавидѣлъ женщинъ, в сестра его была единственная женщина, которую онъ любилъ до того, что увѣрялъ, что только въ такомъ случаѣ женится, если найдетъ подобное ей существо.

Съ годами ему все скучнѣе становилось жить одному, онъ обрадовался сестриному предложенію, и пригласилъ ее жить къ себѣ.

Въ это время Пэшенсъ удостовѣрилась, что ей невозможно отыскать родителей Альгеи, получивъ обратно свое письмо, писанное г-жѣ Фразеръ съ подписью: «По справкамъ здѣсь не находится» и переѣхала съ малюткой въ домъ къ брату своему.

Годы шли своимъ чередомъ, и малютка росла и развивалась. Наступилъ наконецъ и ея чередъ покоить стариковъ, за всѣ ихъ заботы и ласку, которыми они нѣкогда ее окружали. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, она ходила ежедневно въ школу, гдѣ выучилась читать, писать, ариметикѣ, разнымъ рукодѣліямъ, и стала весь-

ма полезной и даже необходимой старикамъ. Она искусно и энергично занимаясь хозяйствомъ, вела торговлю, и охотно и весело услуживала старикамъ, которые вслѣдствіе старости сдѣлались бранчивы, и подчасъ выживали изъ ума; особенно ребячлива стала бѣдная Пѣшенсъ, она почти совсѣмъ ослѣбла и едва могла переходить одна изъ комнаты въ комнату.

Главными покупателями маленькой лавочки Альгеи были дѣти эсквайра, который занималъ лучшій домъ въ городкѣ. Однажды они явились шумно въ лавочку, въ сопровожденіи одного красиваго пятнадцатилѣтняго мальчика, и едва переступили порогъ, какъ закричали:

— Лавочница! Лавочница!

Альгея тотчасъ вышла къ нимъ.

— На пѣни (2½ копѣйки) дайте мнѣ пожалуйста бульдегому, сказалъ мальчикъ.

— Что бульдегомъ, Бобъ, уговаривалъ его другой мальчикъ, не нужно бульдегому, лучше взять наполеоновскихъ пряниковъ;—они такіе вкусные.

— Пожалуй, мнѣ все равно! Это они въ этой склянкѣ?

— Да, это они.

— Не взять ли намъ тоже и миндалю?

— И это недурно. Идетъ! И оба мальчика принялись отбирать себѣ лакомства, но незнакомый мальчикъ остановилъ ихъ, сказавъ громко:—Вы прежде скажите, чего вы желаете и сколько? дѣвица сама вамъ положить; а то не хорошо вамъ распорядиться въ ея лавочкѣ.

— Мы согласны, пусть она сама положить! закричали мальчики въ одинъ голосъ.—Я хочу... продолжали они говорить вмѣстѣ.

Альгея улыбнулась, и сказала ласково:—не вѣстѣ, пожалуйста, вы постарше г-нѣ Томи, и начинайте первый.

— Дайте-ка мнѣ на три копѣйки тѣхъ пряниковъ, что въ стеклянкѣ; на три—бульдегому. Я хочу непременно бульдегому, а на остальные 1½ к. дайте еще чегонибудь.

— Хорошо, сударь! А вы г-нѣ Герри?

— Вотъ мои деньги, я хочу на всѣ купить пряниковъ.

— У тебя всего то 4½ к., сказалъ смѣясь незнакомый мальчикъ.—Дайте-ка мнѣ лучше, обратился онъ къ Альгеѣ, на—13 к. всего понемножку.—Я васъ угошу, обратился онъ къ мальчикамъ,—а остальное свесу Эмми.

Дѣти поблагодарили товарища; тотъ вынулъ изъ кармана маленькой кошелекъ, заплатилъ за сладкое и, смѣясь и жужжа, маленькое общество выбѣжало изъ лавочки.

По ихъ уходѣ, Альгея замѣтила что-то блестящее на полу и, рассмотрѣвъ предметъ поближе, увидѣла, что это поль-северина (четырехъ рублевая золотая монета). Будучи увѣрена, что одинъ изъ мальчиковъ потерялъ ее, она надѣла шляпку и отправилась въ большой домъ, чтобы возвратить монету по принадлежности. Она хотѣла сама видѣть мальчиковъ, которые еще не вернулись домой. Скоро послышались ихъ веселые голоса, и маленькое общество появилось у воротъ.

Альгея рассказала имъ о своей находкѣ. Незнакомый мальчикъ призналъ въ ней свою монету и поблагодарилъ дѣвущку за ея возвращеніе. Направляясь къ вы-

ходу, Альгея съ завистью смотрѣла на множество цвѣтовъ, украшавшихъ это жилище, и невольно сравнивала богатый домъ, съ тѣмъ бѣднымъ помѣщеніемъ, въ которое она должна была вернуться. Она такъ любила цвѣты, и съ тѣхъ поръ, какъ оставила домикъ Мосса, не видала никогда такихъ прелестныхъ растений. Незнакомый мальчикъ должно быть понялъ ея мысль и спросилъ:—Вы любите цвѣты?

— О да, сударь!

— Я вамъ нарву ихъ; подождите немного.

Скоро онъ подаль ей большой букетъ, и Альгея такъ ему обрадовалась, что не знала, какъ и благодарить мальчика.

Прошло нѣсколько дней послѣ этаго маленькаго происшествія, Пашенсъ стала прихварывать, и Джемсъ счелъ своимъ долгомъ переговорить съ Альгеей на счетъ того, что она намѣрена дѣлать, въ случаѣ смерти его сестры.

Бѣдная дѣвушка еще никогда не думала объ этомъ, и отвѣтила, что вѣроятно ей придется идти въ услуженіе.

— Хорошо, одобрилъ морякъ;—спрашивалъ же я васъ объ этомъ потому, что моя родственница, которая живетъ у Эсквайра, говорила мнѣ, что ее спрашивали господа, не знаетъ ли она какой нибудь молодой дѣвушки, которая бы согласилась отправиться въ отъѣздъ, чтобы занять мѣсто няни при дѣтяхъ, и я подумалъ, что это было бы подходящее для васъ мѣсто.

— Да, я охотно бы на него поступила. Когда я ходила къ Эсквайру, я думала, какъ бы хорошо было

жить въ такомъ большомъ домѣ, украшенномъ столкими цвѣтами; но, какъ мнѣ оставить бѣдную Пашенсъ? Пока она жива, я ни за что не оставлю ее.

Ночью, Пашенсъ сдѣлалось хуже; Джемсъ пригласилъ доктора. Осмотрѣвъ больную, докторъ нашелъ, что она очень плоха, и что его поздно позвали и, велѣвъ давать ей все, чѣмъ только можно поддержать старыя ея силы, онъ ушелъ, обѣщаясь навѣстить ее на другой день. Но на другой день Пашенсъ не нуждалась въ докторѣ:—она скончалась!

Альгея горячо оплакивала добрую старушку; она была ея послѣдній, единственный другъ. Но въ самыя тяжелыя минуты ея горести, мысль, что нѣтъ болѣе препятствія поступить ей къ Эсквайру, улыбалась дѣвушка и, не смотря на всю горестъ потери, предстоящая переменна радовала ее. На другой день послѣ похоронъ, она отправилась въ домъ Эсквайра. Попросивъ прислугу доложить, что она желаетъ видѣть госпожу дома, она была введена въ красивую библиотечную комнату, гдѣ работала г-жа Томсонъ.

Наружность Альгея понравилась этой дамѣ, и она тутъ же рѣшила, что именно такую дѣвушку и надо взять ея подругъ для дѣтей.

— Какъ ваше имя? спросила она, —вы кажется не дочь Джемса Гервея?

— Нѣтъ, сударыня, даже не родственница, отвѣчала Альгея, —мое имя Альгея Моссъ.

— Альгея, какое странное имя! я точно гдѣ то ея прежде слышала; оно слишкомъ изыскано для прислуги, добагила она улыбаясь, —и вѣроятно васъ будутъ звать

по фамилии. Я напишу сегодня же моей подругѣ, и вѣроятно, вскорѣ получу отвѣтъ отъ нея, который тотчасъ же передамъ вамъ. Я должна васъ предупредить, что вамъ придется присматривать за очень извѣженными дѣтьми, въ особенноти избалованы меньшіе, такъ какъ они слабаго здоровья, въ слѣдствіе того, что родились въ слишкомъ жаркомъ климатѣ. Прощайте, милая!

Альгея ушла въ полной надеждѣ, что получить это мѣсто.

— Вечеромъ г-жа Томсонъ написала своему другу объ Альгеѣ, а на другое утро мужъ этой дамы пріѣхалъ уже съ первымъ поѣздомъ, и просилъ, какъ можно скорѣе повидаться съ г-жею Томсонъ.

— Что случилось? спросила та, спускаясь съ лѣстницы и входя въ комнату, — не заболѣла ли Маргарита?

— Нѣтъ, она только взволнована, отвѣчалъ гость; — вы писали ей, что нашли для нашихъ дѣтей молодую няню, которую зовутъ Альгеей Моссъ, не такъ ли?

— Точно такъ, — неправда ли престранное имя?

— Безъ сомнѣнія. И не можетъ быть, чтобы два существа носили такое странное имя. Вы писала, что она сирота, и привезена сюда *старушкой*, не со *старикомъ* ли скорѣй она пріѣхала?

— Нѣтъ. Я знаю навѣрное, что ее привезла сюда старушка, и живетъ она теперь съ ея братомъ, который открылъ маленькую лавочку. Мои дѣти часто заходятъ туда покупать лакомство. Старушка эта умерла, и бѣдная дѣвушка, одинокая, безъ родныхъ, желаетъ въ настоящее время поступить въ услуженіе.

— Какъ странно! сказалъ г-нъ Фразеръ задумчиво. — Неужели вы не помните, продолжалъ онъ, — какъ моя жена рассказывала вамъ объ нашемъ потерянномъ ребенкѣ: она тоже вамъ говорила, что разъ встрѣтила малютку, которая, какъ ей казалось, была наша дочь.

— Теперь я вспоминаю, вы потеряли вдругъ слѣдъ этаго ребенка, и никакъ не могли отыскать его.

— Такъ до сихъ поръ и не нашли! — Но дѣвочка сказала, что ее зовутъ Альгеей Моссъ?

— Удивительно! Пошлите скорѣй за дѣвушкой, и разспросите ее по подробнѣе; она скорѣе всѣхъ разъяснитъ вамъ это дѣло.

— Для этаго я и прибѣжалъ сюда. Бѣдная моя Маргарита находится внѣ себя отъ волненія; она увѣрена, что эта дѣвушка, — наша дочь; и не успокоится, пока ее не увидитъ. Она хотѣла ѣхать сама сюда со мною, но я, зная ея слабое здоровье, побоялся взять ее: что, если дѣвушка окажется не нашей дочерью? — жена не переживетъ этаго разочарованія!

— Вы правы; надо поскорѣй разспросить дѣвушку. Альгея тотчасъ явилась на зовъ. Она была робкаго характера, но мысль, поступить въ хорошій домъ, до того ей была пріятна, что она вошла въ комнату съ веселымъ, улыбающимся лицомъ, и г-нъ Фразеръ отшатнулся при видѣ живаго портрета своей жены; только не такой, какою она была въ настоящее время, а такой, какою она была лѣтъ 20 тому назадъ, когда онъ сватался за нее. Всѣ разспросы были лишніе при этомъ поразительномъ сходствѣ дѣвушки съ матерью, но г. Фразеръ все таки спросилъ ее дрожащимъ отъ силь-

ваго волненія голосомъ:— Не воспитывались ли вы у стараго Мосса, который нашель васъ на морскомъ берегу послѣ кораблекрушенія?

— Да сударь; старикъ этотъ уже умеръ.

— Приятно ли вамъ будетъ узнать, милое дитя, что вы не сирота, и что у васъ есть отецъ и мать?

— О сударь! Я была бы такъ счастлива! И слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Думали ли вы когданибудь, что вы дочь богатыхъ родителей?

— Пашенсъ говорила мнѣ объ этомъ. Одно время, когда я была крошечнымъ ребенкомъ, она возила меня даже въ Лондонъ отыскивать мою мать,—но мы не нашли ее; и съ тѣхъ поръ я жила постоянно съ Пашенсъ. Она была экономка дѣдушки Мосса.

— Готовьтесь къ дорогѣ, милое дитя мое,—я хочу свести васъ къ матери.

Съ крикомъ, вырвавшимся прямо изъ сердца, подбѣжала Альгея къ г. Фразеру и, задыхаясь отъ радости, сказала:— Вы? вы свезете меня?—вы мой отецъ?

Г. Фразеръ не могъ отвѣчать отъ волненія; онъ обнялъ ее и прижалъ къ своей груди, а г-жа Томсонъ, которая присутствовала при этой сценѣ, быстро вышла изъ комнаты, и вернулась, ведя съ собою мальчика, того самаго, который недавно далъ букетъ Альгеѣ; подведя его къ ней, сказала:— Это твоя сестра, Гербертъ, цѣлуй ее скорѣе. Гербертъ остановился въ нерѣшимости, ему казалось страннымъ, поцѣловать эту незнакомую, хорошенькую дѣвушку, но Альгея, со своимъ

впечатлительнымъ, любящимъ сердцемъ, тотчасъ же обняла его и поцѣловала.

Закусивъ наскоро, г-нъ Фразеръ повелъ Альгею проститься съ Джемсомъ, при чемъ вручилъ моряку значительную сумму денегъ, и тотчасъ же отправился съ обоими дѣтьми домой. Герберта онъ взялъ съ собою, не желая его разлучать съ сестрой, съ которой тотъ только что встрѣтился.

Подъѣзжая къ имѣнью своего отца, расположенному въ прекрасной мѣстности, сердце Альгеи забилося радостью и тревожно. Жизнь ея была такъ измѣнчива: сдѣлаться вдругъ балованной дочерью богатыхъ родителей, послѣ того, какъ она столько лѣтъ прожила простой торговкой, едва вырабатывая насущный хлѣбъ. Двери парка были растворены, и экипажъ быстро пошелъ по аллеѣ. Звукъ, производимый каретой былъ едва слышенъ, но онъ долетѣлъ до чуткаго уха, — и на порогъ дома появилась блѣдная, вѣчнаго сложенія женщина, съ темными волосами, въ которыхъ преждевременно пробивалась сѣдина.

Кто опишетъ встрѣчу матери, нашедшей, черезъ столько лѣтъ, дитя свое?

Когда, г-жа Фразеръ пришла на столько въ себя, что могла говорить, она обратилась къ мужу со словами: „Не бойся, только вѣруй въ Меня, и она спасена будетъ!“

КОНЕЦЪ.

*Меня спасла
только 5 1/2!*
Приветливо!

СРЕДИ ОКЕАНА.

ТЕЛЕГРАФНОЕ СОЕДИНЕНІЕ АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ТА-
ВЕЛЕМЪ ДРЕВНЯГО И НОВАГО СВѢТА.

1.

Между двумя частями свѣта.

— Гей, ребята! пора сниматься съ якоря! Дѣло великое! Никогда еще ни одинъ корабль въ мірѣ не выходилъ въ море, рѣшать такую огромную и важную задачу, какая вамъ теперь предстоитъ!

— Теперь дѣло не въ томъ, чтобы изъ одной части свѣта въ другую перевести драгоценные товары. — Нѣтъ!—на этотъ разъ, вамъ предстоитъ дѣло гораздо важнѣе: корабль этотъ долженъ опустить на дно Океана металлическую ленту, длиною въ нѣсколько милліоновъ футъ, по которой должны, со временемъ, переноситься человѣческія мысли изъ одной части Свѣта въ другую!

— Тутъ надо, чтобы всѣ, начиная съ командующаго этимъ испанскимъ кораблемъ и перваго инженера—представителя науки, до послѣдняго матроса, исполняли бы точно и честно свою обязанность. Всѣ

они, и капитанъ, и инженеры слѣдящіе за электрическими ударами опускаемой металлической ленты, и простые матросы исполняющіе ихъ приказанія, — всѣ должны дѣйствовать дружно, точно и увѣренно.

— Въ наше время, когда людьми укрощаются силы природы, когда для общей пользы совершаются предприятия, вслѣдствіи труда многихъ личностей, точность и довѣріе становятся главными и первыми условіями вашей дѣятельности. Малѣйшая небрежность и оплошность послѣдняго изъ участвующихъ въ этомъ великомъ дѣлѣ, могутъ повлечь за собою неудачу большаго предприятия. Такъ приступайте же къ дѣлу съ бодрымъ духомъ, съ ясной головой и вѣрной рукою! И пусть каждый честно и свято исполнить свою обязанность!

Вѣрно и мѣрно подъ тактъ музыки выступаютъ матросы и поднимаются цѣпи якоря, приковавшія корабль ко дну морскому; онъ выходитъ изъ пристани, и мѣрно и величественно спускаясь по волнамъ начинаетъ свое знаменательное плаваніе по великому, необозримому Океану!

Никогда еще ни одинъ корабль не плылъ такъ гордо и смѣло, никогда еще ни одинъ корабль не совершалъ такъ благополучно возложенную на него задачу, какъ этотъ великій плаватель востока, этотъ исполинъ океановъ, извѣстный подъ именемъ „Грейтъ Истервъ!“ или Левиаѳанъ, „при спускѣ котораго, мы только что присутствовали. Представьте себѣ величайшую площадь, и эта большая площадь не могла бы въ себѣ помѣстить могучее паровое судно, имѣющее 700 футъ длины и 80 футъ ширины, а выши-

ной своей, превышающее самые высокіе дома вашего города. Обшитое двойными желѣзными листами, это колоссальное судно сидитъ въ водѣ на 30 футъ глубины, а его верхняя палуба поднимается надъ водой выше двухъ-этажнаго дома. Весь корабль въ своихъ четырехъ, одинъ на другомъ возвышающихся этажахъ, можетъ вмѣстять до 10,000 человѣкъ; слѣдовательно, больше другаго меньшаго города. Машины дѣйствующія на этомъ гигантскомъ паровомъ суднѣ, и его изъ четырехъ частей состоящій винтъ, вышиной въ 24 фута, имѣютъ 3000 лошадиныхъ силъ, и приводятся въ дѣйствіе парами изъ 10-ти громадныхъ котловъ съ пятью трубами и 112 печами. Къ шести, большею частью желѣзнымъ мачтамъ, возвышающимся на палубѣ, прикрѣплены могучіе паруса, которые, раздуваемые попутнымъ вѣтромъ, способствуютъ къ скорѣйшему движенію этаго колосса. При необыкновенномъ объемѣ этого гигантскаго судна, капитану было бы невозможно отдавать повсюду свои приказанія посредствомъ трубы. Для этаго, на всемъ протяженіи корабля, устроенъ особенный телеграфный проводъ, по которому, съ центра корабля передаются приказанія капитана. На Левіаѳанѣ находится также полный сварадь для газоваго освѣщенія отдѣльныхъ судовыхъ помѣщеній. Все это паровое судно походить на небольшой, прекрасно устроенный городъ, снабженный всѣми удобствами современной жизни, который, какъ отдѣльный, замкнутый міръ, скользитъ увѣренно и безопасно по великому Океану, смѣло преодолевая самый бурный напоръ могучихъ волнъ.

Съ изумленіемъ смотримъ мы на это исполинское созданіе кораблестроительнаго искусства. Строителемъ Левиаѳана былъ великій архитекторъ и инженеръ *Изомбаръ Брунелъ*, который, лѣтъ 25 тому назадъ, построилъ въ Лондонѣ подъ Темзою тунель для удобнаго сообщенія между двумя половинами этаго огромнаго города.

Глядя на подобныя геніальныя произведенія, невольно приходятъ на умъ первыя слабыя попытки человѣка, пробовавшаго побѣдить бурную и могучую стихію. И мы невольно вспоминаемъ то время, когда человѣкъ, на качающемся древесномъ стволѣ или на грубомъ березовомъ челнокѣ, отважно пускался по синимъ волнамъ. Какая разница, какая бездна между этимъ давно прошедшимъ и настоящимъ! Въ тѣ времена, вода считалась отдѣляющей, отчуждающей стихіей, — а нынѣ? — Нынѣ — великій и необозримый океанъ считается прочнымъ соединеніемъ, не только странъ, но даже и частей свѣта; по немъ плывутъ покойно и удобно наши большіе корабли; по немъ безпрерывно и быстро перевозятъ величайшія тяжести въ отдаленныя пояса. Теперь же, ни моря, ни рѣки не составляютъ болѣе предѣловъ и границъ между народами. Напротивъ, эта оживленная стихія дѣйствуетъ благотворно и живительно; — она лучшій посредникъ и двигатель великихъ современныхъ торговыхъ сношеній.

Уже и древнимъ народамъ была извѣстна могучая сила покоящаяся въ синихъ волнахъ. Греческій поэтъ *Пиндаръ*, считаетъ воду важнѣйшей стихіей; знаменитый историкъ *Фукидидъ* восхваляетъ всемогущее вліяніе Океана, и многіе изъ мудрецовъ древности, какъ-

то: *Фалесъ*, *Гераклитъ*, находили въ этой стихіи перво-
зачальный источникъ всего существующаго. Народу,
въ его мѣологическомъ міросозерцаніи, святой *Океа-
носъ* казался неперешагаемой границей этаго міра.
Кромѣ того, древніе не имѣли точныхъ понятій ни о
водѣ, окружающей земной шаръ, ни о величинѣ нашей
планеты, которой только небольшая часть была имъ
извѣстна. Теперь, взглянувъ на карту или на глобусъ,
вы сейчасъ видите, что земля есть шаръ окруженный
водою; древніе же имѣли только весьма поверх-
ностное понятіе о водахъ внутреннихъ бассей-
новъ; главное ихъ вниманіе обращало на себя Соеди-
ненное море, такъ какъ въ земляхъ его окружающихъ,
сосредоточивалось все образованіе и просвѣщеніе
языческаго міра. Но и это самое Средиземное
море было населено воображеніемъ, самыми басно-
словными чудовищами. Герои *Одиссеи*, послѣ дол-
гихъ своихъ странствованій, вернулись съ пѣсня-
ми сиренъ и съ разказами о страшныхъ цикло-
пахъ. Такія же диковинки и чудеса повторялись и
позже, когда предприимчивый духъ и потребность въ
торговыхъ сношеніяхъ, заставляли мореплавателей выйти
изъ тѣснаго круга Средиземнаго моря, пройти *Герку-
лесовы столпы* и войти въ великій *Атлантическій*
океанъ. И здѣсь явились новые, невѣроятные разказы
о чудовищахъ населяющихъ эти новыя пространства,
какъ напримѣръ: о морскомъ змѣѣ, о морскомъ носо-
рогѣ, на которыхъ будто бы эти смѣлые мореплаватели
охотились.

Но когда, не смотря на все это, *Колумбъ* смѣло

плыль все дальше и дальше къ западу, пока не наткнулся на первыхъ предвѣстниковъ новаго материка, когда Васко-ди-Гама открыль новый морской путь въ Индію, и Магелланъ, объѣхавъ въ первый разъ землю, практически доказалъ ея шарообразный видъ, тогда стали мы владыками всѣхъ частей океана, и дѣйствительными властелинами земли. Съ тѣхъ поръ прошли столѣтія, а великій Океанъ былъ постоянной ареной могучихъ и полезнѣйшихъ изобрѣтеній и открытій. Всѣми народами овладѣло непреодолимое желаніе участвовать въ довершеніи великаго дѣла открытій; неизвѣстныя земли населялись, незнакомые острова колонизировались, всемірная торговля и сношенія распространялись повсюду, а съ ними, образование и просвѣщеніе прокладывали себѣ дорогу, и въ пустыняхъ, и между дикими народами самыхъ отдаленныхъ земель. Все было подготовлено для новой эры изобрѣтеній, нашедшихъ готовое поле къ ихъ практическому примѣненію. Въ этихъ открытіяхъ сила паровъ заняла первое мѣсто; она всего больше способствовала къ ускоренію и обезопасенію морскихъ сношеній.

Уже цѣлыхъ три столѣтія стремятся всѣ народы къ тому, чтобы устранить замкнутость странъ: желѣзныя дороги и телеграфы стали международны; мы научились употреблять для нашей пользы всюду дѣйствующіе лучи свѣта, которые съ удивительною точностью воспроизводятъ намъ картины и образы самыхъ отдаленныхъ странъ и предметовъ. Для этихъ великихъ изобрѣтеній не существуетъ болѣе разстояній. *Светопись* и *электрическій телеграфъ* превзошли всѣ великія

открытія доселѣ сдѣланныя въ физикѣ и химіи. Сила паровъ и желѣзныя дороги, облегчивъ тѣлесное передвиженіе, вызвали, до сихъ поръ не предвидѣнныя сношенія, — обмѣвъ мысли и передвиженіе людей! Свѣтопись, въ одно мгновеніе превращаетъ минутныя впечатлѣнія въ прочныя воспоминанія. Электрическій телеграфъ въ одно мгновеніе переноситъ наши мысли на другой конецъ земли. Точное познаніе границъ земнаго шара, или эпоха открытій, должна была предшествовать нашъ вѣкъ великихъ изобрѣтеній; для безопасности и общаго распространенія морскихъ сношеній и полнаго развитія мореплаванія, необходимо было примѣнить пары, и точно познать законы воды. Затѣмъ, прежде чѣмъ возможно было съ быстротою молвіи переносить наши мысли съ одного мѣста на другое, оказалось необходимымъ, точно изслѣдовать эту таинственную силу природы, которая помогла бы намъ устранить предѣлы разстоянія и времени. И такъ, всѣ выше названныя открытія и изобрѣтенія, должны были предшествовать основанной въ глубинѣ океана вѣти новыхъ путей, которые могли бы, изъ одной страны въ другую, сообщать съ быстротою молвіи всѣ мысли человѣка.

2.

Въ таинственной мастерской природы.

Мысленно проводили мы великаго, восточнаго плователя въ безконечный океанъ; одинъ видъ этаго колоссальнаго корабля внушилъ намъ чувство его полнѣйшей безопасности. Однако, не смотря на всю его силу

и громадность, мы сознаемъ, что онъ состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ частей, безчисленныхъ кусковъ дерева, досокъ и желѣза, которыя, соединенныя вмѣстѣ, держатся крѣпко и безопасно по законамъ, определеннымъ природой. Отчего и почему именно такъ, а не иначе дѣйствуютъ эти законы?—это остается намъ неизвѣстно, и мы даже нисколько не удивляемся этому; вѣдь ежедневно приходится намъ видѣть, на нашихъ домахъ и роскошныхъ зданіяхъ дѣйствіе тѣхъ же законовъ; напротивъ, мы бы скорѣе удивились, еслибы, это было иначе. Правда, мы часто и не умѣемъ отвѣтить на вопросы о послѣднихъ причинахъ того или другаго явленія, такъ какъ мы неспособны изслѣдовать и уловить таинственную дѣятельность природы. — Есть такія явленія, въ которыхъ мы чувствуемъ таинственныя причины, но не будучи въ силахъ ихъ разгадать, мы имъ только удивляемся, и приходимъ къ тому убѣжденію, что въ таинственной мастерской природы существуютъ еще такія силы, дѣйствіе которыхъ мы должны признать также, какъ признаемъ законы дѣйствующіе ежедневно, съ ихъ видимыми и ссызательными послѣдствіями. Къ этимъ таинственнымъ силамъ природы принадлежатъ безспорно такъ называемая *электрическая сила*; и на ея-то дѣйствіи именно основана великая задача, разрѣшеніе которой мы постараемся объяснить нашимъ читателямъ. Для лучшаго объясненія, перенесемъ въ древнія времена, и войдемъ во внутрь Элинскаго дома. Здѣсь, греческія матроны и дѣвушки сидятъ за работой, и проворно вертятъ свои веретена, на которыя наматываютъ шерстяныя нитки. Ихъ потѣшаетъ видъ малень-

кихъ волоконъ, которыя, отдаляясь отъ шерсти, то летятъ къ веретену, то опять падаютъ внизъ. Веретено выложено янтаремъ, —любимымъ украшеніемъ древнихъ грековъ; треніе шерстяныхъ нитокъ вокругъ веретена, привело янтарь въ свойственное ему возбужденіе, и произвело вышеописанную игру природы, которая ни что иное, какъ *притяженіе* и *отталкиваніе*. Отъ греческаго слова, *elkein*, (притягивать,) янтарь названъ былъ древними *elektron*; а таинственная сила природы, которая посредствомъ тренія развиваетъ въ извѣстныхъ тѣлахъ способность притягивать болѣе легкія тѣла, получила въ послѣдствіи названіе *электрической силы*. Уже въ VII-омъ столѣтіи до Р. Христ., одинъ изъ греческихъ мудрецовъ Фалесъ, открылъ это свойство янтара, но хотя и многіе послѣ него пробовали тотъ же самый опытъ и съ другими тѣлами, но никто не вдумывался о внутреннихъ причинахъ этаго явленія, и всѣ довольствовались предположеніемъ, или гипотезой, что въ этихъ тѣлахъ кроется невидимая душа, которой дѣятельность возбуждается треніемъ. Болѣе основательные опыты произвелъ въ XVII-омъ столѣтіи англійскій физикъ Вильямъ Джильбертъ, открывшій тоже свойство во многихъ другихъ тѣлахъ. Чтобы вамъ нагляднѣе убѣдиться въ этой силѣ притягиванія, существующей въ извѣстныхъ тѣлахъ, возьмите палочку сургуча, натрите ее сильно шерстяной матеріей, и потомъ, держите ее надъ нарѣзанными маленькими бумажными обрѣзками. Вы тогда увидите, какъ эти обрѣзки будутъ быстро прыгать въ верхъ, и осаждаться вокругъ натертой палкѣ сургуча. Но чрезъ

въ некоторое время, они опять станут удаляться, или, выражаясь точнѣе, будутъ *отталкиваемы*. Это наблюдение окажется еще вѣрнѣе и нагляднѣе, если, вмѣсто бумажныхъ обрѣзокъ, мы возьмемъ шарикъ изъ бузиновой сердцевины и привѣсимъ его на шелковинкѣ. Тогда получимъ мы *электрическій маятникъ* который, сильно притягиваемый поднесеннымъ къ нему сургучемъ, послѣ прикосновенія къ нему, стремится отъ него удалиться. Точно также видимо и осязательно проявляется электрическая сила и въ стеклянной трубкѣ, натертой шелковымъ платкомъ. Между тѣмъ, дѣйствіе сургуча и стеклянной трубки совершенно различно: и это различіе всего лучше покажетъ намъ тотъ же электрическій маятникъ. Если вы возьмете бузиновый шарикъ, наэлектризованный отъ прикосновенія къ сургучу, и стремящійся отъ него удалиться, то, приблизя его немедленно къ натертой стеклянной трубкѣ, послѣдняя будетъ сильно притягивать этотъ шарикъ; и на оборотъ, другой шарикъ, прикоснувшійся сперва къ стеклянной трубкѣ, будетъ сильно стремиться къ поднесенному сургучу. Изъ этаго слѣдуетъ, что электричество стекла и электричество сургуча не только совершенно различнаго свойства, но даже оба эти электричества противоположны другъ другу; и въ наукѣ, первое называется *положительнымъ*, второе — *отрицательнымъ электричествомъ*.

Естествоиспытатель Дифай, первый сдѣлалъ это важное открытіе, и опредѣлилъ, что всѣ тѣла, въ которыхъ электричество возбуждается треніемъ, бываютъ положительно или отрицательно электричны. Разница ме-

жду этими двумя электричествами состоитъ въ томъ, что однородныя электричества отталкиваются, а разнородныя—притягиваются. Тѣло, повидимому, находится въ естественномъ состояніи или *не наэлектризовано*, тогда когда во всѣхъ его точкахъ одинаковое количество обѣихъ жидкостей; напротивъ, тѣло наэлектризовано *положительно*, если въ немъ больше положительной жидкости, и *отрицательно*, если въ немъ преобладаетъ отрицательная жидкость.

Это стремленіе къ сравненію, или распространенію избытка электричества не одинаково во всѣхъ тѣлахъ. Нѣкоторыя тѣла особенно способны передавать или распространять электричество, и потому, называются *хорошими проводниками*, или *проводниками электричества*; другія тѣла, напротивъ, сопротивляются электрическому возбужденію, и называются *дурными проводниками* или *изоляторами*.

Къ числу хорошихъ проводниковъ принадлежатъ: вода и вообще жидкости, животныя тѣла, но преимущественно металлы и въ особенности мѣдь. Къ дурнымъ проводникамъ, причисляется: стекло, воздухъ, смолистыя вещества и т. д. Дурные проводники наэлектризованные треніемъ, не передавая такъ скоро возбужденное въ нихъ электричество, имѣютъ способность притягивать на нѣкоторое время легкія тѣла, какъ мы это видѣли въ сургучѣ и бумажныхъ обрѣзкахъ. Сильнымъ и продолжительнымъ треніемъ можно возбудить въ этихъ тѣлахъ такое количество электричества, что приблизивъ къ нимъ хорошій проводникъ,

электричество проявится въ видѣ синеватой искры, и съ легкимъ трескомъ переходитъ въ проводникъ.

Самый величественный примѣръ соединенія двухъ электричествъ является въ естественномъ процессѣ грозы. Молнія есть ни что иное, какъ напряженная электрическая искра, а громъ—внятный трескъ. Во время грозы, электричество распределено въ воздухъ и въ землѣ такимъ образомъ, что въ первомъ, больше положительнаго, а во второй, больше отрицательнаго электричества; и когда громовыя облака, насыщенные противоположнымъ электричествомъ приближаются другъ къ другу или къ землѣ, то тогда, сильный трескъ сопровождается всегда искрами, которыя мы и называемъ громомъ и молніей, и которымъ мы въ маленькомъ видѣ можемъ подражать посредствомъ, такъ называемой электрической машины, съ помощью которой, извѣстными опытами возможно накопить большое количество электричества.

Существенныя части такого прибора суть: *трущаяся тѣло* и *кондукторъ* принимающій въ себя возбужденное электричество. Отто фонъ Герике (Магдебургскій бургомистръ въ XVII-омъ столѣтїи) первый придумалъ простыя средства для такого прибора. Онъ теръ сѣрный шаръ, употребляя руку вмѣсто трущаго прибора. Въ послѣдствїи придумали стеклянный шаръ, кругъ или цилиндръ, вращаемый вокругъ оси, и особенный трущій приборъ, состоящій изъ кожаной подушки и соединенный съ кондукторомъ; напротивъ трущаго прибора ставится второй кондукторъ, котораго вилкообразная часть назначена принимать въ себя электричество.

Вертящийся кругъ и второй кондукторъ дѣлаются положительно электричны, а трущее тѣло и первый кондукторъ — отрицательно.

Чтобы наэлектризовать какое нибудь тѣло, надо его только соединить съ положительнымъ кондукторомъ, г. е. съ хорошимъ проводникомъ, наиримѣръ, металлической проволокой, и тогда электричество перейдетъ изъ кондуктора въ тѣло. Такой электрическій приборъ стоялъ на столѣ у Италіянскаго врача и естествоиспытателя Алоизія Гальвани (родившаго въ Болонѣ въ 1737 г.). Когда онъ въ 1790 году дѣлалъ различныя опыты съ мертвыми лягушками и, когда его помощникъ возбудилъ въ машинѣ нѣсколько искръ, то лапки мертвой лягушки начали вздрагивать, какъ будто у живой. Гальвани, наблюдая за дѣйствіемъ этой силы въ животномъ тѣлѣ, назвалъ ее *животнымъ электричествомъ*, признавая въ каждомъ живомъ существѣ свойственную ему электрическую способность, находящуюся въ нервахъ. Въ послѣдствіи, *Александръ Вольта* (род. въ 1745 г. въ Комо и умершій въ 1827 г.) показалъ, что причина электричества, дѣйствующаго въ этихъ явленіяхъ, заключается въ прикосновеніи двухъ разнородныхъ проводниковъ, а въ особенности двухъ металловъ, причемъ, одинъ изъ нихъ будетъ положительнымъ, а другой — отрицательнымъ электричествомъ. Такъ, наиримѣръ, при соприкосновеніи цинка съ мѣдью, первый будетъ положительнымъ, вторая — отрицательнымъ электричествомъ. Вольта, взявъ двѣ пластинки этихъ металловъ, соединилъ ихъ посредствомъ куска папки, смоченной сѣрной кислотой, и

произвелъ въ этихъ пластинкахъ движеніе электричества, которое онъ въ честь Галвани назвалъ *Галваническимъ токомъ*.

Вамъ легко сдѣлать на самихъ себѣ простой опытъ такого электрическаго движенія. Для этого надо взять тонкую пластинку цинковой жести и кусочекъ мѣди. Цинкъ положите подъ языкъ, а мѣдь на него, такимъ образомъ, чтобы оба металла прикасались на концѣ языка. Тогда вы тотчасъ почувствуете во рту острое чувство и кисловатый вкусъ. Отчего?—Отъ точки соприкосновенія металловъ, положительное электричество проходитъ черезъ цинкъ, а изъ цинка—черезъ языкъ къ мѣди, и такимъ образомъ, постоянно дѣлаетъ это круговое движеніе. Соприкосновеніе металловъ, вслѣдствіе химическаго возбужденія черезъ жидкость, производитъ ежеминутно новое электричество, постоянно движущееся и образующее постоянный токъ.

Электричество, возбужденное соприкосновеніемъ двухъ разнородныхъ металловъ, въ сущности отличается отъ электричества, произведеннаго треніемъ только тѣмъ, что первое, посредствомъ своего прерваннаго дѣйствія, производитъ токъ или движеніе. Галваническій токъ бываетъ и тогда, когда эти два разнородные металла соединены проводникомъ, напрімѣръ: металлической проволокой.

Для усиленія дѣйствія галваническаго тока, соединяются нѣсколько металлическихъ паръ, изъ которыхъ каждая пара отдѣльно называется *элементомъ*. Уже Вольта составилъ приборъ, названный *Вольтовымъ столбомъ*, и состоящій изъ наложенныхъ другъ на друга

цинковыхъ, мѣдныхъ и цинковыхъ кружковъ, смоченныхъ сѣрною кислотою или растворомъ нашатыря, замѣняющихъ здѣсь жидкость. Здѣсь надо еще замѣтить, что противоположные концы столба оканчиваются разнородными металлами, или другими словами:—если верхняя металлическая пара начинается цинкомъ, то нижняя должна оканчиваться мѣдью; внутри столба преобладаетъ относительно двухъ электричествъ нейтральное состояніе; т. е. положительное электричество сосредоточивается на верху у цинковаго полюса, а отрицательное—внизу у мѣднаго полюса. Если соединить оба полюса, посредствомъ проволоки, тогда токъ замкнутъ; но если эта гальваническая цѣпь прерывается, то между обѣими концами проволоки покажется электрическая искра. Въ настоящее время, вмѣсто Вольтова столба, употребляются другіе приборы, состоящіе изъ стеклянныхъ сосудовъ или *элементовъ*.

Въ самомъ большемъ употребленіи *баттарей Даниэля*, состоящая изъ элементовъ, изъ мѣди, цинка, мѣднаго купороса и слабой сѣрной кислоты; въ баттарей, составленной изъ такихъ элементовъ, химическое разложеніе жидкостей не имѣетъ вреднаго дѣйствія, ни на продолжительность электрическаго тока, ни на проводъ. Съ помощью этихъ приборовъ, и въ особенности, усовершенствованныхъ новыхъ баттарей, возможно произвести силу, ведущую электрической токъ съ неизвѣстной быстротою по проводу какой бы то ни было длины. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ рассчитано, что, если-бы существовалъ соотвѣтственно длинный проводъ,

то электричество въ одну секунду могло бы пробѣжать одиннадцать разъ вокругъ земли.

Эта быстрота вполне удовлетворяетъ всѣмъ нашимъ требованіямъ. Устроивъ провода отъ одного пункта земли до другаго, мы можемъ посредствомъ попеременнаго возбужденія и прерыванія электрическаго тока, давать мгновенно сигналы.

Однако, какъ узнаемъ мы, когда электрическій токъ пробѣгаетъ по проволочному проводу? Здѣсь встрѣчаемъ мы опять новую таинственную силу природы, открытіемъ и изслѣдованіемъ которой, мы обязаны новѣйшему времени, именно настоящему столѣтію. Эта новая сила—*магнетизмъ*—который въ простѣйшемъ своемъ проявленіи былъ извѣстенъ уже и въ древности: свойство притягивать желѣзо впервые замѣтили въ желѣзной рудѣ (состоящей изъ 12 частей желѣза и 28 кислорода), или такъ называемомъ *магнитномъ камнѣ*. Однако, прошло много времени, пока сдѣлано было дальнѣйшее открытіе—что этотъ камень въ состояніи передать свою силу и простому желѣзу — т. е. сдѣлать желѣзо магнитомъ. Въ послѣдствіи открыли способность сообщать это свойство и стали, и мягкому желѣзу (только временно), и называли ихъ *искусственными магнитами*.

Въ XIII-омъ столѣтіи сдѣлано было еще новое важное открытіе: узнали, что свободно повѣшенная и приведенная въ движеніе магнитная стрѣлка, всегда возвращается къ своему первоначальному направленію — къ *сѣверу*. Это открытіе повело къ изобретенію магнитной стрѣлки, *компас* или *буссоли*, усовершенствованной

итальянцем Флавіо Жіоіа въ 1302 г.; съ помощью этого важнаго инструмента, мореплаватели могутъ и днемъ и ночью среди великаго океана найти себѣ дорогу.

Причина магнитныхъ явленій до сихъ поръ еще не вполне разслѣдована; многіе объясняли ее различно. Амперъ объясняетъ магнитныя явленія, пріятіемъ въ каждомъ элементѣ круговыхъ гальваническихъ токовъ. Въ немагнитномъ состояніи желѣза или стали, токи эти имѣютъ всевозможныя направленія; при намагничиваніи, токи дѣлаются параллельными, и получаютъ одно и тоже направленіе. Приблизивъ желѣзо къ магниту, или положивъ его внутри спиральной проволоки, по которой проходятъ гальваническій токъ, желѣзо легко намагничивается, но и также скоро теряетъ магнетизмъ, если удалить магнитъ или прервать токъ въ проволокѣ. Этимъ объясняется притяженіе магнитомъ желѣза, гдѣ притягивается не самое желѣзо, а магнитныя жидкости, раздѣленныя отъ дѣйствія тока.

Какъ не важно было открытіе магнитной стрѣлки для мореплаванія, но все таки высшее свое значеніе получило оно тогда, когда узнали ея отношеніе къ электрической силѣ. Въ 1820 году, датчанинъ Эршtedтъ сдѣлалъ открытіе, что, приблизивъ цѣпь гальванической батареи къ магнитной стрѣлкѣ, она отклонится отъ своего положенія. Если въ проволокѣ нѣтъ тока, то стрѣлка сохраняетъ свое естественное положеніе къ сѣверу; но какъ только является токъ, то она приходитъ въ движеніе, и стремится, смотря по силѣ тока, встать болѣе или менѣе вертикально къ положенію проволоки.

Магнитная стрѣлка чрезвычайно чувствительна къ существованію гальваническаго тока, и служить орудіемъ, посредствомъ котораго, мы узнаемъ, пробѣгаетъ-ли электрическій токъ по проводу. Мы уже говорили выше, что для электричества, которое величайшія растоянія пробѣгаетъ въ одно мгновеніе, длина провода не имѣетъ никакого значенія, то въ электричествѣ и магнетизмѣ представился удобнѣйшій способъ, попеременнымъ дѣйствіемъ и прерываніемъ электрическаго тока съ помощью магнита, подавать удобоузнаваемые знаки и передавать наши мысли. Мы здѣсь не будемъ разбирать различныя системы, примѣняемыя для техническаго изображенія этихъ знаковъ, довольствуемся тѣмъ, чтобъ намъ удалось ознакомить нашихъ читателей съ тѣми таинственными силами, посредствомъ которыхъ возможно, на самыя дальнія растоянія, передавать скорѣйшимъ и вернѣйшимъ способомъ наши мысли.

ГЛАВА III.

Электрическій телеграфъ.

Кто изъ васъ, читатели, не знаетъ желѣзныхъ дорогъ и всю ихъ благодѣтельную пользу! Какъ часто приходилось вамъ по нимъ ѣздить! и, сидя въ уютномъ уголкѣ удобнаго вагона, вы смотрите въ окно, и предъ вашими глазами, какъ въ калейдоскопѣ, смѣняются горы и долины, поля и луга, рѣки и лѣса; и тутъ-же мелькаетъ безчисленное множество воздушныхъ стол-

Телеграфная станция на которой передается депеша.

бовъ. Тутъ вы тоже видите, какъ вдоль этихъ столбовъ непрерывно тянется нѣсколько рядовъ тонкихъ желѣзныхъ проволокъ, безконечность которыхъ, подъ конецъ утомляетъ вашъ глазъ. Вотъ эти-то проволоки не слышно переносятъ наши мысли изъ одного мѣста въ другое, отъ одной станціи на другую, быстрѣ паровъ, быстрѣ всего, что мы могли-бы придумать; и пока вы успѣете проѣхать извѣстное разстояніе, то уже мимо васъ перенеслось и перелетѣло сотни такихъ посланій. Это чудесное дѣйствіе новаго изобрѣтенія, извѣстно подъ именемъ *электрическаго телеграфа*; это та таинственная передача мыслей, распространенна теперь по всему земному шару, есть явленіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ только въ наше время. Однако, потребность быстрого сообщенія мыслей, чувствовалась уже и въ самыхъ отдаленныхъ временахъ, такъ что даже и у древнихъ грековъ былъ родъ телеграфовъ, состоящій изъ огненныхъ знаковъ, посредствомъ которыхъ, жена Агамемнона на разстояніи 60 миль, въ ту же ночь узнала о взятіи Трои, когда, послѣ десятилѣтней борьбы, осаждающимъ удалось, наконецъ, покорить гордую крѣпость. Этотъ-же способъ употребляли и въ древней Германіи, зажигая на горахъ огни, которыми по всей странѣ подавали сигналы тревоги; у Швейцарцевъ и другихъ горныхъ народовъ, эти сигналы тревоги были тоже въ большемъ употребленіи.

Въ 17 и 18 столѣтіяхъ, въ Германіи впервые придумали систему оптическихъ, на дальнее разстояніе видимыхъ знаковъ, и устроили болѣе правильное телег-

рафное сообщеніе, вошедшее во всеобщее употребленіе только съ 1789 г. стараніями Француза *Клодъ Шаппа*.

Система оптическихъ телеграфовъ основана на томъ, что каждая буква имѣеть свой особый телеграфный знакъ, который-бы можно было отличать отъ другихъ, посредствомъ телескопа, находящагося на большомъ разстояніи. На возвышенныхъ мѣстахъ устраивались башни или подмости, на которыхъ находились телеграфы. Подъ телеграфами были комнаты, въ которыхъ наблюдали за близъ находящимися телеграфами, между тѣмъ, какъ другой наблюдатель отмѣчалъ даваемые телеграфами знаки и передавалъ ихъ далѣе.

Этотъ оптическій телеграфъ вскорѣ распространился по всей Франціи; другія страны, а въ особенності Австрія, Пруссія, Англія и Россія послѣдовали примѣру Франціи. Хотя телескопы сильно облегчали этотъ родъ телеграфовъ, но онъ все таки оставался въ большой зависимости отъ погоды, такъ такъ малѣйшій туманъ или дождь прерывалъ дѣйствіе между двумя станціями; кромѣ того, этотъ телеграфъ служилъ только для правительственныхъ цѣлей, и не примѣняясь къ всеобщей корреспонденціи, не приносилъ особенной пользы.

Въ настоящее время, оптическіе телеграфы совершенно вытѣснены *электромагнитными*, окружающими почти весь земной шаръ, и которые во всякое время, и изъ каждаго мѣста земли, передаютъ въ другое, какъ-бы отдаленно оно-бы не было, всевозможныя извѣстія. Смотрите-же внимательно и съ должнымъ вниманіемъ на эти безконечныя проволочныя проводы, которые тянутся вдоль желѣзныхъ дорогъ! По нимъ лѣ-

тять не только всѣ мысли, различныя извѣстія, но съ помощью телеграфа предупреждаютъ много зла, ловятъ воровъ, преступниковъ; желѣзныя дороги способствуютъ имъ часто ускользнуть отъ мѣста преступленія, и сѣвъ въ вагонъ, и проѣхавъ большое разстояніе, они считаютъ себя въ безопасности. Но телеграфъ быстрѣе паровъ предупреждаетъ другой городъ о ихъ бѣгствѣ, и негодяй не успѣетъ выйти изъ вагона, какъ видитъ ужь себя окруженнымъ блюстителями порядка, и принужденъ слѣдовать за ними, чтобы получить должное наказаніе за свое преступленіе. Васъ это удивляетъ, а между тѣмъ, это только одно изъ тѣхъ многихъ чудесъ, которыя электрическій телеграфъ въ состояніи произвести; при чемъ, почти все равно, должно-ли извѣстіе пробѣжать нѣсколько сотъ миль или пролетѣть небольшое разстояніе. Телеграфныя провода тянутся не только вдоль всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, но даже и тамъ, гдѣ еще нѣтъ рельсоваго пути. Напримѣръ, въ Россіи проведенъ телеграфъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ еще долго не будетъ желѣзной дороги. На различныхъ телеграфныхъ станціяхъ, всего больше распространены аппараты *Морзе*, которые передаютъ знаки на бумагѣ съ помощью точекъ и черточекъ. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ телеграфиста, работающаго на такомъ аппаратѣ.

Его рука лежитъ на такъ называемомъ *ключь*, который открываетъ и смыкаетъ цѣпь, т. е. при нажатіи ключа, батарея смыкается, токъ пробѣгаетъ по проволоцѣ до слѣдующей станціи и дѣйствуетъ притягательно на рычагъ находящихся тамъ электромагнитовъ, вслѣдствіе чего

на бумажной катушкѣ отпечатываются извѣстные знаки, состоящіе изъ точекъ и черточекъ, смотря по тому, дольше или короче дѣйствуетъ токъ отъ соответствующаго нажатія ключа. Посредствомъ *транслации*, т. е. закрывъ провода промежуточныхъ станцій, можно телеграфировать прямо изъ Парижа въ Петербургъ.

Такъ какъ на такомъ большомъ разстояніи, атмосферное электричество ослабляетъ электрическій токъ, а слишкомъ сильныя батареи могли-бы вредно дѣйствовать на проводъ, то, при обыкновенной передачѣ депешъ на такихъ большихъ разстояніяхъ, пользуются нѣсколькими промежуточными станціями. Напримѣръ, между Парижемъ и Петербургомъ, промежуточные станціи Инстербургъ, Берлинъ и Кельвъ. Воздушные провода считаются лучшими, и въ тоже время самыми дешевыми; подземные или подводные провода должны быть снабжены очень крѣпкой оболочкой, такъ какъ земля и вода, считаясь хорошими проводниками электричества, могли-бы притянуть къ себѣ токъ изъ провода и не допустить ее достигнуть конца провода. Для соединенія острововъ съ материками (напримѣръ Англии съ Европейскимъ материкомъ) нельзя было избѣжать подводныхъ проводовъ, и для проложенія такихъ кабелей или подводныхъ телеграфовъ, потребовалась большая тщательность и особыя приспособленія. Главнымъ условіемъ при такихъ подводныхъ кабеляхъ, — это изолированіе провода отъ электрическаго притяженія воды; для этаго проводъ дѣлается обыкновенно изъ мѣди, и получаетъ гуттаперчевую оболочку (гуттаперча, это сгущенный сокъ одного яванскаго дерева). Для

наружной защиты противъ якорей находящихся у кораблей, и нападенія большихъ рыбъ, этотъ кабель со своей гуттаперчевой оболочкой обвивается еще арматурой, состоящей изъ слоя пакли, переплетенной желѣзными проволоками. Когда такой кабель благополучно оконченъ во всѣхъ своихъ частяхъ, тогда поручается кораблю опустить его въ море и дать ему надлежащее направленіе.

Получивъ такое понятіе объ электричествѣ, мы должны сознаться, что существованіе электрической силы уже извѣстно было за нѣсколько столѣтій тому назадъ; но нашему времени принадлежитъ заслуга при-мѣненія этой силы къ величайшимъ и дѣйствительно практичнымъ результатамъ.

ГЛАВА IV.

Въ глубинѣ морской.

Хотя споръ о настоящемъ изобрѣтателѣ электрическихъ телеграфовъ останется навсегда не рѣшеннымъ, и Гумбольдъ приписываетъ даже первое его изобрѣтеніе какому-то *Салва*, который уже въ 1798 г. устроилъ линію длиной въ 6 миль между Мадритомъ и Аранжуэзомъ, то о первомъ устройствѣ подводнаго телеграфа, мнѣнія расходятся еще гораздо болѣе.

Въ 1840 году, Ветстонъ сдѣлалъ англійскому парламенту предложеніе, соединить подводнымъ телеграфомъ Дувръ съ Кале. Но только въ 1843 году, профессоръ Морзе приступилъ серьезнѣе и основательнѣе

къ этому дѣлу, допуская даже и тогда возможность провести подводный телеграфъ чрезъ Атлантическій океанъ.

Это предположеніе осуществилось въ первый разъ въ 1851 году, соединеніемъ подводнымъ телеграфомъ Дувра съ Кале. Инженеръ Бреттъ подалъ въ 1850 году этотъ проэктъ; но тогда все еще не вѣрили въ возможность успѣха. Весь проэктъ считали химерой, и всѣ журналы и газеты не уставали порицать его, называя это сумасшествіемъ. Наконецъ, сдѣлана была и проволока изъ прочной мѣди, покрытой слоемъ гуттаперчи. Приготовивъ этотъ кабель въ Дуврѣ, его опустили по прямому направленію отъ Дувра къ мысу Гри-не (Gris nez) въ каналъ, и вскорѣ стали передаваться первыя депеши, доказавшія возможность устройства подводнаго телеграфа. Правда, что это первое телеграфное соединеніе между материкомъ и Англійскими островами продолжалось только нѣсколько часовъ. Усердный шкиперъ, плывя на лодкѣ, вдругъ вытащилъ кусокъ только что опущеннаго кабеля, и обрадованный необыкновенной находкой, онъ съ торжествомъ поспѣшилъ съ ней въ Булонъ, гдѣ показывалъ ее, какъ новую породу морскаго растенія, внутренность котораго наполнена золотомъ. Понятно, что онъ сталъ усердно продолжать свои поиски къ приобрѣтенію рѣдкаго и драгоценнаго продукта, и весьма скоро успѣлъ прервать окончательно электрическій проводъ. Узнавъ объ этой неудачѣ, инженеры, причастные къ этому дѣлу, стали придумывать болѣе солидное и прочное возстановленіе провода.

Во главѣ инженеровъ, оказавшихъ въ этомъ дѣлѣ самыя важныя услуги, стоятъ Крамптонъ, которому принадлежитъ честь проведенія перваго прочнаго и практичнаго подводнаго телеграфа.

Вскорѣ явились въ Европѣ и другія подводныя линіи: Италія соединилась съ Корсикой кабелемъ длиною въ 25 миль, и Данія провела тоже между своими большими островами подводный телеграфъ. Въ Америкѣ приступили тоже къ устройству подводныхъ проводовъ, и первая подводная телеграфная сѣть устроена была между мысомъ Рей на островѣ Нью-Фоундлендъ и мысомъ Бретонъ, а также и между островомъ Принцъ Эдуардъ и Новымъ Брауншвейгомъ. Для этаго соединенія острова Нью-Фоундлендъ съ материкомъ Америки, всего больше способствовалъ тамошній римско-католическій епископъ и англійскій инженеръ Джизборнъ. Послѣдній составилъ компанію, доставившую этому предпріятію нужныя средства, и неутомимо трудился надъ распространеніемъ этой сѣти. Во время своихъ частыхъ поѣздокъ въ Нью-Йоркъ, куда ѣздилъ по дѣламъ компаніи, онъ познакомился съ богатымъ купцомъ, который, прекративъ свои торговыя дѣла въ южной Америкѣ, переѣхалъ жить въ Нью-Йоркъ.

Царусъ Фильдъ съ большимъ вниманіемъ слушалъ рассказы и объясненія инженера, преданному всей душой своему дѣлу, и началъ самъ глубже вдумываться въ его проэктъ.

— И такъ, дѣло въ томъ, чтобы подводнымъ кабелемъ соединить Нью-Фоундлендъ съ нашимъ материкомъ! Это, конечно, сократитъ время для европейскихъ из-

вѣстій дня на три или четыре. И, погрузясь въ глубокую задумчивость, онъ долго просидѣлъ молча. Вдругъ взоръ его просвѣтлѣлъ и онъ радостно воскликнулъ:

— Отчего не погрузить бы кабель на дно океана? А что было бы, если бы провести этотъ же кабель чрезъ Атлантическій океанъ? Такимъ образомъ, задумано было великое дѣло! Въ Европѣ дошли же до того, что, чрезъ проливы провели электрическую проволоку, но тутъ при этой новой мысли дѣло касалось одного изъ Великихъ океановъ, длина котораго болѣе 400 миль, а глубина такъ велика, что еще даже и не разслѣдована. Однако, это намѣреніе погрузить кабель такой длины въ глубины морскія, и тѣмъ соединить древній міръ съ новымъ, не свыше ли оно человѣческихъ силъ и средствъ? Какъ бы то не было, надо все таки согласиться, что это одна изъ самыхъ свѣтлыхъ и грандіозныхъ идей явившихся когда либо человѣческому уму, и что эта идея не игра воображенія, не фантазія, которую бы нельзя осуществить; нѣтъ—это скорѣе одно изъ тѣхъ вдохновеній свыше, которыя успешное осуществленіе способно измѣнить судьбы вселенной, и произвести великій переворотъ въ развитіи человѣчества. Цирусъ Филдъ, былъ изъ числа тѣхъ людей, которые, разъ задумавъ что нибудь, преслѣдуютъ свою идею съ неутомимой дѣятельностью, пока не достигнутъ предвзятой цѣли. Еще въ ту же ночь написалъ онъ по этому дѣлу два важныхъ письма: одно къ морскому капитану Маури, спрашивая его мнѣнія о возможности погруженія телеграфнаго кабеля, а другое, къ профессору Морзе, которому онъ предло-

галь вопросъ, можетъ ли электрическій токъ проходить безопасно по проводу, погруженному въ Атлантическій океанъ. Оба отвѣта были самые благопріятные. Капитанъ Маури доносилъ, что его самого серьезно занимаетъ этотъ предметъ, по которому онъ уже болѣе года ведетъ дѣятельную переписку съ американскимъ морскимъ министромъ Доббинъ.

Морзе въ своемъ отвѣтѣ ссылаясь на публично, имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ высказанному мнѣнію, что считаетъ совершенно возможнымъ провести электрическій телеграфъ чрезъ Атлантическій океанъ.

Фильдъ немедленно приступилъ съ величайшею энергіею къ исполненію своего плана. Онъ составилъ компанію на акціяхъ, которая соединилась съ прежней компаніей, основанной Джизборномъ, и всѣми силами своего существованія, предался осуществленію великой идеи, стараясь устранивъ всѣ препятствія, и поколебать недовѣріе и насмѣшки. Хотя многіе и до него допускали возможность устройства Атлантическаго телеграфа, но Фильдъ былъ первый, которому вполне принадлежать заслуга осуществленія этой идеи. Когда, соединеніемъ восточнаго берега Нью-Фоундленда съ уже существовавшей телеграфной сѣтью Канады и Соединенныхъ Штатовъ, сдѣланъ былъ первый шагъ къ совершенію великаго дѣла, тогда Фильдъ отправился въ Англию, чтобъ привлечь и собрать новые капиталы, и заказать проводы, такъ какъ въ то время въ Сѣверныхъ Штатахъ еще не были для этаго устроены заводы. Въ Англіи Фильдъ сумѣлъ заинтересовать въ этомъ дѣлѣ извѣстнѣйшихъ инженероу, какъ то: Брюнеля, Брай-

та, Бретта и многихъ другихъ. Первый опытъ погруженія кабеля въ море былъ сдѣланъ въ 1855 г. Сильная буря принудила капитана корабля отрѣзать кабель. Эта неудача не имѣла однако никакихъ дурныхъ послѣдствій для дальнѣйшаго хода работъ. Сдѣланы были новые опыты, приобрѣтены многія новыя познанія, убѣждавшія все болѣе и болѣе въ возможности осуществленія великой задачи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДВѢ СУДЬБЫ.

(съ Англійскаго.)

Разумно

За мѣсяць предъ Рождествомъ, въ одинъ изъ морозныхъ ноябрьскихъ вечеровъ, темнымъ и узкимъ переулкомъ шли двое юношей, по направленію къ приходской Лейтонской церкви.

— Такъ рѣшено, ты идешь съ нами? ты согласенъ?.. сказалъ Яковъ Стивенсъ, юноша лѣтъ 17-ти.

Товарищъ его, Альфредъ Лукось, не сразу отвѣтилъ ему. Онъ видимо колебался; но, подумавъ немного, сказалъ:— Ты знаешь, Яковъ, что я охотно сдѣлалъ-бы это, чтобы доставить тебѣ удовольствіе, но я не могу идти съ тобою сегодня вечеромъ... Что скажетъ хозяинъ, когда не найдетъ тебя дома?.. Кромѣ того, согласись, что это и не хорошо!.. рѣзко прибавилъ Альфредъ.

— Мнѣ все равно, хорошо это или дурно, я знаю только то, что намъ будетъ очень весело, и ты много потеряешь, если откажишься принять участіе.. да впрочемъ, ты всегда былъ трусъ!

— Я не нахожу, чтобы я, не соглашаясь дѣлать то, что запрещено, — былъ трусомъ; слегка покраснѣвъ, возразилъ Альфредъ. — Лучше, послѣ уроковъ возвратимся ко мнѣ, прибавилъ онъ заискивающимъ голосомъ, — и мы вмѣстѣ проведемъ вечеръ...

— Ну, нѣтъ, ты не думай, чтобы я такъ легко отказался отъ своего намѣренія. Если ты не хочешь, такъ иди себѣ своею дорогою, а я пойду своею. — Только прошу тебя не сплетничать на меня хозяину.

Альфредъ ничего не отвѣчалъ на послѣднее замѣчаніе и оба, молча продолжали свой путь.

Яковъ и Альфредъ были товарищи, около шести лѣтъ работая вмѣстѣ на одной фермѣ.

Яковъ годомъ былъ старше Альфреда, и въ первое время, когда Альфредъ поступилъ на ферму, не разъ вступался за него въ драку съ мальчиками, надсмѣхавшимися надъ его слабостью и малорослостью. Альфредъ всегда за это питалъ къ нему живую признательность. Но время то давно ужъ миновало, и самъ онъ давно ужъ научился защищаться собственными силами. Онъ ужъ не стыдился болѣе тѣхъ честныхъ поступковъ, и той прямоты своей, за которые подвергался насмѣшкамъ товарищей. Онъ давно выучился бороться съ искушеніями и съ влеченіями ко злу. Не легко доставались ему побѣды, но молитва и упованіе на Бога давали ему силы превозмогать всѣ трудности.

Въ то время, къ которому относится нашъ рассказъ, ему минуло 16 лѣтъ. Онъ былъ стройнаго и довольно высокаго роста для своихъ лѣтъ. Блѣдный цвѣтъ его

лица, и темные глаза, производили очень пріятное впечатлѣніе.

За годъ до того, Альфредъ потерялъ отца и, оставшись съ слѣпою матерью и съ маленькою сестрою, работалъ за двоихъ, чтобы только доставить своей бѣдной матери всевозможныя удобства; сестрѣ-же, которая была нѣсколькими годами моложе его, онъ, своими заботами и попеченіями вполнѣ замѣнилъ отца.

Иначе сложилась жизнь Якова.

Родители его всегда бѣдствовали, —отецъ, благодаря лѣности, а мать—дурному поведенію, попали впоследствии въ рабочій домъ, гдѣ, спустя нѣкоторое время умерли, оставивъ круглыми сиротами 8-ми лѣтняго Якова и 6-ти лѣтнюю сестру его. Не весело прошло ихъ дѣтство. Воспитанные въ дурной средѣ, они не могли не подчиниться ея вліянію, и въ натурѣ Якова оно дѣйствительно положило задатки ко всему порочному.

Десяти лѣтъ, оставивъ рабочій домъ и отправившись искать себѣ мѣста въ сосѣднихъ помѣстьяхъ, онъ обратился къ мистеру Лейксу, владѣльцу богатой фермы вблизи Лейтона.

Открытое и умное лицо Якова понравилось мистеру Лейксу, и онъ охотно взялъ его на испытаніе. Первые два года, Яковъ велъ себя хорошо, и мистеръ Лейксъ былъ имъ очень доволенъ. Но за тѣмъ, поведеніе его измѣнилось; онъ попалъ въ дурное общество, которое совратило его съ пути истиннаго, и однажды онъ былъ пойманъ, когда воровалъ яблоки въ саду своего хозяина.

Огорченный своимъ проступкомъ Яковъ, со слезами на глазахъ просилъ прощенія, обѣщая исправиться.

Сжалившись надъ нимъ, мистеръ Лейксъ оставилъ его у себя.

Въ прошломъ году, послѣ полученія вмѣстѣ съ Альфредомъ, перваго причастія, онъ сталъ вести себя гораздо лучше, и вообще серьезно относиться къ своей работѣ.

Съ удовольствіемъ проводилъ онъ цѣлые вечера вмѣстѣ съ Альфредомъ, въ плотничей мастерской имъ же самимъ построенной.

Альфредъ - же посвѣщалъ мастерской все свободное время, работая тамъ для своей слѣпой матери вещи, которыя могли-бы предоставить ей тѣ или другія удобства.

Съ нѣкоторыхъ поръ, Яковъ все рѣже и рѣже сталъ посѣщать мастерскую. Замѣчая это, Альфредъ былъ увѣренъ, что онъ снова сошелся со своею прежнею компаніей, которая любила его за отважный и беззаботный характеръ.

Яковъ и Альфредъ оба участвовали въ церковномъ хорѣ, и въ сказанный вечеръ отправлялись на еженедѣльный урокъ, который давалъ имъ органистъ Лейтонской церкви Мистеръ Тальмеръ.

Дорогой, Яковъ передавалъ Альфреду задуманный имъ и его товарищами планъ, охотиться въ сосѣднемъ лѣсу, принадлежавшемъ владѣльцу большаго имѣнія Мистеру Грейсу. Туда-то онъ и уговаривалъ Альфреда идти вмѣстѣ съ нимъ. Вы уже знаете, что ему отвѣтилъ Альфредъ. Теперь увидимъ, что случилось дальше.

Прійдя въ церковь, они замѣтили, что пришла пос-

лѣдниками, и что Мистеръ Тальмеръ ждалъ ихъ, такъ какъ ему нужны были ихъ голоса для одного антифона, который они заучивали. Это былъ одинъ изъ антиоеновъ, которые поются въ первое воскресеніе Филипповскаго поста.

У Альфреда былъ прекрасный теноръ. Мистеръ Тальмеръ нашель, что никогда еще не пѣлъ онъ такъ хорошо, какъ въ этотъ вечеръ.

Онъ дѣйствительно пѣлъ этотъ разъ съ глубокимъ чувствомъ; сердце его живо откликалось на каждое слово этаго текста. Онъ сознавалъ, что слова эти спасли его отъ многихъ бѣдъ, искушеній и пороковъ.

Мысли его перенеслись потомъ на Якова, и онъ возсылалъ теплыя молитвы къ Всевышнему, чтобы онъ спасъ и его отъ зла и несчастій, которыя неизбѣжно грозили ему, если онъ не исправится.

Гдѣ-же были тогда мысли Якова? Далеко были онъ отъ молитвы. Онъ думалъ въ это время, какъ-бы ему уйти незамѣченнымъ. И лишь кончился урокъ, Яковъ поторопился скрыться съ однимъ изъ своихъ товарищей.

Альфредъ отправился домой, грустный и задумчивый. Его безпокоила мысль: что ожидаетъ Якова?

Но всѣ эти грустныя размышленія оставили его, когда онъ дошелъ до дому.

На лицѣ его уже сіяла улыбка и готовы были нѣжныя привѣтствія. Его мать, безпокойно повернулась къ двери, когда онъ вошелъ.

— Отчего ты сегодня пришелъ позже обыкновеннаго? Тебя развѣ задержалъ мистеръ Тальмеръ?..

— Да, дорогая матушка, онъ задержалъ насъ долѣ-

ше обыкновеннаго, и притомъ, я еще тихо шель... Конечно, я поторопился-бы, если-бы зналъ, что тебя такъ тревожило мое отсутствіе.

— Ты съ Яковымъ возвратился домой?

— Нѣтъ... отвѣтилъ онъ и, какъ будто хотѣлъ еще что-то прибавить, но, замѣтивъ свою маленькую сестру подозвалъ ее къ себѣ.

— Лиза, сказалъ онъ, сажая ее къ себѣ на колѣна,

— Хорошо ты сегодня вела себя въ школѣ?

— Да, хорошо, мною остались довольны... Я знала свои уроки, и учительница нашла, что и вязаніе мое хорошо было сдѣлано. Я не ссорилась съ подругами; теперь пусти меня, я принесу библию, и прежде чѣмъ пойду спать, мы прочитаемъ матушкѣ вечернюю молитву.. Сказавъ это, она соскочила съ его колѣвъ, и принесла библию.

— Матушка, сказалъ Альфредъ, докончивъ свое чтеніе, — ничего, если я оставлю тебя на короткое время.. Мнѣ-бы хотѣлось сегодня еще докончить твое кресло;—я съ нетерпѣніемъ хочу скорѣ видѣть тебя сидящею въ немъ.

— Господь да благословитъ тебя, дитя мое; ты всегда только и заботишься о своей бѣдной матери, отвѣчала она съ улыбкою грусти и радости.

— Ты знаешь, матушка, что это мое лучшее удовольствіе, сказалъ онъ, нѣжно цѣлуя ее и свѣща уйдти.

Ему не многое оставалось, чтобы додѣлать кресло, къ которому онъ придѣлалъ пюпитръ, гдѣ мать его могла класть свою библию съ выпуклыми буквами.

Довольный своею работою, онъ принесъ ее матери.

Искренно радуясь ея похвалами, онъ долго любовался, глядя на сидящую въ этомъ креслѣ мать.

Въ эту минуту вбѣжала дѣвушка, служанка его хозяина, и торопливо передала ему, что жеребята разбѣжались изъ своихъ клѣтѣй на берегъ, что хозяинъ замѣтилъ ихъ, поздно возвращаясь домой; онъ долго дождался Якова, но, такъ какъ тотъ до сихъ поръ еще не возвратился, то хозяинъ приказалъ, чтобы Альфредъ загналъ ихъ въ клѣти, а то они попортятъ посѣвы. — Не извѣстно куда дѣвался Яковъ, прибавила она, — онъ уже два часа тому назадъ долженъ былъ быть дома.

Слѣдуетъ замѣтить, что такъ, какъ Яковъ жилъ въ самой фермѣ, то его обязанность была смотрѣть за скотомъ, и каждый день кормить его.

Альфредъ ничего не отвѣтилъ дѣвушкѣ на ея послѣднее замѣчаніе. Торопливо взявъ свою шапку, онъ сказалъ уходя, что бы его не ожидали, ибо уже было 11 часовъ, и онъ предполагалъ, что будетъ долго задержанъ. Такъ и случилось, жеребята разбрѣлись въ разныя стороны, и ему стоило не мало хлопотъ, чтобы прагнать ихъ домой.

Было уже за полночь, когда онъ берегомъ возвращался домой. Ночь была тихая и звѣздная. Лишь журчаніе воды и скрипъ снѣга подъ ногами, раздавались среди этой тишины. Онъ бодро шелъ своею дорогою, какъ вдругъ ему послышался какой-то крикъ. Остановившись, онъ сталъ прислушиваться. И, дѣйствительно,

онъ не ошибся, отчаянный крикъ снова послышался и казалось, выходилъ изъ рѣки. Порывисто раздвинувъ мелкій кустарникъ, отдѣлявшій его отъ рѣки, онъ зорко сталъ вглядываться въ потокъ. Луна, выплыла изъ за облака, и ярко освѣтила всю мѣстность. Онъ успѣлъ разглядѣть, что, какой-то предметъ, уносимый сильнымъ теченіемъ, задержался вѣтвями склонившагося дерева. Тутъ только Альфредъ увидѣлъ, что это былъ человѣкъ.

— Держись! закричалъ онъ ему, — одну лишь минуту! — не выпускай! И, сбросивъ съ себя одежду; онъ кинулся въ воду.

Не умѣя плавать, и сопротивляясь уносившему его теченію, онъ, на сколько только могъ, дальше простеръ свою руку, чтобы схватить руку протянутую къ нему; схвативъ ее наконецъ, онъ притащилъ утопающаго къ берегу.

— Какъ, Яковъ, это ты! было первое его восклицаніе, когда онъ успѣлъ разглядѣть лицо спасеннаго имъ.

— Какъ же это ты попалъ въ воду?

Это былъ дѣйствительно Яковъ. Чтобы описать, какъ это случилось, мы должны возвратиться немного назадъ.

Уходя изъ церкви со своимъ товарищемъ Баукеромъ, оба они повернули въ ту сторону, гдѣ находилось гумно, которое и было условленнымъ мѣстомъ сборища. Они шли скоро, потому что опоздали прійти къ назначенному времени, а было уже темно.

— Наконецъ-то вы явились, закричалъ имъ одинъ изъ нетерпѣливо ожидавшихъ ихъ; — мы уже думали,

что вы хотѣли сыграть съ нами шутку. Теперь нельзя терять ни минуты, поспѣшимъ—же, сказалъ Колліаръ, ровѣстникъ Якова.—Я досталъ сѣти; а ты, Яковъ, принеси хорька?

Вмѣсто отвѣта, Яковъ запустилъ руку въ карманъ и вытащилъ оттуда мѣшокъ, изъ котораго торчала мордочка хорька.—А вотъ и фонарь, прибавилъ онъ, доставая изъ своей куртки маленькій фонарикъ;—а досталъ ли ты, Джемсъ, западню?

— Все готово, пробормоталъ тотъ.

— Такъ къ дѣлу же, сказалъ Яковъ;—отправимся. У каждаго изъ насъ, надѣюсь, есть толстая и большая палка!..

Ихъ было пятеро.

Трое изъ нихъ, были, какъ уже извѣстно: Яковъ, Недъ и Бевъ, остальные же двое были 12-ти лѣтніе мальчишки, Джемсъ и Томъ, которыхъ они уговорили идти съ ними, чтобы несть дичь. Они шли очень скоро, пока не дошли до лѣса, находившагося въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ мили отъ деревни. Черезъ лѣсъ этотъ протекала та же самая рѣчка, которая протекала и чрезъ ферму мистера Лейкса. Параллельно съ рѣкою, на протяженіи нѣсколькихъ миль, шла желѣзная дорога.

— Теперь, шепотомъ сказалъ Яковъ, когда они пришли къ назначенному мѣсту;—если кто нибудь изъ васъ будетъ шумѣть, тому будетъ худо. Ты Джемсъ и Томъ, оставьтесь у этаго плетня, пока мы пойдемъ разставлять сѣти; мы возвратимся черезъ четверть часа и тогда подкопаемся подъ плетень.—Вмѣстѣ съ Беномъ

онъ сталъ соображать, гдѣ бы лучше было разставить сѣти.

— Если, ребята, вы хотите разставить ихъ у берега рѣки, то я, пожалуй, рискну подойти, какъ можно ближе къ дому сторожа, такъ какъ тамъ лучшее мѣсто ловить фазановъ, сказалъ Яковъ, и вмѣстѣ съ Беномъ, отправился, осторожно пробираясь, въ лѣсъ. Черезъ четверть часа, они возвратились къ мѣсту, гдѣ ихъ ожидали мальчики.

— Томъ, держи фонарь; а ты, Джемсъ, держи мѣшокъ и положи въ него хорька, а я разставлю сѣти. Яковъ, у тебя хорекъ? надѣтъ-ли на него намордникъ? сказалъ Бенъ.

— Да, отвѣтилъ Яковъ, онъ уже ушелъ, и я увѣренъ, что скоро отыщеть намъ что нибудь.

Черезъ нѣсколько минутъ въ сѣти попалъ кроликъ. Джемсъ спряталъ его въ мѣшокъ, и затѣмъ, всѣ отправились осмотрѣть другія западни. Въ продолженіи часа, они такимъ образомъ наловили шесть кроликовъ, но къ концу хорекъ ихъ исчезъ.

Пущенный въ нору онъ выпугнулъ оттуда кролика, но самъ не вышелъ. Съ нетерпѣніемъ прождавъ его нѣкоторое время, Яковъ попробовалъ палкою выгнать его изъ норы, но безуспѣшно.

— Я увѣренъ, что сорвавъ съ себя намордникъ, онъ набросился на кролика, и останется тамъ цѣлый часъ; я буду выжидать его здѣсь, а ты пошелъ бы осмотрѣть другія западни, сказалъ Бенъ.

— Хорошо, отвѣтилъ Яковъ, — Томъ, пойдѣмъ!

Осмотрѣвъ нѣкоторыя западни и, найдя тамъ двухъ

фазановъ,—Яковъ вдругъ услыхалъ, приближающіеся шаги.

— Томъ! ложись скорѣе и не шевелись, прошепталъ онъ, самъ прятаясь, и въ тоже время тревожно прислушиваясь. Шаги приближались, и Яковъ скоро увидалъ, двухъ людей. Выглянувъ изъ своей засады, Яковъ узналъ въ одномъ изъ нихъ зрителя; другой, очевидно, былъ его помощникъ. Они скоро наткнулись на западню, которую тутъ-же и подняли.

— Ужъ мы такъ, или иначе, а поймаетъ этихъ негодяевъ! сказавъ это, одинъ изъ нихъ наткнулся на лежавшаго Тома.—Все кончено, подумалъ—Яковъ, я долженъ спастись, какъ можно скорѣе.

Запахнувъ одного изъ фазановъ въ свой карманъ, и, пока тѣ подошли, выбравшись изъ за дерева, онъ изо всѣхъ силъ пустился бѣжать, перепрыгивая черезъ кустарнякъ и черезъ все, что только мѣшало ему по пути.

— Приближаясь къ рѣкѣ, ему пришла мысль, что лучше всего было бы переплыть на другой берегъ. Но не добравшись еще до рѣки, услышалъ за собою поговю. Его догоняли.

Не смотря на его скорый бѣгъ, преслѣдовавшій былъ такъ близко, что нельзя уже было думать о спасеніи.

Яковъ вдругъ повернулся, и со всего размаху ударилъ его палкой по головѣ. Тотъ зашатался, и упалъ.

-- Успокоился на время! подумалъ Яковъ, направляясь къ рѣкѣ.

Добѣжавъ наконецъ до нея, онъ бросился въ воду, думая, что скоро переплыветъ на ту сторону. Но

вода была глубока, и теченіе гораздо сильнѣе чѣмъ онъ ожидалъ.

Вода дѣйствительно прибавилась въ послѣднее время отъ сильныхъ дождей, и онъ съ ужасомъ чувствовалъ, что его уносить далеко. Собравъ остатокъ силъ, онъ закричалъ. Этотъ-то крикъ услышалъ Альфредъ, и поспѣшилъ на помощь. Выслушавъ въ короткихъ словахъ разсказъ, Альфредъ спросилъ его, что онъ думаетъ дѣлать?

— Хочешь я провожу тебя на ферму?— Ни за что, отвѣтилъ Яковъ.

— Покрайней мѣрѣ, не теперь. Если бы ты взялъ меня къ себѣ и далъ бы сухую одежду, то завтра я выдумалъ бы хозяину цѣлую исторію, и онъ ничего не узналъ бы про эту охоту.

Альфредъ не зналъ, что ему дѣлать: порицая во всемъ Якова, онъ въ тоже время не видѣлъ возможности оставить его безъ ночлега, и въ такомъ положеніи. И такъ какъ ничего больше не оставалось дѣлать, то онъ и согласился, чтобы Яковъ пошелъ къ нему ночевать.

— Дай мнѣ на чемъ лечь, сказалъ Яковъ, — и я буду счастливъ, какъ принцъ, и усну богатырскимъ сномъ.

Поспѣшивши принести пукъ соломы и сухое платье, Альфредъ, оставивъ Якова, на цыпочкахъ поднялся по лѣстницѣ въ свою комнату, остерегаясь разбудить свою мать.

Усталый, онъ скоро уснулъ, и проснулся лишь въ семь часовъ утра, что было для него очень поздно.

Вскочивъ съ постели и быстро одѣвшись, онъ побѣ-

жалъ посмотрѣть, всталъ ли Яковъ. Ему хотѣлось узнать, что онъ намѣренъ дѣлать. И каково же было его удивленіе, когда, прійдя въ комнату, онъ не нашель въ ней Якова. Тамъ валялась только одежда, которую далъ ему Альфредъ, и на полу лежалъ убитый фазанъ. Альфредъ, остановившись въ недоумѣніи, услышалъ шаги своей сестры, и не желая, чтобы она узнала о случившемся, собралъ вещи и, поднявъ фазана, бросилъ все въ шкафъ, имѣя въ виду оставить ихъ тамъ, пока онъ не расскажетъ всего своей матери.

Сестра его, Лиза, принесла ему завтракъ, и такъ, какъ ихъ мать еще не вставала, то позавтракавши, онъ рѣшился уйти, не видѣвъ ее.

Дорогой онъ обдумывалъ, рассказать ли ему все хозяйну.—Онъ строго преслѣдуетъ эти охоты, и если я расскажу ему, то онъ подумаетъ, что я самъ принималъ въ нихъ участіе, помогалъ Якову, и спряталъ дичь...

— Кто за меня заступится? Какъ жаль, что онъ не увезъ съ собою фазана.

Отчего бы мнѣ не сказать, что я ничего объ Яковѣ не знаю, что видѣлъ его въ послѣдній разъ на урокъ... фазана же я могъ бы въ свободное время закопать... Было бы ужасно, если бы хозяинъ мнѣ отказалъ за то, въ чемъ я не виноватъ... Господи! защити меня, и избави отъ незаслуженнаго наказанія... Возсылая теплую молитву ко Всевышнему, онъ почувствовалъ, что сталъ бодрѣе, что молитва подкрѣпила его. — Нѣтъ! что бы ни случилось со мною, а я скажу правду... Остальное сдѣлаетъ Господь.

Съ этими размышленіями онъ отправился на работу.

Спустя нѣкоторое время, пришолъ хозяинъ, обходящій, и осматривавшій работы. Къ Альфреду онъ подошолъ съ намѣреніемъ отдать ему нѣкоторыя приказанія.

— Не знаешь ли ты чегонибудь объ Яковѣ, спросилъ хозяинъ, — онъ куда-то скрылся.

— Сегодня ночью я его видѣлъ, но гдѣ онъ теперь — не знаю.

— А! такъ ты знаешь, чтонибудь объ немъ. Ну-ка расскажи, гдѣ ты его видѣлъ ночью? сурово прибавилъ онъ.

— Я нашолъ его утопающимъ въ рѣкѣ, когда я возвращался домой, пригнавши жеребятъ; потомъ, я взялъ его къ себѣ, потому что онъ весь былъ мокрый, и у себя въ кухнѣ я устроилъ ему постель. Но, утромъ, я уже не нашолъ его тамъ. Я думаю, что онъ спустился изъ окна, ибо нашолъ окно открытымъ...

— Онъ не оставилъ ли у тебя чегонибудь?

— Оставилъ вещи, которыя я далъ ему вчера, и кромѣ того убитаго фазана, который лежалъ на полу.

— Такъ, значить, это правда! воскликнулъ мистеръ Лейксъ. — Онъ воруетъ дичь, а ты привимаешь? пойдемъ-ка теперь со мною; здѣсь мистеръ Гринъ, который поймалъ всѣхъ мальчишекъ и пришолъ ко мнѣ узнать, не знаю ли я чегонибудь объ Яковѣ, ты, разумѣется, можешь его вполне удовлетворить. Мистеръ Лейксъ былъ человѣкомъ не жестокій и охотно, какъ мы уже видѣли, простилъ ему первый его про-

ступокъ, думая что онъ въ самомъ дѣлѣ исправится, видѣвши его, какъ казалось, искреннее раскаяніе. И дѣйствительно, онъ замѣчалъ, что Яковъ съ той поры сдѣлался лучше. Но, это новое преступленіе его ужасно возмутило, и онъ далъ себѣ слово не быть впредь свисходительнымъ.

Выслушавъ рассказъ Альфреда, и зная его дружбу къ Якову, ему казалось невѣроятнымъ, чтобы тутъ было одно лишь случайное стеченіе обстоятельствъ. Онъ не сомнѣвался, что все это было раньше между ними условлено, но что Альфредъ признался только потому, что боялся быть заподозрѣннымъ въ участіи, когда у него найдутъ украденую дичь.

— Вотъ, сказалъ онъ Мистеру Грину, входя въ кухню, гдѣ тотъ сидѣлъ, — онъ можетъ рассказать вамъ про Якова, такъ какъ онъ знаетъ болѣе, чѣмъ ему слѣдовало-бы знать.

— Повтори-ка, обратился онъ къ Альфреду, — то же самое, что ты рассказывалъ мнѣ.

— Что скажешь ты въ свое оправданіе? спросилъ онъ Альфреда, когда тотъ окончилъ свой рассказъ.

— Ты думаешь, что я не видѣлъ васъ ночью вдвоемъ? И ты хочешь увѣрить меня, что Яковъ не предупредилъ тебя, что онъ намѣренъ дѣлать?

— Да, сэръ, мы шли вмѣстѣ въ церковь и Яковъ дорогой передалъ мнѣ свой планъ...

— Не думаешь-ли ты увѣрить меня, перебилъ его мистеръ Лейксъ, — что ты не согласился взять у него дичи, которую, конечно, сбылъ бы въ городѣ, и, что Яковъ случайно оставилъ фазана! Онъ, безъ сомнѣнія,

снабдилъ бы тебя большимъ запасомъ, если бы ему не помѣшали. — Есть-ли тутъ, хоть что нибудь вѣроятнаго? прибавилъ онъ, обращаясь къ мистеру Грину.

— Неужели Яковъ могъ бы скрыться безъ его помощи?

— Все, очевидно, отвѣтилъ тотъ, качая головою, — и если бы онъ хотѣлъ, то помогъ бы намъ его отыскать. Мнѣ бы хотѣлось, по заслугамъ наказать этого негодяя. Бѣдный Гейндъ, котораго онъ сшибъ съ ногъ, очень боленъ теперь. Говори же, куда онъ дѣвался!

— Увѣрю васъ, что я ничего больше объ немъ не знаю, отвѣчалъ Альфредъ.

— Послушаемъ, что скажетъ объ этомъ твоя мать, замѣтилъ мистеръ Гринъ.

— Не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ пойти къ его матери? Можетъ быть и правду узнаемъ скорѣе, и найдемъ еще что нибудь больше, чѣмъ одного фазана, сказалъ мистеръ Лейксъ.

Сердце Альфреда сжалось, когда хозяинъ приказалъ ему послѣдовать за нимъ.

— Какъ удивится бѣдная матушка, подумалъ онъ, вспомнивъ о спрятанномъ въ шкафу фазанѣ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ОХОТА ВЕСНОЙ НА ГЛУХАРЬИНОМЪ ТОКѢ.

ГЛАВА I.

Воспоминавія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я и не подозрѣвалъ, что буду страстнымъ охотникомъ.—Сидя въ молодости за книгами, я рѣдко выѣзжалъ за городъ, и не имѣлъ яснаго понятія о лѣсѣ и его обитателяхъ. Не державъ отъ роду въ рукахъ ружья, я не зналъ, какъ оно заряжается, какъ поднимается и опускается курокъ; а о томъ, чтобы выстрѣлить—даже и помыслить боялся!

Забравшись однажды въ нашу библиотеку въ отсутствіе отца, что, намъ дѣтямъ, было строго запрещено дѣлать, я вытащилъ изъ шкапа: «Записки ружейнаго охотника» Аксакова и, прельстясь картинками, тайкомъ отъ старшихъ, прочелъ эту книгу отъ доски до доски.

Описанія охотъ, нравы и обычаи обитателей лѣсовъ и болотъ, меня завяли, и повравились мнѣ именно своею новостью и тѣмъ, что не были похожи ни на сказки, которыя я слышалъ въ дѣтствѣ, ни на статьи, которыя мы читали въ школѣ въ хрестоматіи-

яхъ и наконецъ, ни на латынскія и нѣмецкія грамматики .

Читать времени было не много; утромъ въ школѣ, потомъ за уроками, и только иногда вечеромъ, закутавшись въ теплое одѣяло, я мечталъ о тетеревахъ, о дракахъ, и засыпалъ въ сладкихъ мечтахъ о лѣсахъ и болотѣхъ.

Я перешелъ въ другой классъ, занятій стало больше, и вмѣсто думъ и мечтаній, пришлось зубрить греческую грамматику;—и мои обитатели лѣсовъ отодвинулись на задній планъ.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды вечеромъ у однихъ знакомыхъ я увидѣлъ на столѣ „journal de la chasse“.—Старики о чемъ-то горячо спорили, дамы составили свой кружокъ, а я сѣлъ у стола и углубился въ чтеніе этаго журнала; тутъ воскресли въ моей памяти и Аксаковъ, и его описанія, и мои мечты.

Школьный годъ кончился, теплые лучи весенняго солнца согнали съ петербургскихъ улицъ толстые слои льда, величественная Нева сбросила съ себя свой ледяной покровъ, деревья зазеленѣли, и мы, какъ большая часть жителей Петербурга, къ моей великой радости, вмѣсто Аптекарскаго острова, въ первый разъ, перебралась на Сиверскую станцію, гдѣ отецъ купилъ небольшое имѣніе.

Тутъ-то разгорѣлся во мнѣ, такъ давно и совсѣмъ незамѣтно тлѣвшій, священный огонь страсти къ охотѣ.

— Говорятъ, что геніи рождаются... Истые охотники тоже рождаются съ этою страстью; только въ однихъ, священный огонь страсти; разгорается раньше, у другихъ позже, но у всѣхъ отъ какого нибудь случая онъ вспыхиваетъ, какъ солома отъ искры.

Писать вообще объ охотѣ, я не буду; потому что сколько бы я ни писалъ, все это будетъ не полно, да къ тому-же и писано объ этомъ было много, людьми учеными, и слѣдившими долгіе годы за нравами и обычаями царства пернатыхъ.

Я опишу, на первый разъ, одну маленькую охоту, именно самую привлекательную, самую трудную, но зато и самую занимательную, охоту на глухихъ тетеревей, весной на токахъ; и можетъ быть, кто нибудь изъ читателей, прочтя мое описаніе, почувствуетъ въ себѣ ту же страсть, и поблагодаритъ меня, какъ я поблагодарилъ автора статьи во французскомъ журналѣ, которая пробудила во мнѣ это чувство и сдѣлала изъ меня горячаго охотника.

Но прежде чѣмъ я начну описывать мою охоту, я долженъ познакомить читателей съ нравами и обычаями глухаго тетерева или моховика.

— Глухой тетеревъ, говорить Аксаковъ, по его величавѣ, малочисленности, осторожности и трудности добыванья, безпрекословно можетъ назваться первою лѣсною дичью. Имя глухаря даво ему не потому, что онъ глухъ, а потому, что водится въ глухихъ, удивенныхъ и крѣпкихъ мѣстахъ, точно такъ же и послѣднее имя моховикъ, происходитъ отъ моховыхъ лѣсныхъ болотъ, въ которыхъ живутъ глухари.

Глухари водятся предпочтительно въ краснолѣсѣ; для нихъ необходима—сосна, ель, пихта и можжевельникъ; погонцы и молодые побѣги этихъ деревьевъ составляютъ ихъ преимущественную пищу, отчего мясо глухаря почти всегда имѣетъ смолистый запахъ.

Въ исходѣ марта, когда начнетъ сильно пригрѣвать солнышко, глухарь самецъ, начинаетъ *токовать*, т. е. сидя на деревѣ, испускать какіе-то глухіе звуки, слышимые весьма далеко въ тишинѣ утренней зари, на восходѣ солнца. Въ самыхъ звукахъ ничего нѣтъ привлекательнаго для уха, но въ нихъ слышится, что-то близкое; и бессознательно чувствуешь и понимаешь общую гармонію жизни въ цѣлой природѣ.—Глухарь рано утромъ до солнечнаго восхода, вылетаетъ, на уже заранѣе выбранное мѣсто, начинаетъ токовать; мѣстоэто и называется: *токомъ* или *точкомъ*. Такъ, какъ въсколькo лѣтъ сряду глухаря остаются на томъ-же мѣстѣ, то, найдя разъ токъ, можно имъ пользоваться долгое время.

Вотъ именно такую-то охоту, я и хочу описать, чтобы представить читателямъ и будущимъ охотникамъ, которые можетъ быть между ними найдутся, всю прелесть охоты, въ самую бѣдную пору—весной.

ГЛАВА II.

Охота.

Конецъ марта.—Вырвавшись изъ скучнаго для насъ охотниковъ, Петербурга, я, съ легкимъ сердцемъ и съ надеждою на удачу, катилъ на незавидныхъ дровняхъ

по гладкому П*** шоссе, въ чухонскую деревушку Икколово, верстахъ въ 25 отъ Петербурга. Небо было пасмурно и дождь, перемѣшанный со снѣгомъ, забирался за воротникъ моего охотничьяго пальто, а холодный вѣтеръ прохватывалъ до костей. Но надѣясь на удачу, и ожидая удовольствія, я не замѣчалъ ни снѣгу, ни вѣтру, и катилъ себѣ да катилъ по гладкой и прямой дорогѣ. Но вотъ гладкое шоссе кончилось, мой возница свернулъ вправо, и мы въѣхали въ лѣсъ. Тутъ дорога была прескверная, снѣгъ проваливался и несчастная тощая лошаденка на каждомъ шагу падала на ноги. Проѣхавъ такимъ образомъ съ полчаса, я остановился у тропинки, расплатился съ чухонцемъ и побрелъ по протоптанной дорожкѣ въ избушку моего товарища по охотѣ, лѣсника.—Пройдя съ поль-версты, я вышелъ на полянку, на которой стоялъ мой неприхотливый охотничій дворецъ... Пара гончихъ, увидя меня, съ визгомъ и лаемъ бросилась ко мнѣ на встрѣчу.

Я вошелъ въ избушку.

Человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, съ просѣдью, въ дубленомъ полушубкѣ, возился около печки, приготовляя себѣ неприхотливую пищу; большая чумой собака, увидя меня, вылезла изъ подъ скамейки и присѣдая на разбитыя лапы, приползла ко мнѣ, вертя хвостомъ и жалобно визжа.

— Господину барину — сказалъ лѣсникъ, ставя на столъ вынутый изъ печи горшокъ съ горохомъ.

— Здравствуй Аеонасычъ.

— Какъ живешь, можешь, большой похваль, *) давно не видались, чтожъ на точекъ чтоль идти желаешь.

— Какъ-же, Оедрушко, какъ-же, и если можно поскорѣе.

— И это чайку-то даже не напившись, прямо съ голодухи.

— Нѣкогда, Оедрушко, поздно больно будетъ.

— Воля твоя, мнѣ вѣдь это не впервые, а для васъ, баринъ, съ нашимъ удовольствіемъ.

Наши сборы были коротки: взявъ лыжи;—и забравъ съ собой на салазки мѣдный чайникъ, котелокъ и мой пегрбець, мы отпировались на точекъ.

Пробѣжавъ на лыжахъ съ версту, и устроясь кое-какъ подъ самороднымъ навѣсомъ большой ели, я отправился немедленно выслушивать глухарей на вечернюю стойку **).

Вечерняя заря была холодна и сыра, вѣтеръ напѣвалъ погребальныя пѣсни; громадныя сосны увыло качали верхушками, и невольно заставляли думать о прошломъ и будущемъ! Простоявъ на мѣстѣ болѣе двухъ часовъ, и не слыша ничего, кромѣ однообразнаго крика дятловъ, ползающихъ по сухимъ деревьямъ, я потащился въ самомъ печальномъ настроеніи духа, въ мою воздушную келью.

— Но, горе на землѣ не вѣчно! особенно для страст-

*) *Большой похваль*, ласкательное выраженіе лѣсника.

**) *Стойка*-- выбранное мѣсто для слушанья глухарей.

наго охотника, привыкшаго и къ холоду и къ голоду. Огромный костеръ, кипящій котелокъ съ картофелемъ и горячій чай, разогнали черныя думы, и засвѣтили въ душѣ надежду на удовольствіе.

Подкрѣпивъ себя чаемъ и закуривъ папироску, я хотѣлъ было соснуть, какъ вдругъ, надъ костромъ протянулъ вальшнепъ, за нимъ другой, третій и тамъ пошла тяга *) по всему лѣсу. — Кровь закипѣла въ жилахъ, сердце забило тревогу, невыразимое отрадное ощущение, понятное только страстнымъ охотникамъ наполнило мою душу, — я былъ счастливъ!

Насладившись отраднымъ для охотниковъ зрѣлищемъ, и поговоря съ моимъ спутникомъ, который, на этотъ разъ по милости (фальшиво называемаго) «русскаго добра» **) былъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа, я легъ подъ ель, завернувшись съ головой въ теплое пазыто, и заснулъ, тѣмъ чуткимъ и спокойнымъ сномъ, какимъ могутъ спать только одни охотники, ожидая удача.

Пробужденіе мое было самое безотрадное; небо было по прежнему покрыто тучами, злобщій ропоть лѣса, предвѣстникъ дурной погоды, наводилъ невольную грусть, а вдали печально кричалъ филинъ.

Какъ отраднa и восхитительна глуриханая охота въ

*) Тяга, у вальшнеповъ тоже самое, что токъ у тетеревей, только вальшнепъ не садится на дерево, а тянетъ вечеромъ и рано утромъ, надъ верхушками деревьевъ.

**) Водка

теплую весеннюю погоду! Безмолвіе ночи, вѣчно сияющая даль, безпредѣльное пространство, усыпанное огненными звѣздами, и вся грандіозная красота лѣсной природы производятъ неизяснимое впечатлѣніе въ душу охотника.

Но когда снѣгъ глубиною въ аршинъ покрываетъ землю, порывистый вѣтеръ прохватываетъ до костей, и сѣрыя тучи плаваютъ по небу, посыпая васъ снѣгомъ, перемѣшаннымъ съ дождемъ; въ эту минуту самое пылкое воображеніе застынетъ и вся поэзія превратится въ безобразную дѣйствительность.

Понутивъ голову, и закинувъ ружье за плечо, предварительно завязавъ курки платкомъ, и заткнувъ стволы пробками, я двигался подобно тѣни, по снѣжной тропинкѣ, протоптанной мною наканунѣ, между громадными деревьями, останавливаясь и прислушиваясь къ малѣйшему треску, производимому въ лѣсу шумомъ вѣтра, ожидая встрѣтить *нечесаную парикмахера* *). Такимъ образомъ я прошелъ около версты, — слышу, потянули вальдшнепы, заигралъ дроздъ, а тамъ за горой чуфыкнулъ косачъ, и заквакала полевая тетерька; но все это вяло, не отчетливо, какъ будто сквозь сонъ. Но вдругъ, что-то близкое сердцу невнятно коснулось моего слуха. Я остановился, снялъ фуражку, и замеръ. Длинны, тяжелы и томи-

---

*) *Медведя*. Парикмахеромъ онъ называется потому, что имѣетъ привычку, при видѣ челоуѣка, раненый или разсерженный, заботится о прическѣ своего собесѣдника, и начинаетъ сдирать ему кожу съ черепа, какъ бы подражая этимъ, дѣйствіямъ краснокожихъ индѣйцевъ, скальпирующимъ своихъ убитыхъ враговъ.

тельны минуты тревожнаго ожиданія! Напрягаю зрѣніе и слухъ во всѣ стороны, чтобы опредѣлить вѣрнѣе мѣсто.

Наконецъ сомнѣніе исчезло, слухъ не обмануль меня,—глухарь играетъ!

Дѣлаю еще нѣсколько шаговъ, и сладострастные звуки, отчетливо выговариваемые глухарями, раздаются совершенно ясно. Простоявъ нѣсколько минутъ, усмиривъ волненіе сердца, я приготовилъ ружье и началъ подходить, дѣлая тихій, осторожный шагъ, и то во время глухаринаго чекотавья, а когда онъ щелкаетъ, выдерживаю мертвую стойку, не хуже первокласной лягавой собаки.

Разстояніе, раздѣляющее меня отъ глухаря, съ каждымъ шагомъ убавляется, дѣлаю еще одинъ шагъ, и вотъ, во всей великолѣпной красотѣ открылся глухарь, важно расхаживающій по толстому суку громадной сосны.

Моментъ наслажденія невыразимый; быстро осмотрѣвъ мѣстность, и выбравъ точку опоры для послѣдней стойки, откуда долженъ былъ послѣдовать выстрѣлъ, я двинулся впередъ. Но вотъ затрудненіе! Какъ стрѣлять въ глухаря,—въ задъ и на значительномъ разстояніи? Вѣрный промахъ, но дѣлать нѣчего, прикладываюсь на авось, рассчитывая на глупѣйшую штуку, засѣвшую не знаю откуда въ характеръ русскаго челоуѣка; и въ самый моментъ спуска глухарка, сидѣвшая вѣроятно на землѣ, взлетѣла и усѣлась на ольхѣ, подъ которой я стоялъ. Въ это мгновеніе глухарь,

какъ-бы желая въ послѣдній разъ полюбоваться своей ненаглядной подругой, повернулся ко мнѣ зобомъ.

Картина была выше всякаго сравненья; круглый хвостъ раскинутъ огромнымъ вѣромъ, пучекъ головныхъ перьевъ образовалъ хохоль, крылья полураспущены, и гордая, молодецки поставленная шея, слегка закинута назадъ, выражала полный восторгъ!

Но очарованіе исчезло... выстрѣлъ грануль, — и краснобровый великанъ загремѣлъ съ ели, ломая сучья своимъ тяжелымъ тѣломъ. Къ счастью, выстрѣлъ былъ смертельный, и мой великолѣпный пѣвецъ въ сладкую минуту жизни окончилъ свой вѣкъ безъ страданій!

Взваливъ глухаря на плечо, съ полнымъ наслажденіемъ, какъ подметенный, прикатилъ я въ свой станъ.

— Посмотри-ка, Аеонасычъ; какая машина, съ восторгомъ говорилъ я, показывая ему свою добычу.

— Ну, большой похваль, подлинно машина, отвѣчалъ онъ.—Подаль же вамъ Господь Богъ.

Стало ужъ совершенно свѣтло, солнце, скрываемое тучами, уже поднялось довольно высоко и мы, забравъ нашу неприхотливую кухню, отправились домой завтракать, довольные сами собою и удачной охотой.

Письмо изъ Цетиньи.

18 сентября 1871 года.

Наконецъ я дома, и собираюсь потолковать съ вами, мой милый другъ *), —начну вамъ рассказывать съ начала о моихъ походахъ.

Съ прїезда никому еще не писала, начинаю сегодня съ васъ, 28 августа, прїѣхали мы съ Лилей **) изъ Вѣны въ Триестъ, и—прямо на пароходъ; это было 9 ч. утра.

Въ 12 ч. мы тронулись изъ Триеста. На пароходѣ столкнулись мы съ нашими помощницами—Сербками, ѣдущими въ Цетинью изъ Бѣльграда.

Это было очень удачно, и для ихъ и для меня. Въ путешествіи мы успѣли уже ознакомиться.

Старшая изъ нихъ—Милева Станоевичъ, 21 года, вторая—Милька Кокановичъ, 16 лѣтъ. Обѣ кажется хорошія дѣвушки. Не знаю, уживутся ли онѣ со всѣми лишениями Цетиньи. Морское путешествіе, на этотъ разъ свершилось совсѣмъ благополучно. 31 августа вечеромъ прибыли мы въ Каттаро, переночевали у Рамадановича, а 1 сентября, въ 6 ч. утра начали подни-

---

*) Письмо это писано г-жѣ Дроссардъ, нашей почтенной сотрудницѣ.

**) Сестра г-жи Пацевичъ.

маться въ Цетинью, куда и поспѣли къ обѣду, т. е. къ 12 ч. дня. Привезли насъ *не домой*, а прямо во дворецъ. На крыльцо выбѣжали княжескія дѣти, и чуть не задушили поцѣлуями; князь, княгиня, весь домъ встрѣтили насъ, какъ родныхъ. Князь провелъ насъ прямо въ свои комнаты, и только послѣ разныхъ разспросовъ проводили насъ въ приготовленную намъ отдѣльную комнату, гдѣ была уже и наша горничная Васа. Тутъ и прожили мы до 16 сентября, т. е. все время торжествъ,—какъ бы члены княжескаго семейства.

Во многихъ отношеніяхъ это было для насъ очень удобно: еще больше сблизило съ князьями и избавило отъ ненужныхъ визитовъ и пріемовъ, что страшно бы надобно при огромномъ стеченіи публики; люди же, которыхъ мы хотѣли видѣть, какъ-то: княжеское семейство, ихъ близкіе, флигель-адъютантъ полковникъ Толстой, русскіе консулы и другіе, приходили въ нашу комнату во всякое время, и мы ихъ угощали чаемъ. Наша же школа, семинарія—заняты были консулами; въ моихъ комнатахъ жилъ представитель князя Сербскаго; вся Цетинья была переполнена народомъ. Нашъ новый домъ успѣли покрыть крышей, настлать полъ и сдѣлать изъ него одну большую залу, гдѣ ежедневно угощалось на счетъ князя до 200 гостей. Въ одномъ углу была устроена сцена.

Почти въ одно время съ нами начали сѣзжаться приглашенные и любопытные; начались приготовленія къ пріему *Кума*, о пріѣздѣ котораго мы слышали разговоры отъ самаго Триеста.

Графъ Толстой долженъ былъ пріѣхать въ понедѣльникъ, 6 сентября. По дорогѣ разставили войска, на встрѣчу ему поѣхалъ въ Каттаро Савва Пламенецъ (адъютантъ князя), а въ Балцне (въ Цетинской долинь) послали вѣсколко десятковъ всадниковъ, все изъ лучшихъ и извѣстныхъ черногорскихъ семействъ. Въ 5 ч. раздался колокольный звонъ и выстрѣлы пушекъ; Толстой вѣхалъ въ Цетинью въ сопровожденіи своей блестящей свиты. Ему отвели домъ Беши, сестры князя, противъ дворца. Мы всѣ смотрѣли изъ оконъ дворца; зрѣлище было прекрасное, но къ общему сожалѣнію дождь шелъ проливной цѣлый день, и несчастные Черногорцы заплатились своими лучшими нарядами за этотъ праздникъ. Переодѣвшись, Толстой тотчасъ официально явился князю и княгинѣ, и передалъ письмо Государя и Великой Княжны.

Въ 7 ч. онъ пришелъ обѣдать къ князю, и тутъ мы встрѣтились, какъ старые друзья. Кромѣ извѣстныхъ уже намъ подарковъ, посланныхъ и съ нимъ и со мной, онъ привезъ еще Зорькѣ, Милицѣ и Станѣ (тремъ старшимъ дочерямъ князя) по медальону отъ Императрицы. Удовольствіе было полное.

8-е число, день крестинъ, погода была хорошая; въ 8 ч. утра, мы отправились въ церковь торжественной процессіей, въ полномъ парадѣ. Опять звонъ большаго колокола; пальба пушекъ. Часу въ десятомъ, въ томъ же порядкѣ понесли маленькаго окрещеннаго князя Данило—Александра къ его родителямъ во дворецъ.

Начались поздравленія и угощенія. Забыла вамъ ска-

зять, что крестникъ Государя и Великой Княжны — красоты необыкновенной; я никогда не видала такого ребенка! ему теперь только еще три мѣсяца, но это большой, сильный мальчикъ, съ длинными черными волосами, большими, черными, осмысленными глазами, и покоенъ такъ, что его совсѣмъ не слышать въ домѣ.

Съ прїѣзда гр. Толстаго, и до его отъѣзда т. е. съ 6-го по 11-е число, два раза въ день было великое угощеніе. Тосты все одни и тѣ же: Царь, Царипа, Великая Княжна, Новорожденный, и Князь съ Княгиней. На другой день, въ будущемъ нашемъ домѣ, было представленіе: Каттарскіе пѣвцы какого-то общества «Единства», пѣли, читали и играли. Въ первый же и третій вечеръ крестинъ были балы; благодаря прїѣзжимъ иностранцамъ, танцовали въ восемь паръ.

Въ субботу, 11-го, уѣхали всѣ наши русскіе, и грустно намъ съ Лилей сдѣлалось. Сербъ оставался еще до 15-го числа въ нашихъ комнатахъ, — наконецъ уѣхалъ; день употребили на очистку квартиры; 16-го утромъ уѣхалъ и князь на охоту, на двѣ недѣли, а вечеромъ мы перебрались къ себѣ, обѣщая княгинѣ обѣдать съ нею.

20 сентября.

Вчера только что утромъ привела до нѣкоторой степени въ порядокъ школу, и могла собрать своихъ дѣтей; отслужили обѣдню съ молебномъ, раздала я имъ кресты Императрицы, отъ которыхъ онѣ въ восторгѣ, также и мои маленькіе презенты. Дѣти много меня порадовали:

возвратились здоровыя, веселыя, чистыя, и не только не одичали, но съ восторгомъ и ласками пришли въ школу, какъ въ родной домъ. Учительницы начали службу, т. е. дежурство черезъ день. Жаль мнѣ, что я не могла показать школу гр. Толстому, какъ мнѣ хотѣлось; но дѣти были еще въ разбродѣ, всѣ комнаты школы заняты, и я могла только собрать нѣсколько ученицъ, чтобъ представить ему.

Н. Пацевичъ *).

---

*) Гжа Пацевичъ и графъ Толстой замѣняли Царя и Великую Князю Марію Александровну во время обряда крещенія новорожденнаго Черногорскаго Князя.

Редакторъ-Издательница С. Кашпирева.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Декабря 1871 года.

Каремь **ВОРОТНИЧЕКЪ.** 54

ТРУДОВОЙ ДЕНЬ.

Въ одинъ изъ тѣхъ холодныхъ, весеннихъ вечеровъ Петербурга, которые такъ напоминаютъ осень, въ маленькой комнаткѣ четвертаго этажа, сидитъ за пальцами дѣвочка лѣтъ 15-ти. Огарокъ свѣчки тускло освѣщаетъ ея блѣдненькое и хорошенькое личико съ добрымъ и грустнымъ выраженіемъ; бѣленькія, худенькія ручки проворно бѣгаютъ по тонкому батисту, но головка не принимаетъ, по видимому, никакого участія въ этомъ дѣлѣ. Стоитъ взглянуть на обстановку комнаты и, наблюдательный глазъ тотчасъ замѣтитъ, что привычка къ комфорту борется съ бѣдностью; видно не всегда хозяйка ея жила въ такой незавидной обстановкѣ. Тонкое бѣлье на кроваткѣ, образъ прекрасной живописи съ хрустальной лампадкой, книги въ хорошихъ переплетахъ, все говоритъ о прошедшемъ, нисколько не походящемъ на настоящее; и какъ-то становится грустно, видя эти противоположности. Но дѣвочка такъ занята шитьемъ, что ей не до огружающаго; она торопится кончить свой воротничекъ. Не даромъ сидитъ она, когда ея мать и сестра давно спятъ за деревянной перегородкой, ей хочется продать воротничекъ, чтобы къ 1-му апрѣлю сдѣлать подарокъ мамѣ и сестрицѣ; онѣ обѣ будутъ въ этотъ день именинницы.... Бѣдная мама, какой

грустный для нея праздникъ будетъ въ этомъ году! И невольно вспоминается дѣвочкѣ: свѣтлая, роскошно убранная гостиная, мама ея нарядная принимаетъ гостей, — какъ веселы, какъ беззаботны всѣ! Сколько сюрпризовъ, подарковъ! Вотъ и отецъ; какое, счастье выражается въ его глазахъ, какъ любитъ онъ на семью свою... и незамѣтно, слезка скатилась по поблѣднымъ щекамъ и упала на работу. Дѣвочка встрепетулась: не испорчено ли шитье этой непрошеной гостини — слезкой? Но вѣтъ, она упала на оставленный для пришивки кусочекъ, и дѣвочка торопливо продолжаетъ свой трудъ, а неугомонная голова рисуетъ дружно картину: зеркала завѣшаны, огна настѣжь, пахнетъ въ комнатахъ ладономъ, священники въ черныхъ ризахъ служатъ панихиду надъ тѣломъ папы, родные и знакомые толпятся, утѣшаютъ маму, а та не плачетъ, какъ-то дико и бессмысленно смотритъ она на все окружающее, точно ея душа улетѣла вмѣстѣ съ папиной. — Хоть бы ты плакала мама, легче было-бы тебѣ! и глухое рыданіе вырвалось изъ судорожно-сжатаго горла дѣвочки; она бросила работу и, упавъ на колѣни передъ образомъ, долго и горько плачетъ. Но, мало-по-малу судорожныя движенія въ горлѣ и груди утихли, слезы покойно катились по ея грустному личику и она стала горячо и всею душой молиться, молиться такъ, какъ никогда прежде, въ счастливое время не молилась. Молилась она за отца, за милаго отца, который такъ неожиданно оставилъ ихъ; душа такъ и рвалась къ нему, дѣвочкѣ казалось, что ея папа тутъ, возлѣ нея, что ему легче и отраднѣе, когда она за него молится. Жарче и жарче становилась молитва и, наконецъ, сдѣлалось ей такъ легко, такъ легко, что невольно, она прошептала вставая: — Боже мой. Ты одинъ можешь утѣшить насъ!

Но вотъ протяжно бьютъ 12 часовъ, пора и спать! Бережно закрываетъ она свою работу, ставитъ пяльца въ уголь, чтобы ихъ не скоро можно было замѣтить и, погасивъ свѣчу, пачинаетъ раздѣваться. — Еще огарокъ довольно великъ, думаетъ она, — завтра вечеромъ пригодится, — а раздѣться и такъ можно; при этомъ, она невольно улыбнулась, вспоминая, какъ ихъ старая экономка сберегала огарки, какъ имъ это казалось смѣшно, — доброе лицо старушки смотрѣло на нее, и губы шептали: — не смѣйся, сударыня, побережь и малость не худо; лучше бѣдному отдать, чѣмъ понапрасну тратить. Дѣвочка грустно вздохнула и, перекрестивъ свою подушечку, она съ особеннымъ удовольствіемъ протянулась на кровати послѣ длиннаго, въ трудъ проведеннаго дня, и скоро и крѣпко заснула.

Было совершенно свѣтло, когда она проснулась и воробьи чиркали на ея окнѣ, ожидая поачки. — Вѣрно я проспала свой часъ, думала дѣвочка, проворно вскочивъ съ постели и торопливо одѣваясь. — Что-жь это мамы не слышать? Но за перегородкой слышались чьи-то тихіе шаги и вскорѣ, зашумѣлъ самоваръ.

— Мама! ты проснулась, говорила дѣвочка, — отчего же ты меня не разбудила?

— Я заходила къ тебѣ, но ты такъ сладко спала, и твое личико касалось такимъ утомленнымъ, что мнѣ жаль стало будить тебя.

— Который же часъ?

— Половина осьмага; одѣвайся скорѣй, чай уже готовъ, и мнѣ уходитъ пора.

Черезъ нѣсколько минутъ, дѣвочка цѣловала лицо и руки матери, и усаживалась подлѣ нея за чайнымъ столомъ.

— Надо осмотрѣть и починить мое платье, начала Марія Александровна,—возвращаясь съ уроковъ, я зацѣпила имъ за гвоздь и разорвала внизу.

Улыбка показалась на лицѣ дѣвочки.

— Чему ты смѣешься Вѣра?

— Ты еще собираешься чинить платье, — а оно уже давно готово; я зашила и вычистила его еще вчера, пока ты помогала Машѣ раздѣваться.

— Умница дѣвочка! сказала мать шутливымъ тономъ. — четверть часа лишнехъ отдохну. И тяжелый вздохъ вылетѣлъ съ послѣднимъ словомъ; она вспомнила, какъ въ былое время она не считала часовъ, а теперь дорожитъ минутами. Дѣвочка поняла грустную мысль матери и, вскочивъ со стула, обвила ея шею своими худенькими ручками.

— Какая ты стала худенькая, Вѣрочка, и, тихонько отведя её отъ себя, мать долго и грустно ею любовалась. Вздохъ тяжелѣе прежняго вырвался изъ ея груди. — Однаго пора одѣваться, продолжала она, — сегодня я буду дома въ двумъ часамъ, Анета Спаская больна и не будетъ брать урока. — 90-ю копѣйками меньше, шевельнулось у ней въ умѣ.

Марія Александровна начала одѣваться, а Вѣрочка убирала со стала; она попросила Марю взять самоваръ, а сама стала перемывать чашки и ложечки, отлила чаю въ маленькй чайничекъ и, положивъ туда сахару, поставила все это въ шкафъ, въ ожиданіи пробужденія Маши; потомъ, тщательно собравъ оставшіеся куски и крошки хлѣба, она пробралась въ свою комнату, отворила форточку и высыпала все собранное на подоконникъ. Воробьи съ веселымъ чирканьемъ принялись за свой завтракъ, котораго давно и нетерпѣливо ждали; они такъ привыкли видѣть каждый день Вѣрочку, что

нисколько её не боялись, но кормъ изъ рукъ ея брать еще не рѣшались. Полюбовавшись ловкостью и проворствомъ птичекъ, она вернулась кончать свое дѣло: сняла скатерть, встряхнула её, аккуратно сложила и, за неимѣніемъ прессы, подложила подъ тяжелый, большой ящикъ, подъ которымъ уже хранились салфетки. Марія Александровна была готова. Вѣрочка достала калоши, надѣла ихъ на ноги матери и, вынувъ изъ шкафа теплое пальто и осмотрѣвъ, чисто ли оно, подала его матери. Та, крѣпко её поцѣловала. — До свиданія, Вѣрочка, присматривай хорошенько за Машей, будь снисходительна къ ея выходкамъ. Она пошла было къ двери, но Маша проснулась и, увидѣвъ уходящую маму, стала звать её немножко капризнымъ тономъ. Марія Александровна вернулась поцѣловать дочь.

— Куда ты уходишь, мама?

— Точно ты не знаешь, Маша, что я даю уроки; каждое утро меня не бываетъ дома.

— Я не хочу, чтобы ты уходила, мама; мнѣ скучно безъ тебя! И ребенокъ повисъ на шеѣ матери, нисколько не обращая вниманія на то, что мнетъ воротничекъ, такъ осторожно разглаженный Вѣрочкой наканунѣ. Мать тихо отвела ея руки. — Будь внимательнѣе, Маша, сказала она кротко, мнѣ нельзя показаться въ чужомъ домѣ небрежно одѣтой, а ты мнѣ мнешь воротничекъ.

— Не ходи къ нимъ мама, останься дома, лучше поучи меня, а то, ты все только чужихъ учишь.

Маріѣ Александровнѣ и безъ того было тяжело оставлять почти на цѣлый день дѣтей и, необдуманная слова Маши больно кольнули ей сердце и она торопливо сказала:—тебя

Вѣрочка поучить, а мнѣ пора идти и, поцѣловавъ ребенка, она поспѣшно вышла. /

Маша начала дѣлливо одѣваться, безпрестанно спрашивая то-то, то-другое у Вѣры, и тѣмъ отрывая ея отъ уборки комнаты, но та не унывала: терпѣливо развѣзывала узелки на тесемкахъ запутанныхъ небрежностью Маши, отыскивала ея платокъ, засунутый подъ простыню, поправляла ей чулки, и все это дѣлалось такъ охотно, съ такимъ кроткимъ удовольствіемъ, что можно было любоваться этимъ любящимъ существомъ.

Наконецъ Маша была полуодѣта. Вѣрочка подала ей умыться, напмадила и причесала ея волосы, и напомнила, что ей надо помолиться. Маша вяло и безъ всякаго чувства начала читать: «Отче нашъ...» дѣлая поминутно ошибки и не стараясь понять смыслъ того, что произносила. На впечатлительномъ личикѣ Вѣрочки выразилась грусть, ей такъ больно было видѣть небрежность сестры въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ молитва, но она воздержалась отъ замѣчанія; она знала, что пока самъ человекъ не пойметъ необходимости бесѣдовать съ Богомъ, никакія слова не помогутъ. Вѣрочка вышла въ корридоръ просить Марфу поставить чайникъ на плиту, а Маша, вмѣсто того, чтобы надѣвать платье, принялась за игрушки, вытащила изъ ящика лоскутки и разбросала ихъ по только что убранной комнатѣ, нисколько не заботясь объ этомъ. Безпорядокъ этотъ тотчасъ бросился въ глаза входящей Вѣрочки, ей жаль было не своихъ трудовъ, а сестру, которая такъ мало обдумывала свои поступки,—и когда-то она привыкнетъ рассуждать! думала она, подбирая и укладывавая лоскутки.

— Не въ тотъ ящикъ положила, нетерпѣливо закри-

чала Маша,—они были у меня въ среднемъ ящикѣ, а ты, владешь ихъ въ верхній.

— Чѣмъ выказывать свое неудовольствіе, Маша, кротко замѣтила сестра,—лучше-бы сама убрала эти вещи.

— И уберу; кто тебя проситъ мѣшаться.

— Пока ты соберешься, а въ комнатѣ безпорядокъ,—это не хорошо.

— Нельзя-же мнѣ не играть!

— Играть можно, но въ свое время, а не тогда, когда одѣваешься; еще и чаю не пила, а уже принялась за игрушки.

— Ты всегда такъ, и поиграть не дашь; сказала ребенокъ надувъ губки. Вѣрочка ласково, по грустно взглянула на нее, Мареа показала съ чайникомъ. Вѣрочка проворно накрыла салфетку, приготовленную ею для того, достала чашку и намазала хлѣбъ масломъ.

— Не хочу я масла, говорила Маша, не въ духѣ отъ замѣчанія сестры,—надоѣлъ мнѣ хлѣбъ съ масломъ.

— Такъ кушай его.

— Я хочу сдобнаго.

— Но сдобнаго у насъ нѣтъ.

— Ну, такъ я чай пить не стану.

— И хорошо, по крайнѣйшій мѣрѣ, сама себя за капризы вагаешь. Маша еще болѣе надула губки, но аппетитъ у нея былъ хорошій, а сердце доброе; она и сама чувствовала, какъ дурно капризничать и, подойдя къ сестрѣ, вытиравшей пыль, она, какъ кошечка, стала тереться головкой объ ея руку; сестра нагнулась поцѣловать Машу, та, обхватила ее руками и прошептала:—Прости меня!

— Я не сержусь Маша, садись и кушай чай; онъ, я думаю, совсѣмъ простылъ. Маша, присмирѣвъ, съ аппетитомъ

принялась сперва за чай, а въ слѣдъ за нимъ и бутерь-бродъ исчезъ. Увидавъ, что сестра кончила кушать, Вѣрочка опять все убрала и стерла со стола.

— Не поучиться ли, Маша; скоро мамины именины, а ты хотѣла ей сдѣлать сюрпризъ: выучить тройные склады.

Маша пошла за азбукой, но долго искала ее; надо было готовить грифельную доску, а она не знала, куда дѣвала грифель. Хотя Вѣрочка отвела ей нижнюю полку шкафа для всѣхъ нужныхъ въ классѣ вещей, но Маша не любила убирать все къ мѣсту; и часто, вынувъ азбуку, чтобы поучить свою куклу, засунетъ бывало ее, то въ ящикъ съ лоскутками, то за шкафъ; а какъ придется заниматься, не знаетъ гдѣ и найти. Таже продѣлка и съ грифелемъ: вчера же рисовала домики на доскѣ и теперь, не можетъ вспомнить, куда дѣвала его. Вѣрочка, все еще продолжавшая убирать разные вещи, нашла грифель засунутымъ между спинкой и сидѣніемъ дивана, и подавъ его Машѣ, она принялась съ нею за дѣло.

Вѣрочка принялась чинить бѣлье, а Маша писала склады на доскѣ, громко произнося каждую букву, а потомъ слогъ. Въ началѣ писала она охотно, но какъ дѣло дошло до складовъ болѣе трудныхъ, все больше и больше приходилось Вѣрѣ поправлять ее, а голосъ Маши становился все невнятнѣй и невнятнѣй.

— Какъ хочешь, — вспылчиво вдругъ заговорила Маша, — я не могу дальше складывать, это очень трудно.

— Но вѣдь ты тоже говорила о тѣхъ складахъ, которые ты такъ легко теперь разбираешь.

— Тѣ не такъ трудны, какъ эти.

— И эти будутъ также легки, когда ты будешь внимательно повторять ихъ.

— Мнѣ они надоѣли, не хочу ихъ твердить болѣе!

— Надо принудить себя Маша, нельзя такъ; каждому человеку приходится трудиться, ничего даромъ не дается.

— Я хочу прямо читать въ книгѣ, а не сидѣть надъ складами.

— Какъ же ты будешь читать, не зная слоговъ? это все равно, что вышивать по узору, не умѣя сдѣлать крестика на канвѣ.

— А ты мнѣ говори каждое слово, и я буду за тобой повторять, такъ и выучусь.

— Такъ Маша нельзя, ты тогда будешь похожа на попугая, тотъ только все поеторяетъ.

— А когда ты меня заставляешь повторять слога, не говоришь тогда, что я попугай!

— Это другое дѣло, я помогаю тебѣ заучить слогъ, и ты, гдѣ его не встрѣтишь, потомъ съумѣешь прочитать; твоя голова будетъ соображать, какъ выговаривать буквы, поставленныя въ извѣстномъ порядкѣ, а не повторять слова не понимая, почему они такъ пишутся.

— Право скучно учить склады!

— А если тебѣ скучно ихъ учить, такъ я бы на твоёмъ мѣстѣ, постаралась поскорѣе ихъ выучить, и избавилась бы отъ скуки повторять все одно и то же.

— Вотъ ты кабая, чего захотѣла!

Пока онѣ разговаривали, время все шло, да шло. Прошло одиннадцать часовъ, а Маша еще только нѣсколько строчекъ написала, ей и въ голову не приходило, что *время—деньги*. Если бы кто сказалъ:—вотъ тебѣ Маша 2 ру-

бля, съ тѣмъ, чтобы ты платила изъ нихъ учителю по рублю за часъ; — а выучить ты должна: три строчки складовъ, басенку и написать страницу чистописанія. Если же у тебя останется чтонибудь отъ этихъ денегъ, то ты можешь употребить ихъ на что тебѣ вздумается. Тогда она, навѣрное, постаралась бы все это сдѣлать какъ можно скорѣе, чтобы остались у нея деньги на игрушки и лакомства. Но Вѣрочка не считала часы, которые она занималась съ Машей, а та и не думала о томъ, что тратитъ по пустому дорогое время, которое, занимаясь чѣмънибудь полезнымъ, можно было бы обратить въ деньги; а потому и болтала въ классѣ, вмѣсто того, чтобы учиться.

— Не хочешь ли позавтракать? спросила Вѣра.

— А что ты мнѣ дашь?

— Осталась котлетка, хочешь?

— Дай котлетку, да немножко вареньица; вѣдь я сегодня хорошо занимаюсь.

— Ну, нельзя сказать, чтобы хорошо; а вареньица покалуй дамъ. Вѣрочка имѣла полное право угощать сестру вареньемъ; оно ей было прислано одной старушкой, да къ тому-же, она сама его не ѣла, сберегая для сестры, которая — какъ и всѣ дѣти — любила полакомиться. Кончивъ кушать, Маша принялась за тройные склады; но и тутъ у ней шло не лучше: она путала буквы и, хорошо зная какой звукъ замѣняетъ каждая буква, не хотѣла трудиться, и произносила какъ попало.

— Не выучишь ты складовъ къ именинамъ мамы, замѣтила Вѣрочка, — стыдно будетъ, когда она подаритъ тебѣ игрушку, а тебѣ нечѣмъ будетъ и порадовать ее.

— Выучу, Вѣрочка, непременно выучу; времени еще много, и я буду стараться.

— Ты все говоришь, что завтра будешь больше стараться; а какъ придетъ завтра, то опять занимаешься разсѣянно.

— Нѣтъ, Вѣрочка, я ужъ буду стараться; оставимъ только склады, а позволю мнѣ приняться за чистописаніе.

— Пиши, только смотри, не торопись, води тихо перомъ по бумагѣ.

— Отчего водить надо тихо перомъ? а мама всегда такъ скоро писать?

— У мамы рука уже привыкла, а твою надо укрѣпить; вотъ мой учитель чистописанія совѣтовалъ мнѣ писать тихо.

— Ты-бы хотѣла опять учиться, Вѣрочка?

— Что объ этомъ говорить.—Некому меня учить; у мамы и безъ того не достаетъ денегъ.

— Отчего у насъ теперь мало денегъ, а прежде было много!

— Полно болтать, Маша; пиши внимательноѣе; горбишься и перо неправильно держишь.

— А что ты подаришь мнѣ на именины? начала черезъ минуту она опять.—Сшей моей куклѣ новое платье: розовое, хорошенькое, съ бантами и кружевами. И, бросивъ перо, она совершенно отдалась мысли имѣть куклу въ розовомъ платьѣ.

— Убери-же все, если писать больше не будешь, замѣтила Вѣрочка.

Маша принялась убирать свои вещи, но уборка подвигалась медленно: то, возьметъ она азбуку, чтобы положить ее на полку и, замѣтивъ что нибудь новое на давно-знакомой картинкѣ, давай разсматривать; а объ уборкѣ и забыла. Дол-

го бы пролежали вещи на столѣ, еслибы Вѣрочка, собравъ ихъ, не отнесла въ шкафъ.

— Теперь, Маша, поиграй въ куклы, а мнѣ не мѣшай — я буду выпивать.

Но Маша и тутъ не унималась; то попросить сестру достать что-нибудь съ коммода, то пришилить бантъ кълы, то завязать развязавшійся передникъ. Такъ что Вѣрочка успѣла вышить очень немного, какъ было уже безъ четверти два часа, и пришлось убирать работу, чтобы мама не увидала; и только успѣла она поставить пальцы на мѣсто, какъ вошла Марія Александровна. Дѣти бросились цѣловать ее.

— Знаешь, Вѣрочка, кого я сей-часъ встрѣтила? — Парашу; она служитъ горничной у какой-то дамы, которая живетъ въ одномъ домѣ съ нами.

— Обрадовалась она увидавъ тебя?

— Да, заплакала даже; она славная дѣвушка, просила у меня позволенія зайти къ намъ, чтобы на васъ посмотрѣть. — А что, Маша хорошо вела себя?

— Не дурно, училась со мною.

— Ну, поцѣлуй меня, я вижу по глазкамъ, что ты все-таки надоѣдала сестрѣ. Маша покраснѣла и спрятала свою русую головку въ колѣна матери. — Я вамъ по апельсину принесла, продолжала Марія Александровна, — Вѣрочка, вынь ихъ изъ мѣшка.

Въ это время Вѣрочка убирала вещи матери, старательно укладывая шляпку въ картонку и вѣшая пальто на мѣсто.

— Попроси Марю сходить за кушаньемъ, вотъ билетъ.

Пора намъ обѣдать, я проголодалась.

— Развѣ ты не завтракала, мама? спросила Вѣрочка.

— Нѣтъ, сегодня не была около колбасной.

— Бѣдная ты моя мама! И съ этими словами, Вѣрочка выбѣжала въ корридоръ за Марей.

Надо-было накрыть на столъ, пошлоскать графинъ и налить въ него чистой воды, насыпать соли въ солонку; а послѣ обѣда, перемыть и убрать посуду. Все это было дѣло Вѣрочки. Марея (кухарка хозяйки, у которой онѣ нанимали комнаты) ходила только въ кухмистерскую за бушаньемъ, ставила самоваръ, да бѣгала въ лавочку за что ей платили 1 рубль 50 коп. въ мѣсяцъ. — Послѣ обѣда пришла прачка и принесла чистое бѣлье, Марія Александровна стала принимать его, откладывая въ сторону воротнички и рукавички; они были только вымыты, а крахмалила и гладила ихъ Вѣрочка. Она сей часъ-же ихъ сложила въ маленькую корзинку и, побрызвъ чистымъ полотенцомъ, поставила подъ кровать, а сама стала доставать грязное бѣлье, которое нужно было отдать прачкѣ. Набонецъ, все было сосчитано, деньги заплочены, отданное бѣлье записано, и Марія Александровна прилегла отдохнуть; а Вѣрочка увела маму въ свою комнату и заперла дверь, чтобы ея болтовня не мѣшала матери. Ужь смеркалось, вышивать она не могла, и принялась опять чинить бѣлье. Маша не давала ей задуматься, поминутно дѣлая вопросы или рассказывая что-нибудь. Такъ она проработала до шести часовъ и, услыжавъ что мама встала, вошла было въ ея комнату, но, увидавъ что та, что-то пишетъ, вернулась къ себѣ и, зажегши свѣчу, принялась опять за работу. Въ восемь часовъ собралась вся семья вокругъ чайнаго стола, на которомъ кипѣлъ самоваръ, и начался живой и дружескій разговоръ: тутъ все сообщалось, что происходило въ продолженіи дня; Мама рассказывала, какъ она давала уроки, — хвалила лучшихъ изъ своихъ ученицъ и пов-

торяла ихъ находчивые отвѣты; Маша толковала о бумгѣ, которой ей сестра купить, а Вѣрочка передавала всѣ свои мысли матери, умалчивая только о томъ, что могло огорчить ее дорогую маму. Такъ прошелъ день въ трудѣ и безпрестанныхъ заботахъ; въ девять часовъ уложили Машу, а въ десять, легла и Марія Александровна, нѣсколько разъ поцѣловавъ и перекрестивъ Вѣрочку, а та опять зажгла свой огарокъ и сѣла за пяльцы. Опять проворныя ручки забѣгали по батисту, но мысли дѣвочки не были такъ грустны, какъ вчера; она думала:—сколько-то дадутъ за ея работу и, что она купить на это мамѣ и сестрѣ,—и какъ онѣ удивятся,—какъ обрадуется Маша... Но кому продать работу? развѣ снести въ магазинъ, въ которомъ онѣ прежде такъ много побукали. И дѣвочкѣ становилось неловко при одной мысли объ этомъ.—Отчего неловко? думаетъ Вѣрочка, —вѣдь тутъ нѣтъ ничего дурнаго; я тружусь для мамы.. войду и спрошу:—не хотите-ли купить воротничекъ и ругавчики. Хорошо если будетъ бѣлокурый прикащикъ, онъ такой вѣжливый и внимательный, онъ навѣрно купитъ. — Но огарокъ догараеть, вотъ кажется сейчасъ должна вспыхнуть бумага... и Вѣрочка торопится докончить цвѣточекъ гладью и убрать пяльцы. Передъ сномъ долго и усердно она молилась, благодарая Бога за покойно приведенный день, — прося здоровья, силъ и спокойствія для мамы, молилась за сестру и папу, и покойно и скоро заснула.

НЕОЖИДАННАЯ РАДОСТЬ.

Переглядивъ воротнички и поучивъ Машу, Вѣрочка принялась опять за пяльцы. — Мама будетъ не ранѣе трехъ

часовъ, успѣю я сегодня много вышить, думаетъ она устраиваясь по ловчѣе. Маша съ куклой садится подлѣ; и опять идетъ бесѣда о томъ, какое лучше сшить платье куклѣ.

— Да когда-же ты за него примешься; спрашиваетъ Маша, — тебѣ все некогда.

— Найду время, сошью непременно, только кукла — то твоя стара, руки у нея совсѣмъ грязны.

— Ничего, Вѣрочка, ты шей ей длинныя рукава, и не будетъ видно. Но разговоръ былъ прерванъ вошедшей Парашей; добрая дѣвушка такъ была рада видѣть своихъ барышень, что не могла насмотрѣться на нихъ.

— Какъ вы похудѣли, Вѣра Михайловна; ручки то какія тоненькія стали.

— Она все работаетъ, да часто плачетъ, залепетала Маша.

— Какой вздоръ говоришь, перебила ее Вѣрочка — расту, отъ того и худѣю.

— А учитесь вы, Вѣра Михайловна? продолжала спрашивать Параша.

Легкій румянецъ покрылъ блѣдныя щечки Вѣры. — Нѣтъ, отвѣчала она тихо.

— Ахъ, какая жалость, барышня; а вы такъ любили учиться; читаете все бывало, да пишете, такъ что насъ ажно жалость проникаетъ, что вы такъ трудитесь; а теперь, совсѣмъ болѣе учиться не будете?

— Нѣтъ, можетъ быть осенью меня и Машу отдадутъ въ Гимназію.

— О, Господи Боже! Думаль-ли, гадаль-ли вашъ папенька, когда былъ живъ, Царство ему Небесное! что вамъ не нѣчто и учиться будетъ! Но какъ ни проста и болтлива была

Параша, но, замѣтивъ какое безотрадно грустное выраженіе вызвали ея слова на личикѣ Вѣрочки, она поняла, что говорить не ладно, и торопливо спросила:—Что это вы вышиваете, Вѣра Михайловна?

— Воротничекъ.

— Вижу что воротничекъ! Да какъ вы прекрасно шьете; вѣрно въ подарокъ къ именинамъ маменьки готовите?

— Нѣтъ, она его продать хочетъ! вмѣшалась Маша.

Улыбающееся лицо Параша стало серьезнѣе и, помолчавъ минуту, она спросила:—кому вы продадите его, барышня?

— Не знаю, робко отвѣчала ей Вѣрочка.

— Когда кончите, милая барышня, дайте его мнѣ: я вамъ его безпремѣнно продамъ. У нашихъ есть барышня немногимъ старше васъ; ужъ какъ ее балуютъ,—чего, чего-то ей не покупаютъ! А далеко ей до васъ, и учится незavidно, в права не хорошаго. Наплачешся съ ней не разъ! По неволѣ вспомнишь, какъ вы бывало, все это, такъ мило просите; если что и не такъ сдѣлаешь, то такъ кротко скажете: не дѣлай такъ, Параша, не хорошо.

И дѣвушка хотѣла поймать ручку Вѣрочки, чтобы поцѣловать, но та успѣла ее спрятать.

— Полно Параша, ты знаешь, я этаго не люблю; а если продашь мой воротничекъ, я тебѣ буду очень благодарна.

— Продамъ, барышня, только кончайте. . а сколько за него хотите?

— Право не знаю; такіе въ гостинномъ дворѣ шесть руб. стоятъ, а мнѣ хотъ бы четыре дали, и то хорошо!

— Дадутъ можетъ быть и больше: они богаты. А мнѣ пора домой; не сказавшись ушла, такъ чтобы не хватились.

забѣгу опять какъ-нибудь... Ужъ какъ я рада, что вы въ одномъ домѣ съ нами живете! И она опять было, хотѣла поцѣловать ручку Вѣры, но та, взявъ ее обѣими руками за голову, поцѣловала въ лобъ.—Прощай, Параша, заходи: мы рады тебя видѣть, проговорили дѣвочки вмѣстѣ.

— Отчего это къ намъ никто не ходитъ? начала Маша послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія:—прежде, каждый день кто-нибудь бывалъ у насъ, а какъ мы сюда переѣхали, никого не видимъ.

— Многие не знаютъ, гдѣ мы живемъ.

— А вотъ же ты писала Женни, а она не ѣдетъ.

— Что вы тамъ говорите объ Женни? раздался звонкій голосокъ и, широко растворивъ дверь, показалась на порогѣ граціозная фигурка дѣвочки лѣтъ 14-ти. Видно она бѣжала по лѣстницѣ, потому что щечки горѣли, дыханіе было усилено, а черные глазки такъ и сверкали. Вѣрочка бросилась ей на шею.—Женни! милочка, какъ давно я тебѣ не видѣла!

— И вѣрно бранила? Думала, что я тебя забыла. А я была больна, и мнѣ докторъ запретилъ выходить; хотѣла писать тебѣ, и того не позволили. Ужъ какъ я просила бабушку заѣхать къ вамъ: общается, когда неотстаю,—и не сдѣлаетъ; наконецъ я уговорила m-elle Rigaut, —и та повезла меня сюда. Надо выслать ей кого-нибудь на встрѣчу, а то я бѣжала и оставила ее одну на лѣстницѣ, а она не сумѣетъ найдти вашу квартиру.

Маша пошла за Марею. Дѣвочки еще разъ обнялись, и Вѣрочка, усадивъ Женни на стулъ, сняла съ нея шляпку, и черные локоны ея разсыпались по плечамъ.

— Ну, надѣлала ты мнѣ бѣдъ! сказала весело Женни:—

мнѣ бабушка сама подобрала волосы подъ шляпку и не велѣла ее снимать.... А ты уже и струсила! добавила она захохотавъ:—пусть немножко поворчитъ,—ничего!

— Зачѣмъ такъ говорить Женни?...

— А, ты опять за старое: опять журить меня! Расскажи-ка лучше, какъ вы теперь живете? отъ бабушки ничего не узнаешь: она такъ сердита на твою мать, за то, что та даетъ уроки, что и говорить объ васъ не хочетъ.

— Развѣ лучше жить на чужой счетъ и долговъ не платить!

— Вотъ подижь-ты, поговори съ нею! Уперлась на томъ, что неприлично съ именемъ твоей матери, ходить уроки давать, — и ни съ мѣста: что хочешь съ ней и дѣлай!

— А мама все продала и заплатила долги, за то никто упрекнуть насъ не можетъ въ томъ, что мы воспользовались чужимъ.

— Вотъ это по моему! Я бы отдала послѣднѣе платье, чтобы только честно расплатиться со всѣми; за это я и люблю твою маму; какъ я помню, и моя была такая-же.

И она задумалась.

Въ эту минуту вошла дѣвушка не очень молодая, средняго роста и довольно плотная.

— *Nous courez comme une biche, princesse, tandis que le médecin vous deffend le mouvement.*

— *Bon, bon, Mademoiselle Lise; je le rediendrai pour une autre fois, et maintenant asseyez-vous, vous devez être joliment fatiguée.* Ты со мной поѣдешь? продолжала Женни обратясь къ Вѣрочкѣ,—а то, намъ долго у васъ оставаться нельзя.

— Я безъ мамы не могу уѣхать.

— Мы ее подождемъ; а скоро она будетъ?

— Бъ тремъ часамъ.

— Скоро и три часа; а ты увидишь, какую мнѣ хорошенькую собачку Вася подарилъ; просто прелесть! Шерсть, какъ шелкъ; я ее назвала Баловень. Игрунья такая, не отвяжешься отъ нея!

Весело и странно было слушать Вѣрочкѣ беззаботную болтовню Женни; она, въ нѣсколько грустныхъ мѣсяцевъ, успѣла отвыкнуть отъ беспечнаго, живаго разговора, и онъ напомнилъ ей много забытаго благо; но Женни не давала ей задумываться: она безпрестанно переходила отъ одного предмета къ другому, рассказывая все, что было во время ихъ долгой разлуки, и заставляя часто Вѣрочку смѣяться своей находчивости и умѣнью живо передавать смѣшныя сцены.

Незамѣто бѣжало время. Въ комнаткѣ было шумно и весело, точно лучъ солнца заглянулъ въ старую башню, и превратилъ паутину въ роскошную и блестящую тѣань. Вотъ и Марія Александровна входитъ; она было съ удивленіемъ остановилась на порогѣ, но, узнавъ Женни, ласково обняла ее, и протянула руку *m-me Rigaut*.

-- Что такъ давно не видно было тебя, Женни?

— Больна была, и бабушка не пускала, она еще капризѣй и несговорчивѣй стала: не знаешь, какъ и справиться съ нею.

— А ты, я думаю, все-таки дѣлаешь изъ нея все, что захочешь?

— Не всегда; вотъ не могла же выпроситься къ вамъ, — а какъ хотѣлось! У меня къ вамъ есть просьба: отпустите къ намъ Вѣрочку, я въ десять часовъ ее къ вамъ доставлю обратно цѣлую и не вредимую.

— Скажи мнѣ прежде, Женни: знаетъ-ли бабушка о томъ, что ты у насъ, и предупредила ли ты ее, что привезешь Вѣрочку?

Женни видимо затруднялась въ отвѣтъ. — Я ей говорила, что непременно буду у васъ, но она не ждетъ Вѣрочки.

— Какъ же ты хочешь, чтобы я отпустила Вѣрочку, а сама даже не сказала бабушкѣ, что будешь у насъ: это не хорошо, Женни!

— Когда она не пускаетъ! говорила сконфузившись дѣвочка и, бросившись на шею Маріи Александровны, она прошептала со слезами:—мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ всѣхъ,—а бабушку не умолишь!

Маріи Александровнѣ жаль стало дѣвочку; она ее обняла и поцѣловала.—Не горюй, Женни, бабушка не будетъ долго сердиться; она сама скоро тебя къ намъ пошлетъ.

— Когда-то это будетъ! Душечка Марія Александровна отпустите Вѣрочку; какъ она ее увидитъ, ей стыдно станеть, что она такъ долго меня не пускала.

— Нельзя, дружочекъ: вотъ если послѣ того, какъ ты расскажешь бабушкѣ, что была у насъ, она захочетъ видѣть Вѣрочку, я съ удовольствіемъ отпущу ее, а теперь и не проси по пустому.

— Il est plus de trois heures, princesse, et vous avez promis à M-me votre grand'-mère de revenir à quatre.

— Quel mal se ferait—il, si je reviens à cinq, j'espère que la grand'maman n'en mourra pas!

— Не хорошо, Женни, начала ласково Марія Александровна — дала слово, такъ держи его. Я люблю тебя, какъ дочь. а все не стану уговаривать остаться; лучше упроси бабушку отпустить тебя къ намъ поскорѣе. Женни стала прощаться.

Она долго цѣловала Вѣрочку, потомъ наклонилась къ Машѣ. Тутъ она вспомнила, что привезла ей конфетъ, и стала вынимать ихъ изъ мѣшка M-Me Lise. — Вотъ тебѣ, душеночекъ, я помню, что ты большая лакомка; а это тебѣ, Вѣрочка, говорила она подавая ей грушу.

Прощаясь, Марія Александровна дала слово, что на слѣдующій разъ она отпуститъ къ ней Вѣрочку; она еще разъ перецѣловала всѣхъ, и какъ птичка выпорхнула въ дверь.

Вѣрочка понимала, что мать была права, не пустивъ ее; но ей такъ хотѣлось провести день съ Женни, и потому, она сидѣла пригорюнясь, забывъ, что пора на столъ накрывать. Мать подошла и поцѣловала ее. — Полно, Вѣрочка; все Богъ дѣлаетъ къ лучшему; — грустить не надо! Ласка матери оживила дѣвочку; ей совѣстно стало, что, думая о себѣ, она забыла, какъ тяжело должно было быть матери, лишитъ ее удовольствия и, вскочивъ, она весело принялась за дѣло.

Такъ шли дни за днями. Склады Маши медленно подвигались, а воротничекъ и ругавчики Вѣры были уже кончены. Она вымыла ихъ не вышивавъ, и оставила сохнуть на солнцѣ, которое стало замѣтно больше грѣть. Мартъ мѣсяцъ подходилъ къ концу. Скоро и Параша забѣжала, взяла готовую работу, и пошла показать ее барынѣ. Съ сильно-бьющимся сердечкомъ, ждала ее Вѣрочка: Параша обѣщалась возвратиться, какъ только будетъ возможно; а дѣвочкѣ такъ хотѣлось знать — возьмутъ ли ея работу, и сколько дадутъ за нея.

Параша проворно побѣжала по черной лѣстницѣ въ кухню; тамъ ее встрѣтила кухарка словами: — Куда бѣгала? Барышня три раза звонила.

— Ну, подождетъ; не велика еще птица, сама послала меня съ письмомъ.

— А ты не болтай, а иди скорѣе. Въ эту минуту раздался нетерпѣливый звонокъ.

— Экъ, неугомонная какая! И, съ этими словами, Параша торопливо пошла въ комнаты. Она застала свою барышню сильно не въ духѣ, она сидѣла передъ зеркаломъ, распустивъ волоса; досада выражалась на ея правильномъ, красивомъ лицѣ, что придавало ему очень непріятное выраженіе, такъ, что несмотря на красоту дѣвочки, никто навѣрное не подумалъ-бы любоваться ею.

— Гдѣ ты пропадала? Мнѣ пора ѣхать на обѣдъ, а некому причесать меня.

— Вы меня послали къ княжнѣ Вадельской съ запиской; и я тамъ долго ждала отвѣта.

— У тебя всегда въ запасѣ есть отговорки; могла бы и скорѣе сбѣгать.

— Вы мнѣ не сказали, что я вамъ скоро повадоблюсь.

— Давай скорѣе записку, и принимайся за прическу, да убери мнѣ сегодня голову по паряднѣе.

Долго продолжалась прическа: то Катѣ казалось, что волоса недовольно взбиты, то шпилька колетъ и, выдернувъ её съ нетерпѣніемъ, она портила, почти уже готовую прическу, и еще больше сердилась. Параша чуть не плакала. — Посидите смирно, барышня, говорила она: — а то, я никогда не кончу вашей прически.

Въ это время вошла мать Кати. Она была совсѣмъ готова и, съ неудовольствіемъ замѣтила, что дочь ея еще не одѣвалась. — Скоро четыре часа, а намъ къ пяти надо быть у Бѣльскихъ: ты-бы поторопилась своимъ туалетомъ.

— Во всемъ Параша виновата: я цѣлый часъ прождала.

— Барышня меня съ запиской изволили послать, начала было та, приостанавливая прическу.

— Кончай скорѣе, Параша, замѣтила ей кротко г-жа Серебрякова, опускаясь на мягкій диванъ и взявъ небрежно свертокъ, лежавшій на столѣ. Она его развернула. Красиво вышитый воротничекъ, съ кружевными прошивками, очутился у нея въ рукахъ; товарищи его рукавчики, выглядывали изъ бумаги.

— Откуда у тебя такая прелесть? спросила мать, обращаясь къ дочери.

— Что ты тамъ нашла, мамаша, я понять немогу; у меня новаго ничего нѣтъ.

Параша взглянула, да такъ и зардѣлась; она, въ торопяхъ, забыла воротничекъ на столѣ.

— Это я принесла, сказала она сконфуженнымъ голосомъ:—одна бѣдная барышня вышила его и просила меня продать.

— А сколько хотять за него?

— Да онѣ сами не знаютъ что просить: первый разъ приходится продавать работу.

— Воротничекъ прекрасно вышить и кружево настоящее: посмотри, Катя.— Хочешь, я куплю его тебѣ; ты давно просила меня объ этомъ?

Недовольная дѣвочка косо взглянула на подаваемый ей воротничекъ: онъ ей не понравился.— Я хотѣла со всѣмъ не такого, сказала она неприятнымъ голосомъ.

— Положимъ, что узоръ тебѣ не по вкусу; но ты, все таки должна сознаться, что вышить онъ безузоризнено; такъ можно пожертвовать прихотью, и купить работу у дѣвушки, которая

долго трудилась надъ нимъ и, можетъ-быть, не имѣеть кому продать, а въ магазинѣ возьмутъ за полъ-цѣны.

— Какая-же мнѣ охота носить то, что не нравится, въ угоду какой-то бѣдной дѣвчкѣ, которую я никогда не видѣла и не увижу, и которая, можетъ-быть, вовсе не такъ бѣдна.

— Если бы вы видѣли мою прежнюю барышню, заговорила робко Параша:—вы не рѣшились-бы говорить такъ: онѣ такія добрыя, и жили прежде очень богато, но папенька ихъ умеръ, не оставивъ ничего, кромѣ долговъ; и онѣ теперь въ крайности.

— Такъ, какъ ты не хочешь этаго воротничка, сказала г-жа Серебрякова:—то я беру его себѣ. Такой стоитъ въ магазинѣ не менѣе семи рублей, такъ вотъ тебѣ и деньги Параша. И, доставъ богатый кошелекъ, она достала деньги и положила ихъ на столъ.

Скоро Катя была совсѣмъ готова. Но, не смотря на красивое платье, щегольскую прическу и красоту, она была не привлекательна. Выраженіе лица все портило: большіе каріе глаза смотрѣли не ласково, на губахъ была такая гордая, самодовольная улыбка, что впечатлѣніе не могло быть въ ея пользу.

— Поѣдемъ, сказала мать, поднимаясь съ дивана!—Параша, передай воротничокъ моей горничной, и скажи ей приготовить мнѣ его къ завтраму.

Только что онѣ уѣхали, какъ Параша, наскоро убравъ комнату Кати, побѣжала къ своей прежней милой барышнѣ. Она такъ громко и радостно заговорила входя въ ея маленькую комнатку, что Вѣрочка должна была остановить ея порывъ:—Тише, тише, Параша: мама отдыхаетъ.

— Я вамъ деньги принесла, сказала она также весело,

но шепотомъ: — семь рублей дали. — Вѣрочка не вѣрила ушамъ своимъ. — Не можетъ быть, Параша, чтобы столько дали.

— Вотъ сосчитайте сами. И она подала ассигнаціи. Вѣрочка поцѣловала Парашу, и хотѣла ей дать за труды рубль, но та не взяла.

— Не обижайте меня, милая барышня, вѣдь я нисколько тутъ не трудилась: такъ кстати пришлось, и предлагать не нужно-было. И Параша рассказала, какъ все произошло, не повторивъ только непріятныхъ словъ Кати. Она хотя была не развитая дѣвушка, а поняла, что тяжело будетъ Вѣрочкѣ слушатъ ихъ.

Ложась спать, Вѣрочка думала, что сдѣлать на эти деньги? Во первыхъ, заплачу въ булочную; за мѣсяць прійдется не болѣе трехъ съ половиной; потомъ, куплю мамѣ перчатки, (ея ужь стары стали) буклу Машѣ, а на остальные — гіацинтовъ. Мама такъ любитъ ихъ. И она начала считать: 3 р. 50 да 1 р. 20... Ей показалось вдругъ, что она невѣрно сосчитала; она начала снова и, дойдя до буклы, заснула.

Не весело была на душѣ у Маріи Александровны, когда она проснулась 1-го Апрѣля: ей вспомнилось прошлое, и слеза за слезой катилась по ея впалымъ щекамъ. Другая жизнь, другая обстановка представлялись ей, и на сердцѣ дѣлалось все тяжелѣй и тяжелѣй... Вдругъ запахъ гіацинтовъ разнесся по комнатѣ и дополнилъ картину рисуемую ея воображеніемъ. — Ужь мнѣ начинаетъ чудиться, думаетъ она: — удивительно явственно слышу я запахъ моихъ любимыхъ цвѣтовъ. Но, взглянувъ на окно, ей все объяснилось: оно было уставлено гіацинтами. — Кто это вспомнилъ обо мнѣ, думаетъ она, и вниманіе, еще для нея неизвѣстной особы, пріятно дѣйствовало на болѣвшее сердце.

Въ это время Вѣрочка вошла на цыпочкахъ въ комнату и, увидавъ, что мама проснулась, бросилась обнимать её поздравляя.

— Кто прислалъ цвѣты? спросила Марія Александровна.

— Это я, мама, купила ихъ для тебя.

— Откуда ты взяла денегъ? съ безпокойствомъ спрашивала мать.

— Я вышила и продала воротничокъ и ругавчики, тихо проговорила дѣвочка.

Слезы радости заблестали въ глазахъ Маріи Александровны; ей было невыразимо пріятно думать, что дочь трудилась для того, чтобы доставить ей удовольствіе. Она обняла, и долго цѣлуя Вѣрочку, спрашивала:— когда она находила время вышивать, кому продала и какъ долго шила? Вѣрочка все подробно передала, потомъ, взявъ со стола книгу, по которой онѣ забирали въ булочной, подала её матери.— Еще рано посылать за хлѣбомъ, сказала Марія Александровна:— впрочемъ сегодня 1-ое число, надо сосчитать, сколько придется заплатить за прошедшій мѣсяць.

Дѣвочка только этого и ждала: глаза у нея такъ и заблестали, когда мать съ удивленіемъ увидѣла, что все было заплачено, и булочникъ росписался.

Весело было дѣвочкѣ смотрѣть на радостное лицо своей мамы; еще веселѣе думать, что она это все устроила. Наконецъ и Маша проснулась и, при видѣ куклы, у нея вырвался такой радостный возгласъ, что Марія Александровна и Вѣрочка обернулись. Маша сидѣла на своей кровати, щечки у нея горѣли, а глаза такъ и бѣгали съ предмета на предметъ. И было на что смотрѣть! Кукла, въ золотой сѣткѣ и розовомъ платкѣ съ бантами, сидѣла на стулѣ у кровати, а около нея

разложено было цѣлое приданое: бѣлый пеньюаръ, чепчикъ, бушакъ, бурнусъ, шляпка и муфта. Радость Маши еще увеличилась, когда, взявъ куклу, она увидѣла, что на ней были надѣты чулки и башмаки, и что все это снималось.

Тутъ-же лежалъ и подарокъ мамы: хорошенькіе, сѣренькіе ботинки, въ каждомъ изъ нихъ по маленькой игрушечкѣ.

— Неужели ты все это могла купить? спросила мать Вѣру.

— Я одну куклу купила, а сшила на неё все сама, а за то, могла купить еще тебѣ перчатки: твои со всѣмъ ужъ стары стали.

Лицо дѣвочки такъ и сіяло удовольствіемъ: не даромъ пропали труды и бессонныя ночи: ея мама и сестра были довольны!

Мирно и покойно прошелъ день, такъ грустно встрѣченный Марією Александровною. Любовь и заботливость Вѣрочки примирили её съ невеселой ея обстановкой: она такъ любовалась веселыми личиками дѣтей, что забыла о прошедшемъ. Около двухъ часовъ заѣхала къ нимъ Женни. Она привезла опять конфетъ Машѣ, и книжку съ хорошенькими картинками. — Надѣюсь, сказала она отдавая её ей; — что ты скоро научишься читать: тутъ много хорошенькихъ разсказовъ и сказокъ.

Маша вспыхнула при словахъ: *скоро выучишься читать*; она вспомнила, что не приготовила тройныхъ свѣдѣній къ именинамъ мамы. Этимъ только и былъ испорченъ этотъ день.

Косица

С. Макарова.

(Озвѣчаніе въ слѣдующемъ №).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЖЕРАРДА.

Глава X.

Мартынь шелъ впереди, а Жерардъ съ Маргаритой слѣдовали за нимъ. Вдругъ старый служивый остановился: они вышли на проселокъ, и вдали виднѣлась та гостинница, о которой солдатъ говорилъ Жерарду. Молодые люди молча поглядѣли другъ на друга, и горько заплакали. Мартынь отвернулся, ему самому становилось жутко. Прощаніе было самое грустное; всѣ рыдали на взрыдъ, и никто не рѣшался уйдти первымъ. Наконецъ Жерардъ вырвался изъ объятій Маргариты, и бѣгомъ пустился по направленію виднѣвшейся гостинницы; но вдругъ опять вернулся и отозвалъ Мартына въ сторону, передалъ ему кошелекъ съ 9-ю золотыми монетами (часть денегъ полученныхъ имъ въ Роттердамѣ) и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, попросилъ хранить эти деньги для Маргариты и не давать ей терпеть нужды.

— Будь покоенъ, отвѣтилъ старикъ, — ты знаешь, что я люблю ее, какъ родную дочь. Но будь она мнѣ даже чужая, я бы, ради тебя, сталъ охранять и беречь Маргариту.

Молодой человѣкъ горячо поблагодарилъ Мартына, вѣрно обнялъ его и затѣмъ, подойдя къ своей милой

Маргаритѣ, въ послѣдній разъ поцѣловаль ея, и безъ оглядки побѣжалъ по дорогѣ.

Мартынъ съ молодой спутницей своей повернули къ Севенбергену, но, дойдя до той поляны, на концѣ которой виднѣлся домъ Петра Брандта, старый стрѣлокъ отпустилъ Маргариту къ отцу, а самъ отправился въ Роттердамъ. Послѣ всего случившагося ему было бы слишкомъ опасно оставаться въ Севенбергенѣ.

Жерардъ между тѣмъ зашелъ въ указанную Мартыномъ гостинницу, нанялъ себѣ лошадь съ возатымъ и, нѣсколько часовъ спустя, стоялъ уже на германской землѣ. Читатель легко можетъ представить себѣ, какъ ему было тяжело. Онъ оставлялъ за собой все, что любилъ; и родной городъ, и родную семью и всѣхъ друзей! Его поддерживала одна лишь мысль, что пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и онъ, Богъ дастъ, на заработанныя имъ въ Италіи деньги, выпишетъ къ себѣ Маргариту и отца ея, женится на ней, и современемъ, испросивъ прощеніе отца, они всѣ вмѣстѣ вернутся въ Голландію и заживутъ мирно и покойно.

Но все это были одни мечты о будущемъ, а пока, онъ, одинокій и усталый, шель по чужой землѣ: уже начинало смеркаться, какъ вдругъ цѣлыми потоками полилъ давно собиравшійся дождь, и до костей промочилъ нашего бѣднаго друга. Дорога была пустынная, безлюдная, и къ довершенію бѣды, вскорѣ повернула въ лѣсъ. Широко раскинувшіяся вѣтви огромныхъ деревьевъ, составляли какъ бы темный сводъ надъ головой запоздалаго странника; подъ ноги ему, то и дѣло попадались сучья, и онъ поминутно спотыкался, и съ величайшимъ трудомъ, шагъ за шагомъ, подвигался впередъ. Ночь совершенно наступила, волки поднялись съ своихъ

логовищѣ, и вой ихъ раздался по лѣсу.—У Жерарда волосы стали дыбомъ, но онъ вѣрнѣе сжалъ острый ножъ и рѣшился дорого продать жизнь свою. Онъ до того ослабѣлъ, что едва держался на ногахъ; отчаяніе уже начинало овладѣвать имъ, какъ вдругъ, въ глубинѣ лѣса мелькнулъ огонекъ. Онъ страшно обрадовался ему, и собралъ послѣднія силы, что бы добратъся до того мѣста, гдѣ показался свѣтъ. Пришлось идти еще довольно долго, но наконецъ, въ глубинѣ лѣса, онъ добрался до освѣщеннаго изнутри домика, повидимому наполненнаго людьми. Онъ посмотрѣлъ, не увидитъ ли вивѣски, но ея не было. Не смотря на то, онъ рѣшился войти.—Эти люди, кто бы они не были, не вытолкнуть же меня въ такую ночь, подумалъ Жерардъ, и отворилъ дверь. Онъ осторожно просунулъ въ нее голову, но въ ту же минуту бросился назадъ. Въ большой, но низкой комнатѣ собралось человѣкъ до сорока. Посреди ея возвышалась почти до потолка огромная, дышащая жаромъ хлѣбная пѣчь. Вокругъ этой печи, для просушки, было развѣшено множество разныхъ грязныхъ, отвратительныхъ тряпокъ. Отъ нихъ, по всей комнатѣ распространялась невыносимая вонь. Всѣ окна были закрыты, и духота была до того сильна, что свѣжій человѣкъ, просто задыхался въ ней. Жерардъ нѣсколько минутъ въ нерѣшительности простоялъ у двери, но наконецъ все таки вошелъ. Какъ не гадко было внутри, но извнѣ было еще хуже. При входѣ его въ комнату, никто не обратилъ на него вниманія; онъ тихо пробрался въ уголь, и молча усѣлся. Въ первыя минуты онъ едва переводилъ дыханіе, и чуть было не упалъ въ обморокъ, но мало по малу, сталъ привыкать къ духотѣ, и тогда рѣшился спросить у своего сосѣда: куда это онъ попалъ.

Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. — Кто вы такіе, что не знаете «Звѣзды лѣса»? спросилъ онъ.

— Я чужестранецъ, отвѣчалъ Жерардъ, — и полагаю, что не замѣтилъ на немъ вывѣски.

— На что вывѣска гостинницъ? гостинницу и безъ нея всякій знаетъ, возразилъ тотъ.

Жерарду не хотѣлось заводить спора; и онъ спросилъ: — гдѣ хозяинъ гостинницы?

Ему указали на сидящую вдали женщину. Онъ подошелъ къ ней и спросилъ: нельзя ли ему достать чтонибудь поѣсть? хозяйка съ невыразимымъ удивленіемъ посмотрѣла на него. — Вотъ уже часа полтора, какъ всѣ отъужинали, съ недоумѣніемъ проговорила она.

— Всѣ, но не я, возразилъ на это Жерардъ.

— Что мнѣ за дѣло до этаго, молодой человекъ? Весь свѣтъ знаетъ, что въ «Звѣздѣ лѣса» ужинаютъ начиная отъ 6-ти и до 8-ми часовъ; зачѣмъ же вы не пришли раньше?

— Я здѣсь чужой, да къ тому же, запоздалъ въ лѣсу.

— Что же дѣлать? съ величайшимъ хладнокровіемъ возразила хозяйка, — въ другой разъ не опаздывайте!

Во время этаго разговора, всѣ взоры были устремлены на Жерарда. — Что за дикая птица, думали посѣтителе «Звѣзды лѣса». — Должно быть не изъ здѣшнихъ странъ; а по нѣмецки говорить хорошо.

Благодаря своему воспитанію въ монастырѣ, Жерардъ научился многимъ языкамъ, и знаніе это теперь очень пригодилось ему. Онъ свободно могъ объясняться на языкахъ тѣхъ народовъ, по землѣ которыхъ ему приходилось пробираться изъ Голандіи въ Римъ; а это обстоятельство, какъ

легко пойметъ читатель, очень облегчило ему трудность пути.

Жерардъ отошелъ отъ хозяйки, и угрюмо усѣлся въ своемъ углу. Нѣкоторое время спустя, онъ спросилъ, нельзя ли ему по крайней мѣрѣ лечь спать.

— Вы ляжете одновременно со всѣми прочими, отвѣтила хозяйка, — тогда, когда внесутъ постели.

Пришла очередь Жерарда удивляться. — Что это значить? подумалъ онъ, — неужели сюда внесутъ постели для всѣхъ гостей? Вѣдь не хватитъ мѣста! Пока онъ думалъ объ этомъ, наружная дверь отворилась, и въ комнату влетела связка соломы; — за первой, — вторая, за второй, — третья, и т. д. до тѣхъ поръ, пока весь полъ не былъ устланъ соломой. Гости сами укладывали ее рядами вокругъ печки; и въ одно мгновеніе все общество очутилось на снѣгѣ. Тогда только Жерардъ понялъ въ чемъ дѣло; — вотъ онѣ, постели, подумалъ онъ и, слѣдуя примѣру другихъ, улегся на своемъ мѣстѣ. Онъ уже начиналъ засыпать, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то толкаетъ его; онъ приподнялся и увидѣлъ уже пожилую, чрезвычайно добродушную на видъ женщину. Она держала въ рукахъ кусокъ какого-то печенья, и протягивала его Жерарду. — Возьмите, молодой человѣкъ, сказала она, — не хочется мнѣ, чтобы вы голодной легли спать!

Жерардъ горячо поблагодарилъ добрую женщину, взялъ и съ наслажденіемъ съѣлъ предлагаемый кусокъ; онъ очень ослабъ и проголодался. Вскорѣ послѣ того, Жерардъ, не смотря на свое горе, на духоту и вонь въ комнатѣ, уснулъ въѣбнымъ сномъ и всю ночь ни разу не проснулся.

На другое утро онъ продолжалъ свой путь: ему въ этотъ

день удалось пройти не менѣе восьми миль *) и что было ему еще пріятнѣе, попасть на ночлегъ въ монастырь. Тутъ онъ вполне отдохнулъ; его накормили хорошей, хотя простой пищей; уложили въ настоящую постель съ бѣльемъ и одѣяломъ, и онъ до того крѣпко уснулъ, что проснувшись по утру, вообразилъ себя въ Голландіи, и въ первую минуту, никакъ не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, гдѣ онъ. Вообще, Жерардъ всегда былъ счастливъ, когда попадалъ на ночлегъ въ монастырь;—гостинницы же всѣ были на подобіе той, въ которой онъ провелъ свою первую ночь на чужой сторонѣ, и ему пришлось не мало страдать отъ нихъ. То, бывало, онъ прійдетъ слишкомъ рано и его долго заставляютъ ждать, пока не соберется достаточное количество гостей; то опять опоздаетъ, и голодный принужденъ лечь спать. Но кромѣ этаго было еще не мало другаго, весьма непріятнаго; грязное и грубое бѣлье, которымъ покрывали столы, съ самаго начала отбивало охоту къ ѣдѣ; — кушанья все такія тяжелыя, не привычныя ему; пиво затхлое, вонючее; а хозяйка между тѣмъ не признавала за нимъ права платить только за то, что онъ въ самомъ дѣлѣ съѣдалъ или выпивалъ.—Намъ что до того, что вы мало кушаете, говаривали они,—мы вамъ не мѣшаемъ; а плата для всѣхъ одинакова.

Жерардъ по неволѣ долженъ былъ покоряться этому правилу, и путешествіе такимъ образомъ обходилось ему очень дорого, и кошелькъ его замѣтно пустѣлъ.

На одномъ изъ этихъ ночлеговъ, Жерардъ познакомился съ бургундскимъ солдатомъ, который назвалъ себя Денисомъ, рассказалъ, что послѣ долгихъ лѣтъ службы, возвра-

---

*) Что составляетъ 32 версты.

дается на время на родину, и въ заключеніе, предложилъ Жерарду идти вмѣстѣ, до тѣхъ поръ, пока дороги ихъ не разойдутся. Онъ обрадовался тому, что Жерардъ говоритъ по французски, такъ какъ самъ не зналъ ни одного иностраннаго языка; нашему же другу понравилось открытое, добродушное лицо Дениса и, начатое въ гостинницѣ знакомство, вскорѣ превратилось въ дружбу. Денисъ рассказывалъ о тѣхъ битвахъ, въ которыхъ приходилось ему участвовать; о томъ, какъ часто онъ бывалъ раненъ, о всѣхъ сраженіяхъ перенесенныхъ имъ на войнѣ. Жерардъ повѣдалъ новому другу все то, что пришлось испытать ему въ жизни, причины принудившія его бѣжать изъ Голландіи и наконецъ, надежды свои на будущее. Такимъ образомъ они въ нѣсколько дней успѣли очень подружиться, и имъ вскорѣ стало казаться, что они всегда любили другъ друга.

По мѣрѣ того, какъ они приближались къ Рейну, имъ все чаще и чаще приходилось идти лѣсомъ. Въ гостинницахъ, гдѣ останавливались они на ночлегъ, собравшіеся у очага путешественники, все чаще и чаще стали говорить объ убійствахъ, грабежахъ, разбойничьихъ притонахъ, мошенникахъ и т. д. Увѣряли, что будто бы даже сельскіе жители пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ убить и разграбить запоздалаго въ лѣсу, неосторожнаго путешественника. Въ этихъ громадныхъ, мрачныхъ лѣсахъ, легко было схоронить концы въ воду;—здѣсь нельзя было, по прежнему, встрѣтить не вооруженнаго человѣка; всякій имѣлъ при себѣ легкій топорикъ, съ придѣланнымъ на концѣ короткимъ копьемъ. Туземцы отлично владѣли этимъ оружіемъ; бросая его, они въ нѣсколькихъ шагахъ ловко попадали копьемъ въ цѣль, а топоромъ сразу разрубали самыя твердыя

тѣла. Жерардъ купилъ себѣ такой топорикъ, и ежедневно упражнялся въ употребленіи его; Денисъ же остался вѣрнѣе всегдашнему оружію своему, длинному луку.

Глава XI.

Однажды, друзья наши шли густымъ, громаднымъ лѣсомъ, тянувшимся на протяженіи нѣсколькихъ миль. Они приближались къ Дюссельдорфу, гдѣ должны были разстаться, такъ какъ пути ихъ тамъ расходились: и поэтому, оба были задумчивѣе и грустнѣе обыкновеннаго. Жерардъ въ особенности до того углубился въ свои мысли, что едва видѣлъ дорогу у себя подъ ногами. Вдругъ Денисъ положилъ ему руку на плечо, и прошептавъ «тсъ—тише!» натянулъ лукъ. Жерардъ остановился, какъ вкопанный, и съ испугомъ оглянулся. Въ чащѣ лѣса послышался шорохъ; сухіе листья захрустѣли. Денисъ бросился въ кусты, и на бѣгу прицѣлился; стрѣла свистнула—и въ то же мгновеніе раздался голосъ солдата: — Становись поперегъ дороги, не выпускай его, онъ раненъ, раненъ!

Жерардъ бросился впередъ, и наткнулся на выходившаго изъ чащи медвѣженка. При видѣ неприятели, звѣрекъ, не смотря на нѣжный возрастъ, всталъ на заднія лапы и храбро пошелъ на Жерарда; но тотъ, однимъ ударомъ топора по головѣ, покончилъ съ Мишкой. Пріятели рѣшились по очереди нести его, и такимъ образомъ, доставить въ Дюссельдорфъ къ начальнику города, который, безъ сомнѣнія, присудитъ имъ денежную награду за убитаго звѣрка. Но ноша оказалась не по силамъ Жерарду, такъ что Денисъ отдалъ ему свой лукъ, а самъ взвалилъ медвѣженка себѣ на плечи. Несмотря однако, на большую силу и привычку многое

выносить, Денисъ скоро усталъ, и пріятели рѣшились отдохнуть. Молодой художникъ никогда еще не стрѣлявшій изъ лука, воспользовался случаемъ, и принялся испытывать свою ловкость въ стрѣльбѣ. Денисъ добродушно подсмѣивался надъ нимъ и выхвалявалъ свое оружіе. Онъ съ презрѣніемъ отзывался о только что появившемся тогда огнестрѣльномъ оружіи, и утверждалъ, что дурацкія машины эти никогда не выведутъ изъ употребленія благороднаго лука.— Не правда ли, Жерардъ? спросилъ онъ.

Но Жерардъ не отвѣтилъ; его поразили какою то страшный шумъ; словно за нимъ что-то тяжелое, но мягкое, катится по сухимъ листьямъ; онъ съ любопытствомъ оглянулся.

Шагахъ въ шестьдесятъ отъ нихъ, по дорогѣ, быстро двигался какой-то огромный звѣрь. Жерардъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Денисъ! воскликнулъ онъ, — О Боже! Денисъ!

Денисъ обернулся.

Громадный медвѣдь, съ опущенной почти до земли головой, бѣжалъ по кровавому слѣду, оставленному убитымъ медвѣженкомъ. При первомъ взглядѣ на звѣря, Денисъ все понялъ: — убитый ими медвѣженокъ, — кровавый слѣдъ, — разъяренная мать бѣгущая отомстить за дѣтеныша, — все это въ одно мгновеніе пронеслось передъ нимъ. И вслѣдъ за всѣмъ этимъ, смерть, — страшная, мучительная, неизбѣжная смерть!

Угасъ объялъ несчастныхъ, и они точно остолбенѣли. Въ это мгновеніе, медвѣдица увидѣла ихъ. Она вся оцѣтенилась, приподняла огромную голову свою, глаза налились кровью, страшная пасть широко раскрылась и она кинулась къ нимъ!

—Стрѣлай! закричалъ Денисъ, но Жерардъ, дрожа съ головы до ногъ, неподвижно стоялъ на мѣстѣ.

—Стрѣлай, говорятъ тебѣ, стрѣлай! О Боже! теперь поздно!—На дерево Жерардъ, на дерево! и съ этими словами онъ бросилъ отъ себя медвѣженка, со всѣхъ ногъ бросился въ первому попавшемуся дереву и, быстро полѣзъ на него. Жерардъ, со своей стороны, сдѣлавъ тоже.

Но какъ не спѣшили они, одинъ изъ нихъ непременно былъ бы разорванъ на клочки, если бы медвѣдица на мигу не остановилась у своего убитаго дѣтеныша. Она обняла его и, убѣдившись, что онъ умеръ, дико зарезвѣла и бросилась вслѣдъ за Денисомъ; онъ только что успѣлъ подняться на столько, что медвѣдица съ земли не могла достать до него лапой; видя это, она вонзила свои когти въ дерево и полѣзла по немъ, хотя и медленно, но такъ ловко и вѣрно, словно обезьяна; къ несчастію, Денисъ попалъ на одиноко стоящее, не высокое и весьма не вѣтвистое дерево. Онъ лазилъ скорѣе звѣря, и вскорѣ очутился на самой верхушкѣ дуба; тутъ несчастный дико оглянулся кругомъ, тщетно ища по близости какую нибудь вѣтвь, за которую онъ могъ бы ухватиться съ тѣмъ, чтобы перепрыгнуть на сосѣднее дерево; но увы, какъ мы уже сказали, дубъ одиноко стоялъ на полянѣ; броситься же внизъ, значило обречь себя на вѣрную смерть. Денисъ очень хорошо понималъ, что онъ не успѣетъ еще опомниться, какъ медвѣдь уже будетъ лежать на немъ. Что было ему дѣлать? Единственнымъ оружіемъ его былъ длинный ножъ; онъ схватилъ его, крѣпко сжалъ въ рукѣ и, стиснувъ зубы, приготовился къ отчаянному бою. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ исходѣ его! Гдѣ было человѣку справиться съ разъяреннымъ чудовищемъ! Но Жерардъ по-

пязь, какой смертельной опасности подвергается его другъ. Онъ соскочилъ со своего дерева, поднялъ брошенный было пухъ лука и, подбѣжавъ къ дубу, по которому поднимался звѣрь, выстрѣлилъ въ него, и попалъ въ спину. Медвѣдь громко зарычалъ, и въ нерѣшительности повернулъ голову.

— Убирайся прочь, если тебѣ дорога жизнь! закричалъ Денисъ.

Но въ Жерардѣ загорѣлась кровь. Онъ снова натянулъ лукъ и вторично ранилъ чудовище.

Денисъ выходилъ изъ себя.— Да убирайся же, сумасшедшій! кричалъ онъ.

Онъ былъ правъ. Медвѣдь послѣ втораго выстрѣла, видя, что онъ имѣетъ дѣло съ безпокойнымъ и опаснымъ противникомъ, началъ сползать съ дуба. Жерардъ побѣжалъ къ своему дереву и быстро полѣзъ на него. Но звѣрь подбѣжалъ къ нему еще въ то время, когда ноги его болтались въ какихъ нибудь четырехъ или пяти футахъ надъ землею, и передней лапой вырвалъ у несчастнаго изъ плечи блокъ мяса. Жерардъ поднимался все выше и выше; вдругъ онъ услышалъ, что Денисъ кричитъ ему бросить стволъ и спрятаться въ боковыя вѣтви; онъ оглянулся, и увидѣлъ крѣпкую, толстую вѣтвь, растущую вверхъ подъ острымъ угломъ. Онъ бросился въ нее и, рядомъ страшныхъ успій, ему удалось взобраться на самую верхушку ея. Тутъ онъ оглянулся:

Медвѣдь поднимался по дереву съ противоположной стороны. Добравшись до того мѣста, гдѣ Жерардъ повернулъ въ сторону, звѣрь не остановился, но продолжалъ лѣзть дальше по стволу. Нашъ другъ вздохнулъ свободнѣе; чудовище, или услыхало его, или же обоняніемъ поняло, что по-

теряло слѣдъ; какъ бы то ни-было, оно остановилось и вдругъ увидѣло Жерарда.

Звѣрь оставилъ на него свои кровью налитые глаза и, тихо спустившись до вѣтки, на которой сидѣлъ несчастный, осторожно протянулъ одну лапу, попробовалъ сугъ, и тотчасъ чутьемъ узналъ, что смѣло можетъ довѣриться ему, Онъ заревѣлъ и поползъ къ Жерарду. Несчастный двѣ оглянулся. Онъ находился на высотѣ по крайней мѣрѣ 40 футовъ надъ землею.

Смерть была неизбежна. Она ожидала его внизу, если бы онъ рѣшился спрыгнуть, она же, но въ еще ужаснѣйшемъ видѣ, медленно, но вѣрно, приближалась къ нему. Волосы стали у него дыбомъ, холодный потъ крупными каплями падалъ со лба его. Онъ, безмолвный, безпомощный, неподвижно сидѣлъ на свѣей вѣтви. А медвѣдь подползалъ все ближе и ближе. На Жерарда началъ столбнякъ; онъ видѣлъ приближающіеся къ нему, кровью налитые глаза и раскрытую страшную пасть, но все это словно въ туманѣ; какъ бы во снѣ услышалъ онъ вдругъ какой-то трескъ, и по-смотрѣлъ внизъ: у подножія дерева стоялъ Денисъ, безмолвный, страшно блѣдный, и стрѣлялъ въ медвѣдя; при первомъ выстрѣлѣ, звѣрь зарычалъ отъ боли, но продолжалъ идти впередъ; опять послышался шумъ, производимый натягиваніемъ лука, — снова свистнула стрѣла, и снова вонзилась въ громадное чудовище. Жерардъ почувствовалъ на себѣ жгучее дыханіе звѣря; кровь брызнула изъ раскрытой пасти, его, и горячей струей обдала несчастнаго.

• Въ ту же минуту вѣтвь, на которой сидѣли и человекъ и звѣрь, сильно покачнулася, и Жерардъ лицомъ впередъ, упалъ на медвѣдя!

При этомъ, звѣрь собралъ послѣднія силы, приподнялъ голову, громко стукнулъ зубами, и вслѣдъ за тѣмъ тяжело грохнулся о землю. Снизу послышался сначала крикъ торжества, и тотчасъ послѣ того, крикъ ужаса. Жерардъ потерялъ сознаніе, и головой впередъ упалъ со страшной высоты. Денисъ схватилъ его на лету, и тѣмъ нѣсколько уменьшилъ ему его паденіе; но, несмотря на то. Жерардъ вѣроятно, или ушибся бы до смерти, или же пореломилъ бы себѣ руки и ноги, если-бы на помощь къ нему не подоспѣлъ недавній, страшный врагъ его, медвѣдь. Молодой человѣкъ упалъ прямо на мягкую шкуру убитаго звѣря, словно на подушку. Когда онъ пришелъ въ себя и увидѣлъ, что и Денисъ и онъ, живы и почти невредимы, первымъ побужденіемъ его было пасть на колѣни, и горячо поблагодарить Бога, спасающаго ихъ отъ такой страшной опасности.

Въ первую минуту, онъ даже не вспомнилъ о ранѣ въ ногѣ, и ничего не сказалъ объ ней Денису. До Дюссельдорфа было, по ихъ расчету, не болѣе 2 или 2½ миль. и Жерардъ надѣялся кое какъ дойти до города. Но при первыхъ же шагамъ, онъ почувствовалъ страшную боль, и захромалъ. Денисъ съ безпокойствомъ спросилъ у него, что съ нимъ; бѣдный юноша молча показалъ на ногу. Что было имъ дѣлать? Они находились въ громадномъ, пустынномъ лѣсу, гдѣ нечего было надѣяться на людскую помощь; да, они скорѣй испугались бы, чѣмъ обрадовались бы появленію людей; не даромъ они наслышались столькихъ страшныхъ рассказовъ о ворахъ, убійцахъ и мошенникахъ, промышляющихъ въ мѣстныхъ, громадныхъ лѣсахъ. Денисъ упросилъ Жерарда идти дальше, не смотря на боль.—Теперь уже поздно; переночевать въ лѣсу было бы безумно, сказалъ

онъ, — почи становятся очень холодными, и съ рапеной ногой можно простудиться до полу-смерти. Упрись на меня, и пойдемъ. Молодой художникъ послушался товарища и храбро пошелъ впередъ; но боль въ ногѣ съ каждымъ шагомъ становилась все нестерпимѣе. Онъ однако долго ерѣпился, но наконецъ, вдругъ опустился на землю, и въ изнеможеніи сказалъ: — дай ты мнѣ лучше спокойно умереть здѣсь!

Денисъ понялъ, что дѣлать нечего; больная нога распухла и онемѣла, лихорадка била Жерарда; на немъ лица не было. Солдатъ почти на рукахъ перетащилъ товарища съ дороги въ самый лѣсъ, уложилъ его на землю и, упросивъ лежать смирно, передалъ ему свой лукъ и стрѣлы. — Если какойнибудь мошенникъ отыщеть тебя здѣсь, сказалъ онъ ему, — ты безъ всякихъ разговоровъ стрѣлай въ него. Порядочные люди идутъ по дорогѣ, одни разбойники снуютъ по лѣсу, а съ ними нечего церемониться. И съ этими словами, Денисъ, захвативъ топорикъ Жерарда, со всѣхъ ногъ пустился бѣжать, не по направленію Дюссельдорфа, какъ ожидалъ того нашъ другъ, а по дорогѣ, по которой они только что шли.

Глава XII.

Жерардъ спокойно лежалъ на землѣ, боль въ ногѣ нѣсколько поутихла, и онъ перенесся мыслями въ Севенбергенъ и Тергау. На него начала нападать дремота, какъ вдругъ онъ услышалъ крики и, вслѣдъ за тѣмъ, что то стукнулось въ близъ стоявшее дерево, и вонзилось въ него. Жерардъ узналъ стрѣлу, и вскочилъ на ноги; нѣсколько другихъ стрѣлъ послѣдовало за первой, и по лѣсу раздались

громкіе возгласы. Нашъ другъ никакъ не могъ понять, откуда несутся эти звуки; ему казалось, что все воздушное пространство наполнено ими;—потомъ настала минутная тишина, и вслѣдъ за тѣмъ, слышались звуки бьющихъ о землю конскихъ копытъ, неистовые крики, перемѣшанные съ жалобнымъ визгомъ и эханьемъ, и надъ всѣмъ этимъ, какіе то странные и ужасные звуки, похожіе на удары грома, повторяемые лѣснымъ эхомъ; огненные языки вспыхивали время отъ времени между вѣтвями деревь, густой сѣрнистый дымъ носился въ воздухѣ.

Жерардъ былъ пораженъ ужасомъ.

— О Денись, мой милый Денись, что станется съ нимъ? подумалъ онъ.

Передъ самымъ закатомъ солнца, Денись вернулся, изнемогая подъ тяжелой ношей;— онъ тащилъ за собой шкуру убитаго медвѣдя.

Необыкновенная радость, съ которой встрѣтилъ его Жерардъ удивила солдата. — Что съ тобой? спросилъ онъ.

— Я думалъ, что никогда болѣе не увижу тебя, мой дорогой Денись, отвѣтилъ молодой художникъ, — скажи, ты участвовалъ въ битвѣ?

— Нѣтъ. Въ какой это битвѣ?

Жерардъ передалъ другу все, что слышалъ во время его отсутствія; но Денись снисходительно улыбнулся и, потрепавъ юношу по плечу, весело сказалъ:— такъ всегда бываетъ съ раненымъ, мой милый! ему вѣчно представляются разные ужасы!

— Такъ ты не вѣришь мнѣ, Денись?

— Разумѣется не вѣрю! все это бредни больной головы

— А это что?— и Жерардъ указалъ рукой на торчашую

въ деревѣ стрѣлу,—не тоже-ли, по твоему, бредни большой головы?

Денисъ былъ озадаченъ. — Ничего не понимаю! сказать онъ, — да впрочемъ, нечего ломать себѣ головы надъ неразрѣшеннымъ вопросомъ! гораздо лучше позаботиться о ночлегѣ.

И съ этими словами, Денисъ собралъ кучу сухихъ листьевъ, уложилъ на нихъ Жерарда, самъ помѣстился возлѣ него и, шкурой убитаго медвѣдя, покрылъ и себя и друга; вскорѣ имъ стало очень тепло и уютно, и они преспокойно уснули, забывъ на время о всевозможныхъ опасностяхъ и ужасахъ.

Но еще за долго до восхода солнца, Жерардъ разбудилъ товарища.

— Денисъ! сказала онъ, — я не знаю, что мнѣ дѣлать, я до того голоденъ, что рѣшительно не могу спать!

— Что же? попытаемся дойти до Дюссельдорфа; это одно средство, зѣвая и потягиваясь, но весьма добродушно отзѣтилъ солдатъ.

— Хотя у насъ здѣсь и есть чѣмъ полакомиться, прибавилъ онъ, указывая на медвѣжьи уши, — но безъ огня въ нихъ пользы мало; а огонь разводить въ лѣсу можетъ быть слишкомъ опасно. Съ этими словами онъ отрѣзалъ у медвѣдя его жирныя уши, и положилъ ихъ къ себѣ въ карманъ. Друзья наши отправились дальше. Молодой художникъ чуть было не вскрикнулъ отъ боли при первыхъ шагахъ, но мало по малу, разошелся, хотя и продолжалъ хромать, но съ помощью Дениса все-таки довольно бодро шелъ впередъ. Вскорѣ деревья стали рѣдѣть и, при свѣтѣ только что взошедшей луны, путешественники увидѣли, что они приближаются къ выходу изъ лѣса. До Дюссель-

дѣла имъ оставалось идти по лѣсу не болѣе одной мили, и надежда, въ скоромъ времени добраться до города, очень обрадовала бѣдныхъ странниковъ, какъ легко можетъ представить себѣ читатель. Но на самой опушкѣ лѣса, имъ представилось такое страшное зрѣлище, что они въ недоумѣніи остановились, и съ безсознательнымъ страхомъ посмотрѣли впередъ. Они сами не знали, чего они боятся, и что значитъ видѣнное ими? но все таки не рѣшались идти впередъ. Луна спряталась за тучу, и на темномъ фонѣ неба ясно выдѣлились два большіе бѣлые столба, стоящіе въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія другъ отъ друга, между ними виднѣлось нѣсколько темныхъ тѣлъ, весьма похожихъ очертаніями на человѣческія фигуры, упирающіяся, по видимому, ногами на одинъ только воздухъ. Жерардъ схватилъ Дениса за руку. — Что это значитъ? — что это такое? испуганнымъ шепотомъ спросилъ онъ. Солдаты не тотчасъ отвѣтили; онъ пристально вглядывался въ испугавшій ихъ, странный предметъ. — Это люди, наконецъ съ увѣренностью сказалъ онъ.

— Не можетъ быть! воскликнулъ молодой художникъ — люди не могутъ стоять на воздухѣ!

— Ты гляди не на то, что у нихъ подъ ногами, а на то, что надъ головой, какъ то торжественно проговорилъ Денисъ. Въ эту минуту луна показалась изъ за тучи, и при свѣтѣ ея, Жерардъ ясно разглядѣлъ страшную картину.

Отъ одного столба къ другому, тянулась балка, а на ней, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, было прикрѣплено нѣсколько веревокъ, туго натянутыхъ тяжестью, висѣвшихъ на концѣ каждой изъ нихъ, человѣческихъ тѣлъ.

Жерардъ, при этомъ видѣ, вздрогнулъ, и долгое время не рѣшался идти впередъ; но товарищъ уговорилъ его; Денису

не въ первые приходилось видѣть висѣлицу, и онъ не понималъ отвращенія и ужаса молодого спутника своего.—Вѣдь теперь то ужъ они навѣрно не повредятъ намъ, шутя говорилъ онъ, стараясь ободрить Жерарда; но тотъ шелъ за нимъ весь блѣдный, и дрожа, словно въ лихорадкѣ. Уже близко подойдя къ висѣлицѣ, они въ первый разъ замѣтили, что подъ нею разведенъ огонь и что, подлѣ медленно догорающихъ дровъ, лежитъ завернутый въ плащѣ человекъ, который, по видимому, безмятежно спалъ. Друзья ниши притаили дыханіе, и на цыпочкахъ подошли къ огню; возлѣ спящаго незнакомца лежалъ его топоръ; и первымъ, почти безсознательнымъ движеніемъ Жерарда, было овладѣть оружіемъ неісвѣстной личности. Денисъ, между тѣмъ, бросилъ нѣсколько сухихъ вѣтокъ на догорашіе уголья и, когда вспыхнула пламя, вынулъ изъ кармана медвѣжьи уши, проткнулъ ихъ палкой, и принялся жарить на огнѣ.

Молодой художникъ пришелъ въ ужасъ.—Неужели ты способенъ ѣсть здѣсь, имѣя передъ глазами такое страшное зрѣлище? содрагаясь отъ одной мысли, спросилъ онъ.

Денисъ улыбнулся. Онъ до того привыкъ, въ продолженіи долгой, боевой жизни, ко всевозможнымъ ужасамъ и опасностямъ, что равнодушно смотрѣлъ на самыя страшныя картины. Онъ былъ необыкновенно храбръ и необыкновенно великодушенъ; многіе товарищи его лежали-бы въ сырой землѣ, еслѣбы не Денисъ; онъ многихъ, даже съ опасностью собственной жизни, спасалъ отъ смерти. Жерардъ зналъ все это, зналъ, что другъ его всегда готовъ съ высокимъ самоотверженіемъ стоять за тѣхъ, кого любитъ, что онъ благороденъ и добръ, наковецъ, сердечно любить его,—и не смотря на все это, въ данную минуту, не могъ безъ содрага-

См.

вія смотрѣть на него; онъ былъ еще слишкомъ молодъ, и до сихъ поръ жилъ слишкомъ уединенно и мирно, чтобы понять въ этомъ случаѣ, всю силу привычки.

Денисъ, какъ мы уже сказали, только улыбнулся въ отвѣтъ на негодующія слова молодаго художника; онъ бы впрочемъ и не успѣлъ ничего сказать, потому что именно въ это время проснулся спящій у огня незнакомецъ. При видѣ ярео горѣвшихъ дровъ и сидящихъ подлѣ нихъ двухъ неизвѣстныхъ людей, онъ замѣтно вздрогнулъ, но почти тотчасъ принялъ равнодушный видъ и, по видимому, спокойно поздоровался съ ними; но потомъ, вдругъ замѣтивъ, что Жерардъ сидитъ на ручкѣ его топора, а собственное оружіе держать на готовѣ, мгновенно растерялся и видимо задрожалъ.

Денисъ нагнулся къ Жерарду, и что то шепнулъ ему на ухо.

Тотъ обратился къ незнакомцу.

— Мой товарищъ, сказалъ онъ, — предлагаетъ вамъ раздѣлить съ нимъ его трапезу, такъ какъ мы безъ вашего позволенія воспользовались разложеннымъ вами огнемъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ незнакомецъ. — Вотъ и у меня тутъ по близости виситъ не деревѣ отличный кусокъ дичины; я сейчасъ схожу за нимъ. И съ этими словами онъ всталъ и направился было къ лѣсу, но Денисъ въ ту же минуту поднялъ лукъ и прицѣлился въ голову уходившаго. Тотъ упалъ на колѣни. Солдатъ знакомъ велѣлъ ему вернуться и снова усѣсться на прежнее мѣсто.

— Такъ то лучше будетъ, братецъ, сказалъ онъ по французски, — садись-ка съ Богомъ.

Незнакомецъ тотчасъ повиновался, хотя и не понималъ

по французски; манеры и тонъ Дениса достаточно уяснили ему, въ чемъ дѣло.

— Скажи ему, продолжалъ тотъ, обращаясь къ Жерарду, — что у огня могутъ сидѣть только трое; другимъ же не достанетъ мѣста. Онъ отлично пойметъ, меня.

Когда слова эти были переданы незнакомцу, онъ ухмыльнулся. Съ тѣхъ поръ, какъ Денисъ заговорилъ по французски, онъ видимо пріободрился. — Я не зналъ, что вы иностранцы, сказалъ онъ Жерарду.

Денисъ отрѣзалъ кусокъ медвѣжьяго уха, и любезно предложилъ его своему странному сосѣду. Тотъ взялъ мясо, досталъ изъ-да пазухи ломоть хлѣба, и по братски раздѣлил его съ солдатомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, онъ пошарилъ въ кучѣ сухихъ листьевъ, на которыхъ сидѣлъ, и къ великому удовольствію Дениса, вынулъ оттуда цѣлый штофъ отличнаго бѣлаго вина. Даже Жерардъ, съ отвращеніемъ глядѣвшій на ѣду товарищей, убѣдился доводами опытнаго Дениса, и нѣсколько разъ глотнулъ изъ поднесенной ему бутылки. Вино подкрѣпило и согрѣло его, такъ что онъ нѣсколько пріободрился; но несмотря на то, все таки на могъ слушать безъ содраганія зловѣщаго скрипа веревокъ, на которыхъ, при каждомъ порывѣ вѣтра, качались мертвыя тѣла.

А Денисъ и нечаянный товарищъ его, между тѣмъ, беззаботно ѣли и весело передавали другъ другу бутылку съ живительной влагою. Когда же солдатъ успѣлъ вполнѣ насытиться, онъ попросилъ Жерарда узнать отъ незнакомца, что это за люди висятъ у нихъ надъ головой, и какимъ образомъ они попали въ бѣду.

По словамъ незнакомца выходило, то всѣ казненные были отличные люди; молодцы, промышлявшіе въ лѣсу, и что одеа

только измѣна могла погубить ихъ. Имъ не мало приходилось до сихъ поръ воевать съ разнымъ людомъ, но судьба поберегла ихъ. Вчера же вечеромъ, завидя партію купцовъ, медленно подвигающихся впередъ на тяжело нагруженныхъ всевозможнымъ добромъ лошакахъ, добрые молодцы дали имъ углубиться въ лѣсъ, и вслѣдъ за тѣмъ, напали на нихъ; но, увы! оказалось, что мнимые купцы просто переряженные солдаты Кельнскаго Архіепископа, вооруженные не только саблями и пиками, но какимъ то другимъ, чудеснымъ оружіемъ, съ помощью котораго, они на большомъ разстояніи, по благоусмотрѣнію, вгоняли въ человѣческія тѣла какіе-то страшные свинцовые шары! Несмотря на то, добрые молодцы храбро сражались, и нѣкоторые изъ нихъ пали на полѣ битвы, но наконецъ, оставшіеся струсили и сдались. Тогда эти гадкіе солдаты, заранѣе запасшіеся веревками, тотчасъ снарядили висѣлицу и принялись вѣшать не только живыхъ, но для большаго вида, и мертвыхъ!

Все это было сказано съ такою наглою увѣренностью въ собственной правотѣ, въ жестокости мнимыхъ купцовъ, не давшихъ безнаказанно ограбить и убивать себя, что Жерардъ не выдержалъ; — уйдемъ отсюда, Денисъ, сказалъ онъ вставая, — у меня силъ не хватаетъ слушать болтовню этаго негодяя.

— Ладно, отвѣтилъ солдатъ, — только одно: этотъ негодяй, какъ ты называешь его, долженъ непременно идти съ нами.

— Зачѣмъ это? съ недоумѣніемъ спросилъ молодой художникъ.

— Я имѣю на это свои причины, о которыхъ расскажу послѣ; пока пойдемъ, сказалъ Денисъ; и они втроемъ двинулись впередъ и вскорѣ вышли изъ лѣса. Солнце встало, и передъ ними видѣлся Дюссельдорфъ.

Часъ спустя, они подходили къ городу. Шедшій съ ними разбойникъ остановился и мрачно сказалъ:— Вы бы лучше ужъ сразу убили меня, чѣмъ медленно, шагъ за шагомъ вести на вѣрную смерть. Войти въ Дюссельдорфъ для меня все равно, что проститься съ жизнію!

Жерардъ передалъ эти слова Денису, и тотъ, тотчасъ согласился отпустить мошенника. Друзья наши отдали ему его топоръ и отправили обратно въ лѣсъ. Если читатель удивится этому, то пускай онъ вспомнитъ, что рассказъ нашъ происходитъ во второй половинѣ XV столѣтія, т. е. въ такое время, гдѣ, вслѣдствіи не развитаго еще чувства обязанностей гражданина, никто добровольно не рѣшился бы вмѣшиваться въ дѣла правосудія, даже съ тѣмъ, чтобы содѣйствовать ему. Понятно, что путешественники, которымъ каждый день былъ дорогъ, и которыхъ, при медленности тогдашнихъ судебныхъ слѣдствій, вѣроятно задержали бы въ Дюссельдорфѣ мѣсяца на два или на три,—постарались избѣгнуть всякаго вмѣшательства въ чужія дѣла.

По уходѣ разбойника, друзья наши призадумались надъ всѣмъ тѣмъ, что приключилось съ ними въ продолженіи послѣднихъ полу-сутокъ.—Странно иногда слагаются обстоятельства, задумчиво сказалъ Жерардъ,—вѣдь теперь оказывается, что медвѣдица спасла намъ жизнь!

— По всей вѣроятности такъ, отвѣтилъ на это Денисъ—но хорошо и то, что мы во время ушли изъ подъ висѣлицы

— Это почему? спросилъ молодой человекъ.

— Потому что, не всѣхъ разбойниковъ перевѣшали, отвѣтилъ его товарищъ.—Я видѣлъ человекъ семь или восемь вокругъ оставленнаго нами огня.

— Господи! и ты не сказалъ ни слова? воскликнулъ Жерардъ.

— Зачѣмъ было говорить, спокойно отвѣтилъ Денисъ — Ты бы разтревожился; а тотъ негодяй сталъ бы, пожалуй, оглядываться, и принудилъ бы меня разрубить ему черепъ. Опасности же не было никакой. Мы шли въ тѣни, и они не могли видѣть насъ. Но я давно подозрѣвалъ, что перевѣсили не всѣхъ, и что, прочіе спрятались вблизи. По этому то я и принудилъ нашего нечаяннаго знакомца, сначала сидѣть, а потомъ, и идти съ нами. А вотъ и городскія ворота, — весело добавилъ Денисъ, и прибавилъ шагу.

Глава XIII.

Жерардъ не выдержать всего того, что пришлось испытать ему въ продолженіи послѣднихъ полу-сутокъ, и заболѣлъ горячкою. Товарищъ его нѣжно ухаживалъ за нимъ и не отходилъ отъ его постели. На другой день по приходѣ ихъ въ Дюссельдорфъ, молодому художнику стало, какъ будто, легче; онъ пересталъ бредить, но за то, началъ очень безпокоиться и капризничать; ему хотѣлось то того, то другаго, и между прочимъ, вдругъ пришла страшная охота поѣсть чего нибудь кислаго. Денисъ, съ необыкновеннымъ терпѣніемъ исполнявшій всѣ прихоти больнаго друга, предложилъ ему сходить въ городъ за лимонами и, получивъ радостное согласіе Жерарда, тотчасъ отправился. Въ то время не такъ то легко было доставать на сѣверѣ произведенія юга, и нашъ храбрый солдатъ, превратившійся, изъ любви къ молодому товарищу, въ нѣжную сидѣлку, долгое время тщетно искалъ лимоновъ по Дюссельдорфу. Отсутствіе его продолжалось

такъ долго, что Жерардомъ уже начинало овладѣвать ветер-иѣнне, когда наконецъ отворилась дверь его комнаты; но въ нее вошелъ не Денисъ, а какой то незнакомецъ, чрезвычай-но почтенной наружности. На немъ было длинное платье, обшитое мѣхомъ; четырехъ-угольная бархатная шапка была надѣта на голову; а длинная, совершенно бѣлая борода спускалась на грудь. Вслѣдъ за старикомъ шелъ мальчикъ и несъ въ рукахъ корзинку, наполненную всевозможной величины склянками, содержащими разныя снадобья, свертками полотна и разными хирургическими снарядами, которые такъ и бросались въ глаза, и заранѣе наводили ужасъ на несчастныхъ больныхъ.

Жерардъ въ знакомствѣ тотчасъ узналъ доктора; тотъ на ципочкахъ подошелъ къ его постели, и въ полгоса спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Нашъ другъ вѣжливо привѣтствовалъ ученаго мужа, и отвѣтилъ, что рана на ногѣ слава Богу, перестала мучить его, но что голова тяжела и въ горлѣ постоянно сохнетъ.

Докторъ попросилъ позволенія осмотрѣть больную ногу, и при первомъ взглядѣ на нее, живо воскликнулъ.

— Вотъ оно что! Да это васъ бѣшенная собака укусила! — Ну, да ничего, мы еще справимся съ бѣдой. Нынѣшнїй годъ выдался такой несчастный въ этомъ отношенїи; то и дѣло слышишь про случаи водобоязни.

— Ганька! прибавилъ онъ, обращаясь къ своему маленькому спутнику, — раздуй-ка уголья въ жаровнѣ, да нагрѣй желѣзо. Необходимо тотчасъ прижечь вашу рану, молодой человекъ; а то плохо будетъ. — Здоровые, однако, должно быть были зубы у той собаки, которая вырвала у васъ такой порядочный блокъ мяса!

— Но, малостивый государь, возразилъ на это Жерардъ, — меня ранилъ медвѣдь, а не собака.

— И вы смѣете говорить мнѣ такой вздоръ, молодой человекъ? — вамъ не совѣстно надсѣхаться надъ сѣдыми волосами человекъ, который, услыхавъ про вашу болѣзнь, посѣшилъ къ вамъ на помощь? Я, слава Богу, вскрылъ достаточное количество медвѣдей въ своей жизни, чтобы умѣть различить слѣды, оставленные ихъ страшными зубами, отъ всякихъ другихъ укусовъ!

— Я никогда и не утверждалъ, что медвѣдь ранилъ меня зубами, сударь, сказалъ бѣдный Жерардъ, — онъ хватилъ своей лапой по моей ногѣ.

— Что же вы не говорили раньше?

— Я не успѣлъ, сударь. Вы сами все изволили говорить!

— Не хорошо, молодой человекъ, не хорошо! вы никогда ничего не скрываете отъ своего врача. — Право, не годится.

— Что же касается до вашей ноги, я дамъ вамъ хорошій пластырь, который вытянетъ изъ раны всѣ накопившіеся въ ней дурные соки. Разумѣется, вамъ будетъ очень больно. да что же дѣлать? — Теперь покажите мнѣ языкъ. Такъ. — Дайте руку — отлично. У васъ, молодой человекъ, сильный жаръ! — Мы сейчасъ облегчимъ васъ. — Ганька, приготовь все нужное для кбвопусканія.

При этомъ словѣ, Жерардъ вздрогнулъ.

— Нельзя ли обойтись безъ этаго, сударь? спросилъ онъ.

— Невозможно, молодой человекъ, отвѣтилъ ученый мужъ, и чтобы приободрить юношу, принялся рассказывать, какъ онъ пускалъ кровь больнымъ; и какъ эти больные почти мгновенно выздоравливали отъ такога энергическаго леченія. Нѣкоторые изъ нихъ потомъ и умирали, да нельзя же

требовать, чтобы доктора вылѣчивали всегда. — Весьма важно врачу знать, продолжалъ Дюссельдорфскій эскулапъ, — откуда пускать кровь. Я, на примѣръ, пускаю всегда изъ той части тѣла, которая болитъ; вамъ разумѣется, я откроею кровь изъ ноги. — Ганьба все ли у тебя готово.

— Все, сударь, отвѣтилъ мальчуганъ, и серебряный голосокъ его какъ то зловѣще прозвучалъ въ ушахъ Жерарда.

Докторъ велѣлъ ему лечь на бокъ, и взялъ ланцетъ въ руки. Въ эту минуту отворилась дверь комнаты, и на порогѣ, съ лимонами въ рукахъ, показалась фигура Дениса. Солдатъ насушилъ брови и рѣзко спросилъ: — что тутъ дѣлается? Докторъ отвѣтилъ по французски, что онъ намѣренъ пустить кровь больному, и что просить не мѣшать ему.

Но Денисъ не удовлетворился отвѣтомъ ученаго мужа. — А это зачѣмъ? спросилъ онъ, указывая на раздувавшаго уголья мальчика.

— Развѣ вы не знаете, съ нѣкоторой досадою сказать эскулапъ, — что лучшее средство остановить теченіе крови, когда ее вытекло уже достаточное количество, это прижечь рану?

Но Денисъ самымъ безцеремоннымъ образомъ отвернулся отъ него и обратился прямо къ Жерарду.

— Ну, не глушь ли ты послѣ этаго, сказалъ онъ ему. — Зачѣмъ ты даешь рѣзать и жечь себя, безъ всякой нужды! Ты подумай, вѣдь тѣло то у тебя живое. Весело что ли тебѣ будетъ, какъ накаленное желѣзо коснется твоего мяса. Какъ ты думаешь?

— Но Денисъ, пробормоталъ разтерявшись Жерардъ. — докторъ не говорилъ вовсе, что онъ будетъ жечь меня!

— Что вы слушаете невѣжду, молодой человѣкъ! восклик-

нужь эскулапъ. — Онъ ничего не понимаетъ. Его дѣло убивать людей, а вовсе не лѣчить ихъ. Всякому свое — извольте ложиться.

Но Денисъ бросился впередъ. — Выслушай меня сначала, Жерардъ, сказалъ онъ, — ты знаешь, что мнѣ приходилось видѣть много раненыхъ и умирающихъ на полѣ битвы; тѣ изъ нихъ, которымъ пускали кровь, во время лихорадочнаго состоянія, вызваннаго раной, почти постоянно умирали; другіе же, до которыхъ доктора не дотрогивались, большею частью выздоравливали. Теперь выбирай, между кровопусканіемъ и выздоровленіемъ!

Жерардъ только вздохнулъ, но докторъ не выдержалъ и напнулъ на Дениса. Тотъ не далъ спуска; и между врачомъ и солдатомъ завязался такой горячій и въ особенности, громкій споръ, что бѣдный больной пришелъ въ совершенное отчаяніе. Онъ затыкалъ себѣ уши, держался за голову, пряталъ лицо въ подушки, и всячески уговаривалъ бойцовъ, умѣрить свои возгласы; но увы! они до того увлеклись споромъ, что совершенно забыли о больномъ. Наконецъ, случайно настала минутная тишина и Жерардъ тотчасъ воспользовался ею.

— Дайте же и мнѣ сказать слово, воскликнулъ онъ.

— Да, молодой человѣкъ; выбирайте сами для себя: жизнь или смерть! торжественно проговорилъ докторъ.

— Я увѣренъ, началъ Жерардъ, — что вы оба желаете мнѣ добра. Но увы! вы просто убиваете меня своимъ крикомъ! Прежде всего, однако, позвольте мнѣ поблагодарить васъ, милостивый государь, за то, что вы навѣстили меня. Вы говорите, что вамъ часто приходилось пускать кровь и вылѣчивать такимъ образомъ тяжело больныхъ. — Я вполне вѣрю вамъ.

Врачъ поклонился, и сладкимъ голосомъ сказалъ:—ваше знаніе и опытность, сударь, значительно превышаютъ ваши года!

Солдаты же только тяжело вздохнулъ.

Жерардъ поблагодарилъ доктора и продолжалъ:—другіе же, говорите вы, умирали. Я также вполне вѣрю вамъ. Денисъ знаетъ очень мало сравнительно съ вами, но знаетъ основательно. Онъ говорилъ о томъ, что видѣлъ на полѣ битвы.—Я вполне вѣрю ему. И такъ, польза или вредъ леченія—весьма сомнительны. Вѣрно только одно: если я позволю открыть себѣ кровь, то не только порядкомъ пострадаю, но принужденъ буду и деньгами вознаграждать васъ за вашъ трудъ. И такъ, милостивый Государь, я не рѣшаюсь долѣе утруждать васъ и думаю, что всего лучше для меня было бы теперь уснуть!

Дюссельдорфскій врачъ былъ человѣкъ горячій и вспыльчивый. Ему-бы слѣдовало спокойно уйдти, онъ отлично понималъ это и молча дошелъ до двери; но не выдержалъ, вспыхнулъ и быстро обернулся назадъ, такъ быстро, что чуть было не сбилъ съ ногъ слѣдовавшаго за нимъ Ганьку.

— Такъ вы пренебрегаете мной, вы молокососъ! въ бѣшенствѣ воскликнулъ онъ, — вы отвергаете мое искусство? Знайте-же, что вы въ послѣдній разъ смотрите на меня и на свѣтъ Божій! Вы, пропадшій человѣкъ! И съ этими словами, онъ снова дошелъ до двери, но затѣмъ, снова вернулся назадъ.

— Не пройдетъ и полу-сутокъ, въ бѣшенствѣ кричалъ онъ,—и вы будете при смерти; голова будетъ трещать, сердце битѣся, вы будете вздрагивать при малѣйшемъ шумѣ! — Тогда вы непременно пришлете за мной! — А я не приѣду!

А потомъ, появятся судороги желудка, — потомъ рвота, — потомъ холодный потъ, — потомъ кровавая рвота, — потомъ сумасшествіе, — потомъ конвульси, — и наконецъ смерть! И по дѣломъ вамъ, дураку и грубіяну, — прощайте!

Онъ бѣгалъ по комнатѣ, кричалъ, махалъ руками какъ сумасшедшій, и въ полномъ смыслѣ слова задыхался отъ злобы. — И не воображайте себѣ, чтобы васъ похоронили на кладбищѣ! Здѣшній приставъ изъ моихъ друзей! Я все скажу ему; расскажу, отчего вы умерли, скажу, что вы самоубійца и дуракъ! — Прощайте!

Жерардъ съ трудомъ удерживавшій себя все это время, вдругъ выпрыгнулъ изъ постели, и въ ту минуту, какъ взбѣшенный докторъ снова подбѣжалъ къ нему, онъ со всего размаха бросилъ ему въ лицо свою жесткую подушку. Голова Ганьки, слѣдовавшаго все время по пятамъ своего господина, стукнулась о голову эскулана, и этотъ послѣдній, потерявъ равновѣсіе, вдругъ усѣлся прямо въ корзинку съ различными стеклянками и бутылками. Все это, разумѣется, разбилось и разлилось. Друзья наши не были въ состояніи удержаться отъ смѣха. Вдругъ докторъ страшно вскрикнулъ, и сталъ дѣлать неимоверныя усилія, чтобы освободиться изъ корзинки.

Онъ сидѣлъ на горячихъ угляхъ! Они прожгли платье его и добрались до мяса!

Какъ только Жерардъ повалъ въ чемъ дѣло; онъ подбѣжалъ къ доктору и вырвалъ изъ подъ него корзинку. Несчастный лежалъ навзничъ, и стоналъ. Друзья наши приподняли его и старались утѣшить, но на всѣ слова ихъ, онъ отвѣтилъ только полнымъ, сосредоточенной злобы, взглядомъ, и молча вышелъ изъ комнаты.

Глава XIV.

По уходѣ доктора, Денисъ такъ и покатился со смѣху, а Жерардъ, несмотря на болѣзнь, отъ всего сердца вторилъ ему. Но когда друзья наши принялись обдумывать только что случившіеся, лица ихъ помрачились. Штука выходила скверная! Докторъ, не смотря на прежнюю болтливость, вышелъ отъ нихъ въ какомъ-то странномъ молчаніи; обстоятельство это возбудило подозрѣнія Дениса.

— Ужъ не вздумалъ-ли онъ какъ нибудь отомстить намъ, сказалъ онъ Жерарду—чего добраго? Къ тому же, ему легко будетъ обидѣть насъ: мы здѣсь чужіе, а онъ, какъ самъ говорилъ, — помнишь?—дружень съ приставомъ. Не лучше ли намъ, Жерардъ, по добру, по здорову, отправиться отсюда? какъ ты думаешь? будешь ли ты въ состояніи дойти до Рейна?—Если да, то отлично; тамъ тебѣ придется только лежать въ лодкѣ, вмѣсто того, чтобы лежать здѣсь въ постелѣ. — И друзья наши, расплатившись съ хозяиномъ гостиницы, направились къ рѣкѣ и наняли себѣ лодку. На Жерарда благотворно подѣйствовало прохладный воздухъ, вѣявшій съ Рейна, и онъ съ Денисомъ весело разговорился. Но вдругъ молодой художникъ вспомнилъ, что подниматься по Рейну до Кельна очень хорошо тому, кто собирается въ Римъ, но это вовсе не дорога въ Бургундію, и сказалъ объ этомъ своему другу. Денисъ улыбнулся и объявилъ, что не оставитъ Жерарда до тѣхъ поръ, пока послѣдній не выздоровѣетъ совершенно. Молодой человекъ былъ глубоко тронутъ новымъ доказательствомъ нѣжной привязанности къ нему добраго солдата, и отъ всей души поблагодарилъ его.

Во время этаго разговора, между тремя гребцами наня-

той лодки, происходилъ споръ, вызванный слѣдующимъ подозрительнымъ обстоятельствомъ: по лѣвому берегу рѣки, шли четверо полиційскихъ, очевидно слѣдившихъ за каждымъ движеніемъ лодки. Гребцы бросили весла, собрались на кормѣ и стали перешептываться между собою; одинъ изъ нихъ, помоложе прочихъ, предложилъ товарищамъ, въ случаѣ, если ихъ предположенія окажутся вѣрными, помочь бѣглецамъ и высадить ихъ на правый берегъ; но другіе и слышать не хотѣли объ этомъ. Пока они спорили, и ничего не подозрѣвавшіе друзья наши весело разговаривали между собой, въ лодкѣ послышался дѣтскій плачь. Маленькій внукъ старшаго гребца, мальчуганъ лѣтъ пяти, упресилъ дѣда взять его съ собою въ Дюссельдорфъ, и до сихъ поръ смиренно сидѣлъ на днѣ лодки и игралъ. Когда онъ заплакалъ, всѣ обратились къ нему съ разными вопросами—что съ нимъ?—не ушибся ли онъ?—не болятъ ли что?» и т. д. Но мальчуганъ продолжалъ громко хныкать. Съ боку порывисто дунулъ вѣтеръ, и люди перекинулись на одну сторону лодки, чтобы удержать ее въ равновѣсіи; но, увы! вдругъ почувствовали подъ ногами все выше и выше поднимающуюся воду и, нѣсколько мгновеній спустя, очутились въ водѣ.

Мальчуганъ, играя вытащилъ изъ дна лодки затычку и выпустилъ воду.

Жерардъ плавалъ великолѣпно, но сначала, разумѣется, все таки пошелъ ко дну; въ ту минуту, какъ онъ снова показался на поверхности воды, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, онъ увидѣлъ Дениса. Солдатъ не умѣлъ плавать, и къ тому же, тяжелый лукъ такъ и тянулъ его ко дну.

— Прощай, товарищъ! крикнулъ онъ Жерарду, и исчезъ подъ водой. Но нашъ другъ бросился за нимъ, нырнулъ и,

схвативъ его за длинныя волосы, вытащилъ на поверхность рѣки; онъ велѣлъ ему одну руку положить себѣ на плечо, другой, тихо разводилъ по водѣ и, придерживая зубами длинные волосы Дениса, поплылъ къ берегу. Онъ выбралъ правую сторону, потому что она была нѣсколько ближе лѣвой. Когда друзья наши благополучно добрались до берега и ступили на твердую землю, они кинулись въ объятія другъ друга и крѣпко поцѣловались.

На другомъ берегу рѣки собрались гребцы и полицейскіе. Все общество, не исключая маленькаго шалуна, благополучно добралось до земли.

— Что же намъ теперь дѣлать? спросилъ Жерардъ; — подождать что ли, чтобы они поправили лодку?

— На что намъ ждать, отвѣтилъ Денисъ. — Мы заплатили имъ за провозъ, и вполнѣ свободны. Пойдемъ лучше вдоль берега, мы можемъ дойти по немъ до самаго Кельна.

Но Жерардъ объявилъ, что онъ не пойдетъ въ Кельнъ, а отправится съ своимъ другомъ въ Бургундію. — Не все ли равно, какой дорогой добраться до Рима? весело сказалъ онъ. Денисъ въ отвѣтъ крѣпко поцѣловалъ молодаго художника, и друзья наши стали сплывать къ Рейну.

Въ эту минуту послышался крикъ съ лѣваго берега рѣки.

— Стой!

Жерардъ обернулся. Одиавъ изъ полицейскихъ держалъ надъ головой листъ пергамента и кричалъ, махая рукой:

— Стой, стой!

Молодой художникъ остановился въ нерѣшительности, но Денисъ взялъ его за руку и увлекъ за собой.

Между полицейскими и ими лежала широкая рѣка, на

виду не было ни одной лодки, стало быть все благопріятствовало бѣгству.

Какъ только полицейскіе замѣтили, что молодые люди продолжаютъ идти дальше, они начали кричать, на перерывъ одинъ предъ другимъ.

— Стой, во имя пристава!—стой, во имя архіепископа! стой, во имя императора!—Но друзья наши, словно глухіе, продолжали идти впередъ и, дойдя до поворота дороги, со всѣхъ ногъ бросились бѣжать.

Читатель видитъ, что Денисъ не ошибся на счетъ злыхъ намѣреній Дюссельдорфскаго доктора въ отношеніи ихъ. Какъ только этотъ ученый мужъ вернулся домой, онъ пошелъ къ своему другу приставу и, объявивъ ему, что двое иностранцевъ жестоко и вполне незаслуженно оскорбили его, старика, просилъ принять немедленно мѣры къ арестованію ихъ; приставъ послалъ полицейскихъ въ гостиницу «Серебрянаго Льва,» но, какъ знаетъ читатель, друзья наши, благодаря догадливости Дениса, успѣли во время скрыться.

Пробѣжавъ безъ оглядки съ мілю, Денисъ и Жерардъ остановились на минуту, чтобы перевести духъ. Солдаты съ удивленіемъ посмотрѣли на молодаго художника.

— Что случилось съ твоей лихорадкой? спросилъ онъ его.

— Я, должно быть, оставилъ ее въ Рейнѣ; весело отвѣтилъ Жерардъ; и друзья наши снова бросились впередъ. Въ первомъ попавшемся по дорогѣ селѣ, они купили себѣ хлѣба и вина, и потомъ свернули съ большой дороги и пошли проселкомъ. Въ продолженіи двухъ или трехъ дней, имъ пришлось спать, гдѣ Богъ послалъ, въ полѣ или въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ, и питаться чѣмъ попало. Они сры-

вали съѣлые колосья пшепцы и ржи, собирали ягоды въ лѣсу, и такимъ образомъ добрались до границы владѣнія Кельнскаго архіепископа, — тутъ ужъ нечего было бояться имъ.

Послѣ всѣхъ выше описанныхъ нами происшествій, для друзей нашихъ настала полоса сравнительнаго спокойствія. Въ продолженіи долгаго времени, съ ними не случилось ничего особеннаго, имъ приходилось бороться лишь съ усталостью, да иногда съ погодой. Днемъ они дѣлали болѣе или менѣе длинные переходы, ночь проводили большею частью или въ монастыряхъ, или, что случалось гораздо рѣже, въ гостиницахъ. Такъ прошло много, много дней, пока путешественники наши, сильно загорѣлые, усталые и, съ ногъ до головы покрытые пылью, ступили на Бургундскую землю.

Однажды, дня два или три послѣ того, какъ они перешли за границу Германіи, сумерки застали ихъ въ полтора или двухъ миляхъ отъ маленькаго городка, гдѣ они думали остановиться на ночь. Друзья наши шли лѣсомъ, и очень обрадовались при видѣ мелькнувшаго вдаль огонька. Подойдя поближе, они увидѣли очень порядочную на видъ корчму, и рѣшились переночевать въ ней. Войдя въ общую комнату, Денисъ первымъ долгомъ спросилъ себѣ поушпнать; хозяинъ учтиво выслушавъ заказъ, обѣщавъ тотчасъ подать все требуемое, но только потребовать деньги впередъ. Недовѣріе содержателя корчмы оскорбило Дениса. Онъ надмѣнно посмотрѣлъ на стоящаго передъ нимъ маленькаго человѣка, опустивъ руку въ кошелекъ, пошарилъ въ немъ и, доставъ золотую монету, небрежно швырнулъ ее на прилавокъ. — Давайте сдачи! рѣзко сказалъ онъ. — Мнѣ кажется гораздо вѣроятнѣе, что вы обкрадете меня, чѣмъ я васъ!

Хозяинъ не отвѣтилъ ни слова и, отдавъ, что слѣдуетъ, молча удалился изъ комнаты.

Пока имъ готовили ужинъ, друзья наши вышли изъ душевой борчмы на дворъ подышать воздухомъ. У колодца они встрѣтили Марью, служанку трактирщика, и Денисъ, видя, что она съ трудомъ несетъ на плечахъ два ведра воды, подошелъ къ ней и предложилъ свои услуги. Она съ удивленіемъ посмотрѣла на чудака, но не отказалась отъ предлагаемой помощи. Денисъ пошелъ съ ней рядомъ, а Жерардъ, уставшій отъ длиннаго перехода, отправился въ корчму. Четверть часа спустя, Денисъ также вернулся въ домъ, и друзья наши усѣлись за столъ. Ужинъ былъ приготовленъ весьма недурно; Марья проворно прислуживала имъ. Но солдатъ замѣтилъ что то странное въ ея обращеніи съ нимъ; она почти не спускала съ него глазъ, и во взглядѣ ея было что то таинственное и загадочное. При перемѣнѣ какого то кушанья, ей удалось шепнуть Денису на ухо: — приходи уже къ колодцу, я имѣю нѣчто сообщить тебѣ! Солдатъ, въ знакъ согласія, кивнулъ ей головой.

Послѣ ужина, Жерардъ отправился спать, а Денисъ прошелъ прямо къ назначенному молодой дѣвушкой мѣсту свиданія. Марья сидѣла у колодца и горько плакала. Денисъ посиѣшнѣ подошелъ къ ней и спросилъ, что случилось съ нею? Но она, въ отвѣтъ, только зарыдала громче прежняго.

— Не могу-ли я чѣмъ нибудь помочь тебѣ, моя милая? съ участіемъ спросилъ Денисъ — довѣрься мнѣ, скажи въ чемъ дѣло!

Но въ отвѣтъ на его слова, по прежнему раздались одни только рыданія.

Денись сталъ въ тупикъ; онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать, и молча глядѣлъ на плачущую дѣвушку.

— Я не о себѣ плачу... наконецъ всхлипывая сказала Марья.

— О комъ же?

— О васъ.

— Обо мнѣ? да ты кажется съ ума сошла!..

— Нѣтъ, не я съ ума сошла! это вы, должно быть были не въ своемъ умѣ, когда рѣшились раскрыть предъ нимъ вашъ кашелекъ, наполненный золотомъ!..

Денись во всѣ глаза посмотрѣлъ на Марью; онъ ничего не понималъ и не зналъ, что сказать. Она взянула на него и, тяжело вздохнувъ, рѣшительно встала съ своего мѣста. — Будетъ, что будетъ, твердо произнесла она, — но я спасу ихъ! Пресвятая Богородица, помоги мнѣ! — Послушай служивый: — ты знаешь ли, что нашего хозяина въ настоящую минуту нѣтъ дома?

— Нѣтъ?, а что?

— Какъ, что? Развѣ содержатели трактировъ имѣютъ обыкновеніе уходить изъ своихъ заведеній въ такую пору ночи?

Денись молча посмотрѣлъ на нее.

— Онъ пошелъ за шайкой!..

— За шайкой? — за какой?

— За шайкой людей, которые должны убить и ограбить васъ несчастный, неосторожный человѣкъ; какъ могъ ты показать ~~х~~хозяину столько денегъ!

Ударъ былъ до того неожиданъ, что даже Денись, издавна привыкшій ко всевозможнымъ опасностямъ, невольно пошатнулся. Изъ груди его вырвалось одно только слово, но оно было полно самаго страшнаго значенія.

— Жерардъ! вослизулъ онъ.

— Жерардъ? кто это? вѣрно твой товарищъ? Бѣдный юноша! Бѣги же, разбуди его, и спасайтесь въ ближайшій городъ, пока они еще не вернулись.

— А ты?

— Я? Они убьютъ меня!

— Нѣтъ, нѣтъ, Марья, — бѣги съ нами!

— Къ чему? Они вездѣ найдутъ меня. Они поклялись убивать измѣнниковъ; — и для меня нѣтъ опасенія!

— Я спасу тебя, Марья, уведу тебя далеко, далеко отсюда, въ свое родное село. Не бойся; подожди меня здѣсь, пока я схожу за Жерардомъ.

И онъ бинулся впередъ, но вдругъ дѣвушка схватила его за руку и остановила.

— Не задерживай меня! было воскликнуть онъ, но Марья порывисто закрыла ему ротъ рукою и, наклонясь къ самому уху его, испугаво шепнула: — поздно! они здѣсь!

Денисъ пританлъ дыханіе, и въ ту же минуту услыхалъ, какъ нѣсколько человѣкъ тихо подкрадывались къ дому. Онъ понялъ, что Марья права. Если-бы къ корчмѣ подходило общество путешественниковъ, они бы разговаривали между собой. Зачѣмъ было бы имъ хранить такое гробовое молчаніе?

Разбойники входили уже на крыльцо. — Сколько ихъ? шепотомъ спросилъ Денисъ. — Семь человѣкъ, также шепотомъ отвѣтила она.

— Какое у нихъ оружіе?

— Сабли и кинжалы; у великана топоръ. Великана зовутъ Аббатомъ.

— О Господи! Что станется съ моимъ товарищемъ?

— Онъ погибъ; — ничто не спасетъ его. Тебѣ остается одно: бѣжать одному.

Денисъ отвернулся отъ нея. Онъ не могъ даже понять возможности покинуть товарища въ такую страшную минуту.

Опустивъ голову на руки, онъ задумался. Тысячу предположеній и плановъ мелькнули въ головѣ его. Вдругъ онъ встрепенулся.

— Послушай, Марья, сказала онъ дѣвушкѣ, — я знаю средство спастись, если ты только захочешь помочь намъ. Бѣги въ сосѣдній огородъ, войди въ ближайшую корзину и обратись къ первому попавшемуся солдату; скажи ему, что товарищъ его находится въ смертельной опасности, но что онъ вооруженъ, и что его еще можно спасти, если только къ нему послѣшать на помощь; потомъ, обратись къ городскому судѣ, но прежде къ солдату. Бѣги же, Марья, Богъ да поможетъ тебѣ! Помни же, милая, что у тебя въ рукахъ жизнь двухъ людей. Да хранить тебя Господь!

Марья подобрала свое платье и побѣжала. Денисъ видѣлъ, какъ она вышла на дорогу, какъ кралась по плетню и наконецъ, скрылась за опушкою лѣса.

Теперь ему предстояло вернуться къ Жерарду. Да, но какъ? Единственный ходъ наверхъ былъ чрезъ общую комнату, а въ ней, по всей вѣроятности, собралась шайка разбойниковъ. Пока Денисъ подходилъ къ двери, въ головѣ его вертѣлся страшный вопросъ: — пропустить ли его злодѣи, или же тотчасъ убьютъ?

— А что, если они уже покончили съ Жерардомъ? вдругъ съ ужасомъ подумалъ онъ; — въ такомъ случаѣ мнѣ остается одно: убить кого попало и самому быть убитымъ. И съ эти-

ми страшными мыслями, онъ, натянувъ свой лукъ, бодро и рѣшительно вошелъ въ комнату.

Семь безобразныхъ лицъ сидѣло у очага, и хозяинъ, шутя и разговаривая, угощалъ ихъ водкой.

— Какъ? общество? входя весело сказалъ Денисъ, — очень пріятно. Я сейчасъ приду къ вамъ, братцы! И съ этими словами онъ взялъ со стола зажженную свѣчку и сталъ взбираться по лѣстницѣ.

— Жерардъ! кричалъ онъ; — куда же это ты запрятался? и не получивъ отвѣта, крикнулъ еще громче: — Да гдѣ же это ты наконецъ, Жерардъ?

Прошла минута, побазавшаяся Денису цѣлою вѣчностью; наконецъ изъ комнаты, находившейся на самомъ верху лѣстницы, послышался сонный, ворчливый голосъ. Солдатъ бросился туда и увидѣлъ дремавшаго на постелѣ Жерарда.

— Слава Тебѣ, Господи, подорваннымъ голосомъ прошепталъ онъ. И затѣмъ, громко и самымъ безобразнымъ образомъ принялся напѣвать какую то веселую пѣсню.

Жерардъ заткнулъ было уши, но вдругъ ему бросилось въ глаза страшно взволнованное, полное ужаса лицо Дениса; лицо это такъ странно противорѣчило веселому напѣву, что сонный Жерардъ сразу очнулся. Онъ вскочилъ на постелѣ, и взволнованнымъ голосомъ спросилъ.

— Что съ тобой?

— Тише! шепнулъ Денисъ и, продолжая громко пѣть, знаками объяснилъ Жерарду, что изъ кухни все слышно и, что имъ слѣдуетъ быть крайне осторожными; потомъ, подъ прикрытіемъ пѣсни, онъ проронилъ слѣдующія слова:

— Жизнь наша въ опасности! Разбойники. — Ихъ много...

— Кинжалы и сабли... — Помощь... — будетъ... — Надо выиграть время.

И затѣмъ громко спросилъ:

— Не хочешь ли ты сойдти внизъ и распить бутылку вина? (скажи нѣтъ).

— Нѣтъ, не хочется!

— А тамъ внизу собралась превеселая компанія! (сказал усталъ).

— Я право очень усталъ, отвѣтилъ Жерардъ,—но если тебѣ хочется, то ты ступай одинъ.

— Нѣтъ, я въ такомъ случаѣ ужъ лучше останусь съ тобой.

И Денисъ, подойдя къ двери, пріотворилъ ее и весело крикнулъ.

— Хозяинъ! товарищъ мой рѣшительно не хочетъ вставать. Дай ребятамъ лишнюю бутылку вина, я завтра заплачу за нее.

Въ отвѣтъ на его слова, снизу послышался грубый хохоть.

Но Денисъ не обратилъ на него никакого вниманія; ему удалось удостовѣриться въ томъ, что дверь, ведущая изъ кухни на лѣстницу была затворена, и что злодѣи не слишкомъ бдительно слѣдятъ за ними; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, онъ внимательно осмотрѣлъ дверь комнаты, и затѣмъ, осторожно притворилъ ее, но не замкнулъ. Потомъ Денисъ подошелъ къ окну, но при первомъ же взглядѣ убѣдился, что тутъ нечего надѣяться. Оно и само по себѣ было чрезвычайно мало, да кромѣ того еще раздѣлялось желѣзнымъ брусомъ на двѣ крошечныя половинны. Выпрыгнуть въ окно не было никакой возможности.

Пока Денисъ дѣлалъ это грустное для нашихъ друзей от-

крытіе, внизу послышался шумъ: наружную дверь заклады-
вали болтоуъ.

Но рѣшатся ли злодѣи напасть на нихъ пока они еще не
спать? Вѣроятно нѣтъ, они подождутъ, пока уснутъ ихъ
жертвы.

Въ этомъ предположеніи заключалась единственная на-
дежда ихъ на спасеніе. Все зависило отъ того, успѣютъ ли
они выиграть время.

И несчастныя принялись разговаривать громко и весело,
словно у нихъ идетъ рѣчь о самыхъ пустяжныхъ, обыкно-
венныхъ предметахъ. Подъ прикрыіемъ веселыхъ, беззабот-
ныхъ звуковъ, Денису удалось передать товарищу все то,
что онъ самъ слышалъ отъ Марьи, и сообщить о томъ, что
дѣвушка побѣжала въ городъ за помощію.

— Я бы не такъ боялся ихъ, Жерардъ, сказалъ сол-
даты, — если бы не этотъ страшный великанъ, котораго
они зовутъ «Аббатомъ.» Ты себѣ представить не можешь, что
это за чудовище! онъ гораздо выше тебя ростомъ, и толще
насъ обонхъ, вмѣстѣ вѣзыхъ. Вооруженъ же онъ огромнымъ
топоромъ. Мнѣ сдается, что въ эту ночь, либо я убью его, либо
онъ меня. Вѣроятнѣе же всего, что не я его, — а онъ меня.

— Боже сохрани! Ты, Денисъ, выстрѣли въ него изъ
за двери. Что значить вся его сила, въ сравненіи съ твоимъ
оружіемъ?

— Я конечно не упущу случая, буде онъ представится.
Но, Жерардъ, если дѣло дойдетъ до рукопашнаго боя, Хри-
ста-ради, избѣгай его ударовъ, не то, — ты погибшій человекъ.
Повѣрь мнѣ, не одинъ изъ насъ не устоитъ противъ одного
удара его страшнаго топора!

Такимъ образомъ прошелъ часъ времени. Несчастливымъ

показался онъ цѣлой вѣчностью. А до города было около мили *).

Снизу послышалось нѣсколько сердитыхъ, недовольныхъ голосовъ.

— Жерадъ! шепнулъ Денисъ, услыхавъ эти звуки, — теперь нечего мѣшкать. Они сей часъ явятся сюда, и если намъ не удастся какъ нибудь предупредить ихъ нападеніе, то мы съ тобой погибшіе люди!

Жерадъ хотѣлъ было заложить дверь задвижкой, но Денисъ показалъ ему, что это ни къ чему не послужитъ; одна половинка двери отворилась наружу, двигаясь на петляхъ, а засовъ былъ до того малъ, что при первомъ толчкѣ, непременно бы отскочилъ. — Я нарочно не замкнулъ двери, прибавилъ онъ, — пускай они воображаютъ себѣ, что мы ничего не подозреваемъ.

Между окномъ и дверью стоялъ шкафъ. Денисъ отворилъ одну его дверцу и, поставивъ за нею стулъ, велѣлъ Жерарду усѣсться тутъ и ждать.

— Если они бросятся къ кровати, сказалъ онъ, — то ты ударяй ножемъ по ихъ затылкамъ; такіе удары обыкновенно смертельны.

За тѣмъ, солдатъ подошелъ къ постѣли и, посредствомъ подушекъ, одѣяла и собственныхъ сапогъ, устроилъ такъ, что издали казалось, что на кровати лежатъ люди. Потому онъ опустилъ коротенгіе зановѣски и прикрылъ ими изголовье.

Между тѣмъ, Жерадъ палъ на колѣни и горячо молилъ Бога помочь имъ въ предстоящей борьбѣ.

---

*) 4-рехъ версгь.

— Помолись и за меня, сказала Денись — Да простятъ мнѣ Господь, что я завелъ тебя въ такую трущобу!

Послѣ этаго, они крѣпко пожали другъ другу руки, и стали по мѣстамъ.

Денись потушилъ свѣчку.

Въ комнатѣ водворилась полная тишина. Денись сталъ прислушиваться къ тому, что происходитъ внизу. Всѣ чувства ихъ были до того напряжены, вслѣдствіе сильнаго возбужденія, что до нихъ ясно доносился изъ кухни малѣйшій шорохъ.

— Хорошія вѣсти! шепнулъ Денись, — они кидаютъ зрѣбій.

Въ кухни послышались шаги, потомъ все смолкло. Нѣсколько времени прошло въ совершенной тишинѣ.

Друзья наши, дрожа отъ холода и внутренняго волненія едва стояли на ногахъ. Они съ минуты на минуту ожидали нападенія враговъ своихъ.

Вдругъ дверь, ведущая изъ кухни на лѣстницу, тихо отворилась, потомъ все снова смолкло. Послышались шаги на лѣстницѣ. Изъ подъ дверей показался свѣтъ.

Дверь ихъ комнаты скрипнула и, такъ какъ она изнутри ничѣмъ не была заложена, то легко подалась впередъ; на порогъ показался человѣкъ; онъ рукою заслонялъ свѣчку и, не входя еще въ комнату, съ своего мѣста внимательно осмотрѣлъ кровать и, затѣмъ тихо, едва слышно сталъ красться къ ней. Но вдругъ его поразило странное обстоятельство открытой дверцы шкафа; онъ не рѣшился идти дальше и, поставивъ свѣчку на полъ, нагнулся и заглянулъ подъ кровать. Въ то же мгновеніе, двѣ сильныя руки схватили его за пле-

чи, и длинный ножъ Жерарда насквозь пронзилъ ему шею. Онъ не успѣлъ даже вскрикнуть!

Денисъ притворилъ дверь, заложилъ ее задвижкой, и въ то же время шепнулъ Жерарду, чтобы онъ принесъ стулъ.

— Помоги мнѣ усадить его, сказалъ солдатъ.

— Мертвеца то? Зачѣмъ?

— Чтобы испугать ихъ и выиграть время.

Они вдвоемъ усадили мертвеца прямо противъ двери и, обвивъ ему шею веревкой, привезали его къ спинѣ стула.

— Если такъ, то я съумѣю лучше сдѣлать, шепнулъ Жерардъ. — Да проститъ меня Господь!

И пока Денисъ, притащивъ къ дверямъ свой соломенный матрацъ, усаживался за нимъ и натягивалъ лукъ, приготовляясь выстрѣлить въ перваго, показавшагося въ дверяхъ человѣка, Жерардъ занялся трупомъ разбойника, и Денисъ, къ великому ужасу своему, началъ замѣчать, что лицо мертвеца стало озаряться какимъ то сверхъ естественнымъ свѣтомъ.

Жерардъ потушилъ свѣчку.

Въ темнотѣ, лицо убитаго засвѣтилось еще ярче и ужаснѣе.

Денисъ дрожалъ, словно осѣнный листъ. — Что это значить Жерардъ? спросилъ онъ.

— Тихе, это только фосфоръ, шепотомъ отвѣтилъ тотъ, — но онъ поможетъ намъ.

— Скорѣй, отойди! они идутъ!

Въ самомъ дѣлѣ, снизу послышались недовольные голоса. Разбойники удивлялись долгому отсутствію посланнаго.

— Ужь не думаетъ ли онъ обокрасть насъ? спросилъ чейто грубый голосъ.

И такъ, они подозрѣвали не враговъ своихъ, а товарища!

Вскорѣ по лѣстницѣ снова слышались шаги.

Кто то взялся за ручку двери, и слегка толкнулъ ее; но она была заложена извнутри задвижкой, и оказала сопротивление. Это неожиданное обстоятельство поразило пришедшаго; онъ отодвинулъ немного косякъ, и бѣрзотю взглянулъ въ образовавшуюся такимъ образомъ щель, потому что въ ту же минуту послышался отчаянный крикъ, и разбойникъ бросился внизъ по лѣстницѣ. При появленіи его, въ кухнѣ поднялся страшный шумъ, говоръ и смятеніе.

Жерардъ бросился къ мертвецу и снова принялся разривать его. Денисъ молча приставилъ косякъ къ мѣсту и затѣмъ, отвернувшись. Онъ не былъ въ состояніи смотрѣть на страшную картину.

А молодой художникъ, между тѣмъ, странно примѣнялъ свое искусство: онъ раскрашивалъ лицо мертваго врага, съ тѣмъ, чтобы напугать живыхъ. Подъ искусной кистью его, глаза убитаго разбойника преобразовались въ два огненные шара; небо и языкъ словно загорѣлись, въ челюстяхъ появились двѣ страшныя впадины; зубы онъ не тронулъ, они и безъ того страшно блестѣли въ темнотѣ; на лбу же мертвеца, Жерардъ огненными буквами написалъ «Смерть»!

А внизу шайка разбойниковъ, теперь уже вполне открыто, все громче бранилась и спорила.

Каждое слово ихъ долетало до ушей осажденныхъ. Лѣстница, идущая внизъ, хотя и имѣла пятнадцать ступеней, но была почти отвѣсна, и пространство, отдѣляющее друзей нашихъ отъ злодѣевъ, въ сущности было весьма ничтожно.

— Я сказываю вамъ. что чортъ овладѣлъ имъ, и зажегъ

неугасимымъ огнемъ ада! едва переводя дыханіе, говорилъ прибѣжавшій сверху человѣкъ.

— Да что ты пьянь, что лц, или трусь? перебилъ его кто то.

— Вотъ я тебѣ покажу ужъ труса, я тебя....

— Тише вы, не спорить, когда нужно дѣло дѣлать, заревѣлъ страшный басъ.

— Это Аббать! торжественно шепнулъ Денись. Онъ былъ убѣжденъ, что только что слышанный имъ голосъ, могъ принадлежать одному только страшному великану, котораго онъ видѣлъ, проходя по кухнѣ.

Споры внизу продолжались еще нѣкоторое время. Потомъ настала мертвая тишина.

Вдругъ серебристый, холодный лучъ мѣсяца пробился сквозь крошечное окно и освѣтило часть комнаты.

Молодые люди вздрогнули.

— Мужайся, Денись!.. прошепталъ Жерардъ, — обо Господне смотреть на насъ!

Едвали этому холодному, ясному лучу приходилось когда нибудь освѣщать болѣе безобразную, страшную картину! Скользя въ настоящую минуту вдоль коматы, онъ освѣщалъ также сплѣвшаго противъ двери мертвеца и, если возможно, придавалъ ему еще болѣе отталывающій, ужасающій видъ!

Денись боялся и взглянуть въ ту сторону; онъ устремилъ свои глаза на освѣщенный луною косякъ двери, и не сводилъ съ него глазъ.

Вдругъ онъ шепотомъ позвалъ товарища, и указалъ ему на дверь.

Жерардъ приподнял топоръ.

Не смотря на то, что они послѣднее время прислушива-

лись весьма чутко къ малѣйшему шороху на лѣстницѣ, они ничего не слышали.

Все было тихо.— Но вдругъ, на касягѣ двери показались обонечности человѣческихъ пальцевъ; ногти, освѣщенные луной, заблестѣли. Пальцы тихо подвигались впередъ, приближаясь къ задвижкѣ; при этомъ, рука обозначалась все яснѣе и яснѣе.

Денисъ поднялъ лукъ и прицѣлился.

У Жерарда замерло сердце.

Стрѣла свистнула, и рука злодѣя пригвоздилась къ косягу. За дверью послышался страшный крикъ.

— Отруби ее, шепнулъ Денисъ; и Жерардъ въ ту же минуту опустил приподнятый топоръ и, ловкимъ ударомъ, отдѣлилъ ручную кисть.

Несчастный испустилъ страшный вопль и покатился внизъ по лѣстницѣ.

Въ кухнѣ послышался едва внятный шепотъ. Послѣднее обстоятельство показало разбойникамъ, какимъ убійственнымъ оружіемъ владѣютъ осажденные.

— Видно Абатъ великъ только тѣломъ, а храбрости не достаетъ, прошепталъ Денисъ, обращаясь къ Жерарду:

Но онъ еще не успѣлъ договорить своихъ словъ, какъ съ шумомъ отворилась дверь кухни, по лѣстницѣ слышались тяжелые шаги, быстро приближающіеся къ ихъ комнатѣ, сильный ударъ въ дверь сорвалъ ее съ петель, и на порогѣ съ приподнятымъ топоромъ въ рукахъ, показался великанъ.

При видѣ горящаго яркимъ огнемъ лица мертвеца, сидящаго прямо противъ двери, онъ опустилъ руки, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и съ ужасомъ воскликнулъ; — смерть! бросился бѣжать. Но въ эту минуту Денисъ прицѣлился и прострѣ-

лилъ великану обѣ щеки. Весь окровавленный, едва дыша отъ боли и злости, Аббатъ бросился внизъ.

Денисъ снова натянулъ лукъ и полѣзъ рукой въ колючавъ, но увы! онъ истратилъ послѣднюю стрѣлу!

— Мы погибли! въ очаянши воскликнулъ онъ.

— Полно, возразилъ Жерардъ, — у насъ остается холодное оружіе; и ты къ тому же убилъ великана.

— Въ томъ то и горе, что не убилъ, а только ранилъ! Еслибы не это, онъ, благодаря твоему искусству, никогда бы не вернулся сюда. — Но тише, — они идутъ!

И онъ вытащилъ свою саблю изъ ноженъ. Вдругъ потолокъ ихъ комнаты освѣтился какимъ то краснымъ свѣтомъ. Жерардъ кинулся къ окну, и увидѣлъ на дворѣ людей съ зажженными факелами. — Мы спасены! воскликнулъ онъ и, ударивъ въ окно оружіемъ, крикнулъ: — скорѣй, мы въ крайней опасности!

— Назадъ, закричалъ Денисъ; — они идутъ!

И въ ту же минуту Аббатъ, въ сопровожденіи двухъ чловѣкъ, бросился къ нимъ въ комнату. Но не успѣли они войти какъ наружная дверь дома соскочила съ петель, и внизу показались люди съ зажженными факелами. При этомъ видѣ сопровождавшіе Аббата разбойники бросились бѣжать.

Но не такъ то поступилъ страшный великанъ! Въ себя отъ боли и злости, онъ опрокинулъ стулъ, на которомъ былъ привязанъ мертвецъ и, увидавъ своихъ противниковъ, стоящихъ по обѣ стороны комнаты, онъ на минуту остановился, высоко надъ головой поднялъ свой страшный топоръ и принялся махать имъ, словно тросточкой.

Друзья наши, конечно, далеко уступали ему въ силѣ, но за то, превосходили его въ ловкости и проворствѣ. Въ то

мгновенье, когда великанъ поднялъ надъ головой топоръ, они подобно кошкѣмъ, вцѣпились въ него. Аббатъ тотчасъ понялъ, что если онъ убьетъ одного, то въ ту же минуту будетъ убитъ другимъ. Быстро сообразивъ все это, онъ топоричемъ ударилъ Дениса прямо въ лицо, и оттолкнулъ отъ себя, и затѣмъ обернулся къ Жерарду, съ тѣмъ, чтобы опустить на него лезвіе топора; но другъ нашъ предупредилъ его; онъ со всею силою отчаянія, вонзилъ свой длинный ножъ въ грудь великана. Раненый злодѣй заревѣлъ, уронилъ топоръ и, схватя Жерарда за горло, принялся трясти его, словно ребенка. Въ это время Денисъ вонзилъ ему свою саблю въ спину, и Аббатъ, испустивъ страшный крикъ, упалъ на полъ, головой на лѣстницу, и мертвый покотился внизъ.

А въ кухнѣ, между тѣмъ, солдаты перевязывали разбойниковъ. При видѣ факеловъ на дворѣ, они сначала бросились къ заднему ходу, но вскорѣ убѣдились, что всѣ выходы заняты. Злодѣи вытащили было сабли, готовясь къ оборонѣ, но въ эту минуту, къ дверямъ кухни подбѣтилось мертвое тѣло великана, и они, въ ужасѣ упали на колѣни, и безъ сопротивленія отдались во власть стрѣлковъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Внѣшняя сторона 5+

5+. С. С. 5+

Внѣшняя сторона 5+

ДВѢ СУДЬБЫ.

(ОКОНЧАНИЕ).

— Господи! чѣмъ это я провинился предъ Тобой! Молился Альфредъ.— Или Ты посылаешь мнѣ все это, чтобы испытать мою вѣру... Такъ дай же мнѣ силы, противустоять искушенію!

Когда они пришли въ избу, то нашли тамъ мать и сестру Альфреда, собиравшихся обѣдать.

— Я не хочу мѣшать вамъ, добрая женщина, сказалъ ей мистеръ Лейксъ,—я хочу только видѣть дичь, спрятанную вашимъ сыномъ; а также и спросить васъ:—провелъ ли эту ночь Яковъ въ вашемъ домѣ?

— Нѣтъ, сэръ, никто здѣсь не ночевалъ, кромѣ насъ.—Неправда ли сынъ мой? спросила она обращаясь къ Альфреду.

— Нѣтъ, матушка; Яковъ здѣсь ночевалъ, дѣйствительно, но я вамъ не успѣлъ объ этомъ сказать.

— Не доказываетъ ли это, сказалъ мистеръ Лейксъ, Альфреду,—что ты былъ въ сообщничествѣ съ Яковомъ, если даже твоя мать ничего не знаетъ объ этомъ?

— Нѣтъ, сэръ, почтительно отвѣтилъ Альфредъ, — это еще ничего не доказываетъ. Я слишкомъ поздно возвратился

домой, мать моя тогда спала, сегодня же утромъ я ушолъ на работу, тоже не видѣвъ ее.

— Покажи намъ теперь фазана, сказалъ мистеръ Гринъ. — Дѣло въ томъ, обратился онъ къ матери Альфреда, — что сынъ вашъ подозрѣвается въ соучастіи съ негодями, которые охотились въ запрещенномъ мѣстѣ: и мы стараемся узнать на сколько онъ виновенъ.

— Какъ, вы подозрѣваете моего Альфреда! воскликнула бѣдная старуха. — Никогда, никогда я не повѣрю этого, слышите ли вы? Лучшаго и честнѣйшаго мальчика на свѣтѣ нѣтъ!

— Мы это увидимъ, а пока успокойтесь, сказалъ ей мистеръ Гринъ.

— Вотъ фазанъ, сэръ, сказалъ Альфредъ, вынувъ его изъ шкафа, завернутаго въ куртку, которую онъ бросилъ въ уголъ. — Я его спряталъ уходя на работу, мнѣ не хотѣлось, чтобы его видѣла сестра моя.

— Теперь я уже не сомнѣваюсь больше въ твоёмъ участіи, вспыхнувъ сказалъ мистеръ Лейксъ. — Ты мнѣ больше не слуга; и я постараюсь, на будущее время не имѣть подобныхъ слугъ. Надѣюсь, что буду въ состояніи отыскать болѣе честныхъ и правдивыхъ малыхъ. Съ этими словами онъ и мистеръ Гринъ вышли вмѣстѣ изъ избы.

— Матушка, матушка! заговорилъ Альфредъ, рыдая и закрывая свое лицо руками; онъ не могъ болѣе удерживаться, — слезы душили его. — Что же съ нами теперь будетъ? Мистеръ Лейксъ не захочетъ дать мнѣ хорошаго аттестата, а безъ него, меня никто не возьметъ въ услуженіе. Но я не виноватъ ни въ чемъ, матушка, клянусь тебѣ.

— Я вѣрю тебѣ, дорогой мой, сказала мать, взявши его за руку.— Расскажи мнѣ въ чемъ дѣло.

Когда онъ кончилъ свой рассказъ, она вздохнула свободнѣе.

— Благодарю Всевышняго, что Онъ спасъ тебя отъ зла. Не горюй о будущемъ; Богъ никогда не оставитъ сиротъ и вдовъ, которые уповаютъ на Него!

На слѣдующій день, Альфредъ попробовалъ поискать себѣ работу въ сосѣдствѣ, но напрасно; не отчаяваясь первою неудачею, онъ посвятилъ тому еще много дней и недѣль. Нанимающіе прежде всего спрашивали его, не можетъ ли онъ принести аттестатъ отъ своего хозяина; и онъ вынужденъ былъ отвѣчать, что не можетъ. Кромѣ того, еще время было позднее, работа шла тихо, и потому, ни одинъ изъ фермеровъ не намѣренъ былъ пріобрѣтать новаго работника.

Альфредъ приходилъ въ отчаяніе.

— Ужъ нечего болѣе искать, думалъ онъ, — это ясно, меня никто не возьметъ! Но наканунѣ Рождества, рѣшившись еще на одну ферму, на которой еще не былъ. Результатъ былъ тотъ же, и Альфредъ съ грустью побрелъ домой. Дорогой ему попался на встрѣчу старый знакомый нашъ мистеръ Гринъ, и остановилъ его словами:

— Я только что отъ тебя... Я слышалъ, что ты нигдѣ не можешь отыскать себѣ мѣста... Мистеръ Грейвсъ ищетъ работника себѣ въ садъ, я ему и предлагалъ, взять тебя на испытаніе. Мнѣ все кажется, что ты лучше чѣмъ о тебѣ думаетъ мистеръ Лейксъ, и что онъ съ тобою

поступилъ слишкомъ строго. Мистеръ Грейвсъ согласенъ взять тебя на испытаніе, если ты на это согласенъ.

— Благодарю васъ, воскликнулъ глубоко тронутый Альфредъ, — какъ вы добры, что вспомнили обо мнѣ. — Когда же я могу пойти туда?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: приходи хоть послѣ завтра. Но я долженъ тебя предупредить, что тебѣ придется осматривать садъ поздно ночью, зажигать огни въ оранжереяхъ въ это холодное время; — да еще, прибавилъ онъ, — не обращай вниманія, если тебѣ придется часто выслушивать замѣчанія; у тебя не мало будетъ начальниковъ, поэтому, съѣтую тебѣ ко всему этому приготовиться и не огорчаться.

— О! сэръ, я и не думаю объ этомъ! Я такъ доволенъ, такъ счастливъ, что буду наконецъ имѣть мѣсто, сказалъ Альфредъ, прощаясь съ мистеромъ Гриномъ.

Съ веселымъ сердцемъ поспѣшилъ онъ домой, чтобы скорѣе сообщить домашнимъ пріятную новость. Мать и сестра не менѣе его были обрадованы этимъ счастливымъ событіемъ.

Настало Рождество. Было чудное солнечное утро. Снѣгъ выпалъ ночью — первый установившейся зимній снѣгъ, — и одѣлъ всю мѣстность блестящимъ покровомъ. Казалось, вся природа, въ это чудное утро ликовала вмѣстѣ съ людьми. Такъ думалъ Альфредъ, ведя подъ руку свою мать въ церковь.

— Ахъ, матушка, какъ прекрасно все, заговорилъ онъ, — и какъ желалъ бы я, что бы ты могла видѣть этотъ снѣгъ на деревьяхъ... онъ такъ и сверкаетъ, какъ кристалль, освѣщенный солнечными лучами... Мнѣ такъ легко, такъ хорошо

на душѣ. Два дня назадъ, я не думалъ, что мы будемъ такъ радоваться на Рождество; вѣдь неправда ли матушка?

. — Да, дорогой мой, и мы должны хорошенько поблагодарить Всевышняго за его щедроты,—но кашель твой все еще продолжается... онъ такъ безпокоитъ меня... какъ бы я желала, чтобы ты скорѣе отдѣлался отъ него...

Альфредъ простудился въ ту памятную для него ночь, когда онъ бросился въ воду спасать Якова, и съ тѣхъ поръ, онъ началъ сильно кашлять. Сухой кашель его, не представляя, повидимому, ничего опаснаго, съ того времени однако, не прекращался, и по временамъ довольно сильно душилъ его.

— Не безпокойся, матушка, онъ пройдетъ, лишь только наступитъ теплое время, успокоивалъ онъ ее, подходя уже къ церкви. На другой день Альфредъ отправился на свое мѣсто въ помѣстье Бигонъ.

Къ несчастію его, старшій садовникъ Коллѣръ, желалъ на мѣсто это опредѣлить сына своего Бэна, также стараго нашего знакомаго, принимавшаго участіе въ ночной охотѣ, и уже предложилъ его мистеру Грейвсу; но тотъ по чему то предпочелъ взять Альфреда.

Коллѣръ, не очень, конечно, пріязненно обращался по этому съ Альфредомъ, но Альфредъ далъ себѣ слово не обращать вниманія на причиняемыя ему мелкія непріятности. Своимъ хорошимъ поведеніемъ и стараніемъ, онъ скоро успѣлъ расположить всѣхъ съ своею пользою, не исключая даже и старшаго садовника.

Съ наступленіемъ весны, кашель его сдѣлался еще удушливѣе, и онъ часто сталъ жаловаться на боль въ груди, мѣшавшую ему въ иные дни даже работать. Докторъ, мистеръ

Бирксъ, къ которому онъ обратился, посоветоваль ему, какъ можно меньше заниматься, такъ какъ его грудь слишкомъ слаба.

— Но я своею работою содержу мать и сестру, возразилъ онъ, — потому и не могу уменьшить работы.

— Я самъ поговорю съ мистеромъ Гревсомъ, сказалъ докторъ, — и увидѣмъ, что онъ на это скажетъ? Послѣ визита доктора, Мистеръ Гревсъ объявилъ Альфреду, что-бы онъ приходилъ на работу только тогда, когда будетъ себя чувствовать хорошо, и что бы онъ выбираль себѣ работу, какую ему будетъ угодно, прибавивъ при этомъ, что жалованье свое онъ будетъ получать полное.

Альфредъ ни за что не хотѣлъ воспользоваться добротой своего хозяина, и его насилу уговорили уменьшить свои работы.

Скоро лѣто смѣнилось осинью; ему становилось все хуже, такъ что онъ предчувствовалъ, что ему не долго остается жить. Скоро у него уже не хватало силъ доходить до помѣстья Мистера Гревса, и онъ едва могъ добрести до той плотничьей мастерской, гдѣ онъ прежде такъ много работалъ. Бывали дни, когда у него и на это не доставало силъ, тогда его сажали въ кресло въ саду, и онъ, грѣясь на солнцѣ, слѣдилъ за работающей сестрой.

Часто по утрамъ навѣщаль его мистеръ Листонъ, пасторъ ихъ церкви. Онъ проводилъ съ нимъ обыкновенно болѣе часу. Альфредъ съ нетерпѣніемъ всегда ожидалъ его посѣщенія, и не пропускалъ ни одного слова, произнесеннаго пасторомъ.

Въ одно сентябрьское утро, Альфредъ по обыкновенію, сидѣлъ въ саду; скрипъ, отворяемой калитки, вывелъ его изъ

размышленія, навѣяннаго на него только что ушедшимъ пасторомъ. Повернувъ голову, онъ увидаль входящаго мистера Лейкса. Альфредъ не могъ, при видѣ его, скрыть своего удивленія, тѣмъ болѣе, что съ минуты ихъ разлуки, мистеръ Лейксъ, какъ бы совсѣмъ забылъ объ немъ.

— Доброе утро, Альфредъ, сказалъ Мистеръ Лейксъ подходя къ нему и протягивая ему руку, — какъ мнѣ тяжело видѣть тебя такимъ больнымъ... — Я пришелъ сказать, что стыжусь своего поступка съ тобою въ это Рождество. Я былъ слишкомъ разсерженъ, и былъ увѣренъ, что поступаю справедливо; и до сихъ поръ не узналъ - бы своей ошибки, если бы сегодня утромъ не получилъ письма отъ Якова Стевенса, въ которомъ онъ говоритъ, что, узнавъ о томъ, что ты пострадалъ чрезъ оставленную имъ дичь, спѣшить увѣдомить, что ты ни въ чемъ не виноватъ, и что тебѣ не было извѣстно о его намѣреніи убѣжать.

— Теперь, къ несчастію я едва могу поправить свою ошибку, въ отношеніи тебя. Но обѣщай мнѣ, что ты обратишься ко мнѣ, если только тебѣ захочется чего нибудь особеннаго.

— Благодарю васъ, сэръ, за вашу доброту ко мнѣ, сказалъ Альфредъ.

— Я только справедливъ, а не добръ, отвѣтилъ ему на это мистеръ Лейксъ, — надѣюсь, что ты простишь меня.. Альфредъ былъ такъ доволенъ, что обнаружилась наконецъ его невинность и былъ совершенно далекъ отъ злобы на своего хозяина.

— Откуда писалъ вамъ Яковъ? спросилъ онъ мистера Лейкса.

— Въ письмѣ не было ни числа, ни названія мѣста, но на конвертѣ былъ штемпель Нордгэмп.

— Я бы желалъ знать, что съ нимъ теперь?—задумчиво сказалъ Альфредъ,—и мнѣ бы очень хотѣлось его видѣть.

— Онъ сдѣлаетъ лучше, оставаясь тамъ, гдѣ находится, если онъ не исправился, замѣтилъ мистеръ Лейксъ прощаясь съ Альфредомъ.

Теперь посмотримъ, что случилось съ Яковомъ.

Въ ту ночь, когда онъ въ кухнѣ у Альфреда лежалъ на соломѣ, онъ ни на минуту не сомкнулъ глазъ, а соображалъ, какъ ему поступить. Наконецъ онъ вспомнилъ, что у Бено Келлѣръ есть братъ, живущій въ Нордгэмѣ, приморскомъ городѣ, находившемся въ 200 миляхъ отъ Лейтона. Туда то онъ и рѣшился уйдти. Къ несчастію, его хозяинъ выдалъ ему жалованье за нѣсколько дней предъ тѣмъ, и онъ рассчиталъ, что ему хватитъ этихъ денегъ, чтобы доѣхать по желѣзной дорогѣ до Нордгэма—а тамъ, думалъ онъ,—Каллѣръ безъ сомнѣнія достанетъ ему работу. И такъ, какъ онъ рѣшался уѣхать съ первымъ поѣздомъ, уходившемъ изъ Лейтона въ 6 часовъ утра, то съ разсвѣтомъ онъ былъ уже на ногахъ и осторожно спустился изъ окна, оставивъ дичь на полу, ибо ему было неудобно взять ее съ собою.

Скоро за тѣмъ, онъ сидѣлъ въ вагонѣ, и черезъ 12 часовъ, прибылъ въ Нордгэмъ. Часто, слышавъ отъ Бена адресъ брата и запомнивъ его, ему не трудно былъ отыскать Джое.

Онъ засталъ его дома, за ужиномъ:—Яковъ! откуда и какими судьбами! вскричалъ онъ, увидивъ его входящимъ.— Конечно изъ Лейтона, и пріѣхалъ, чтобы поискать счастья и посмотреть, какъ ты поживаешь въ этихъ странахъ.

— По старому, отвѣтили Джое, — а ты братъ, явился кстати; нашъ хозяинъ, какъ разъ теперь отъискиваетъ себѣ работника, такъ какъ одинъ отошелъ у него два дня тому назадъ.

— Гдѣ-же ты работешь? спросилъ Яковъ.

— Тамъ на пристани нагружаю корабли, — это такая веселая работа, — всегда есть маленькая выгода. Вѣроятно у тебя нѣтъ квартиры, такъ живи со мною, у хозяйки есть лишняя кровать. Такъ и устроимся.

На слѣдующее утро, Джое повелъ Яковъ къ своему хозяину, который охотно согласился принять его на службу.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и Яковъ очень былъ доволенъ своею новою жизнью. Онъ сошелся со многими, преимущественно друзьями Джое.

Всѣ они были отъявленными лѣнтями, и почти всѣ вечера проводили въ трактирѣ или бѣгали по улицамъ, и Яковъ, какъ вы можете предположить, не перемѣнился въ ихъ обществѣ къ лучшему.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ. Чаще и чаще вспоминалъ онъ свою прежнюю, счастливую жизнь въ Лейтонѣ и своихъ друзей, о которыхъ ничего не зналъ со времени своего побѣга.

Возвратясь однажды съ работы, они были удивлены, найдя на столѣ письмо, адресованное на имя Джое. Отъ кого бы оно могло быть? спрашивалъ самъ себя Джое, вертя въ рукахъ письмо.

— Ты лучше распечатай его, — тогда и узнаешь.

— Ты правъ, сказалъ Джое, поспѣшно распечатывая письмо; — оно отъ брата Бена, — онъ обѣщается пріѣхать погостить ко мнѣ, и въ тоже время поискать себѣ ра-

боту. Въ Лейтонѣ онъ не надѣется найти себѣ мѣсто, и рассчитываетъ, что я помогу ему въ этомъ. По моему расчету, онъ долженъ прибыть сюда завтра.

Бенъ дѣйствительно пріѣхалъ на слѣдующій вечеръ, и былъ очень удивленъ узнавъ, что Яковъ живетъ съ его братомъ уже съ Рождества.

— А, какъ поживаютъ всѣ въ Лейтонѣ, спросилъ его Яковъ, послѣ первыхъ привѣтствій, — все по старому?

Живутъ себѣ изрядно, особенныхъ переменъ не было съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ.

— А что Альфредъ, по прежнему на фермѣ у Лейкса?

— Вотъ, что выдумалъ; его давнымъ давно тамъ нѣтъ. Лейксъ прогналъ его тотчасъ же послѣ твоего отъѣзда. То-то былъ переполохъ, и все-то черезъ нашу охоту. Мистеръ Лейксъ нашель у него дичь, которую ты у него оставилъ, заподозривъ и его въ участіи, и отказалъ отъ мѣста.

— Неужели, сказалъ блѣднѣя Яковъ. — Боже мой, какъ мнѣ досадно! — бѣдный Альфредъ ни въ чемъ не виноватъ. Ну, что же съ нимъ теперь?

— Онъ поступилъ на службу въ оранжерей мистера Грейвса, но не долго тамъ оставался, потому что здоровье его очень стало плохо. Онъ простудился въ то время, когда вытасилъ тебя изъ рѣки, и съ тѣхъ поръ, все не можетъ поправиться. Теперь ему остается уже не много жить, онъ совсѣмъ зачахъ.

— Яковъ былъ сильно пораженъ. — Какъ! Альфредъ умираетъ! — и въ смерти его онъ нѣкоторымъ образомъ виноватъ. Онъ не могъ успокоиться.

Другіе при немъ разговаривали и смѣялись, а онъ ничего не понималъ.

— Яковъ, что же это съ тобою; въ былое время ты не былъ такъ задумчивъ?

— Что со мною? воскликнулъ дрожащимъ голосомъ Яковъ,—со мною ничего. А скажи, что сдѣлалось со сторожемъ Гейндомъ? Что, онъ очень былъ болѣнъ?

— Господи, ты все еще думаешь о томъ-же! да, ему хорошо досталось. Съ нимъ сдѣлалась горячка послѣ твоего удара, но теперь уже все прошло давно.

Въ эту ночь, прежде чѣмъ Яковъ легъ спать, онъ написалъ мистеру Лейксу письмо.

Спустя два дня, они втроемъ гуляли по пристани. Вдругъ Яковъ указалъ имъ на судно, стоявшее въ пристани; — Видишь Джое эту Американскую шегуну?

— Та, которая осушаетъ свои паруса?

— Да, эту самую, отвѣчалъ Яковъ;—завтра я въ ней отпываю. Джое повернулся, выпучивъ на него глаза.—Что ты сошелъ съума? воскликнулъ онъ.

— Пока еще нѣтъ, отвѣчалъ Яковъ;—мнѣ уже наскучила эта жизнь, и хотѣлось бы увидѣть что нибудь новое; по этому-то я и нанялся къ капитану.

На слѣдующій день, Яковъ дѣйствительно отправился въ море. Онъ не сказалъ Джое, что въ самомъ дѣлѣ заставило его рѣшиться на этотъ шагъ. Не смотря на всѣ свои старанія, онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что онъ причиною всѣхъ несчастій Альфреда, и надѣясь, что переменѣ жизни и новыя страны развлекуть его, онъ и рѣшился на это путешествіе. Судно, на которомъ онъ находился, отправлялось въ Нью-Йоркъ, и должно было дорогой зайти въ Гермюдасъ. Всѣхъ людей, находящихся на бортѣ было шесть, не считая капитана и его помощника. Капитанъ былъ суровый

и сухой человѣкъ. Много толчковъ и оскорбленій досталось отъ него Якову; съ его любовью къ независимости, не легко было ихъ переносить. Первые три недѣли, ихъ сопровождала прекрасная погода; но, не смотря и на это, Яковъ сильно начиналъ грустить и паходить скучною свою новую жизнь, и онъ пришелъ къ заключенію, что дурныя мысли такъ же сильно могутъ преслѣдовать въ морѣ, какъ на сушѣ. Однажды вечеромъ онъ стоялъ, лѣниво облокотясь на бортъ судна, погруженный въ невеселыя думы;—къ нему подошелъ одинъ изъ его новыхъ товарищей, приобретенныхъ имъ на кораблѣ, Билль Стокеръ. — Отчего ты такой мрачный, спросилъ онъ Якова, — или тебѣ опять досталось отъ нашего драгоценнаго шкипера? — Я не могу переносить болѣе его ругательства! сквозь зубы, пробормоталъ Яковъ; — Билль разсмѣялся. — Причѣго вѣтъ на землѣ, чего бы морякъ не могъ переносить, сказалъ онъ; — морякъ долженъ всему покоряться смѣясь. — Но я, по крайней мѣрѣ, не желаю больше покоряться ему; и хочу лучше самому позаботиться о себѣ, возразилъ Яковъ.

— А что же ты думаешь дѣлать, спросилъ Билль. — Мнѣ кажется, что мы бы легко могли связать капитана и продержатъ его въ каютѣ, пока мы дождемъ до мѣста; а его помощника мы бы заставили управлять судномъ, и стали бы слѣдить за нимъ во время остальнаго плаванія, — онъ не осмѣлится пойти противъ насъ; его напугаетъ участь капитана, сказалъ Яковъ. — Я сомнѣваюсь, чтобы остальные согласились на это, отвѣтилъ Билль, — вотъ напримѣръ Эллисъ, онъ первый не пойдетъ съ нами.

— Такъ мы съ нимъ поступимъ также, какъ и съ капитаномъ, рѣшилъ Яковъ. А подумалъ ли ты, что съ нами будетъ, по приходѣ въ Нью-Йоркъ? тревожно спросилъ Билль;

— или, можетъ быть, ты захочешь, чтобы мы попались въ руки властей.

— Мы съ тобой высадимся раньше въ лодкѣ, а другіе пристануть въ гавань, отвѣтилъ ему Яковъ. Но къ его же счастью, планы его не осуществилось. — На слѣдующій день, ихъ судно зашло въ Бермюдасъ, и капитанъ сошелъ на берегъ съ двумя людьми изъ своей команды; черезъ нѣсколько часовъ, онъ возвратился, и вечеромъ они пустились въ дальнѣйшее плаванье. Въ ту же ночь развилась на суднѣ желтая лихорадка, о появленіи которой, на островахъ не было капитану извѣстно, и Яковъ былъ однимъ изъ первыхъ заразившихся. На слѣдующее утро, одинъ изъ нихъ умеръ, а Якову дѣлалось все хуже и хуже. Впродолженіи многихъ дней, онъ былъ въ безсознательномъ состояніи, и находился между жизнью и смертію, наконецъ болѣзнь взяла хорошій оборотъ—и опасность миновала; но онъ былъ такъ слабъ, что едва могъ шевелиться. Тогда настало для него тяжелое, томительное время; — по цѣлымъ часамъ оставаться одному со своими мучительными думами!

— Чтобы было со мною, приходило ему въ голову—еслибъ я умеръ?—и мнѣ, не приготовленному, пришлось бы предстать на судъ Всевышняго. Онъ весь дрожалъ отъ страха, при этой мысли, и старался, на сколько могъ, оторваться отъ нея; но она снова являлась и не оставляла его. Его товарищи были добры къ нему, на сколько имъ позволяла ихъ суровая натура. Билль часто прибѣгалъ провѣдать лежащаго въ своей койкѣ Якова, и старался, какъ могъ, развеселить его; но лучше всѣхъ за нимъ ухаживалъ Эллисъ. Онъ былъ добрый,

богобоязненный человекъ, и все свободное время охотно посвящалъ на пользу ближняго.

Онъ съ такою заботливостью обращался съ Яковомъ, и съ такимъ удовольствіемъ просиживалъ съ нимъ, читая ему цѣлыя главы изъ Библии. Якову это не доставляло удовольствія, напротивъ, это чтеніе, казалось подливало масло на огонь, пожирающій все его существо. Онъ чувствовалъ, что гибнетъ, и не зналъ гдѣ найдти спасенія. Этимъ временемъ, судно дошло до Нью-Йорка. Яковъ былъ уже на ногахъ, и первымъ дѣломъ, по пріѣздѣ туда, онъ отправился отыскивать возвращающійся въ Англію корабль, такъ какъ рѣшился немедленно возвратиться на родину; скоро случай представился и, черезъ нѣсколько дней, онъ опять находился въ морѣ.

Снова наступило Рождество, которое на этотъ разъ застало Альфреда ужъ умирающимъ.

Сестра его была въ церквѣ; Альфредъ, обложенный подушками, лежалъ въ креслѣ у затопленной печи; мать ни на минуту не оставляла его. Вотъ и теперь она сидитъ около него, не выпуская его рукъ изъ своихъ; они тихо разсуждаютъ между собою. Настала минута молчанія.

Лицо матери, исполненное глубокой печали, выражало безграничное смиреніе предъ волею провидѣнія; въ нѣжныхъ и впавшихъ глазахъ сына, видѣнъ былъ уже послѣдній прощальный взглядъ, и душа его, казалось, отлѣтала въ другой міръ.

Легкій стукъ въ дверяхъ вывелъ ихъ изъ раздумья.—Въ комнату вошелъ Яковъ.

Онъ казался много старше, чѣмъ былъ годъ тому назадъ. Его исхудалое лицо обличало перенесенные имъ болѣзни и страданье. Картина, представившаяся его глазамъ, пропиз-

вела, на него тяжелое впечатлѣніе, и онъ не въ состояніи былъ переступить порогъ.

— Яковъ! это ты? воскликнулъ Альфредъ, увидавъ его и протягивая ему руки, — какъ я радъ тебя видѣть! Яковъ не могъ ни одного слова выговорить. Его поразило болѣзненный видъ Альфреда; онъ не ожидалъ найти въ немъ такую страшную перемѣну.

— Я не зналъ, Альфредъ, что ты въ такомъ положеніи! едва могъ онъ выговорить, — прости меня....

— Простить тебя? отъ всего сердца готовъ; но въ чемъ же мнѣ прощать тебя? Скажи мнѣ лучше, откуда ты пріѣхалъ, и гдѣ ты пробылъ все это время?

— Я прямо изъ Нью-Йорка, отвѣтилъ Яковъ. — Вчера я высадился въ Ливерпулѣ, и тотчасъ же уѣхалъ въ Лейтонъ, чтобы увидѣть тебя. Я узналъ о твоей болѣзни, когда еще былъ въ Нордгемѣ, и это-то меня и заставило искать разсѣянія въ морскомъ плаваніи.

— Я не понимаю, Яковъ, отвѣтилъ Альфредъ недоумѣвая.

— Я узналъ отъ Бека Коллиеръ, что ты заболѣлъ послѣ того, какъ вытащилъ меня изъ воды; и, что съ тѣхъ ты уже не поправляешься. Меня мучила мысль, что я причиною твоей тяжелой болѣзни; и я считалъ себя твоимъ убійцей. Не имѣя силъ мряться съ этою мыслию, — я уѣхалъ.

— Чѣмъ же ты тутъ виноватъ Яковъ? я исполнялъ лишь долгъ — спасая тебя, сказалъ онъ положивъ свою руку на плечо Якова. — Иначе и быть не могло; все, что ни дѣлается, — дѣлается къ лучшему.

— А тебѣ не страшно умерать? спросилъ Яковъ съ глубокою скорбью.

— Боязнь уже прошла у меня, отвѣчалъ Альфредъ, съ улыбкою какаго то тихаго счастья, — я готовъ предстать предъ судомъ Всевышняго.

— Да чего тебѣ и бояться, воскликнулъ Яковъ, — ты никогда, никому не дѣлалъ зла, — а для меня, мысль эта была ужасна, когда я стоялъ лицомъ къ лицу предъ смертью.

— Для меня тоже было бы страшно Яковъ, если бы я надѣялся на одни только свои добрые дѣла, — но я уповаю на милосердіе Божіе.

— А помнишь ли ты, Альфредъ, о томъ Антифонѣ, который мы пѣли, и въ которомъ говорится о дурныхъ дѣйствіяхъ и о воздаяніи за добро. Мои дѣла всегда были дурныя, тогда какъ твои, всегда были хорошіе...

— А развѣ ты, Яковъ, не хочешь исправиться, и противиться искушенію дьявола, чтобы сподобиться вѣчной жизни, когда Спаситель предстанетъ предъ нами въ своемъ величіи?

— Начну съ этаго-же дня; Богъ поможетъ мнѣ, воскликнулъ Яковъ. Альфредъ, сложилъ руки, какъ бы молясь и откинулся въ свое кресло; — долгой разговоръ утомилъ его. Скоро послѣ этаго, онъ уже только шепотомъ былъ въ состояніи говорить нѣсколько словъ. Онъ, видимо угасалъ. Наступили сумерки. Альфредъ сдѣлалъ легкое движеніе. — Я вижу Господа въ его величіи... прошепталъ онъ, и не земная улыбка осынила его лицо.

Послышался глубокий вздохъ, — и онъ скончался...

Черезъ нѣсколько дней, Яковъ возвратился на свой борабль, гдѣ поступилъ на службу, и отправился въ далекое плаваніе. Онъ уже болѣе не возвращался къ своей прежней жизни, и въ немъ явилась сила противустоять искушеніемъ.

(Конецъ).

МЕЧТЫ И ПРОПКИ ВЪ САМБОРЬ.

(ОКОНЧАНИЕ).

Глава VI.

Старикъ Бучинскій былъ недоволенъ своимъ сыномъ. Вернувшись изъ Кракова въ концѣ ноября, ксендзь Поманскій объявилъ, что секретарь московскаго царя, Янъ Бучинскій, скоро приѣдетъ изъ Москвы съ деньгами, слѣдующими воеводѣ для уплаты его долговъ, сдѣланныхъ на приготовленіе къ московскому походу царевича; ксендзь прибавлялъ, что Бучинскій на даяхъ будетъ въ Самборѣ. Старикъ былъ сердечно обрадованъ: пятнадцать мѣсяцевъ не видалъ онъ сына, который въ это время достигъ весьма высокой степени между боярами московскаго государства. Приходили слухи, что Бучинскій очень любимъ царемъ, что всѣ государственныя и придворныя дѣла совершаются не иначе, какъ черезъ секретаря, человѣка добраго, глубоко преданнаго царю. Это рассказывалъ панъ Безобразовъ, посланный къ королю; то же самое говорилъ панъ Пшепендовскій, приѣзжавшій съ письмомъ къ царице вѣстѣ. Но самъ Бучинскій писалъ къ отцу рѣдко и очень кратко, увѣдомляя только, что все обстоитъ благополучно, и что судьба его, повидимому, уст-

роивается довольно удовлетворительно. Изрѣдка прибавлялъ онъ, что надѣется скоро увидѣться съ отцомъ. Между тѣмъ, прошла и половина декабря. Самборъ пустъ; Воевода съ семействомъ еще въ Краковѣ; требуетъ безпрестанно денегъ, а касса совершенно пуста, и страстно ожидаемый сынъ, не ѣдетъ. Старики тосковали, не зная куда дѣваться, безпрестанно заходилъ къ своему другу, ксендзу Помасскому, но и тотъ былъ не веселъ и не разговорчивъ.

— Знаешь ты что, сказалъ однажды ксендзъ маршалу, — вотъ скоро пріѣдетъ твой Янъ; такъ спроси ты его прямо, безъ обиняковъ, что онъ такое: кальвинистъ, или католикъ или, чего добраго, православный? Онъ тебѣ это скажетъ глазъ на глазъ...

— Какъ-же это можетъ быть? отвѣчалъ маршалокъ:—въ іезуитской коллегіи, да чтобы былъ кальвинистомъ? Развѣ это бываетъ?..

— Врагъ силенъ! отвѣчалъ ксендзъ.—Дѣло въ томъ, что нашъ Димитрій начинаетъ кажется хитрить, и не очень торопится исполнить свое обѣщаніе на счетъ римско-католической вѣры. Кто его тутъ смущаетъ? Савицкій и Черниковскій выдаются съ нимъ часто, питаютъ его душеспасительной бесѣдой; но Янъ гораздо къ нему ближе: разспроси ты его хорошенько... Вѣдь не московскихъ-же медвѣдей боится Димитрій, если цѣлые полгода, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вѣнчался на царство, ничего не дѣлаетъ для католичества.

— А это, какъ ксендзъ благодѣтель правильно сказалъ, что медвѣди! Видѣлъ я здѣсь этаго посланника Аванасы Власьева: важный, но совершенно дикій и жестокій человекъ, не имѣющій нибакаго лоска...

— Посмотрѣлъ-бы ты его въ Краковѣ, на торжествахъ

обрученія! Обрядъ совѣршалъ самъ кардиналъ, а король стоялъ съ нимъ рядомъ. Кардиналъ, по обряду, спрашиваетъ: — не обѣщаль-ли царь прежде кому-либо своей руки? Посоль отвѣчаетъ:—а почему я знаю? онъ мнѣ не говорилъ! Рас- толковали медвѣдю, что этаго вопроса и соотвѣтственнаго отвѣта требуетъ обрядъ. Тогда онъ отвѣчалъ:—Если бы кому обѣщаль, такъ меня сюда не слалъ. За королевскимъ обѣдомъ тоже былъ хорошъ: ни за что не хотѣлъ сѣсть за столъ? а когда его уговорили помѣститься возлѣ царской невѣсты, то онъ все остерегался, какъ-бы своей одеждой не коснуться одежды своей будущей государыни. А когда король послалъ спросить его, что это значить, что онъ ничего не ѣстъ? медвѣдь отвѣчалъ:—Негодится холопу ѣсть съ государями. Теперь этотъ дикарь живетъ въ Слонимѣ и дожидает- ся приѣзда воеводы и царской невѣсты, чтобы проводить ихъ до Москвы. Не долго ему ждать: нашъ Янъ привезетъ деньги, Мнишекъ заплотитъ хотя часть своихъ долговъ, и тогда—въ дорогу.

Но Янъ все не ѣхалъ. Тотчасъ послѣ обрученья, Бере- щинскій привезъ двадцать пять тысячъ; потомъ, сто тысячъ привезъ Безобразовъ; но этаго все было мало: Мнишекъ, не стѣсняясь, бралъ деньги у посла Аѳанасья Власьева, да по его запискѣ забиралъ товары у московскихъ купцовъ въ Люблинѣ на царскій счетъ; сверхъ того, взялъ у одного мос- ковскаго купца деньгами четырнадцать тысячъ, да суконъ на пять тысячъ золотыхъ, да еще мѣховъ у какихъ-то куп- цовъ Ильи и Ѳедора на 5,600 золотыхъ.

Прошло и Рождество, — прошелъ и новый годъ, а Янъ все не ѣдетъ. Воевода вернулся въ Самборъ. Старика Бу- чинскаго замучили кредиторы Мнишка: онъ сталъ худѣть, и

чуть не впалъ въ отчаяніе. Наконецъ, 3-го января 1606 года пріѣхалъ молодой секретарь московскаго царя. Онъ привезъ двѣсти тысячъ золотыхъ воеводѣ, да сыну его, старостѣ Саноцкому въ подарокъ, пятьдесятъ тысячъ.

— Ну, ойче здравствуй! сказалъ царскій секретарь, входя въ кабинетъ стараго маршалка, передавъ уже воеводѣ письмо и деньги отъ царя. Онъ видѣлъ отца въ приѣмной воеводы, но видѣлъ, какъ маршалка, и этикетъ не позволялъ ему тогда поздороваться.

— Ну, здравствуй, мой милый, ясносіятельный царскій секретарь! сказалъ старикъ, и бросился обнимать сына. — Да и же на тебя посмотри! Да, скажи мнѣ, какой же у тебя титулъ тамъ въ Москвѣ; какъ тебя величаютъ бояре и всѣ звѣри, тебѣ подчиненные?

— У меня нѣтъ никакого титула, отвѣчалъ Янъ. — Зовутъ меня обыкновенно царскимъ секретаремъ...

— Ну, а какъ-же? Ты всѣхъ ближе стоишь къ царю? Правду я это слышалъ? Первый ты человѣкъ въ московскомъ государствѣ?

— Первый, не первый, а могу сказать, что царь меня любитъ...

— И хорошо дѣлаетъ, что любить. Нельзя не любить, сказалъ маршалокъ.

— Нельзя не любить! повторилъ, входя въ комнату ксендза Помасскій. — Поздравляю достопочтеннаго пана секретаря со счастливымъ прибытіемъ. Надѣюсь, что вы оставили царя Димитрія въ полномъ здоровѣ.

Царскій секретарь очень обрадовался приходу ксендза. Я только что хотѣлъ идти навѣстить достопочтеннаго ксендза за благодѣтеля, сказалъ онъ привѣтствуя ксендза. Мнѣ нуж-

но просить вашего содѣйствія въ очень важномъ дѣлѣ, отъ котораго многое зависитъ...

— Къ несчастію, отвѣчалъ ксендзь, — я такъ мало значу, что мое содѣйствіе пану секретарю, при всемъ моемъ желаніи, будетъ весьма ничтожно. Впрочемъ, я употреблю всѣ усилія, чтобы быть вамъ пріятнымъ.

— Ваше могущество во всѣхъ дѣлахъ здѣсь и въ Москвѣ, извѣстно очень хорошо. А на этотъ разъ дѣло идетъ о вопросѣ религиозномъ; стало быть, вы тутъ будете альфой и омегой: отъ васъ будетъ зависеть, или сгладить и устранить всѣ препятствія, или нагородить ихъ цѣлую гору...

Старый маршалокъ любовался спокойствіемъ и увѣренностью съ какими говорилъ его сынъ. И въ самомъ дѣлѣ, шесть мѣсяцевъ придворной жизни, слишкомъ восемь мѣсяцевъ похода, замѣтно послужили къ развитію молодаго человека. Самъ ксендзь Помасскій замѣтилъ съ перваго приступа, что это уже не прежній Янъ, котораго онъ, бывало, могъ и пожурить; что съ этимъ молодымъ человѣкомъ приходится говорить гораздо осторожнѣе прежняго. — Вопросъ религиозный? спросилъ онъ съ видомъ сосредоточеннаго любопытства — панъ секретарь знаетъ, что этому вопросу посвящена вся моя жизнь; и все, что до него касается, я выслушаю съ величайшимъ интересомъ. Мой совѣтъ, конечно, будетъ вполне согласенъ съ истиннымъ ученіемъ...

— Видите-ли въ чемъ дѣло, сказалъ Янъ; — вы знаете, что, милостіею Божіею, царевичъ Димитрій достигъ родительскаго престола. Весь народъ его, всѣ люди, которые его окружаютъ, принадлежать къ исповѣданію, по которому католики считаются еретиками, отступившими отъ ученія, установленнаго на осми вселенскихъ соборахъ. Я знаю, что мы имъ

платимъ тѣмъ-же, называемъ ихъ точно также еретиками; но покамѣстъ, не объ этомъ рѣчь, а также не о томъ, которая сторона права. Царь Димитрій и будущая царица московская Марина Юрьевна, стоятъ въ такомъ высокомъ положеніи, что каждый шагъ ихъ на виду. Народъ московскій, безусловно преданный своей греческой церкви, былъ-бы глубоко оскорбленъ отступленіемъ царственной четы отъ установленныхъ церковью обрядовъ. Мы имѣли тысячи случаевъ убѣдиться въ этомъ. Въ видѣ примѣра, скажу вамъ только, что старшій поваръ царской кухни, считая, конечно совершенно ошибочно, будто вѣра православная запрещаетъ ѣсть говядину, не хотѣлъ ее готовить, не смотря на приказаніе самаго царя, и готовъ былъ подвергнуться самой страшной казни, чтобы только не впасть въ грѣхъ, посредствомъ телятины, будто-бы запрещаемой православною церковью...

— И вы, конечно, за послушаніе казнили повара? — спросилъ ксендзь съ едва замѣтною улыбкой на толстыхъ, чисто выбритыхъ губахъ.

— Нѣтъ, отвѣчала спокойно Янь: — царь Димитрій иначе смотритъ на убѣжденія человѣческія. Онъ пробовалъ самъ уговорить повара, а такъ какъ тотъ оставался непоколебимъ въ своемъ заблужденіи, то пришлось удалить его. Но, не въ томъ дѣло. Религіозныя убѣжденія московскаго народа такъ сильны, что Царь нашолъ необходимымъ, чтобы невѣста царская Марина Юрьевна сдѣлала своимъ будущимъ подданнымъ нѣсколько наружныхъ уступокъ...

Ксендзь удвоилъ вниманіе, хотя казался довольно равнодушнымъ.

— Царь Димитрій Ивановичь, продолжалъ Янь, — глу-

бого уважаетъ свободу совѣсти, и предоставляетъ своей невѣстѣ, а потомъ супругѣ, содержать свое благочестіе, какъ ей будетъ угодно. Но послѣ обстоятельнаго обсужденія дѣла, рѣшено, что Марина Юрьевна, передъ вѣнчаніемъ, причастится Святыхъ Тайнъ отъ московскаго патріарха; будетъ ходить въ грекороссійскую церковь; будетъ поститься по средамъ, а по субботамъ ѣсть мясо, и наконецъ, послѣ замужества будетъ ходить съ покрытыми волосами. За тѣмъ, всѣ урѣженія Марины Юрьевны будутъ свято уважаемы; она можетъ имѣть совѣтникомъ ксенда, и т. д.

— Въ этомъ заключаются всѣ требованія царя Димитрія? спросилъ королевскій духовникъ, обдумывая отвѣтъ.

— Есть еще нѣкоторыя порученія; но они относятся не до религіозныхъ вопросовъ. Я имѣю повелѣніе требовать отъ короля Сигизмунда и отъ польскихъ пановъ, для обрученной невѣсты царя, всѣхъ тѣхъ почестей, какія подобаютъ царственной особѣ. Царь Димитрій получилъ извѣстіе, что послѣ обрученія, Мирина Юрьевна преклонила колѣна передъ королемъ Сигизмундомъ. Царь приказалъ впередъ этаго не допускать, и настаивать, чтобы ему воздавалось подобающее уваженіе въ лицѣ ея обрученной невѣсты.

Ксендзъ Помасскій злобно улыбнулся и сказалъ:— Когда царь всея Руси Димитрій Ивановичъ служилъ во дворѣ князя Вышневецкаго, онъ преклонялъ колѣна и не передъ королемъ, и не заявлялъ подобныхъ ужасающихъ притязаній.

— Я тоже думалъ объ этомъ, и не разъ, сказалъ вѣжливо царскій секретарь,— и напомниманіе достопочтеннаго ксендза сдѣлано чрезвычайно тонко, деликатно; умно и предусмотрительно. Я всегда удивлялся высокой мудрости ксендза благодѣтеля. Но тоже самое было съ однимъ бездѣннымъ

бриллиантомъ: Пока онъ былъ простымъ алмазомъ, и въ своей грубой корѣ лежалъ на землѣ съ другими камнями, его никто не зналъ,—онъ былъ попираемъ даже ослиными ногами. Но счастливый случай отыскалъ его: искусный мастеръ его огранилъ, и онъ составляетъ драгоценнѣйшее украшеніе короны. Такъ и царевичъ Димитрій: долго не былъ онъ признаваемъ, но тяжкая болѣзнь открыла его истинныя свойства, несчастія дали ему наилучшую въ свѣтѣ грань, теперь онъ блеститъ на престолѣ громаднѣйшаго царства, и ксендзъ Помасскій, прибавилъ онъ твердо и гордо,—сдѣлаетъ мнѣ удовольствіе, если извинится въ своей глупой и неумѣстной выходкѣ.

Королевскій духовникъ понялъ очень хорошо, что у него вырвалась фраза вовсе не дипломатическаго свойства. Онъ началъ извиняться; насказалъ множество любезностей, оправдываясь тѣмъ, что онъ говорилъ съ своимъ старымъ другомъ Яномъ Бучинскимъ, въ комнатѣ его отца, забывая, что этотъ милый Янень, въ тоже время секретарь и представитель московскаго царя. Но какъ-же тутъ быть, достопочтенный секретарь? Требованія его царскаго величества такъ серьезны, такъ глубоко затрагиваютъ интересы римско-католической церкви, что я право не знаю, что дѣлать. Въ принятіе Святыхъ Таинъ отъ московскаго патріарха и посѣщеніе грекорусской церкви, почти равняются отреченію отъ католичества, и едва ли моя духовная дочь рѣшится на это? По крайней мѣрѣ я вѣрнѣе сомнѣваюсь.

— За тѣмъ то я къ достопочтенному ксендзу благодарителю и обратился за совѣтомъ и содѣйствіемъ, сказалъ Бучинскій.—Вы можете сгладить всѣ препятствія: объяснивъ своей духовной дочери, что дѣло идетъ о пустякахъ, о нѣкото-

рыхъ внѣшнихъ формахъ, а ея внутренній, духовный міръ остается въ полномъ ея распоряженіи. Что касается до васъ и вашихъ религіозныхъ цѣлей, то на этотъ счетъ я совершенно спокоенъ. На столько-то я знаю отцовъ іезуитовъ, чтобы не сомнѣваться въ ихъ высокой мудрости. Они поймутъ лучше всѣхъ, что цѣли ихъ достигнутся тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ лучше сначала онѣ будутъ замаскированы. Неужели вы долго заставите себя просить надѣть маску?... Согласны вы, что я говорю правду?

— Право не знаю, отвѣчалъ королевскій духовникъ;— но дѣло такъ важно, что я одинъ никакъ не возьму на себя рѣшить его. Необходимо для этаго серьезно и обстоятельно переговорить съ кардиналомъ и съ нунціемъ, и для этаго, конечно, придется съѣздить въ Краковъ.

— Такъ не поѣдемъ-ли вмѣстѣ завтра? Мнѣ тоже надо тамъ быть, и представиться королю. А покажѣсь вы забросьте-ка словечка два Маринѣ Юрьевнѣ. Это не бесполезно будетъ.

Условившись касательно отъѣзда въ Краковъ, королевскій духовникъ отправился домой, написалъ предлинное письмо къ Чирныковскому и Савицкому, и въ ту же ночь отправилъ его съ паномъ Пшепендовскимъ, который везъ царю Дмитрію извѣщеніе о полученіи денегъ.

Оставшись наединѣ съ сыномъ, старый маршалокъ съ гордостью посмотрѣлъ на него, и сказалъ:— Да какой-же ты сталъ у меня дипломатъ, мой Янекъ любимый!... Только зачѣмъ-же ты ужъ такъ жестоко оборвалъ почтеннаго ксендза? Никогда не видывалъ я его въ такомъ смущеніи.

— Іезуитамъ это ни-по-чемъ, ойче любимый, отвѣчалъ шутливо Бучинскій;— это у нихъ проходитъ, какъ съ гуся вода.

— Ахъ, да кстати! Скажи ты мнѣ безъ обиняковъ, глазъ на глазъ, что ты такое: кальвинистъ, или католикъ, или, что добраго православный?

— Видишь-ли, отецъ любимый: когда ты пойдешь въ ксендзы, а я приѣду къ тебѣ на исповѣдь, тогда я подробно тебѣ въ всемъ покаюсь. А теперъ, покамѣсть, скажи ты ксендзу Помасскому, что онъ слишкомъ любопытень.

— Ну, хорошо, хорошо, не буду спрашивать! И покойница твоя мать не любила спорить о религи: она говаривала всегда, что это прямой счетъ между Богомъ и нашею совѣстью. Хорошо; Скажи-же ты мнѣ, по крайней мѣрѣ: на долго-ли ты къ намъ приѣхалъ?

— И этаго не скажу, отвѣчалъ Янъ;— потому что самъ не знаю. Надо тутъ столковаться съ ксендзами, съ нунціемъ, со всѣмъ этимъ народомъ, да разузнать, отчего нашъ воевода не ѣдетъ? Чего онъ медлитъ, и скоро-ли соберется! Обрученъе было 12 ноября, вотъ уже скоро два мѣсяца. Чего-же онъ дожидается? Ты ничего не слышалъ, ойче?

— Видишь ли что, отвѣчалъ старикъ нѣсколько сморщенный, — ты такъ любишь своего Димитрія.. Но на меня-то ты разсердишься? А?

— Что такое? Говори скорѣ!..

— Видишь-ли: про твоего царя идутъ ужасно дурные слухи; и водятся они не здѣсь, а въ Москвѣ, распускаютъ ихъ русскіе люди. Говорятъ, будто Димитрій— вовсе не царскій сынъ, не Димитрій, а бѣглый дьяконъ и разстрига: Григорій Отрепьевъ. Можетъ быть по этому-то воевода призадумался; выжидаетъ, что дальше будетъ, и крѣпокъ-ли онъ на тронѣ?..

— Ну, это опять продѣлки Шуйскаго!—сказать про себя царскій секретарь.—А какіе-же еще есть слухи?

—А еще говорятъ, будто онъ очень обижаетъ нашихъ поляковъ: не платитъ жалованья, и за всякую пустую малость, наказываетъ жестоко, подражая въ этомъ отцу своему царю Ивану Грозному.

—Ну, слушай-же отецъ: Не вѣрь ты всѣмъ этимъ глупыми слухамъ! Милліоны людей его признаютъ истиннымъ Димитріемъ, и на моихъ глазахъ было множество случаевъ, подтверждающихъ это. Еще въ походѣ, когда войско царя Бориса передалось ему, приводятъ человекѣ, который публично на площади называлъ его разстригой, самозванцемъ. Царевичъ отказался судить его, и отдалъ на судъ народу: безумца разорвали мигомъ въ клочки. Потомъ вступили мы въ Москву. Одинъ изъ важнѣйшихъ московскихъ бояръ, Василій Шуйскій, попался въ заговорѣ противъ царя. Дѣло касалось чести царской и престола, и Димитрій отстранилъ себя отъ суда; приказалъ разбирать дѣло и судить Шуйскихъ собранію изъ всѣхъ сословій. Судъ единогласно приговорилъ Василья Шуйскаго казнить смертью, а братьевъ его разослать по дальнимъ тюрьмамъ. Въ минуту казни, когда Шуйскій приблизился къ плахѣ, перекрестился и простился съ народомъ, онъ былъ помилованъ и сосланъ въ Вятку. Возможно-ли послѣ этаго, чтобы Димитрій былъ не истинный царевичъ? кто же можетъ такъ поступать, кромѣ истиннаго царскаго сына?.. Потомъ пріѣхала царица мать, постриженная въ монашество по приказанію Бориса. Она торжественно, при сотнѣ тысячъ народу, признала его своимъ сыномъ... Да какой-же онъ Григорій? Настоящій-то Григорій Отрепьевъ монахъ и разстрига, разысканъ и привезенъ въ Москву; теперь тамъ живетъ въ монастырѣ благополучно... Обижаетъ поляковъ и не платитъ жалованья? Въ этомъ еще менѣе пра-

вды. Напротивъ, онъ платитъ слишкомъ щедро, и мы съ Басмановымъ нерѣдко его останавливали. Къ стыду нашему надо сказать, что когда подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ воевода насъ оставилъ, а съ нимъ оставили обозъ тысячи три поляковъ; изъ моихъ милыхъ соотечественниковъ, остались съ нами совсѣмъ не отборные люди; остались тѣ, кому ровно нечего было терять; народъ храбрый, отличные бойцы, но въ то же время, безпутнѣйшій народъ, гуляки, забіяки. Вступивъ въ Москву, они вообразили, что въ качествѣ благодѣтелей московскаго народа, они могутъ дѣлать, что имъ угодно; обижаютъ народъ по улицамъ, на торгахъ берутъ даромъ все, что вздумается, врываются въ дома, затѣиваютъ драги.. Они прогуливаютъ все полученное жалованье, и требуютъ еще и еще денегъ; а когда царь хотѣлъ употребить противъ буяновъ строгія мѣры, то они заперлись на посольскомъ дворѣ, и вздумали защищаться. Мы стараемся по немногу спускать ихъ назадъ въ Польшу; они недовольны этимъ, потому что хотѣлось-бы имъ посвоевольничать: вотъ и распускаютъ всякую клевету и ложь.... Одно правда, что онъ не совсѣмъ-то слушается отцовъ іезуитовъ, которые увѣряютъ, будто онъ обязался обратить весь свой народъ въ католическую вѣру; я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ Краковѣ, въ домѣ папскаго пунція Рынгоки, онъ обѣщалъ ввести въ своемъ царствѣ единеніе съ римскою церковью... Кромѣ того, что *единеніе* въ одно, и объ этомъ выраженіи можно спорить, а обращеніе цѣлаго народа въ другую вѣру, это нѣчто совершенно другое; самъ-царевичъ, и я тоже, мы думали, что это дѣло возможное, но намъ казалось такъ только издали. Присмотрѣвшись поближе, мы увидѣли, что это также легко, какъ повернуть солнце и направить его съ запада къ востоку...

—Слушай-ка, Янъ! Ты такъ хорошо это все объясняешь, что не худо-бы тебѣ поговорить объ этомъ, и воеводѣ, и бардиналу, и королю, и всѣмъ здѣшнимъ панамъ... А то самъ ты согласишься, вѣдь и мнѣ непріятно думать, что мой Янекъ милый служить какому-то обманщику, самозванцу.

—О, будь покоенъ отецъ! На сколько хватитъ моего красворѣчія, не знаю, а усердія хватитъ на долго, и я готовъ день и ночь, каждый часъ неустанно говорить, чтобъ уличить клеветниковъ, и чѣмъ-нибудь послужить моему царю. Завтра поговорю съ воеводой, а потомъ уѣду въ Краковъ и буду просить, чтобы меня свели съ клеветниками. И увидятъ всѣ, что такого добраго, такого великодушнаго, такъ пламенно любящаго просвѣщеніе царя, въ московскомъ государствѣ еще не бывало, да едва-ли такой былъ въ цѣломъ свѣтѣ...

И пламенно преданный царю секретарь, цѣлый вечеръ рассказывалъ отцу разные случаи изъ жизни Димитрія, гдѣ проявлялся довѣрчивый, нѣсколько самоувѣренный, иногда вспыльчивый, но отходчивый его нравъ.

На другой день онъ уѣхалъ въ Краковъ; вслѣдъ за нимъ уѣхалъ и воевода; повезъ должный ему за полтора года доходъ съ самборскаго имѣнія, сто тысячъ злотыхъ. Уѣзжая, онъ приказалъ маршалу начать приготовленія къ путешествію въ Москву. Опять Болеславъ Оржековскій назначался походнымъ маршалкомъ, при чемъ ему было сказано, что вся свита царской невѣсты, во всякомъ случаѣ будетъ состоять изъ болѣе двухъ тысячъ человекъ и триста или четыреста слугъ. Павъ Оржековскій тотчасъ далъ почувствовать пану Бучинскому, всю важность своего сана: старый маршалокъ снисходительно обѣщалъ ему свое покровительство въ Москвѣ, черезъ царскаго секретаря.—Я дамъ пану письмоцо къ сыну, го-

ворилъ онъ;—царскій секретарь не откажетъ пану въ своемъ содѣйствіи, въ случаѣ нужды. — Панъ Оржековскій тотчасъ уменьшился, и нѣжно подалъ Бучинскому руку.

Весь январь, весь февраль и начало марта 1606 г. прошли въ приготовленіяхъ, въ перепискѣ съ Москвою и съ родственниками Мнишка. Наконецъ все было улажено, Стрлицкіе и Тарлы должны были присоединиться къ обозу воеводы во Львовѣ; князя Адамъ и Константинъ Вишневецкіе хотѣли ожидать въ Брестѣ; Маціовскій собирался присоединиться въ Люблинѣ. При каждомъ панѣ было по нѣскольгу десятковъ, а у Вишневецкихъ, по нѣскольгу сотъ человекъ почетнаго конвоя или свиты. Все это составило поѣздъ болѣе нежели въ двѣ тысячи лошадей; но въ этомъ числѣ, немного было принадлежавшихъ Мнишку; ему и не надо было много, онъ ѣхалъ, какъ будто домой, къ зятю-царю. Онъ выѣхалъ на вѣки, и только царская певѣста Марина Юрьевна окружена была значительнымъ количествомъ дамъ, составлявшихъ ея дворъ. Въ началѣ марта, воевода весело простился съ женой, мачихой Марины, и весело погатилъ въ Львовъ.

Въ опустѣломъ Самборѣ старый маршалокъ опять принялся сводить счеты, по старой привычкѣ откладывая экономію въ свой карманъ; опять занялся тюрьмою и судить преступниковъ съ необычайною снисходительностію. Опять онъ являлся за приказаніями въ замокъ къ женѣ воеводы, а по вечерамъ иногда распивалъ бутылку стараго венгерскаго съксендзомъ Помасскимъ. Безо всякаго волненія теперь ожидалъ онъ извѣстій изъ Москвы, и безъ большаго интереса выслушивалъ разсказы королевскаго духовника. Онъ совершенно успокоился, увѣрившись въ безпредѣльномъ могуществѣ, какаго достигъ его сынъ, и съ небывалымъ равнодушіемъ

смотрѣлъ на мѣръ и на всю его суету. Порой уже являлись у него минуты сентиментальности. Прелестная галицкая весна была во всей красѣ, и старый маршалокъ полюбилъ раннюю утреннюю прогулку по липовой аллеѣ. Садовники, привыкшіе къ суровости пана Бучинскаго, обходили его за сто шаговъ, завидя его тощую фигуру, угрюмо стоявшую возлѣ дерева. Но старикъ, не обращая на нихъ вниманія, продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ, пристально вглядываясь въ работу паука, или внимательно слѣдя за живыми движеніями какойнибудь пичужки, занятой устройствомъ своего гнѣзда. Потомъ, онъ поднималъ голову, и благосклонно улыбался, обведивъ взорами, и распускавшіяся липы, и вершину костела, торчавшую изъ за нихъ, и молодую травку, и начивавшіе проглядывать между нею цвѣты. Полюбилъ онъ катить, и иногда, по цѣлымъ часамъ забавлялся ихъ рѣзвыми прыжками, дразня ихъ кусочкомъ стараго счета, привязаннаго на длинную нитку. Душевное спокойствіе Бучинскаго было какъ то торжественно и отчасти грустно: всю жизнь заботясь о своей службѣ, а потомъ, о судьбѣ сына, онъ чувствовалъ, что теперь всѣмъ заботамъ пришло конецъ, и иногда, по вечерамъ, любясь плавно заходящимъ солнцемъ, а потомъ догорающей зарей, онъ сравнивалъ свою теперешнюю жизнь съ яснымъ, теплымъ, прозрачнымъ вечеромъ, наступившимъ послѣ жаркаго дня исполненнаго заботъ и тяжкаго труда.

Послѣ многихъ извѣстій съ дороги, ксензь Шамота, духовникъ царской невѣсты, отъ 9 апрѣля писалъ ксендзу Помасскому, что весь поѣздъ благополучно переправился черезъ русскую границу, недалеко отъ г. Краснаго въ Смоленской области. На границѣ, русскіе вельможи встрѣтили Марину

Юрьевну съ истинно царскими почестями. Когда королевскій духовникъ разсказывалъ объ этомъ пану Бучинскому, онъ благосклонно кивалъ головой въ знакъ одобренія, и говорилъ:—Хорошо; значить все въ порядкѣ. Все такъ и должно быть; Янекъ распорядится всегда правильно.

Черезъ нѣсколько дней, ксендзь Помасскій сообщилъ, что поѣздъ въ городѣ Красномъ былъ встрѣченъ знатнѣйшимъ русскимъ бояриномъ княземъ Василюемъ Михайловичемъ Мосальскимъ и дядею царя, Михайломъ Александровичемъ Нагимъ со многими боярами. По всѣмъ селамъ и городамъ, будущую царицу встрѣчали священники съ крестами и святою водой, и народъ—съ хлѣбомъ солью. Тысячи хлопковъ выгоняются ежедневно, чтобы чинить и сглаживать дорогу, мостить мосты и укрѣплять плотины.—Хорошо, говорилъ на это маршалокъ:—мой Янъ уже знаетъ, какъ распорядиться;—все въ порядкѣ, такъ и должно быть.

Отъ 19 апрѣля писалъ ксендзь Шамота, что въ этотъ день прилась пасха по русскому календарю: путешественники достигли Вязьмы. Воевода поѣхалъ скорѣе, а дочь, со всѣмъ поѣздомъ осталась еще въ дорогѣ. Выслушавъ это извѣстіе, панъ Бучинскій одобрительно кивнулъ головой и сказалъ:—Хорошо; пусть воевода встрѣтитъ царскую невѣсту;—мой Янъ все обдумалъ и знаетъ, какъ распорядиться.

Отъ 3ѵ апрѣля, жена воеводы получила письмо отъ самаго Мнишка изъ Москвы. Онъ увѣдомлялъ, что остался очень доволенъ встрѣчей, прпготовленной ему царемъ Димитріемъ Ивановичемъ: весь путь до дворца уставленъ былъ въ два ряда стрѣльцами въ парадныхъ кафтанахъ; построено было нѣсколько триумфальныхъ арокъ; у всего дворца уставлены были въ два ряда дворяне и дѣти боярскіе, и тутъ-же, рота

милыхъ земляковъ, подъ начальствомъ пана Домарацкаго. Далѣе, воевода описывалъ парадный пріемъ у царя, его пышный, весь изъ жемчуга и драгоценныхъ камней нарядъ, описывалъ тронъ и все, что его окружало.—Сынъ моего маршалка, Янъ Бучинскій, человекъ очень важный въ Москвѣ. Порадуй этимъ старика..—Здѣшній обычай требуетъ, чтобы цѣловать царскую руку. Сначала я, потомъ, мой братъ, мой сынъ и князь Константинъ Вишневецкій были допущены къ рукѣ... Добрая пани Мнишекъ потребовала къ себѣ маршалка, пригласила его сѣсть, и велѣла своему секретарю еще разъ прочесть письмо вслухъ. Панъ Бучинскій, выслушавъ его съ добродушной и снисходительной улыбкой, сказалъ: —Хорошо. Пусть только воевода во всемъ слушается моего Яна. Онъ уже знаетъ, какъ распорядиться;—и устроить все къ лучшему.

Отъ 2 мая, ксендзъ Шамота писалъ съ негодованіемъ, что Марина была весьма торжественно встрѣчена, но привезена прямо въ Кремль въ русскій Вознесенскій монастырь, гдѣ жила мать Димитрія, будущая свекровь ея.—Много настойчиваго, непрерывнаго, упорнаго и продолжительнаго труда придется намъ положить, чтобы передѣлать все это: но покажѣсть, пришлось согласиться, и видѣть, хотя съ сокрушеніемъ сердечнымъ, католическую дѣвицу въ русскомъ монастырѣ. Старый маршалокъ снисходительно улыбался на все это, и замѣтилъ:—Ничего, это такъ надо. Мой Янъ знаетъ, какъ надо устроить...

Черезъ недѣлю послѣ того, прискакали въ Саборъ особый гонецъ Пшепендовскій; вручилъ по письму пани Мнишекъ, старому маршалку и ксендзу Помасскому, перекусилъ, выпилъ и, перемѣнивъ лошадей, поскакалъ дальше въ Краковъ,

съ депешею къ королю. Письма были отъ 9 мая. Увѣдомляли, что наканунѣ, восьмага числа, Марина была каронована: патриархъ возложилъ на нее, съ обычными церемоніями, крестъ, потомъ бармы, діадему и наконецъ корону и цѣпь Мономаха. Послѣ того, всѣ находившіеся въ храмѣ, поздравляли царицу; за тѣмъ, отслужена была обѣдня, царь и царица приобщились Святыхъ Таинъ, и тотчасъ по окончаніи обѣдни, совершилось брачное вѣнчаніе. Узнавъ всѣ подробности торжествъ, панъ Бучинскій нашолъ, что Янъ распорядился хорошо, какъ всегда; когда ксендзъ Помасскій сѣтовалъ, что царицу попы заставили приобщиться святыхъ таинъ по русскому обряду, прикладываясь къ образамъ, старый маршалокъ снисходительно улыбаясь, говорилъ:— Будьте покойны; значить такъ и надо, если Янъ такъ устроилъ.

Прошла еще одна недѣля. Откуда-то взялся слухъ, что въ Москвѣ не ладно. Ксендзъ Помасскій услышалъ объ этомъ отъ жидовки, торговавшей рыбой. Жидовка рассказывала, что на девятый день послѣ свадьбы, царя Димитрія убили, а поляковъ всѣхъ перерѣзали. Ксендзъ по опыту зналъ, что подобные слухи, взявшіеся неизвестно откуда, опережающіе самыхъ быстрыхъ гонцовъ, подтверждаются иногда въ величайшей точности. Озабоченный и напуганный, ксендзъ пошелъ къ маршалку, и рассказалъ ему, что слышалъ. Панъ Бучинскій, выслушавъ новое извѣстіе, очень благосклонно сказалъ-было:— Хорошо; мой Янекъ уже знаетъ... но тотчасъ спохватился, какъ будто проснулся, и вскричалъ:— Какъ? Что? Всѣхъ нашихъ избили? Что такое говоритъ панъ ксендзъ?...

И полнѣйшее спокойствіе бѣднаго старика исчезло, уступивъ мѣсто крайнему испугу. Онъ началъ съ того, что по-

слава за паномъ Пшепендовскимъ, только что вернувшимся изъ Кракова и ожидавшимъ писемъ въ Москву. Не успѣвшій отдохнуть отъ быстрой скачки и дальней дороги, шляхтичъ явился на зовъ и, съ обычною важностью разувѣрялъ маршала.—Я оставилъ Москву девятаго числа, говорилъ онъ, придавая себѣ нѣкоторую важность,—среди блестящихъ торжествъ. Весь городъ лиговаль. Готовился въ Кремлѣ большой пиръ. Всѣ знатнѣйшіе бояре: Мстиславскіе, Шуйскіе, Нагіе, Басмановы, Телятевскіе, Кашины, Морозовы, Щербатовы, Салтыковы, Голицыны съѣзжались во дворецъ съ поздравленіями. Всѣ эти важные люди съ покорностью и съ тысячами поклоновъ давали дорогу нашимъ воеводѣ Сендомірскому, князю Вишневецкому, Стадницкимъ и Тарламъ. Никогда я не повѣрю, будто какое нибудь несчастье могло случиться съ нашими и съ нашимъ царемъ. Да и что можетъ случиться? Панна Марина не только супруга московскаго царя, она сама коронованная московская царица, коронованная и помазанная царица миромъ,—замѣйте это,—прежде нежели совершился обрядъ бракосочетанія! Въ случаѣ смерти царя, она все таки остается царицей, и разумѣется, не дастъ въ обиду своихъ. А эту задобу, что распускаетъ глупые слухи, надо-бы, знаете по московски, или какъ дѣлывалъ царь Борисъ: выколоть ей одинъ глазъ, да вырѣзать языкъ. Повѣрьте, перестанетъ рассказывать пустяки....

Маршалокъ, повѣривъ пану Пшепендовскому, успокоился и отпустилъ его. Но тотчасъ-же опять имъ овладѣло безпокойство: Мало-ли перемянъ могло произойти съ тѣхъ поръ,

какъ шляхтичь оставилъ Москву? Съ его отъѣзда прошло много времени. Бучинскій опять послалъ за Пшепендовскимъ и велѣлъ ему, какъ можно скорѣе взять лошадей, и скакать очертя голову во Львовъ, прямо въ іезуитскую коллегію. Тамъ разузнать все обстоятельно, зайти также въ православный Онуфріевскій братскій монастырь, поговорить съ монахами и, не отдыхая, спѣшить обратно.—Разстояние всего десять нѣмецкихъ миль или семьдесятъ верстъ: успѣешь передъ вечеромъ, вернуться. Живѣе, живѣе, мой любимый: чтобы черезъ четверть часа тебя не было въ Самборѣ.

— Повѣрьте, достопочтенный панъ Маршалокъ, началъ было панъ Пшепендовскій, собиравшійся вполтнуну выпастьяся,—что, никакой опасности нѣтъ...

— Чтобы духу твоего здѣсь не было!—вскричалъ панъ Бучинскій, и сердито топнулъ ногой. Черезъ полчаса пароконная телѣга съ паномъ Пшепендовскимъ, подпрыгивая на мосту чрезъ оврагъ, ѣхала уже во Львовъ за справками, и шляхетный гонецъ началъ клевать носомъ.

Весь этотъ день, Бучинскій не могъ успокоиться: раза три заходилъ къ ксендзу Помасскому, но ничего не узнавалъ новаго. Два раза присылала за нимъ пани Мвишекъ, до которой черезъ дѣвичью тоже дошли смутныя, но страшныя слухи, конечно съ прибавленіемъ,—но бѣдный старикъ ничего не могъ сообщить утѣшительнаго. Въ этотъ день онъ постарѣлъ на десять лѣтъ, осунулся, и робко поглядывалъ по сторонамъ и все къ чему-то прислушивался, какъ будто и его собирались убить московскіе люди. Ночью, нѣсколько разъ выходилъ онъ на крыльцо и слушалъ, не стучить ли телѣга львовскаго гонца, хотя по расчету времени онъ

едва могъ успѣть до Львова. Но ясная, майская, теплая ночь торжественно молчала, и старый маршалокъ стоялъ долго, прислушиваясь къ тишинѣ. Едва только начался день, какъ Бучинскій сталъ съ нетерпѣнїемъ дожидаться вечера: ходилъ изъ угла въ уголь, бродилъ по двору, ходилъ и за Самборъ по львовской дорогѣ, навстрѣчу своему гонцу, и возвращался въ тупомъ отчаянїи, со всеми признаками сильнаго утомленїя. Но не отдохнувъ и пяти минутъ, онъ опять вскакивалъ и посылалъ кого нибудь изъ дворовыхъ на колокольню костела караулить приближеніе Пшепендовскаго, или пригазывалъ ѣхать ему навстрѣчу и торопить... Пана Мнишекъ нѣсколько разъ прислала строжайшїй приказъ, чтобы гонецъ, не теряя ни минуты, явился тотчасъ къ ней, только что вернется изъ Львова..

День жаркїй и сухой тянулся съ усажающею медлительностью. Въ началѣ ночи панъ Бучинскій, истомленный бѣготней и смертельнымъ безпокойствомъ, выйдя на крыльцо послушать не ѣдетъ-ли гонецъ, сѣлъ на ступенькѣ, приклонивъ голову къ периламъ, и крѣпко заснулъ. Его пробужденїе было ужасно.

Люди стоятъ на крыльцѣ съ фонарями. Панъ Пшепендовскій съ одной стороны, а ксендзъ Помасскїй съ другой, поддерживаютъ подъ руки какое-то страшное подобіе бывшаго царскаго секретаря, красавца Яна. Поднимаясь на пятую ступеньку, бѣднякъ запыхался такъ, какъ будто вѣзалъ на высокую гору. Онъ прїостановился, забашлялся, тупо посматривая на свѣчу въ фонаряхъ, и, яркая кровавая полоса показалась у него на губахъ и на красивой бородкѣ. Бѣдный старикъ застоналъ, какъ въ тяжеломъ снѣ; вскочилъ,

и едва не упалъ съ крыльца. Янъ узналъ отца, горько улыбнулся ему, хотѣлъ что-то сказать, но опять закашлялся. Двое слугъ подхватили его, внесли въ спальню маршалка, и уложили на постель. Больной, сжимая руку отца въ своей испуганной и запыленной рукѣ, тотчасъ впалъ въ забытѣе. Отецъ едва узнавалъ милыя, дорогія черты, обезображенныя болѣзнью; нѣсколько времени смотрѣлъ на нихъ, потомъ оставилъ сына и перешолъ въ свой кабинетъ, гдѣ панъ Пшепендовскій собирался рассказывать ксендзу, какъ что было въ Москвѣ. Но ротъ его былъ наполненъ закуской; такъ что онъ могъ только показать маршалку на свои губы, и какъ-то промычалъ, что онъ два дня не ѣлъ. Маршалокъ опять прошелъ къ сыну, постоялъ возлѣ него, потомъ, опять вернулся въ кабинетъ, снова навѣдался къ больному, и наконецъ услышалъ повѣствованіе пана Пшепендовскаго:

— Въ іезуитской коллегіи все уже извѣстно, и мнѣ все рассказали. Выхожу отъ іезуитовъ и прямо иду на постоянный дворъ, чтобы взять свѣжихъ лошадей, а тамъ панъ Бучинскій: сидитъ въ телѣгѣ и торопитъ лошадей. На немъ лица не было, и я съ трудомъ его узналъ. Сѣлъ съ нимъ, и поѣхалъ. Ну, очень скоро ѣхать было нельзя, потому что больной видимо слабѣлъ, а тряская дорога жестоко утомляла его. Однако рассказалъ онъ мнѣ все, что видѣлъ. Я готовъ вамъ пересказать, только меня жажда мучитъ ужасная..

— Что онъ видѣлъ, это вздоръ! вскричалъ маршалокъ, — а чѣмъ онъ боленъ? Что онъ, раненъ, что-ли? Да говори ты дьяволь!

Въ это время ксендзъ Помасскій, подойдя къ шкафу, налилъ изъ огромной бутылки стаканъ вина и подалъ его гонцу.

— Ну, вотъ и прекрасно! сказалъ панъ Пшепендовскій— Это онъ расшибся: выпрыгнуть изъ окна вслѣдъ за Дмитріемъ, и разбилъ себѣ грудь. Это ничего; это пройдетъ, не беспокойтесь. Я ужъ ручаюсь вамъ, что пройдетъ. Дѣло было вотъ какъ: Дмитрій былъ ужасно самонадѣянъ и до- вѣрчивъ. Ему не рѣдко говорили, что готовится противъ него какой-то заговоръ; только онъ ничего не хотѣлъ слу- шать. А потомъ, когда нашихъ наѣхало слишкомъ много, разумѣется вооруженныхъ, то москвичи стали бояться и роптать. Пиръ и веселье послѣ свадьбы тянулись цѣлую недѣлю: вся Москва пировала. Но панъ Бучинскій замѣчалъ уже, что много является и угрюмыхъ, и недовольныхъ лицъ. Особенно, кажется сердились они на польскую музыку, играв- шую возлѣ соборовъ. Какъ-бы тамъ ни было, только семнад- цатаго числа въ субботу, рано по утру, раздался во всѣхъ московскихъ церквахъ набатъ. Панъ Бучинскій услышалъ и проснулся. Проснулся также и Басмановъ, царскій люби- мецъ. Они собрались будить царя; но тотъ, самъ вышелъ и послалъ Басманова узнать въ чемъ дѣло. А бѣшенная тол- па съ оружіемъ уже овружала дворецъ. Басмановъ высунул- ся въ окно. Ему закричали:—отдай намъ своего Гришку Отрепьева!— Въ караулѣ оставалось только тридцать але- барщиковъ, такъ что нельзя было помышлять о защитѣ. Пришлось спасаться. Басмановъ попробовалъ уговорить тол- пу, но его тотчасъ убили. Тогда панъ Бучинскій, по раз- нымъ переходамъ, проводилъ царя подальше, въ такую ком- нату, откуда видны были стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ. Легко было выпрыгнуть въ окно на лѣса, приставленные къ стѣнамъ для иллюминаціи, и по нимъ спуститься въ дру- гую сторону отъ толпы. Дмитрій прыгнулъ, но оборвался

съ лѣсовъ, упалъ на мостовую, разбилъ себѣ голову, свихнулъ ногу и потерялъ чувства. Панъ Бучинскій тоже спрыгнулъ, тоже разбилъ себѣ грудь, но съ горяча, вскочилъ и побѣждалъ звать стрѣльцовъ на помощь. Возвращается, а Димитрія уже нашли, отнесли и положили на фундаментъ разломаннаго Борисова дворца, и болѣе десяти тысячъ народу окружали его. Ни пробиться къ царю, ни заставить себя выслушать, не было ни какой возможности. Среди вопля толпы, едва послышался ружейный выстрѣлъ. Потомъ опять что-то кричали, и черезъ часъ, покрытый ранами, обезображенный трупъ, народъ уже тащилъ по землѣ, привязавъ за ноги веревку, изъ Кремля, на Красную площадь. Тамъ положили его на маленькій столикъ, положили возлѣ него волюнку, а въ ротъ воткнули дудку. Эта насмѣшка означала, что его считаютъ скоморохомъ. Подъ столомъ, на землѣ, лежалъ также обезображенный трупъ Басманова... Въ то же время по всей Москвѣ шла жесточайшая рѣзня поляковъ. Сколько ихъ избито, сказать трудно; но воевода остался живъ. Его посадилъ въ тюрьму, вмѣстѣ съ дочерью. Отцы іезуиты тоже уцѣлѣли. Когда народъ вломился въ ворота занимаемаго ими дома, они сняли со стѣнъ московскіе образа, приложили ихъ къ груди и выступили противъ мужиковъ. У послѣднихъ, конечно, опустились руки. Посланники Олесницкій и Гонсѣвскій тоже уцѣлѣли. Посольскаго двора москвичи вовсе не трогали, и пропускали всякаго, кто называлъ себя посольскимъ человѣкомъ. Изъ придворныхъ дамъ многія спаслись.

Въ это время, въ сосѣдней комнатѣ послышался страшный стонъ и потомъ, крикъ по русски:—Ради Бога, спасите же своего царя!—Больной въ то же время проснулся и опять

закашлялся. Маршалокъ и ксендзъ Помасскій бросились къ Яну. Нѣсколько знакомый съ нехитрою медицинскою наукой того времени, ксендзъ отлично умѣлъ пособить больному. По-немногу успокоился онъ, и опять заснулъ на высоко подложенныхъ подушкахъ, почти въ сидячемъ положеніи. Гонецъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы еще нѣсколько подбѣлнить свои силы колбасами, и такъ какъ дорога въ шеафъ была уже ему знакома, то онъ успѣшилъ налить себѣ еще стаканъ вина.

— Какъ же успѣлъ уѣхать мой Янъ изъ этаго ада? — спросилъ маршалокъ, выходя на цыпочкахъ отъ сына.

— У него уже готовъ былъ пакетъ на имя короля польскаго и грамота для гонца. Издали простившись съ своимъ бывшимъ царемъ и другомъ, онъ пошелъ въ ямскую слободу, взялъ лошадей и поскакалъ сюда подъ именемъ гонца. Его умѣнье чисто говорить порусски, его борода, а въ особенности, страхъ московскихъ людей передъ всякою грамотой съ печатью, помогли благополучно выбраться и, не встрѣчая нигдѣ задержки, мчатся день и ночь безъ отдыха. Ну и усталъ, конечно, и исхудалъ. Только вы не бойтесь, это у него сейчасъ пройдетъ. Выспится хорошенько, и проснется здоровый. Въ этомъ я вамъ ручаюсь, — а Пшепендовскій, завѣряю васъ, кое-что понимаетъ...

Къ полудни, Янъ проснулся. Онъ чувствовалъ, что боль въ груди почти совсѣмъ прошла, кашель его не очень мучалъ. Но одышка не покидала его, и крайняя слабость какъ будто приговывала его къ подушкѣ. Глаза его лишь только раскрылись, прямо остановясь на ксендзѣ Помасскомъ, шопотомъ читавшемъ молитвы.

— А гдѣ отецъ? спросилъ больной.

— Здѣсь, здѣсь, мой Янекъ любимый! отозвался маршалогеъ, сжимая руку сына.—Какъ же ты себя чувствуешь, мой мальчикъ?

— Гораздо лучше. Я, какъ будто, отдохнулъ... Долго я спалъ? Скажи. Полдня? Правда?

— Полдня, мой милый! И какъ же я счастливъ, что ты успѣлъ ускользнуть изъ этаго ада.

— Да, это было похоже на адъ! сказала Янь.—Возмутившаяся чернь, терзающая группъ своего благодѣтеля,— это хуже сатанинской оргіи. А причина всего этаго—наша безтолковость. Наѣхали, шумять, скачуть по улицамъ, стрѣляютъ изъ ружей, похваляются, затѣваютъ ссоры и храбро защищаются пистолетами, саблями и кошками отъ безоружныхъ мужиковъ. Народъ и раздражился, добрый, кроткій, терпѣливый, великодушный народъ, выносившій безропотно даже Ивана Грознаго...

— Не очень-то кротогеъ, видно, этотъ народъ,—замѣтилъ съ кротостью ксендзъ,—когда рѣшился на такое страшное злодѣяніе.

— Вздоръ, сказала, съ трудомъ переводя духъ Янь.—Народъ былъ обманутъ; Шуйскій увѣрилъ народъ, будто поляки хотятъ извести царя. Народъ бросился его защищать. Но слѣпая, темная толпа сама не знаетъ чего хочетъ, и собравшись кучей, слушается какаго нибудь десятка подстрекателей. И этаго десятка не вашоль-бы Шуйскій, еслибы только знали мѣру и захотѣли съ любовью, а не съ нахальствомъ и насиліемъ обратиться къ русскимъ людямъ. Ну и не надо! Сами погубили свое дѣло, и сколько сотъ человекъ заплатили жизнью за то, что вотъ эти слишкомъ торопились торжествовать...

— Кто вотъ эти? спросилъ старикъ, съ испугомъ, думая будто сынъ его начинать бредить.

— Иезуиты,—отвѣчалъ Янъ, показывая глазами на ксендза.—Цѣлый народъ вздумали разомъ обратить въ свою вѣру, надуждали въ уши Дмитрію, сбили его съ прямого пути, погубили свое-же собственное дѣло, и многія сотни своихъ соотечественниковъ, а сами подъ конецъ спрятались за московскіе образа... Безмозглые...

Онъ дышалъ все труднѣе, говорилъ все съ большими разстановками, и глаза его понемногу закрывались.

— Сынъ мой! заговорилъ ксендзъ Помасскій: — наступаетъ минута, важнѣйшая для cadaго изъ насъ...

— Отецъ!—крикнулъ изъ всей силы больной.

— Что, мой милый, мое сокровище?

— Уведи ксендза!—сказалъ громко Янъ, какимъ-то неестественнымъ голосомъ.

— Но, милый мой! Наступаетъ минута, важнѣйшая..

— Дай мнѣ спокойно умереть!—простоналъ опять больной.

Старикъ вызвалъ ксендза въ другую комнату, чтобы нѣсколько успокоить волненіе сына, и тотчасъ опять вернулся въ нему.

— Помнишь отецъ, сказалъ Янъ слабѣющимъ голосомъ:—ты меня спрашивалъ: какой я вѣры, и не кальвинистъ-ли я?.. Знаю, что наступаетъ важнѣйшая минута... Утѣшь-же меня... Но не пугайся... и не бойся ты этотъ разъ иезуита... Пошли... знаешь за кѣмъ?... Проси... отца Герасима!...

Черезъ часъ, отецъ Герасимъ, съ запасными дарами, торопливо, но съ достоинствомъ, вошелъ въ комнату умираю-

щаго. Проходя черезъ кабинетъ, гдѣ сидѣлъ всендзъ Помаскій, до самаго появленія священника не знавшій, что за нимъ посланъ экипажъ, отецъ Герасимъ скромно потушилъ взоръ и прошепталъ:— Да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази его!..

Долгое время всендзъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія. Но потомъ, когда въ сосѣдней комнатѣ шопотъ исповѣди кончился и послышалась ясно и торжественно произносимая напутственная молитва, онъ вскочилъ, нахлобучилъ шляпу и, скорыми шагами идя къ своему дому, говорилъ:

— Какое-же это, однако, сверное предзнаменованіе!..

— Янъ или Иванъ Бучинскій спокойно умеръ, напутствуемый молитвами отца Герасима. По его просьбѣ, священникъ долго послѣ того служилъ панихиды, поминая рабовъ Божіихъ Димитрія и Ивана.

Воевода сендомирскій болѣе двухъ лѣтъ высидѣлъ въ московскомъ плѣну, а его дочь еще восемь лѣтъ содѣйствовала смутамъ въ московской землѣ.

Кто былъ самозванецъ? Этого исторія не знаетъ.

А. Разинъ.

Конецъ.

Охота на Гориллу.

Урбисинто.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

или

ЗАГАДОЧНОЕ СЕМЕЙСТВО ЛѢСОВИКОВЪ НА РѢКѢ ГАБУНѢ.

*(Изъ новѣйшихъ путешествій по западнымъ берегамъ Африки
г. Вагнера).*

Между людьми было всегда много загадочныхъ личностей и неправдоподобныхъ знаменитостей, которые въ продолженіи десятковъ лѣтъ, иногда даже и нѣсколькихъ столѣтій, возбуждали всеобщее любопытство. Точно также и въ животномъ мірѣ, и между деревьями, цвѣтами, камнями и водами было много не вполне разгаданныхъ знаменитостей. Участь ихъ очень похожа на участь людскихъ знаменитостей: часто, значеніе ихъ кратковременно, и извѣстность ихъ продолжается на столько, на сколько они возбуждаютъ любознательность, или особенный интересъ. Часто даже возбуждали всеобщее вниманіе отдѣльные явленія, какъ напримѣръ, граціозно и ловко пляшущая обезьяна, или слонъ Г-на Моффатъ, или даже путешествующее общество бѣлыхъ мышей, или блохъ везущихъ карету. Но весьма рѣдко относилось это понятіе о знаменитости къ цѣлой семейной группѣ. Если же съ этимъ понятіемъ соединена еще какая нибудь учевая мысль, или не разрѣшенный во-

прось, то въ такомъ случаѣ, даже какая нибудь, доселѣ неизвѣстная, обезьяна можетъ легко взволновать не только ученѣйшихъ мужей, но даже и ученѣйшія общества. Такъ это и было, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, названіе знаменитой породы обезьянъ произвело общее волненіе. И такъ, какъ этотъ африканскій лѣсовикъ и до сихъ поръ еще возбуждаетъ общій интресъ, то его никакъ нельзя причислить къ кратковременнымъ, и скоро прѣходящимъ знаменитостямъ, и онъ все еще продолжаетъ слыть «темнымъ, неразгаданнымъ царемъ» многочисленныхъ породъ животной семьи, распространенныхъ въ многихъ частяхъ свѣта.

Конечно, многіе ученые мужи долго не вѣрили въ существованіе этаго царя лѣсовиковъ. Нѣкоторые изъ этихъ невѣрующихъ утверждали даже: знаменитая обезьяна — исполинъ, живетъ только въ воображеніи и въ мозгу одного вѣтрянаго Француза, послѣдняго ея «изобрѣтателя». Съ тѣхъ поръ однако, когда привезенные скелеты подтвердили большую часть показаній храбраго путешественника, открывшаго *гориллы*, и когда страшная и выразительная фигура этаго лѣсовика изображена во всѣхъ новѣйшихъ сочиненіяхъ о жизни животныхъ, то нельзя болѣе сомнѣваться въ дѣйствительномъ существованіи гориллы, и уже конечно, слѣдуетъ допустить, что могучій представитель своей породы утвердить за собой то высокое положеніе, которое онъ, по всей справедливости, занялъ въ нашихъ книгахъ, и которое онъ уже фактически занимаетъ въ свой родинѣ, лежащей между 10 и 15° южной широты. Въ Европѣ горилла стала извѣстна только въ послѣднее время. Объ ней упоминаетъ однако, за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, Кароагенянинъ Ганнонъ въ описаніи своего плаванія по западнымъ берегамъ

Африки, гдѣ онъ говоритъ: «Пройдя Огненные потоки (пройдя Сьерра Леоне) мы прибыли на третій день въ заливъ, названный Южнымъ Рогомъ; въ глубинѣ его находится островъ съ озеромъ, гдѣ жили дикіе люди. Большая часть ихъ были женщины, обросшія волосами: толмачи называли ихъ гориллами. Самцовъ намъ не удалось поймать: они перелѣзали чрезъ пропасти и защищались обломками скаль... Мы настигли трехъ самокъ, но не могли ихъ увезти съ собою, такъ онѣ кусались и царапались; мы должны были ихъ убить; но мы сняли съ нихъ шкуры, которыя отослали въ Каррагенъ». Въ наше время, путешественникъ Бодвичъ (1819) первый упоминаетъ объ этой обезьянѣ, называя ее Нггна. Послѣ него, другіе путешественники называли ее то Энгена, то Инге-ена, то опять Нггна, или даже Джина, названія, которыя почти всѣ совпадаютъ съ именемъ Нггна, которымъ эта обезьяна дѣйствительно названа у племени негровъ Мпонги. Первый черепъ гориллы, присланный въ 1847 году докторомъ Вильсономъ въ Бостонъ, подтвердилъ существованіе этой породы обезьянъ въ западной Африкѣ. Въ томъ же самомъ году, другой путешественникъ Севэджъ досталъ чрезъ одного невольника на рѣкѣ Габунѣ двѣ кожи гориллы, изъ которыхъ одна попала въ Парижскій Музей, а другая—въ Вѣнскій. Въ 1859 г. присланъ былъ для изслѣдованія профессору Овену, въ бочкѣ съ ромомъ, цѣлый трупъ гориллы. Къ несчастію, спиртъ дорогой вытекъ, и животное пришло въ совершенное тлѣніе. Несмотря на это, Овенъ все таки взялся сложить его скелетъ; щадя чувствительные носы своихъ сосѣдей, онъ исполнилъ эту ужасную работу въ уединенномъ и отдаленномъ мѣстѣ.

Ежели мы вполнѣ повѣримъ описаніямъ путешественника де Шаллю, который послѣдній открылъ гориллу; то его настойчивыя изслѣдованія о дѣйствительномъ существованіи царскаго лѣсовика можно считать геройскимъ подвигомъ. И самъ де Шаллю смотритъ на это разъясненіе образа жизни гориллы, какъ на величайшій подвиги своей долѣтней охотничей жизни въ экваторіальныхъ странахъ западной Африки, гдѣ ему удалось открыть еще роды другихъ Африканскихъ обезьянъ, схожихъ съ гориллой. Шимпанзе Ншіэго—Мбуве (лѣсовикъ плѣшивый) и Кулу—Камба. Сынъ владѣльца торговой факторіи (купеческой конторы) на берегахъ Габуна, де-Шаллю уже съ молодости привыкъ къ убійственному климату западно-африканскихъ полосъ, и освоился съ языкомъ и нравами туземцевъ. Такъ подготовленный, молодой купецъ предпринималъ неоднократно путешествія къ рѣкамъ Габунъ и Мунда, а въ послѣдствіи, щедро поощряемый, и поддерживаемый Филадельфійской Академіей, онъ пускался на болѣе отдаленныя розысканія по обѣимъ сторонамъ экватора. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ подробно рассказываетъ, сколько трудовъ и стараній ему стоило, чтобы изучить нравы и образъ жизни гориллы, и какъ и гдѣ онъ убилъ первый экземпляръ этого животнаго.

Это было при его переходѣ чрезъ Сьерру дель Кристаль; подойдя къ чащѣ сахарнаго тростника онъ наткнулся на первые слѣды гориллы. Въ этой дикой мѣстности нашелъ онъ оборванные и смятыя вѣтви этого тростника, и его спутники съ ужасомъ закричали:—Нгуйла! слово, которымъ они на своемъ языкѣ называютъ гориллу. Слѣдую дальше за

этими примѣтами, они скоро нашли на мягкомъ грунтѣ ясные слѣды ногъ. Послѣ долгаго исканія, де Шаллю наткнулся наконецъ на четырехъ молодыхъ гориллъ, спрятанныхъ за опрокинутымъ стволомъ. Они поспѣшно бросились черезъ обломки скаль и черезъ кустарники, издавая звуки, похожія на человѣческія, такъ, что нашему путешественнику даже какъ то страшно стало, когда онъ по нему выстрѣлилъ.

Много писали про этаго исполинскаго лѣсовика; много басенъ рассказано про него. Долго думали, что онъ пробѣгаетъ обитаемую имъ страну, какъ человѣкъ въ прямомъ положеніи. Но теперь убѣдились, что гориллы ходятъ загъ и всѣ обезьяны, на четверенгахъ, оставляя за собой замѣчательные слѣды; пальцы ногъ, исключая большаго пальца и пятки, не оставляютъ вовсе слѣда; пальцы же рукъ оставляютъ отпечатокъ хотя не совсѣмъ ясный. При быстромъ бѣгѣ онъ заноситъ ноги далеко впередъ, и ходитъ всегда впоходью, переваливаясь со стороны на сторону. Горилла можетъ ходить на однѣхъ только заднихъ оконечностяхъ гораздо скорѣе и дальше, чѣмъ Шимпанзе; когда онъ стоитъ, колѣни его сгибаются. Большая голова почти безъ шеи сидитъ на широкихъ плечахъ, грудь и передніе члены показываютъ необыкновенное мышечное развитіе.

Дю Шаллю рассказываетъ, какое пріятное зрѣлище представляетъ мать со своими дѣтенышами, играющими въ лѣсу, или на возвышенности, усѣянной обломками скаль, такъ что, не смотря на его желаніе добыть гориллу, онъ не могъ рѣшиться разрушить такое счастье. Кромѣ того, мѣткій выстрѣлъ въ такомъ случаѣ чрезвычайно труденъ, потому что

самка и ея дѣтеныши, живущіе въ небольшихъ обществахъ, (отъ трехъ до пяти штукъ), почуя опасность, пускаются тотчасъ бѣжать, и тогда, весьма трудно слѣдовать за ними. Молодые гориллы, черны какъ уголь; дѣтеныши же другихъ съ ними схожихъ породъ, окрашены свѣтлѣе. Молодой Шимпанзе желтый; а молодой Ншиго - Мбуве свѣто бѣлаго цвѣта. Во время своего пребыванія въ странахъ экватора, нашъ путешественникъ получилъ отъ своихъ африканскихъ друзей молодого, живаго гориллу. Обезьяна эта была двухъ или трехъ лѣтъ отъ роду, въ два съ половиной фута величны. Дю Шаллю дѣлалъ все возможное, чтобы ее приручить; онъ доставалъ ей любимую пищу: дикіе ягоды и листья, которыми горилла исключительно питается въ лѣсу; — но все его старанія оказались тщетны. Горилла царапалъ и кусалъ руку его же кормившую, и при первомъ удобномъ случаѣ, дѣлалъ серьезную попытку убѣжать. Дю-Шаллю долженъ былъ призывать нѣсколькихъ молодыхъ, сильныхъ негровъ, чтобы держать животное, которое тутъ же одного изъ нихъ жестоко укусило. Когда гориллу посадили въ клетку, изъ которой онъ дважды убѣгалъ, онъ умерлъ скоропостижно. А дней чрезъ десять послѣ этаго, другая самка гориллы, пойманная Дю-Шаллю въ странѣ Кампа, оказалась гораздо добродушнѣе. Но она тоже вскорѣ умерла отъ недостатка свойственной ей пищи, которую нельзя было ему достать. Господинъ Уокеръ, живущій уже лѣтъ пятнадцать у Габуна, доноситъ, что въ его факторіи, жила въ продолженіи четырехъ мѣсяцовъ, самка гориллы, совершенно ручная, и даже была очень ласкова. — Обезьяна эта, говоритъ Уокеръ, — была любезнѣе многихъ дѣтей негровъ, и отлично знала свою вличку: Серафима. Се-

рафима сопровождала даже своего сторожа, когда онъ по дѣламъ уходилъ въ городъ или въ его окрестности. Ея довѣріе и привязанность были одинаковы, и ко мнѣ, и къ другимъ моимъ помощникамъ; она только не любила присутствіе дѣтей, питая къ нимъ тоже отвращеніе, какъ и почти всѣ большіе породы обезьянъ. Серафиму очень рѣдко привязывали, и то слабой веревкой, которую она легко могла перекусить или разорвать. Она даже позволяла надѣвать на себя платье, и повидимому ей это очень нравилось. Она часто завтракала съ нами, и очень осторожно обращалась со ставками и другой посудой. Умерла же она отъ кроваваго поносу. Дю-Шаллю долго и напрасно искалъ гориллу въ лѣсахъ земли Фанъ; наконецъ ему посчастливилось напасть на его вѣрные слѣды. Отправляясь на охоту, товарищи Дю-Шаллю стали серьезно и торжественно готовить себя: Они царапали себѣ руки, натирали раны какимъ то чудеснымъ порошкомъ, чтобы получить вѣрную руку и мѣткій выстрѣлъ. Дю Шаллю не измѣнилъ свой обыкновенный синій охотничій нарядъ, но лицо свое вымазалъ углемъ, чтобы не возбудить особеннаго вниманія обезьянъ. Всѣ очень тщательно зарядили свои ружья, и пустились по слѣдамъ гориллы. Пока дю Шаллю, со своими товарищами, осторожно пробирался въ чащѣ лѣса, онъ ясно слышалъ трескъ производимый этимъ животнымъ отъ лома вѣтвей. Горилла держится преимущественно на землѣ, исчетъ ягоды тамъ растущія, или поѣдаетъ листья нѣкоторыхъ растений, на прим. листья дикаго ананаса. По этому, гориллу можно часто встрѣтить въ землѣ Кампа, недалеко отъ морскаго берега, гдѣ цѣлыя пространства покрыты кустарниками

двигихъ апанасовъ. Иногда онъ влѣзаетъ и на деревья, чтобы собрать плоды. Со своими чудовищными клыками, которые были бы нужнѣе хищному звѣрю, онъ разгрызаетъ скорлупу такой породы орѣховъ, которая такъ крѣпка, что разбить ее можно только очень сильнымъ ударомъ молота. Эти клыки ему особенно полезны при ломаніи и раскусываніи молодыхъ вѣтвей нѣкоторыхъ деревьевъ, которыхъ соевъ составляетъ его любимое лакомство. Онъ преимущественно отыскиваетъ такія мѣста, гдѣ много плодовъ и листьевъ оливковой пальмы, пряничнаго дерева, банановъ и хлѣбнаго дерева. Эта пища заставляетъ гориллу предпринимать постоянные походы, потому что, при своей величинѣ и обжорливости, онъ весьма скоро истребляетъ запасы ближайшихъ окрестностей. Однако онъ не пренебрегаетъ яйцами и молодыми птицами. Ночью, онъ сивно прислоняется къ дереву, и старшіе самцы спать всегда у подножья дерева или на землѣ, между тѣмъ, какъ самка съ дѣтенышами проводить ночь на верхушкѣ дерева. Особыхъ жилищъ горилла себѣ не устроиваетъ.

Чѣмъ дальше Дю Шаллю проникалъ въ чащу, тѣмъ явственнѣе слышалъ онъ трескъ вѣтвей; и каждый изъ охотниковъ тщательно осматривалъ свое ружье, потому что въ охотѣ на гориллу, опасность также велика, какъ въ борьбѣ съ леопардомъ. Животнаго еще никто не видѣлъ, какъ вдругъ въ лѣсу раздался страшный ревъ, и старый самецъ — горилла, почти шести футъ вышины, явился предъ охотниками на разстояніи 40 футъ. (Длина гориллы отъ макушки до пятокъ состоитъ отъ 5 до 6 футъ; ширина его плечъ 3 фута). Ревъ гориллы начинается ужаснымъ лаемъ, похожимъ на лай огромной раздраженной собаки, и пере-

ходить въ глубокіе раскаты, выходящіе изъ гортани, со звукомъ «кахи, кахи» которые не продолжаются долѣе одной минуты.

Царь африканскихъ лѣсовъ, не выказывая ни малѣйшаго страха предъ своими противниками, выпрямившись, глядѣлъ на нихъ своими сверкающими, сѣрыми глазами, и съ дьявольскимъ выраженіемъ въ лицѣ. Гребень короткихъ волосъ надъ лбомъ, то поднимался, то опускался; онъ оскаливъ свои длинные клыки и могучія челюсти. Царь африканскихъ лѣсовъ явился предъ охотниками, какъ адское видѣніе.

Медленно, и только на нѣсколько шаговъ подвигаясь впередъ, исполинъ этотъ дѣйствительно походилъ на одно изъ тѣхъ отвратительныхъ существъ, полулюдей, полувѣрей, которыхъ древніе живописцы изображали въ картинахъ ада. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, онъ остановился, и снова издалъ свой ужасный вой, и когда, наконецъ приблизился футъ на 18, дю-Шаллювы стрѣлили, и такъ удачно, что мгновенно убили гориллу. У охотниковъ принято за правило подпускать свою дичь на возможно близкое разстояніе, и уже тогда, будучи увѣрены попасть, стрѣляютъ прямо въ его широкую грудь. — Если охотникъ одинъ, говоритъ дю-Шаллю, — то промахъ для него неминуемая смерть. Даже охотясь на бегемота, негру только подстрѣлившаго его, рѣдко удается спастись бѣгствомъ, но съ гориллой, бѣгство немислимо и невозможно. Снова заряжать поздно. — Нападеніе этаго животнаго также быстро, какъ и рѣшительно. Однимъ ударомъ сильной передней руки, свирѣпая обезьяна раздробляетъ черепъ своему противнику, и задни-

ми руками распарываетъ ему животъ, озираая при этомъ свою жертву съ ужаснымъ хладнокровіемъ.

Во время другой охоты на гориллу, дю-Шаллью лишился лучшаго изъ своихъ охотниковъ. Услыхавъ выстрѣлъ, онъ бросился къ тому мѣсту. Тамъ засталъ онъ человѣка плавающего въ крови и съ вырванными внутренностями. Ружье было разбито, дуло раздроблено, и въ желѣзѣ остались слѣды зубовъ обезьяны. Охотникъ наткнулся на сильнаго самца гориллу, выстрѣлилъ въ него, но успѣлъ его только ранить. И въ то время, когда онъ опять хотѣлъ зарядить ружье, звѣрь вырвалъ его изъ рукъ, а самаго ранилъ смертельно.

Самцы гориллъ не боятся борьбы съ человѣкомъ, но идутъ прямо на него. Когда попадетъ пуля въ грудь гориллы, то онъ падаетъ ничкомъ, простирая длинныя руки и испуская съ послѣднимъ вздохомъ хрипѣніе, похожее на стонъ, напоминающій предсмертное хрипѣніе человѣка. Если охотнику случится застигнуть семью гориллъ, то обыкновенно самка, которая нѣсколько слабѣе сложена, и немного меньше, первая почуветъ опасность, и издавъ громкій крикъ, поспѣшно убѣгаетъ. Своихъ дѣтенышей манить она особеннымъ крикомъ.

Такъ какъ горилла живетъ преимущественно на землѣ то у него и нѣтъ такихъ длинныхъ пальцевъ, какъ у настоящихъ обезьянъ, живущихъ на деревьяхъ. Его руки очень велики, но коротки и толсты. Объемъ средняго пальца у нѣкоторыхъ гориллъ убитыхъ дю-Шаллью имѣлъ у перваго члена болѣе шести дюймовъ. Передняя рука была такъ же толста, какъ человѣческое бедро. Вообще рука гориллы такъ же длинна, какъ и широка, и болѣе другихъ обезьянъ приближается къ человѣческой рукѣ. Заднія руки гориллы нѣ-

сколько длиннѣе переднихъ. Кожа гориллы хотя и толще, чѣмъ у другихъ обезьянъ, но все-таки легко прорывается, въ особенности подъ мышками. Шерсть взрослыхъ гориллъ темно-сѣраго цвѣта. Каждый отдѣльный волосъ имѣетъ попеременно сѣрые и черные круги. Старые гориллы сѣдуютъ, и только длинные, косматые волосы у рукъ, остаются черны. Голова покрыта короткими, темно красными волосами, растущими до шеи. Шерсть самокъ красноватаго цвѣта.

Вся голова гориллы очень велика, но за то, черепъ малъ и низокъ. Лицо, сравнительно съ оранъ-утангомъ, гораздо короче, а лобъ поразительно низокъ. Макушка кажется высокой и острой, она вдоль покрыта гребнемъ волосъ, а задняя часть головы имѣетъ поперекъ такой же гребень.

Вокругъ лица растутъ рѣдкіе бакенбарды; брови и рѣсницы рѣдки. Разстояніе между глазами, больше чѣмъ у человѣка. Уши очень похожи на человѣческія, но только поменьше, и на одной высотѣ съ глазами. Носъ выдается больше чѣмъ у другихъ обезьянъ, хотя все-таки кажется плоскимъ. Руки достаютъ до колѣнъ. Нижняя ихъ часть, отъ локтя, до сгиба руки, почти одинакова; но въ самомъ мускулистомъ мѣстѣ, толщина ея показываетъ необыкновенное мышечное развитіе, посредствомъ котораго онъ ломаетъ стволы, имѣющіе 4 дюйма въ діаметрѣ, и гнетъ ружейное дуло.

Животъ гориллы великъ до безобразія, и соотвѣтствуетъ огромному количеству растительной пищи, которую онъ съ разу въ себя вмѣщаетъ. Грудь взрослога самца имѣетъ до 52 дюймовъ въ объемѣ. Спина чучелы гориллы, показываемаго въ Вѣнскомъ зоологическомъ саду, по своей величинѣ почти не уступаетъ спинѣ быка.

Черепъ гориллы посвящается, какъ диковинка, фетишамъ; изъ мозгу дѣлаются два такъ называемые «григра»:—одинъ даетъ его владѣльцу счастье на охотѣ, другой—дѣлаетъ его непобѣдимымъ.

Побѣда надъ гориллою доставляетъ охотнику великую славу на всю жизнь, но даже самые храбрые, не рѣшаются искать подобной славы.

Вспомнивъ страшное впечатлѣнiе, которое горилла производитъ своимъ появленiемъ среди темной чащи лѣсовъ, и ужасную опасность съ которой соединена борьба съ нимъ, не удивительно, что негры создали себѣ множество сказокъ объ этой обезьянѣ. Сидя вечеромъ вокругъ разложеннаго огня, и покуривая свои трубки, негры передаютъ себѣ объ этомъ лѣсовикѣ страшные и чудесные рассказы. — Гориллы, — такъ рассказываютъ черные охотники, — весьма неуживчивыя созданiя; они въ своей области не терпятъ даже слона. Несмотря на его длинный хоботъ и его большiе клыки, они выгоняютъ его дубинами. Съ леопардомъ они тоже обращаются очень безцеремонно, а отсутствiе льва въ лѣсахъ этихъ странъ, объясняется тѣмъ, что гориллы непокорные подданные, которые палками выгоняютъ изъ своихъ лѣсовъ царя звѣрей.

Негры другихъ племенъ, на землѣ которыхъ дю-Шаллю тоже охотился за гориллами, въ видѣ басень, передавали ему свои взгляды и понятiя о правахъ этаго лѣсовика. Одинъ Ашира рассказалъ ему слѣдующую басню:

«Голодный леопардъ вышелъ однажды искать себѣ добычу и, наткнувшись на гориллу, надѣялся изготовить себѣ вкусный ужинъ. Онъ осторожно подползъ, и сдѣлалъ огромный прыжокъ, чтобы его схватить. Но горилла былъ на

сторожѣ схвативъ леопарда во время прыжка за хвостъ, онъ до тѣхъ поръ вертѣлъ его на воздухѣ, что у него оборвался хвостъ. Изуродованный леопардъ, съ жалобнымъ воемъ пошелъ къ своему царю, и жаловался ему на полученную обиду. Царь леопардовъ разгнѣвался, и началъ такъ ужасно кричать, что вокругъ него собрались всѣ леопарды этой страны, и спрашивали о причинѣ такого гнѣва. Леопарды въ совѣтѣ своемъ рѣшили, жестоко отомстить обезьянѣ. Со всѣхъ сторонъ тронулись они на гориллу; но тотъ, отломивъ огромную дубину, размахивалъ ею вокругъ себя съ такою силою, что ни одинъ леопардъ не смѣлъ къ нему подойти. И только, когда его рука онемѣла, враги бросились на него всѣ вдругъ, и разорвали въ куски.

Въ другой разъ, горилла гулялъ въ лѣсу и наткнулся на огромнаго слона, искавшаго себѣ кормъ. — Что ты тутъ дѣлаешь въ моемъ лѣсу? закричалъ горилла; — развѣ ты не знаешь, что здѣсь я царь! — Когда же слонъ не повиновался царственному лѣсовику, то горилла, вырвавъ изъ земли молодое дерево, сталъ имъ бить съ такою силою бѣднаго слона, что тотъ, наконецъ повалился мертвый. На другой день, охотники нашли огромнаго слона, а возлѣ него, дубину царя лѣсовиковъ.

Другой негръ рассказывалъ, — что однажды, цѣлая деревня должна была бороться съ гориллами. Обезьяны безцеремонно собрали всю жатву на поляхъ, гдѣ посѣяны были сахарный тростникъ, и когда мѣстные жители прибѣжали защитить свою собственность отъ разбойниковъ, то они убили однихъ, ранили другихъ; иные спаслись бѣгствомъ, а другіе уведены были плѣнными. Последніе, чрезъ нѣсколько

дней вернулись въ деревню. Гориллы не сдѣлали имъ другого вреда, какъ только оторвали имъ ногти на пальцахъ рукъ и ногъ—вѣроятно для примѣра другимъ.

Тутъ же нашъ путешественникъ узналъ еще, что есть два рода гориллъ, которые рѣзко отличаются другъ отъ друга: Первый родъ — это обыкновенные гориллы, другой же — привидѣнія. Одинъ знакомый негръ ушелъ однажды изъ дому въ лѣсъ, и болѣе не возвращался. Онъ превратился въ гориллу. Европеецъ подумалъ бы, пожалуй, что этотъ негръ сдѣлался добычей леопарда, но у чернаго охотника своя логика.— Онъ превратился въ гориллу, говоритъ негръ,— потому что съ этаго дня такое привидѣние являлось постоянно въ сосѣднемъ лѣсу. Никакое ружье не дѣйствуетъ противъ него; оно не боится никакой пули. При томъ же, оно всего охотнѣе сидитъ на деревѣ у дороги, а если негръ проходилъ мимо, то привидѣние это схватываетъ его руками, сжимаетъ за горло, поднимаетъ на дерево, и тамъ его душитъ. Вообще вѣра, что человѣкъ, съ помощью злыхъ духовъ можетъ превратиться въ звѣря, сильно распространена между племенами негровъ. До сихъ поръ смѣшивали многія большія породы обезьянъ западной Африки, и ошибочно приписывали гориллѣ различныя нравы, свойственныя другимъ породамъ. Такъ, напримѣръ утверждали, что горилло, подобно человѣку, строить себѣ жилища, и охотно лазить на деревья; да одинъ Нью-Йоркскій журналъ писалъ даже, что гориллы живутъ большими обществами, занимая цѣлыя деревни, и что зубы у нихъ такъ остры, что они прокусываютъ пополамъ дуло ружья (!), точно какъ осель пробкуетъ морковь... Дю-Шаллю никогда и нигдѣ не видѣлъ, чтобы горилла приготавлила свое ложе и устраивала бы

себѣ палатки или навѣсы, какъ это дѣлаетъ *нино-мбове* или лѣсовикъ плѣшивый. Кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ породъ обезьянъ, дю-Шаллю удалось еще убить животное, которое онъ описываетъ подъ именемъ *кулу-камба*, считая его за новую породу обезьянъ, всего болѣе схожихъ съ человекомъ. Но Грей и другіе извѣстные естествоиспытатели считаютъ этаго *кулу-камба* за чимпаѣдзе болѣе темнаго цвѣта. Названіе же *кулу* получило это животное отъ своего крика.

Замѣчательно и странно то, что страна, въ которой находятся величайшія и сильнѣйшія породы обезьянъ, какъ-то: горилла и *шимпанзе*, что именно эта же самая страна имѣетъ въ своихъ лѣсахъ и самыя маленькія породы этой семьи: обыкновенный *галаго*, который принадлежитъ къ группѣ семейства *лемурныхъ* или *полуобезьянъ*, обитаетъ островъ Мадагаскаръ. Эти ночныя, но совершенно безвредныя животныя, питаются насѣкомыми, плодами и гумною, и съ помощью своихъ заднихъ ногъ, могутъ дѣлать большіе прыжки. Обыкновенный *галаго* величиной почти равняется векшѣ, тѣло его имѣетъ семь дюймовъ длины, а его длинный, пушистый хвостъ—девять дюймовъ; онъ водится во всей средней Африкѣ, начиная отъ Нубіи и бѣлаго Нила, до Сенегала. Въ новѣйшее время, миссіонеръ Томсонъ нашелъ въ Гвинѣе, нѣсколько градусовъ сѣвернѣе тѣхъ мѣстностей, гдѣ живетъ геркулесъ между всѣми четверорукими — горилла, другую породу этихъ галаго, которая не больше мыши. Томсонъ поймалъ такую мышиную обезьяну. Она сдѣлалась очень ручной, и свободно бѣгала по всему дому. Любимое ея мѣстопробываніе было въ ру-

кавъ ея хозяина или на его шеѣ между багенбардами и воротникомъ сюртука. Послѣ ея смерти, онъ послалъ тѣло обезьяны Муррею въ Лондонъ, который описалъ ее и назвалъ *машиннымъ маки*. Цвѣтъ ея шерсти такой же сѣрый, какъ у мыши.

С. М.

к о н е ц ъ

СРЕДИ ОКЕАНА.

(ОБОИЧАНІЕ).

Погруженіе подводнаго кабелѣ на незначительномъ пространствѣ и при не большой глубинѣ воды, не представляетъ большихъ трудностей, особенно въ благоприятное время года. Погружаемый кабель спускается съ кормы корабля, посредствомъ колеса, при чемъ, его сматываніе происходитъ надъ большимъ чугуннымъ барабаномъ, и часто, собственная тяжесть кабеля, при соотвѣтственной быстротѣ корабля, обезпечиваетъ его правильный спускъ. Отъ большой массы желѣза, которое поднимаетъ кабельный корабль, компасъ его подвергается сильному уклоненію и теряетъ свою вѣрность, во избѣжаніе чего, этому кораблю предшествуетъ всегда другое судно, служащее ему проводникомъ.

Такъ напримѣръ, при погруженіи кабеля между Англійей и Голландіей, кабельному кораблю предшествовали двѣ лодки, по очереди смѣнявшія одна другую.

Но иногда, когда вслѣдствіе сильной качки, экипажъ на кораблѣ только съ трудомъ держится на ногахъ, или, внезапно застигшии мракъ, не позволяетъ слѣдить за спускающимся кабелемъ, тогда послѣдній, легко спутывается, и обрывъ его можетъ произойти тѣмъ легче, чѣмъ глуб-

же дно морское: кабель спускается тогда съ такою быстротою, что всѣ усилія тормазы остаются тщетными. Въ такомъ случаѣ, корабль часто теряетъ направленіе, и если обрывъ его еще не послѣдовалъ, то для спасенія корабля и экипажа, приходится даже его отрубать.

Понятно, что, чѣмъ дальше разстояніе, чѣмъ больше тяжесть погружаемаго кабеля, и чѣмъ глубже дно морское, тѣмъ болѣе опасностей и трудностей. Величайшій подвигъ подводной телеграфіи, посруженіе Атлантическаго кабеля, соединяющаго новый свѣтъ со старымъ, очень богатъ такими приключеніями. Это величайшее предпріятіе подверглось многимъ и различнымъ неудачамъ, многимъ опытамъ, сперва казавшимся успѣшными, пока наконецъ, послѣ новыхъ и трудныхъ попытокъ, послѣднія великія усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Сооруженіе Атлантическаго телеграфа можно раздѣлить на два большихъ отдѣла: первый составляетъ родъ великихъ опытовъ, подготовившихъ счастливый исходъ втораго отдѣла; въ обоихъ случаяхъ нужна была двойная экспедиція, требовавшая каждая, больше году времени.

Когда Цирусъ Фильдъ, какъ мы это уже выше говорили, взялся за это предпріятіе, то, посоветовавшись съ людьми опытными въ этомъ дѣлѣ: капитаномъ Маура и Профессоромъ Морза, онъ въ 1855 г. отправился въ Англию, чтобы лично хлопотать объ этомъ дѣлѣ. Чрезъ годъ, составилъ онъ компанію на акціяхъ (*Atlantic telegraph Company*); въ то же время была окончена линія отъ Новой Шотландіи, до Нью-Фондленда. Тутъ же начали изслѣдовать дно Атлантическаго океана по направленію къ Ирландіи, и сдѣланы были всѣ нужныя распоряженія для изготовленія кабеля, рассчитаннаго почти на 500 миль. Послѣдній со-

стоитъ изъ семи тонкихъ, вмѣстѣ скрученныхъ мѣднымъ проволокомъ, съ первой оболочкой изъ гуттаперчи, и съ второй — пеньковой, пропитанной дегтемъ, за которыми слѣдовала арматура, состоящая изъ 18 желѣзныхъ связокъ, изъ которыхъ, каждая въ свою очередь состояла опять изъ семи спирально вмѣстѣ перевитыхъ проволокъ.

Весь кабель состоялъ изъ 133 проволокъ; имѣлъ въ диаметрѣ только $\frac{6}{10}$ дюйма. Расходы на его производство составляютъ сумму около $1\frac{1}{2}$ милліона таллеровъ. Въ Августѣ 1857 года, приступили къ погруженію, и работа эта поручена была, вслѣдствіе громадной массы кабеля, двумъ кораблямъ, «Агамемнону» и «Ніагарѣ». Въ началѣ все шло хорошо; но когда прошли около 50 нѣмецкихъ миль, и израсходовали слишкомъ 70 миль кабеля, то возникло опасеніе, что, при ожидаемыхъ большихъ неровностяхъ морскаго дна, не хватитъ кабеля. Инженеры, находившіеся на кораблѣ, старались сдѣлать нѣкоторыя соотвѣствующія измѣненія при сматывающей машинѣ, но опыты ихъ окончились весьма несчастно: драгоценная проволока оборвалась среди моря, и конецъ ея упалъ въ глубину на полъ мили. Такъ рушился первый опытъ; но никто не упалъ духомъ. Собраны были новыя деньги, и пропавшая часть кабеля была замѣнена новымъ, гораздо большимъ кускомъ, состоявшимъ изъ 200 нѣмецкихъ миль. Тѣже самые корабли повезли въ Океанъ въ 1858 году новый кабель: котораго обѣ половины соединили, и одновременно начали погружать къ западу и востоку. Послѣ нѣсколькихъ маловажныхъ неудачъ, погруженіе съ обеихъ сторонъ совершилось благополучно, и оба корабля прибыли въ одинъ и тотъ же день къ назначенной цѣли. Въ первыхъ частяхъ Августа мѣсяца, телеграфныя

извѣстія начали уже перелѣтывать черезъ Атлантической Океанъ, и 16 августа, королева Викторія и Президентъ Бувананъ обмѣнились поздравленіями. Однако, восторгъ объ успѣшномъ исполненіи этаго дѣла, не продолжался болѣе мѣсяца. Съ каждымъ днемъ уменьшалась электрическая сила кабеля, и не далѣе, какъ 1 Сентября, послѣ обмѣна нѣсколькихъ сотъ денешъ, дѣйствіе его прекратилось на всегда.

За этой неудачей послѣдовало общее уныніе; самые настойчивые и предприимчивые люди пали духомъ, и на нѣкоторое время отказались отъ этаго дѣла. Явились новые и самые разнообразные проэты, предлагавшіе провести телеграфную линію по совершенно новому направленію, и между прочимъ, такую, которая чрезъ Азіатскую Россію должна была соединить не только Старый Свѣтъ съ Новымъ, но образовать огромную телеграфную нить по всему пространству просвѣщенныхъ странъ.

Не смотря однако на большія преимущества этаго плана, тѣмъ не менѣе подводная линія чрезъ Атлантическій океанъ оставалась кратчайшимъ и полезнѣйшимъ путемъ, и для Англіи, весьма важнымъ условіемъ, сохранявшимъ ей главное телеграфное сообщеніе, которое, при осуществленіи перваго плана, выпало бы на долю Россіи и Америки. Все это побудило приняться опять за брошенное дѣло, и пока въ Америкѣ свирѣпствовала междоусобная война, въ Англіи назначена была особая комиссія, которой поручено было изслѣдовать всѣ недостатки и ошибки первой попытки, и придумать средства и способы ихъ устраненія. И дѣйствительно, при тщательномъ изслѣдованіи, найдены были многія ошибки и оплошности, которыя должны были повлечь за собою неминуемую гибель этаго гигантскаго предпріятія. Такъ на-

примѣръ, комиссія наша, что кабель не былъ довольно прочно устроенъ, и что изоляція, еще до его погруженія, была весьма плоха, что арматура этаго кабеля, порученная двумъ различнымъ заводамъ, оказалась совершенно разнородной; на одномъ заводѣ, желѣзныя проволоки были перевиты въ право, а на другомъ заводѣ — въ лѣво, вслѣдствіе чего, въ мѣстѣ соединенія долженъ былъ непременно образоваться слабый пунктъ. Кромѣ того, изготовленный кабель пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ на солнцѣ на набережной Гринвича, а такъ какъ гуттаперча отъ воздуха весьма легко портится, то и изоляція его, еще до погруженія, сильно ослабла; когда же вслѣдствіе этаго, электрическая сила погруженнаго кабеля становилась съ каждымъ днемъ слабѣе, тогда начали ошибочно усиливать токи, — а чѣмъ сильнѣе токъ, тѣмъ скорѣе истощается проводъ; не удивительно, что ослабѣвшій и истощенный кабель, наконецъ совершенно отказался воспринимать электричество. Машины, посредствомъ которыхъ сматывался кабель, были тоже весьма неудовлетворительны, и много другихъ ошибокъ и недостатковъ было открыто комиссіей.

Для регулированія спуска кабеля, который на двѣ морскомъ долженъ былъ по возможности приближаться къ прямой линіи, но въ то же время не слишкомъ натягиваться, оказалась самой полезной машина съ сильнымъ тормазнымъ снарядомъ, которая немедленно указывала натягиваніе кабеля. Дальнѣйшій успѣхъ въ приспособленіяхъ для новаго погруженія кабеля, состоялъ также въ усовершенствованныхъ электрическихъ аппаратахъ, которыми вооружили корабль, назначенный для экспедиціи; нѣсколько дѣльныхъ электриковъ должны были въ ней принять участіе. А про-

Фессоръ Томсонъ придумалъ извѣстный зеркальный гальванометръ, служившій, не только для постоянныхъ испытаній кабеля и изоляціи, но также, какъ и сигнальный аппаратъ. Сверхъ того, телеграфная компанія предприняла самое точное изслѣдованіе дна морскаго, на которомъ долженъ былъ покоиться кабель. Когда же эти изслѣдованія доказали, что пространство, назначаемое для принятія кабеля довольно благопріятно, тогда объявлена была новая подписка на акціяхъ, давшая $1\frac{3}{4}$ милліона таллеровъ, и въ 1864 г. трансатлантическая телеграфная компанія приступила къ изготовленію новаго цѣлесообразнаго кабеля. Принимая во вниманіе, что поврежденія случаются всего чаще близъ береговъ, гдѣ волненіе всегда сильнѣе, и весьма опасны корабельные якоря, то и вооружили береговые концы кабеля болѣе толстой арматурой, нежели его главную часть, назначаемую для открытаго моря; послѣдняя состояла собственно изъ провода, т. е. изъ семи мѣдныхъ проволокъ, въ четырехъ-кратной гуттаперчевой оболочкѣ, окруженныхъ въ свою очередь арматурой, состоявшей изъ 10 сильныхъ желѣзныхъ проволокъ. Этотъ новый кабель имѣлъ въ діаметрѣ $1\frac{1}{10}$ дюйма, слѣдовательно, онъ былъ въ двое толще кабеля 1857 и 1858 годовъ. Для береговыхъ концовъ, арматура дѣлалась еще толще, такъ что діаметръ береговаго кабеля былъ въ $2\frac{1}{4}$ дюйма. Весь кабель, оконченный въ іюнѣ 1865 года, вѣсилъ слишкомъ 82,000 центнеровъ, и всю эту массу долженъ былъ поднять «Great Eastern» или Левіаѳанъ. Два другихъ корабля въ девять рейсовъ, подвезли къ нему всю кабельную массу, которая, посредствомъ раскручивающей машины была уложена въ трехъ большихъ трюмахъ испанскаго корабля. Веденіе этаго великаго предиріятія пору-

чено было инженеру Канингу; его сопровождалъ цѣлый штабъ электриковъ, имѣвшихъ постоянныя сношенія съ многими другими электриками, остававшимися на материкѣ. Аппаратомъ для этихъ сношеній служилъ выше названный зеркальный гальванометръ Томсона, въ которомъ магнитная стрѣлка соединена съ зеркаломъ, освѣщеннымъ сзади свѣчей, такъ, что малѣйшее, едва замѣченное отклоненіе стрѣлки, обнаруживается движеніемъ свѣтовой линіи на соответственной шкалѣ. Когда токъ не пробѣгаетъ по проводу, то свѣтовая линія стоитъ на нулѣ, и чѣмъ больше она отклоняется въ право или въ лѣво отъ нуля, тѣмъ сильнѣе электрическій токъ описываетъ круги вокругъ стрѣлки. Слѣдовательно, когда во время погруженія кабеля, свѣтовая стрѣлка стоитъ неподвижно на своемъ первоначальномъ дѣленіи, то это доказываетъ, что электричество и изоляція кабеля въ совершенномъ порядкѣ; малѣйшее же, самое слабое движеніе свѣтовой стрѣлки служитъ вѣрнымъ признакомъ какого-нибудь происшедшаго измѣненія. Аппаратъ этотъ давалъ возможность узнавать, не только полное прекращеніе тока, — вслѣдствіе обрыва кабеля, но и каждое малѣйшее уменьшеніе его электрической силы, вслѣдствіе какой-нибудь ошибки въ изоляціи, и даже на извѣстное разстояніе во всю длину кабеля.

Когда наконецъ окончены были всѣ приготовленія, и приняты всѣ мѣры предосторожности, какія только человѣческій умъ въ состояніи придумать, тогда въ іюлѣ 1865 года, приступили къ погруженію кабеля, начавъ у береговъ Ирландіи при Валенціи. Небольшой пароходъ привезъ сюда береговой кабель; 23 Іюля его прикрѣпили и соединили съ

морскимъ кабелемъ на «Грейтъ Истернъ», который пустился въ свое многознаменательное плаваніе къ западу. Въ первый день все шло прекрасно, но уже къ слѣдующіе дни, съ помощью Галванометра, открыты были поврежденныя мѣста въ кабелѣ; ихъ однако легко исправили. Въ началѣ августа, корабель прошелъ уже слишкомъ 200 нѣмецкихъ миль, какъ вдругъ, въ проводѣ опять обнаружилось поврежденіе, и правильно посылаемые сигналы отъ Ирландскаго берега, прекратились. Надо было опять поднять кабель на довольно большое пространство, и для этого остановить корабль. Эта остановка имѣла пагубныя послѣдствія: сильное волненіе дало кораблю вредное направленіе къ кабелю, который получилъ такой сильной ударъ, что оборвался отъ тормазной машины, и чрезъ носъ корабля погрузился ко дну. Невозможно передать ужасъ и отчаяніе всѣхъ присутствующихъ, когда вѣсть объ этомъ несчастіи пронеслась по всему огромному кораблю, то всѣмъ овладѣло страшное уныніе, и многіе проливали горѣчія слезы. А между тѣмъ, на гладкомъ морскихъ зеркалѣ, спокойно играли солнечные лучи, и ни малѣйшій признакъ не указывалъ мѣста, гдѣ, за мгновеніе до этого, погибли такія великія надежды. Двѣ трети трудной и тяжелой работы были благополучно окончены; и весь экипажъ согласился не выпускать изъ рукъ плодъ такихъ страшныхъ усилій. Начали пробовать поднять потонувшій кабель посредствомъ пятилапныхъ якорей, прикрѣпленныхъ къ канатамъ изъ желѣзной проволоки, а мѣсто гдѣ долженъ былъ происходить опытъ, обозначили большимъ бумомъ прикрѣпленнымъ къ плоту. Не смотря на то, что всѣ эти мѣры оказались прекрасны, тѣмъ не менѣе, тщетно промучились они цѣлыхъ десять

дней, стараясь поднять толстый и тяжелый кабель. Трижды казалось, что вотъ, вотъ сейчасъ ухватятъ они потонувшій кабель, но каждый разъ, при втягиваніи наверхъ, онъ обрывался и падалъ назадъ въ глубину.

Наконецъ весь запасъ желѣзной проволоки, употребляемой для поднятія кабеля, истощился, и съ сокрушеннымъ сердцемъ вся экспедиція вернулась къ 17 августу въ Ирландію. Опять появились новыя предложенія, новые проекты, но всё они были твердо отвергнуты телеграфной компаніей, убѣжденной, что ея предпріятіе должно все таки со временемъ увѣнчаться успѣхомъ. Съ настойчивостью, достойной удивленія, начали заинтересованныя лица дѣлать новыя приготовленія къ немедленному снаряженію вторичной экспедиціи. Нѣсколько тысячъ миль кабеля покоплось бесполезно на днѣ Атлантическаго океана, израсходовано семь милліоновъ талеровъ, и вся польза ими принесенная состояла только въ томъ, что сдѣланъ былъ цѣлый рядъ опытовъ, могущихъ годиться въ послѣдствіи; и между прочимъ, убѣдились въ возможности поднять кабель съ глубины 12,000 футовъ, и устраивать буи среди моря. Желая примѣнить къ дѣлу всё эти, и еще другіе опыты, компанія въ короткое время собрала новый капиталъ въ 4 милліона талеревъ. Заказанъ былъ новый кабель, совершенно одинаковаго свойства съ потонувшимъ и, чтобы пополнить прошлогоднюю потерю, велѣно было сдѣлать новый запасъ изъ 700 миль. Кромѣ того, приняты были всё мѣры для сооруженія лучшей наматывающей машины, приводимой въ дѣйствіе парами, и устроено множество буетъ, такъ какъ компанія имѣла въ виду спасти и потонувшій кабель. Электрическіе аппараты тоже успѣли въ

это время значительно усовершенствоваться, и могли весьма легко и точно опредѣлить и указать малѣйшіе недостатки или поврежденія въ кабелѣ. Не далѣе, какъ въ слѣдующемъ году (1866) «Грейтъ-Истернъ» могъ во второй разъ пуститься въ море. 13 іюля 1866 г. вышелъ онъ изъ Валенціи, и послѣ благополучнаго 14 дневнаго плаванія, успѣлъ удачно привезти конецъ погруженнаго кабеля къ берегамъ Америки. Среди неописаннаго восторга, прибылъ «Грейтъ-Истернъ» 27 іюля въ Гертсъ-Контенбей въ Нью-Фондлендѣ. Немедленно начался обмѣнъ поздравительныхъ денешъ между Ирландією и Нью-Фондлендомъ, сперва между директорами компаніи, а потомъ, между правителями заинтересованныхъ государствъ. Чрезъ нѣсколько дней устроено было соединеніе Нью-Фондленда съ Американскимъ материкомъ, и уже 4 августа 1866 г. трансатлантическая лодія могла быть передана для всеобщей корреспонденціи. Пока Европа и Америка предавались общей радости, и торжествовали надъ счастливымъ и успѣшнымъ окончаніемъ этаго дѣла, серьезные люди, осуществившіе это гигантское предпріятіе, отправились опять въ открытое море отыскивать кабель, потонувшій въ 1865 году, чтобы, найдя его, устроить вторую трансатлантическую телеграфную линію. На глубинѣ 12,000 футъ, среди океана покоился прошлогодній кабель, и уже давно снесены были бурями и волнами, всѣ на томъ мѣстѣ прикрѣпленные буи; только астрономическое опредѣленіе могло навести на вѣрный слѣдъ, и только съ помощью самыхъ искусныхъ изобрѣтеній, и согласнымъ участіемъ всѣхъ силъ, можно было надѣяться на поднятіе погибшаго кабеля.

Три корабля должны были одновременно, по направленію

готовлена была могила. Но приговоръ націи рѣшилъ иначе, и величайшій современный романистъ положенъ между *Генделемъ*, *Шериданомъ*, *Маколеемъ* и *Кумберлендомъ*. Бюсты *Адиссона* и *Теккерея* смотрятъ на могилу собрата, и монументъ *Шекспира* привѣтствуетъ его издали.

Любимымъ мѣстопребываніемъ Диккенса было мѣстечко *Годегилъ*, близъ стараго города *Рочестера*, въ графствѣ *Кентъ*. Тутъ онъ писалъ лучшія свои произведенія, тутъ и умеръ.

Когда Чарльзъ Диккенсъ былъ еще ребенкомъ, то его отецъ, *Джонъ Диккенсъ*, гуляя съ нимъ по окрестностямъ *Рочестера*, показалъ ему хорошенькій домикъ въ *Гадегилѣ*. и сказалъ:

— Если ты будешь прилежно учиться, сынъ мой, то и у тебя будетъ со временемъ такой же красивый домъ, какъ этотъ.

Эти слова произвели сильное впечатлѣніе на ребенка, Онъ принялся, дѣйствительно, учиться съ усердіемъ, чтобъ имѣть домъ въ *Годегилѣ*; потомъ съ лѣтами забылъ объ этомъ, и, когда сдѣлался извѣстнымъ и имѣлъ состояніе, то вздумалъ, какъ каждый англичанинъ, устроить свой *home* гдѣ нибудь по дальше отъ шума столицы, въ живописной и здоровой мѣстности. Одинъ изъ его пріятелей сказалъ ему, что онъ знаетъ небольшое имѣніе въ *Годегилѣ*, которое продается. Это названіе поразило Диккенса. Онъ поѣхалъ осмотрѣть домъ, и вспомнилъ, что это тотъ самый, на который показывалъ ему въ дѣтствѣ отецъ. Тотчасъ же начаты были переговоры, и домъ былъ купленъ. Диккенсъ переѣхалъ въ него, и, путешествуя по континенту и въ Америку, возвращался всегда съ радостію къ себѣ, гдѣ отдыхалъ и работалъ.

Диккенсъ родился 7-го февраля 1812 года въ *Ландпортѣ*

у Портсмута, гдѣ отецъ его служилъ по морскому вѣдомству. Сынъ чиновника казначейства по флоту, Чарльзъ до тринадцатаго года воспитывался въ Чатамѣ, потомъ помѣщенъ былъ въ учебное заведеніе въ Рочестерѣ, гдѣ отличался необыкновенными способностями, удивительною памятью и страстью къ чтенію. Однако, родные его нашли, что онъ довольно образованъ, чтобъ поступить въ контору стряпчаго, стараго пріятеля отца Диккенса, и бѣдный Чарльзъ, скрѣпя сердце долженъ былъ сдѣлаться юристомъ.

Занятія его по адвокатурѣ дали ему впоследствии богатѣйшій матеріалъ для его романовъ.

Желая устроить себѣ будущность болѣе по вкусу, Диккенсъ рѣшился сдѣлаться писателемъ, и поступилъ въ постоянные сотрудники «*Morning Chronicle*» (Утренняя хроника).

Въ это время, онъ началъ пробовать свои силы въ разсказахъ, подписывая ихъ псевдонимомъ «Бозъ», впоследствии эти разсказы были иллюстрированы Крюйклимомъ, и изданы подъ заглавіемъ «*Sketches of english life and characters*» (Очерки жизни въ Англіи и ея нравовъ).

Уже на первомъ своемъ произведеніи, авторъ высказалъ то поразительное знакомство съ бытомъ низшихъ классовъ, которымъ замѣчательны всѣ его послѣдующія сочиненія; но собственно славой, Диккенсъ обязанъ «Запискамъ Пиквикскаго клуба» (1837—1838), сразу поставившимъ его на степень первокласнаго писателя, и прочитаннымъ на расхватъ во всей Европѣ и Америкѣ.

Затѣмъ, слѣдовали романы: *Nicolas Nickleby* (Николай Никльби) «*Master Humphreys's clock*», (Часы мастера Гомфри) «*Barnaby Rudge*» (Бернаби Роджъ 1841), *Martin Chuzzle*

итъ, (Мартынъ Чодзльвитъ) не менѣ художественные, но уступающіе «*Пиквикцамъ*» въ свѣжести и наивности юмора.

«*Святочными разсказами*» Диккенсъ вступилъ въ область художественной сказки, полной кипучаго жизненнаго интереса.

Онъ написалъ для дѣтей «*Исторію Англій*». Полнаго развитія творческой силы Диккенсъ достигъ въ романахъ: «*Домби и сынъ*» (1847), «*Давидъ Копперфильдъ*» (1849—50) и «*Крошка Дорритъ*» (1855). Богатство матеріала, глубина замысла и основной идеи, обширное знаніе свѣта и жизни, разнообразіе и живость типовъ, юморъ (вырывающій у читателя неудержимый смѣхъ, то слезы участія), поэтическія отступленія, доходящія до высокаго лиризма; необыкновенно нѣжная отдѣлка тонкихъ душевныхъ движеній, блестящій слогъ, и неподражаемая, характеристичная народная рѣчь, таковой элементъ этихъ безсмертныхъ произведеній.

Оставивъ редакцію основанной имъ газеты «*Daily News*» (Современныя новости) Диккенсъ въ 1850 г. началъ издавать небольшой журналъ «*Household Words* (Бесѣды у домашнего очага) впослѣдствіи (съ 1860 г.) переименованный въ «*All the year round*» (Вокругъ свѣта), котораго и оставался издателемъ до самой смерти своей. Журналъ этотъ въ такой степени всемірно-популяренъ, что достаточно только упомянуть о немъ.

Будучи первокласснымъ писателемъ, Диккенсъ владѣлъ и замѣчательнымъ сценическимъ талантомъ, выказаннымъ имъ на спектакляхъ, которые давались во многихъ городахъ «обществомъ пособия престарѣлымъ литераторамъ (Litterary Guide)» сценическій талантъ его проявлялся и въ публичныхъ чтеніяхъ, для которыхъ Диккенсъ предпринималъ поѣздки

даже въ Америку, гдѣ его всегда встрѣчали съ восторгомъ, не говоря уже объ успѣхѣ этихъ чтеній въ отечествѣ знаменитаго писателя. Онъ имѣлъ обыкновеніе бѣгло рассказывать весь романъ, выбранный для подобнаго чтенія, оставившаяся на болѣе симпатичныхъ ему главахъ цѣликомъ, и тутъ то выступалъ удивительный даръ, говорить за каждое лицо романа особеннымъ голосомъ, приобрѣтшимъ чтецу такъ много поклонниковъ.

Послѣдній романъ его былъ «*Тайна Эдвина Друда*» переведенный въ журналѣ «*Заря*» 1870 года, но не оконченный за смертію автора.

Въ частной жизни, Диккенсъ былъ прекраснымъ семейникомъ. Женатъ онъ былъ на дочери сэра Джорджа Гогарта, друга Вальтеръ-Скотта; дочь его была замужемъ за Вильяма Коллинзомъ, романы котораго такъ популярны по всей Европѣ, и который принималъ дѣятельное участіе въ изданіи журнала «*All the year round*» (Вокругъ свѣта). Располагая большими суммами отъ продажи своихъ сочиненій, Диккенсъ такъ же легко и тратилъ ихъ, и часто бывалъ принужденъ писать въ газеты, или предпринимать поѣздки въ Америку для денегъ. Знвшіе близко покойнаго, говорятъ, что онъ много помогалъ бѣднымъ.

Потеря Диккенса громадна, и заслуги, оказанныя имъ литературѣ, не забудутся никогда. Мы, русскіе, можемъ гордиться тѣмъ, что больше другихъ народовъ знали, любили Диккенса, и лучше переводили его.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНѢ

**ИМѢЕТЬ СЧАСТІЕ ПОСВЯТИТЬ
всепокорнѣйшая и преданнѣйшая
Софія Кашпирева.**

НА ВСѢ РУКИ МАСТЕРЪ.

ГЛАВА IV.

Иванъ Ивановичъ Бецкій, разныхъ орденовъ кавалеръ, — одинъ изъ лучшихъ людей временъ Елисаветы и Екатерины, — тогда уже тайный совѣтникъ, былъ человѣкъ необыкновенно образованный и развитой по своему времени. — Бецкій ученымъ не былъ. Онъ не сдѣлалъ ни одного открытія. Онъ не написалъ ни одного сочиненія; но не менѣе того, онъ жилъ только наукою, въ которой былъ весьма свѣдуецъ; — искусствомъ, которое онъ страстно любилъ, и стараніемъ просвѣтить русскій народъ, безъ котораго жить не могъ. Чуждый всякимъ политическимъ вопросамъ, Бецкій всецѣло, отдался дѣлу основанія школъ въ Россіи. — Онъ завѣдывалъ Канцелярією Строенія Императорскихъ дворцовъ и садовъ, при Императрицѣ Екатеринѣ, онъ сдѣлался начальникомъ Академіи Художествъ, — потомъ Сухопутнаго Кадетскаго корпуса *). Впослѣдствіи, затѣвъ онъ основалъ при Смольномъ монастырѣ. „Об-

*) Впослѣдствіе первый кадетскій корпусъ, а нынѣ Первая Военная Гимназія.

щество воспитанія благородныхъ дѣвиць“. По его плану, основаны воспитательные дома, съ начала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Незадолго предъ описываемыми нами происшествіями, въ честь Ивана Ивановича была выбита золотая медаль, тайкомъ отъ него, съ его портретомъ. На медали этой есть надпись „за любовь къ отечеству“—вверху: „отъ сената 20-го ноября 1872 года“,—внизу. Медаль эта была поднесена неожиданно.—Великая Екатерина умѣла дарить.—Сверхъ того, Петербургъ обязанъ ему знаменитой рѣшеткой Лѣтняго Сада, памятникомъ Петра Великаго; и другими примѣчательными строеніями.

Ивану Ивановичу было безъ-мала семьдесятъ лѣтъ, когда онъ познакомился съ Коростелинымъ. Любитель всего и умнаго и диковиннаго,—онъ посадилъ обоихъ мастеровъ въ свой катеръ, чтобы еще потолковать съ ними.—По дорогѣ, Кулибинъ заговорилъ:

— Батюшка Иванъ Ивановичъ! Ваше высокопревосходительство! Не откушаешь ли у меня чайку стаканчикъ? Не побрезгуй моею хлѣбомъ-солью.

Бецкій усмѣхнулся.

— Не брезгую, Иванъ Петровичъ.

— Спаси тя Христось, за твою милость, во истину боярскую. Больно мнѣ не терпится испытать господина сержанта, поколику онъ свое дѣло понимаетъ. Коли хорошо понимаетъ, я буду ему меньшій названный братъ,—коли же хуже моего понимаетъ, то выпроси у матушки у царицы; чтобы мнѣ его въ ученье отдали,—изъ него толкъ выйdetъ.

— Къ Академіи Наукъ, сказалъ Бецкій гребцамъ,

разсѣкавшимъ свѣтлыя невскія волны, посеребрёнными
вёслами раззолоченнаго катера.—Пѣсню!

«Какъ на матушкѣ, на Невѣ-рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
Близко пристани корабельныя,
Молодой матросъ паруса снастиль,
О двѣдцати тонкихъ парусахъ.
Тонкихъ бѣлыхъ, полотняныхъ.»

Едва раздался голосъ запѣвалы, какъ тутъ-же гря-
нули, помѣщавшіеся тоже въ катерѣ, трубачи, и Нева
огласилась пѣснею. Изъ далека слышалась другая пѣсня,
тоже кто-то несся на катерѣ.

То былъ вѣкъ богатырей, у которыхъ всякое дѣло
капѣло въ рукахъ, но которые и веселья не забывали.
Нева, съ ранняго утра, до поздней ночи, гудѣла пѣсь-
нями и музыкой. Петербургская жизнь была какая-то
праздничная, и всякій, у кого были хоть маленькія
средства, считалъ чуть не долгомъ, хоть разъ въ лѣто,
по этой красивѣйшей въ свѣтѣ рѣкѣ съ музыкантами
и съ пѣсенниками прокатиться.—То была честная, и
ни кого не обижавшая забава. Шарманщикъ можетъ
надѣдать, потому что поетъ на своемъ старенькомъ
инструментѣ прямо подъ окномъ; но далекіе звуки пѣ-
сень, несущіеся съ гладкой поверхности широкой,
многоводной рѣки, ни кому не мѣшаютъ и ни на кого
не наводятъ тоски; мысли о горѣ людскомъ, о бѣд-
ности и объ истасканномъ инструментѣ, вѣчно ржа-
вѣющемъ, вѣчно чинимомъ и дающемъ несчастному,
взявшему его на прокатъ,—не болѣе двадцати копѣекъ
въ день.

Весла вздымались мѣрно, и мѣрно погружались въ воду, будто взмахивали ими не люди, а какая нибудь машина,—ни лишняго шума, ни лишняго плеску не было слышно. Весла врѣзывались въ воду, и выходили изъ воды, чуть что не сухія,—только двѣ, три капельки падали съ нихъ, когда онѣ описывали въ воздухѣ дугу.

Еще не кончилась невская пѣсня, какъ катеръ причалилъ къ Академіи Наукъ на Васильевскомъ островѣ Бецкій, поддерживаемый подъ руки Кулибинымъ и Коростелинымъ, вышелъ на берегъ, и направился во флигель, гдѣ жилъ великій механикъ.

Войдя въ квартиру, Кулибинъ прежде всего перекрестился, и потомъ усадилъ гостя за столъ. Кухарка засуетилась и, минутъ черезъ десять, на столѣ уже кипѣлъ самсваръ, подлѣ котораго, въ вычурной проволочной корзинкѣ, работы самаго хозяина, красовалась груда всякихъ саетъ, булокъ, плюшекъ, сухарей, пеклеваниковъ и прочаго съѣстнаго сладобья, въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія полдюжины голодныхъ. Подлѣ этой корзинки явился графинчикъ рому; подлѣ графинчика рому, графинчикъ съ водкой; подлѣ графинчика съ водкой, тарелка съ солеными груздями, тарелка съ солеными рыжиками; сельдь голландская; килька ревальская; сига копченый; семга и т. д. и т. д.

— Не обезсудь, ваше превосходительство, столы мои, говорилъ Кулибинъ низко кланаясь, и разводя руками,—не обезсудь и ты, кавалеръ.

— Я ничего не пью, отвѣчалъ старикъ Бецкій,—поправляя на головѣ пудренный парикъ.

— Да хоть немножечко, ваше превосходительство, выпей, — пригубь только!

— И того не сдѣлаю, сказалъ Бецкій; — потому что вино пить человѣку не подобаетъ. Отъ вина самъ патріархъ Ной праведный чуть не погибъ. Отъ вина, пророкъ Самсонъ пострадалъ.

— Эхъ, Иванъ Ивановичъ, отъ писанія говорить не станемъ, а не то опять о вѣрѣ толкъ пойдетъ.

— Знаю, знаю, говорилъ старикъ Бецкій, опираясь на трость съ золотымъ набалдашникомъ; — знаю, Иванъ Петровичъ, что ты старой вѣры держишься.

— Инъ, будь воля твоя — не пей, сказалъ Кулибинъ нахмурившись — ему было неприятно напоминаніе, что онъ старообрядецъ, — и онъ замылъ этотъ разговоръ.

— Хоть ты то, господинъ сержантъ, моимъ винцомъ не побрезгуй.

Каростелинъ, понявши въ чемъ дѣло, взявъ чарку, всталъ, поклонился и сказавъ: — Дай Богъ тебѣ, Иванъ Петровичъ, столько жить и здравствовать, сколько самъ пожелаешь; въ дѣлахъ твоихъ во всемъ благаго посѣщенія, паче же всего отъ Господа милости, а душѣ твоей вѣчнаго спасенія.

Бецкій всталъ, налилъ себѣ кружку квасу и сказалъ:

— Не гнѣвись на меня, Иванъ Петровичъ, — хмѣльнаго я не пью. Чѣмъ бы ни пилось здоровье, дай только Богъ, чтобы оно пилось! Дай тебѣ Богъ, Иванъ Петровичъ, всякаго успѣха въ твоихъ начинаніяхъ! Тобою наше русское царство прославляется, и дай Богъ,

чтобы было у насъ побольше людей на тебя похожихъ.

Кулибинъ поклонился въ поясъ, держа въ рукахъ чарку и отвѣчалъ:—Дай Богъ, чтобы ты, ваше высокопревосходительство, много лѣтъ жилъ и здравствовалъ, себѣ, и колыми паче, всѣмъ намъ на утѣшеніе. Дай Богъ, тебѣ служить по прежнему Царицѣ матушкѣ, и заводить на пользу люду христіанскому всякія училища. А на твое пожеланіе, чтобы такихъ мастеровъ, какъ я, у насъ развелось побольше — я тѣ вѣтъ что скажу: —Намедни грамотку получилъ я изъ Екатеринославля. Одинъ мой ученикъ завелъ тамъ часовую фабрику, самъ колеса карманнымъ часамъ выпиливаетъ, самъ крышки дѣлаетъ, и вотъ тѣ какія часы онъ мнѣ прислалъ. Глянь-ко.

Кулибинъ выбѣжалъ въ другую комнату и воротился съ толстыми карманными часами, которые теперь называются „луковицами“. Онъ скинулъ съ нихъ серебряный футляръ, какой всегда бываетъ на луковицахъ, и показалъ, что на доскѣ значилось „Екатеринославль“ *). Ну, а теперь, государи мои, за чай, сказалъ Кулибинъ, покуда его гости разсматривали часы русской работы. Бецкій выпилъ двѣ чашки—(тогда не въ стаканахъ, а въ чашкахъ пили)—и, сталъ подниматься. Кулибинъ его не удерживалъ; онъ ни за что не хотѣлъ остаться, потому что ему надо было ѣхать въ какое-то имъ основанное учебное заведеніе, и по-

---

*) Пишущій эти строки, не можетъ припомнить имени этого русскаго часовщика;—но часы его работы были въ его рукахъ. Если не ошибаются, мастера звали Емельянъ Купріановъ.

тому что ему не хотѣлось возбуждать толковъ: былъ въ академіи, а посѣтилъ только мужика Кулибина. Ему хотѣлось ускользнуть не замѣтно. Но едва онъ взялся за шляпу, и набросилъ на плечи плащъ, растворилась дверь и вошелъ секретарь академіи, въ сопровожденіи двухъ другихъ депутатовъ, съ просьбою почтить академію своимъ присутствіемъ. Отказаться было невѣжливо, и Бецкій пошелъ осматривать сто разъ видѣнные имъ коллекціи и музеумъ. Кулибинъ и Коростелинъ молча слѣдовали за нимъ. Академики тогдашняго времени были люди завистливые; имъ обиднымъ казалось, что Бецкій распиваетъ чай съ мужикомъ Кулибинымъ и съ какимъ-то преображенскимъ сержантомъ. — Бецкій пригласилъ ихъ слѣдовать за собою.

Кулибинъ и Коростелинъ обходили всѣ залы. Они проводили его высокопревосходительство до самаго катера, раскланялись съ нимъ и вернулись къ Кулибину.

— Ну-ка, сударь, говорилъ Кулибинъ Коростелину, — смекаешь ли ты, что это такое будетъ?

Онъ ввелъ его въ другую комнату, гдѣ стояли всевозможные станки и приборы, и указалъ ему на одну полку.

Чего, чего только не было на этой полкѣ? — Были деревянные, мѣдные, желѣзные модели разныхъ машинъ; были тутъ вѣтряныя мельницы и водяныя; и часы новаго устройства; разнаго устройства прялки, модели мостовъ; модели громоотводовъ и т. д. Доходя, до модели прачешной машины и какой-то невѣроятной сохи, которая будто бы могла въ часъ десятину вспахать... На другой полкѣ оказались вещи другаго рода:

Тутъ былъ винтъ Архимедовъ и Сегнерово колѣсо. Кулибинъ привелъ ихъ въ движеніе и Коростелинъ смотря на нихъ крестился.

— Мать Пресвятая Богородица! говорилъ онъ. Умудрить же Господь Богъ людей, такія вещи придумывать, и наградить же Господь Богъ такимъ разумомъ. Вертится колесо—точно вертится!

-- Нѣтъ, Иванъ Петровичъ—такихъ махинъ я еще не видалъ.

—Слушай, парень, сказалъ Кулибинъ,—благословилъ Богъ тебя талантомъ.—И знаешь ты притчу отъ писавія: что таланъ въ землю зарывать не показано.—Лицо Кулибина измѣнилось, оно приняло строгое и наставническое выраженіе. Гостепріимный хозяинъ превратился въ экзаменатора и въ учителя.—Слушай, парень, коли этихъ ты дѣловъ не понимаешь, такъ хоть у меня, мужика, обучись. Смѣются надо мною добрые люди, что я по старой вѣрѣ хожу, что бороду ношу; и одинъ только человекъ за это меня хвалить здѣсь въ Питерѣ—это свѣтлѣйшій князь Потемкинъ. Ты тамъ своей вѣры держись и бороду себѣ не скобли, говоритъ онъ, только талана своего въ ^{вѣ}землю не зарывай.

— Держись, другъ любезный, механики, благо ты къ ней подверженъ. Я тебя къ ней пріучу маленько и, дастъ Богъ, займешь ты мое мѣсто, и не посрамишь земли Русской. Глянь на эту полку, вотъ что на ней стоитъ. Слыхалъ ли ты, другъ ты мой любезный, объ электричествѣ?

— Слыхалъ, Иванъ Петровичъ, кое что. Диковинное это дѣло; только въ толкъ взять его не могу.

— Слыхалъ ли ты о томъ, какъ здѣсь, въ академіи, на башенкѣ, гдѣ у насъ обсерваторія, профессора Рихмана убилъ?

— Слыхалъ, Иванъ Петровичъ. Онъ какъ то молнію съ неба стянулъ.

— Видишь, господинъ сержантъ. Электричество дѣло такое, что и въ грязи и въ облакахъ водится. Теперь, когда электрическія облака надъ нами висятъ, и, чего добраго, молоніей во что ударятъ, такъ надо поставить на крышу желѣзный шестъ и отъ него-же провести полосу въ землю. Энтое электричество, такъ таки съ воздуху въ землю и пойдетъ—дорога ему туда и написана—потому что желѣзо оно больно ужъ любить. Сейчасъ покажу такой громоотводъ, на той башенкѣ, гдѣ господинъ Рихманъ отъ электричества былъ убитъ. Вся, сударь ты мой, молонія въ него влетѣла.

Коростелинъ слушалъ, вдумываясь въ слова борода-таго механика.

Поставили они здѣсь шестъ желѣзный, покойный Махаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и покойный Рихманъ;—а кто выдумалъ эти шесты, Ломоносовъ, или мудрецъ американскій Франклинъ? про то—тебѣ сказать не умѣю; только, милый ты мой человекъ, наставили они этотъ шестъ желѣзный, позолотили сверху, чтобы не ржавилъ, и ждуть, голубчики, и не дождутся первой грозы. Сидѣлъ Рихманъ у Ломоносова, кофей распивали и обо всѣхъ ученыхъ дѣлахъ толковали,—вдругъ накатила туча свинцоваго цвѣту, и будто маливой подкрашена.

- Гроза! сказала Ломоносовъ.
- Гроза! сказала Рихманъ.
- Пойдемъ! сказала Ломоносовъ.
- Пойдемъ! сказалъ Рихманъ.
- Попробуемъ! сказалъ Ломоносовъ.
- Попробуемъ! сказалъ Рихманъ.

Покуда это Кулибинъ рассказывалъ, Коростелинъ и незамѣтилъ даже, какъ, идучи по длиннымъ переходамъ зданія академіи наукъ, онъ очутился на обсерваторіи. Надъ старымъ зданіемъ академіи наукъ до сихъ поръ высится эта башня съ площадкою; съ нея открывается видъ почти на весь городъ.

— Вотъ видишь, Семень Егорычъ, говорилъ Кулибинъ. Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ—головой сюда, а ножками сюда,—лежъ господинъ Рихманъ. Съ электричествомъ пощутить хотѣлъ;—молонію на борьбу вызвалъ... Говорилъ ему Михайлъ Васильевичъ, не тронь шеста! Анъ нѣтъ,—упрямъ былъ господинъ Рихманъ,—подошелъ къ шесту, сначала желѣзкою сталь дотрогаться—искра за искрой такъ и палить. Сталь потомъ проволокою мѣдной трогать—и все въ полъ уставивши. Въ азартъ наконецъ вошелъ, дай, говоритъ, сквозь себя этое электричество пропушу. Подскочилъ бѣдняга къ шесту, да пальцемъ въ него и тыкъ. Не успѣлъ Михайлъ Васильевичъ глазомъ моргнуть, какъ видитъ, на этомъ мѣстѣ господинъ Рихманъ лежитъ навзничъ! Михайлъ Васильевичъ туды и сюды, и воды, и уксусу, онъ бѣдняжка ужъ и не дышетъ, посинѣлъ.—Ну и сволокли его съ нашей башенки, и похоронили его съ

чѣстью. Вотъ же, братъ Егоръ Семенычъ, и притча. Полюбуйся на энтое мѣсто.

Коростелинъ стоялъ въ недоумѣннѣ. Онъ не могъ понять къ чему клонить Кулибинъ—Слушай, говорилъ Кулибинъ, ставши на то мѣсто, куда упалъ Рихманъ. —Слушай, парень. Сказывалъ мнѣ одинъ изъ нашихъ академиковъ такую притчу: Былъ ученый человекъ и далась ему всякая наука—да еще въ руки попались колдовскія книги. Сталъ онъ по энтимъ книгамъ гадать—узналъ, какъ бѣса вызвать. Въ полночь сталъ заклятіе читать, бѣсъ ему и оказался. Сталъ онъ разговоръ съ бѣсомъ держать. Обо всемъ онъ спросилъ чего ему хотѣлось. Наконецъ говоритъ бѣсу:—уйди! Бѣсъ говорить:—не могу.—Отчего не можешь?—Закляни меня, чтобъ я ушелъ.—Да у меня заклятья такого нѣтъ.—Бѣсъ и говоритъ:—Ну, братъ, вызвать ты меня съумѣлъ, а прогнать ты меня не умѣешь! Значить, ты въ моей теперъ власти.—Напалъ бѣсъ на него, взялъ да и задушилъ.

Коростелинъ стоялъ предъ старикомъ, совершенно не понимая, о чемъ онъ говоритъ;—а старикъ хмурилъ брови и смотрѣлъ на него изъ подлобья.—Къ чему ты это, дѣдъ, клонишь?—спросилъ Коростелинъ.

—Слушай ты, молодъ человекъ! Я тебѣ другую притчу скажу, коли той не понимаешь: агличанинъ одинъ мнѣ ее рассказывалъ.—Жилъ былъ монахъ, и былъ у монаха этаго послушникъ, а монахъ въ чернокнижіе вдавался. Вычиталъ онъ изъ черныхъ книгъ, что, вотъ, такимъ и сякимъ манеромъ, можео сдѣлать при разномъ колдовствѣ мѣдную голову человѣческую.

Всякія заклятія надъ ней надо прочесть—и она заговорить!—И заговорить она тебѣ такъ, братецъ мой, что всякія тайны природы тебѣ повѣдаетъ! Работалъ онъ долго и, наконецъ, голову такую сдѣлалъ. Додѣлалъ голову и привалился спать, потому что въ этотъ вечеръ сильно усталъ. Сказалъ послушнику: Посиди, покарауль, куда мѣдная голова заговорить. Послушникъ и сѣлъ передъ головою и, вотъ, видитъ, что голова зашевелилась, открыла ротъ; и слышитъ „время приходитъ!“ Время приходитъ, подумалъ послушникъ, значить отца будить еще нечего. Прошло часа два: «Время пришло» сказала голова. Э! подумалъ послушникъ, пускай его выспиться;—время вѣдь терпитъ, и опять засѣлъ передъ головой. Часа черезъ два, голова широко раскрыла ротъ и во всю глотку гаркнула: „Время прошло!“ и разлетѣлась въ дребезги...

Монахъ вскочилъ съ постели—весь трудъ его былъ потерянь!..

Кулибинъ въ упоръ глядѣлъ на Коростелина.

— Къ чему ты это клонишь? спросилъ Коростелинъ, насупивши брови.

— А къ тому, сударь, клоню, къ чему клонить простая русская поговорка: „Коли взялся за гужъ, такъ не говори, что не дюжъ“ смекаешь ты это? Пойдемъ ко мнѣ, на низъ, перекусимъ, я тебѣ кое что, покажу. Парень ты толковый, руки у тебя золотыя, а у меня старика кое-что перенять будетъ для тебя не лишнимъ.

ГЛАВА V.

Архипычъ сидѣлъ у воротъ на скамеечкѣ и гнѣвно вязалъ шерстяной чулокъ. Спицы ходили какъ то необыкновенно быстро и спотыкались другъ объ дружку.

— Избаловалось совѣзмъ наше дитя, думалъ онъ— по вечерамъ пропадать стало, да и днемъ бывать перестало. А это все на мою совѣсть ляжетъ—я передъ его тятенькой и маменькой за него отвѣчу— да и передъ самимъ Господомъ Богомъ. Какъ это карету свѣтлѣйшаго починили,—такъ точно шальной ходить—ни слова не добьешься; невѣсть гдѣ пропадаетъ, а когда спросишь о чемъ, только руками машеть.—Погоди, Архипычъ, погоди, дай срокъ;—кажется къ намъ на дворъ счастье прикатило!

Вдругъ спицы въ рукахъ Архипыча остановились. По улицѣ ѣхала тѣлега, на облучкѣ сидѣлъ придворный лакей въ красной ливреѣ, подлѣ него сидѣлъ кучеръ придворный, а на тѣлегѣ стояла огромная клѣтка, изъ которой высовывали головы:—индюки, павлины, цѣсарки, какіе то невѣрояныя гуси и черныя утки съ красными гребнями на головахъ.—Ижъ, подумалъ Архипычъ.—Кабы намъ такую птицу завести съ дитятей—первый сортъ люди стали-бы мы съ нимъ! Да гдѣ намъ! не нашему-же теленку да волка съѣсть! Тутъ идутъ люди царскіе, и птицу везутъ тоже царскую...

— Эй!, Ты!, Старина!, крикнулъ придворный лакей,—отвѣчай немедленно по имянному Ея Императорскаго Величества указу, и показывай по правдѣ: гдѣ здѣсь живетъ прапорщикъ Коростелинъ?

Архипычъ струсили бойкаго лакейскаго тону.

— Прапорщика, государь ты мой, здѣсь нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—а господинъ сержантъ Егоръ Семеновичъ Коростелинъ въ этомъ самомъ домѣ живетъ.

— Дуракъ! прикрикнулъ на него лакей.—Быль Коростелинъ сержантомъ, а теперь прапорщикомъ пожалованъ.—Распахивай ворота!

Архипычъ, ничего не понимая, шмыгнулъ въ калитку, выдернулъ засовъ, растворилъ ворота, и тѣлеса въѣхала во дворъ.—Сиди! крикнулъ лакей кучеру, и, не спрашивая позволенія, вошелъ въ сѣни. Архипычъ въ недоумѣннн, слѣдовалъ за нимъ.—Гдѣ его благородіе! гаркнулъ онъ во всю лакейскую глотку.

— Сюда, государь мой, сюда, говорилъ Архипычъ окончательно оробѣвшій передъ такой важной птицею, и провель его въ комнату своего барина,—а баринъ, отъ нечего дѣлать, строгаль деревянную ложку.

— Господинъ прапорщикъ, заговорилъ лакей мягкимъ басомъ.—потрудитесь росписаться въ полученіи трехъ павлиновъ, трехъ индюшекъ, четырехъ цѣсарокъ, пятерыхъ гусей, кои по имянному Ея Величества указу суть вамъ присланы.

— Да гдѣ-жъ онѣ? спросилъ Коростелинъ.

— А тутъ, на дворѣ-сь.

Коростелинъ выскочилъ на дворъ, въ сопровожденіи обомлѣвшаго Архипыча, и увидѣлъ, что государыня сдержала слово,—лучше чѣмъ обѣщала. Это были уже, правда, и не цыплята—а птицы, какъ слѣдуетъ, которыя сами станутъ яйца нести, и сами выведутъ цыплятъ.

— Ай да государыня! крикнулъ онъ невольно—
стояло у тебя въ гостяхъ побывать.—Слово свое сдер-
жала.

— А ваше благородіе изволили быть у государыни?
спросилъ робко лакей.

— Да какъ же! отвѣчалъ Коростелинъ.—Третьяго
дня въ эрмитажѣ у нея былъ, а вчера въ уборной!

Архипычъ вытаращилъ глаза.

— Такъ, такъ-съ, заговорилъ лакей, и разомъ какъ-то
уменьшился и смирился. Пропалъ его высокоомѣрный ла-
кейскій тонъ,—пропало нахальное его выраженіе лица,
а Архипычъ стоялъ блѣдный, какъ его шерстяной чу-
локъ.

— Прикажете получить! сказалъ лакей и росписаться.

Коростелинъ подскочилъ къ клѣткѣ и сталъ вытас-
кивать птицу за птицею. Архипычъ бралъ птицъ на
руки и относилъ на птичій дворъ.—Растрясенныя
птицы шатались, но тѣмъ не менѣе прихорашивались,
приводили каждое перо въ порядокъ и, съ полнымъ
сознаніемъ своей красоты и превосходства надъ обык-
новенными курами, вступали въ среду новыхъ своихъ
сожительницъ.

— Съ повышеніемъ въ чинъ, ваше благородіе, честь
имѣю поздравить! гаркнулъ лакей, когда Коростелинъ
вытащилъ изъ клѣтки послѣднюю птицу.—Вотъ и па-
тентикъ привезъ.

Коростелинъ и Архипычъ взяли этотъ патентикъ и
прочли его оба. Въ патентикъ значилось: что гвардія
сержантъ Егоръ Семеновичъ Коростелинъ, за особыя

оказанныя ея Императорскому Величеству услуги, из гвардіи сержантовъ, жалуются въ гвардіи прапорщики.

— На водку бы, ваше благородіе! смиреннѣйшимъ образомъ, заговорилъ лакей. Честь имѣемъ поздравить съ царскою милостію.

— Съ какою царскою милостію? сказалъ Архипычъ.

— А какъ-же не царская милость будетъ? И подарокъ птицами и повышеніе чиномъ.

Архипычъ и безъ того уже преусердно смотрѣлъ на диковинныхъ куръ. Сердце его было растрогано видомъ индюшекъ, павъ и цѣсарокъ, которыя попались въ его хозяйство.

Онъ отрылъ рублевикъ, подарилъ его лакею, поднесъ ему съ кучеромъ по чаркѣ водки и по луковицѣ на закуску — и плотно захлопнулъ за ними ворота.

Въ это время за калиткой раздался стукъ.

— Кто тамъ? крикнулъ Архипычъ.

— Пускай, старый, кликнулъ знакомый голосъ псручка Обрѣзкова, хорошаго пріятеля Коростилина, и человекъ, котораго Архипычъ считалъ надежнымъ, что не испортитъ барское дитя.

— Сейчасъ, сударь, отвѣчалъ Архипычъ, — милости просимъ. Онъ загремѣлъ замкомъ, пріотворилъ калитку и впустилъ Обрѣзкова.

— Что у васъ тутъ за чудеса творятся? сказалъ Обрѣзковъ, — диковинныя птицы, съ царскимъ лакеемъ во дворъ къ вамъ пріѣхали...

Не успѣлъ Архипычъ сообразится съ отвѣтомъ, какъ въ калитку, опять забарабанили. Архипычъ отперъ

и вошли еще два офицера съ тѣмъ же самымъ вопросомъ.

Только что онъ принаровился опять затвориться, — его все пугало возвращеніе придворнаго лакея, — какъ снова послышался стукъ и голоса, и еще нѣсколько человекъ сосѣдей явилось съ такими же разспросами... Архипычъ, самъ еще ничего не зная, ясно понялъ, что сегодня отъ гостей не отобьешься, — махнулъ рукой и отошелъ отъ калитки побрякивая замкомъ и ключами.

Коростелинъ и его гости пошли на птичій дворъ, гдѣ уже торжественно, попригладивши перышки, расхаживали новыя птицы. Индюкъ шицѣлъ и обижался на красныя камзолы, будто преображенцы хотѣли его унижить въ глазахъ куръ, намекая что у него грудь не постоянно красная, какъ у нихъ. Черныя утки шицѣли и тоже на что-то дулись; а цесарки подсвистывали и торопливо копались въ землѣ. Павлинъ съ павами ходилъ, тихо и торжественно волоча по землѣ длинный хвостъ. За то, домашнія куры были крѣвко смущены неожиданнымъ появленіемъ такихъ крупныхъ и знатныхъ сожителей. Онѣ робко поклевывали и рылись въ землѣ, оглядывая гостей, то однимъ, то другимъ глазомъ; а пѣтухи выкрикивали свое «кукуреку», такъ-же нахально и дерзко, какъ бы для того, чтобъ ободрить куръ и заявить знатымъ пришельцамъ, что вотъ и мы-де птицы, хоть и маленькаго роста, но самостоятельныя, гордыя и задорныя. Кланяться вамъ, знати, не намѣрены, а выкрикивать умѣемъ такъ, хоть кого оглушимъ.

Павлинъ потряхивалъ хохолкомъ и медленно плыль къ нимъ въ сопровожденіи павъ.

— Пши, пши, какъ будто говорилъ онъ.—Я горла не деру, но за то я мастеръ взлетать на крышу, и довольно мнѣ распустить хвостъ, чтобы все вокругъ меня изумилось и пришло въ восторгъ. У простаго пѣтуха, потомка благороднаго фазана, перья пожалуй переливовъ великолѣпныхъ; но онъ нахаль, онъ кричитъ какъ простолюдинъ,—вѣчно какъ будто бранится,—вѣчно хлопочеть, чтобы объ немъ, мелкотравчатомъ, не позабыли. Нѣтъ, хорошая, порядочная птица никогда напоминать о себѣ не станетъ. Предки наши просили Александра Македонскаго, что бы вывезъ насъ изъ Индіи въ Европу,—а онъ самъ оцѣнилъ красоту нашихъ перьевъ, и за счастье почиталъ, что судьба именно ему предоставила совершить это событіе. Его имя неразрывно тѣсно связано съ нашимъ,—наша слава съ его славой. Мы его живой памятникъ. Да цвѣтетъ память героя, оцѣнившего красоту павлина!!!. И тутъ павлинъ не выдержалъ, прокричалъ сильнымъ, пронзительнымъ голосомъ, распустилъ хвостъ и, къ радости всѣхъ словесныхъ и безсловесныхъ, прошелся по двору торжественнымъ, нѣсколько увалистымъ шагомъ, съ тѣмъ сознаниемъ своего достоинства и красоты, съ какимъ прапорщикъ на смотре проходитъ церемониальнымъ маршемъ мимо начальства.

— Шипъ-шипъ!—говорилъ надутый индѣйскій пѣтухъ, раскинувъ хвостъ колесомъ и волоча перья по землѣ.—Наружная красота, шипѣлъ онъ,—дѣло пустяковое, только индѣйскіе дураки могутъ ею гордиться; мы, мексиканцы, гордимся нашей отвагой и смѣлостью. Подайте сюда любую большую собаку, это псчадіе

Европы, и любой индѣйскій пѣтухъ обратить ее въ бѣгство!!!

— Фить-фить-фить, говорили цесарки подергивая хвостиками. — Съ тѣхъ, поръ какъ насъ римляне вывезли изъ Африки, мы голодны и голодны. Насъ завезли сюда и ѣсть не даютъ...

— Шишшъ—шищли черныя утки — Насъ привезли и ничѣмъ непотчуютъ. Это нахально! Развѣ мы простыя утки?—у селезня красный гребень на головѣ.

— А ѣсть точно хочется! закричали голуби съ высокой голубятни, построенной Коростелинымъ собственноручно. На ихъ крикъ, изъ такой-же высокой скворечницы, повиснувши головы скворцы и тоже запищали, что проголодались. Услышавъ этотъ крикъ и, зная что съѣстнаго въ птичникъ кидается обыкновенно много, по забору разсѣлась мигомъ цѣлая стая воробьевъ и закрикала, что умираютъ съ голоду. Изъ будки, въ углу двора, вдругъ стрѣлой выскочилъ долговязый журавль, который ни одной чужой души не пускалъ во дворъ, а стерегъ его строже цѣпной собаки. На незнакомаго онъ кидался со всего размаха, и наровиль, во что бы ни стало, попасть клювомъ прямо въ глазъ. Онъ осмотрѣлъ птичникъ, обошелъ на долгихъ ногахъ медленными шагами новопривѣзжихъ, кивнулъ онъ имъ головой въ знакъ того, что принимаетъ ихъ въ свои владѣнія.

Онъ считалъ себя царемъ птичника — и будто съ упрекомъ подошелъ къ Коростелину и къ Архипчу, что они безъ его вѣдома напускали столько гостей изъ рода человѣческаго. Посмотрѣлъ, прошищлъ на собравшихся зрителей, отошелъ на середину

*

двора, сталъ на одну ногу и принялъ грозную позу блюстителя общественнаго спокойствія.

— Еще шагъ, говорилъ онъ, — и у кого нибудь или рука будетъ разбита, или щека проколота, или глазъ вышибенъ.

Вовсе не сказка, что у животныхъ есть свой языкъ. Разница между нашимъ языкомъ и языкомъ безсловесныхъ тварей состоитъ преимущественно въ томъ, что у насъ на каждое понятіе есть опредѣленное слово — а у нихъ словъ нѣтъ, но зато есть крики и движенія, при помощи которыхъ они пребезподобно объясняются, не только между собою, но и съ нами. Маленькой наблюдательности довольно, чтобы научиться понимать о чемъ собака хвостомъ вертитъ, и о чемъ курица кудахтаетъ. Ихъ языкъ похожъ на языкъ глухонѣмыхъ, которые, движеніемъ руки, лица и плечъ, могутъ рассказывать цѣлыя исторіи. Слово у нихъ не найдешь, а понять о чемъ идетъ дѣло, чрезвычайно незамысловато.

Человѣкъ двадцать народу, и мужчинъ и женщинъ, набравшихся на дворъ и молча разсматривавшихъ диковинныхъ птицъ, всѣ поняли о чемъ онъ разговаривалъ, — но прежде всѣхъ понялъ старый Архипычъ. Онъ вдругъ выскочилъ изъ толпы, забѣжалъ на поварню за рѣшетомъ, оттуда, побрякивая ключами, вѣчно висѣвшими у него на поясѣ, ринулся какъ угорѣлый въ кладовую, и тутъ, съ невѣроятнымъ для его лѣтъ проворствомъ, сталъ кидать савкомъ въ рѣшето разныхъ крупъ, овса, бобовъ, гороху; объѣдки вчерашняго хлѣба туда же бросилъ, и, торжественнымъ об-

разомъ, ошпарилъ на поварнѣ все это кипяткомъ.— Горячая вода текла дождемъ изъ рѣшета, Архипычъ не шелъ, а летѣлъ, и не столько раздвинулъ, сколько разрѣзалъ стоявшую у калитки толпу.

— Кушайте, мои миленькія,—говорилъ онъ перекрестясь и благословляя ихъ—посладитесь, мои сладенькіе,—и сталъ разбрасывать кормъ изъ рѣшета.

Коростелинъ подскочилъ къ нему, и сталъ, тоже благословясь, разбрасывать кормъ.

— Кушайте родненькіе, продолжалъ Архипычъ,—сожители наши новые;—дай вамъ, Богъ, нестись—да не нанестись! Дай вамъ, Богъ, плодится—да ненаплодится! Дай вамъ, Богъ, множится,—да ненамножится, себѣ на славу, намъ съ бариномъ на похвалу, а міру крещеному и некрещеному въ честь и въ слазть и въ доброе здорвье. Благослови васъ Господь Богъ, иже въ седьмой день почи отъ трудовъ своихъ, и иже заповѣда всякой твари: плодитесь и множитесь и наполняйте землю...

Всѣ зрители набожно перекрестились и, какъ до этого, инстинктивно постигали, о чемъ птица говорила,—такъ теперь постигли, зачѣмъ Архипычъ угощалъ птицу и о чемъ вознеслась его стариковская молитва къ ясному синему небу. Казалось, и птицы поняли, что происходило нѣчто торжественное. Пѣтухи особенно строго указывали курамъ, которое именно зерно вкуснѣе и сочнѣе, и сами изъ любезности продовольствовались только куриными объѣдками, глухо ворча, что куры отнимаютъ у нихъ много времени, заставляя выбирать для себя зерна и крошки повкуснѣе.

Куры же, съ своей стороны, прикидывались будто не очень голодны и ѣдятъ скорѣе изъ любезности, чѣмъ потому, что у нихъ въ зобахъ пусто.

Покуда происходило все описываемое, у воротъ Коростелина остановились извозничьи дрожки, и въ калитку шмыгнулъ невысокій человекъ съ сѣдою бородою, въ синемъ суконномъ кафтанѣ, въ поярковой шляпѣ, съ золотою медалью на шеѣ и, осмотрѣвшись кругомъ, подошелъ къ калиткѣ.

— Тебѣ, купецъ, эвто чего здѣсь надоть? прикрикнулъ на него Архипычъ, ворочающійся изъ птичника съ пустымъ рѣшетомъ.

— А хэзяина твоего проздравить съ царскою милостию, — да съ чиновомъ охфицерскимъ, — только гдѣ онъ?

— Ишь ты! отвѣчалъ Архипычъ, гордо осматриваясь кругомъ. — Дитя еще не такихъ чиновъ и не такихъ подарковъ дождется...

— Знаю, отвѣчалъ Кулибинъ. — Царица при мнѣ алмазный перстенецъ ему подарила.

— Царица ему подарила перстенецъ? вскрикнулъ Архипычъ и чуть было не выронилъ изъ рукъ рѣшето.

— Дитя, а дитя! закричалъ онъ, оборачиваясь къ калиткѣ. — Что это купецъ говорить? Будто царица тебѣ перстенецъ подарила, — а ты, сударь, мнѣ ничего не сказалъ!...

Коростелинъ вышелъ изъ птичника и, увидѣвъ Кулибина, низко поклонился ему, и они поцѣловались.

— Съ царскою милостію! поклонился ему въ поясъ Кулибинъ.

— Спаси тя Христось, отвѣчалъ ему Коростелинъ, также нѣсколько разъ кланяясь, — спасибо за честь, что навѣстилъ меня.

— Да чтожъ это такое? Да что это за притча? заговорили гости.

— Архипычъ, подсказалъ Коростелинъ, застегивая распахнувшійся было камзолъ, — сегодня у насъ праздникъ. Все, что есть въ печи, — все на столъ мечи.

Архипычъ сильно нахмурился.

— Поздравляйте меня, гг. офицеры, съ царскою милостію: съ брилліантовымъ перстнемъ, съ чиномъ прапорщика, да съ диковиною птицею.

— Нѣтъ, братъ! сказалъ Кулибинъ. — Ужъ коли говорить, такъ все говоръ — за него господа офицеры коли только онъ вздумаетъ жениться, сама государыня сватьей пойдетъ.

Архипычъ посмотрѣлъ, махнулъ рѣшетомъ и чѣмъ-то поддалъ его рукою, точно бубень.

— Ай да дитя! ай да Семень Егоровичъ, господинъ Коростелинъ! только какой-же ты смиренникъ! такія великія милости получаешь, а мнѣ, старому, ничего и не сказываешь, говорилъ Архипычъ.

— Сразу тебя, старый, хотѣлъ порадовать.

— Инъ, и на томъ спасибо! Онъ обнялъ Коростелина, разцѣловалъ его, расплакался — и вдругъ перекрестился: — Чтожъ это я, старикъ, Бога-то гнѣвлю? — Оомка! Сенька! гдѣ вы, разбойники? Бѣги Оомка въ церковь и зови весь причетъ, благодарственный молебенъ слу-

жить. А вы, гости честные, не откажитесь отъ нашего хлѣба-соли, пиръ горюю на радостяхъ зададимъ!...

Во что-же это такъ кутить Архипычъ; подумаль Коростелинъ—вѣдь не позже, какъ сегодня утромъ, говорилъ онъ, что послѣдніе пять рублей въ домѣ,—а съѣстнаго ничего нѣтъ... Но куда Коростелинъ разрѣшалъ эту загадку, Архипычъ, позванивая ключами, шагаль отъ сарайчика къ сарайчику, отъ поварни къ погребу, изъ погреба уходиль на чердакъ и вскорѣ—благоуханіе понеслись изъ открытыхъ оконъ поварни. Первымъ послышался запахъ жаренаго мяса,—а его смѣнилъ запахъ щей. Щи замѣнились тонкимъ благоуханіемъ уха,—слышно было, какъ мясо рубили,—какъ тѣсто раскатывали,—какъ настойки и наливки переливались изъ ведерныхъ бутылокъ въ обыкновенныя. Съ погреба бѣжали люди, таща жбаны квасу, пива, браги, меду липоваго и меду малиноваго. На дворѣ зашипѣлъ огромный самоваръ отца діакона Пантелея, въ которомъ было чуть-ли ни до пятидесяти стакановъ—и котораго одного на пятьдесятъ человекъ хватило-бы. Мимо самовара пронесли изъ кладовой бѣлевую корзину съ печеньемъ всякимъ—наконецъ...

О, блаженнѣйшій день! О, день похвальный, трехсальный, стохвальный! О, день славы и торжества! день побѣды, достиженія цѣли! День какаго давно хотѣлось Архипычу. Онъ ногъ подъ собою не слышалъ.—Дитя офицеръ! У дитяти брилліантовый перстень отъ царицы! царскія куры! да чтожь это бу-

дѣть? А давно ли дитя наше верхомъ на палочкѣ скакаль? И двадцати пяти лѣтъ нѣтъ тому назадъ!...

— Да, что я, старикъ, съ ума-то пачу? — Сенька, разбойникъ! Сенька! бѣги сейчасъ въ швальню, — кличь всѣхъ портныхъ — кличь проворнѣе! скажи, что не поскуплюсь; — главное, закройщиковъ тащи! — сейчасъ, скажи, — нужно! Хочу, чтобъ у барина черезъ часъ былъ охфицерскій мундиръ готовъ. Да обѣги всѣхъ — да нѣтъ! не ты обѣги — а ты, сосѣдъ, — проси всѣхъ господъ охфицеровъ — съ женами, съ дѣтьми, съ гостями ихъ проси, и ворота распахни настежь! и нищую братію не забудь. Всѣхъ зовемъ!!!

И вотъ, дворъ усталился откуда-то взявшимися столами, которые накрылись сосѣдскими скатертями и убрались разнокалиберными тарелками, кружками, плошками. И полѣзли изъ поварни всякія яства; и явился причетъ; и пошелъ молебень съ водосвятиемъ; и капли святой воды загорѣлись алмазами на спинахъ павлиновъ, цесарокъ. Мелкими брызгами окропили онѣ голубятню, скворечницу и журавлеву будку, проникли въ хлѣвъ къ холмогорской коровѣ, въ конюшню, гдѣ стояли двѣ лошади подъ стражей козла, — въ кладовыя, въ чуланы, въ подполья, на чердаки...

Гости разсѣлись. Отецъ протоіерей благсловилъ яства и питія, и пошло пированіе. Пиръ длился долго, по старинному, когда любили не выходить изъ за стола до поздняго вечера.

Уже солнце начинало садится, — уже не только гости, но даже и прислуга ихъ, — всѣ успѣли пошевелить въ рукахъ брилліантовый перстень, какъ вдругъ,

явился Архищичъ съ огромнымъ подносомъ въ рукахъ, а на подносѣ лежалъ офицерскій мундиръ, офицерская шпага, темлякъ, шарфъ, шляпа,—однимъ словомъ, все что для офицера надлежало.

— Изволь одѣваться, ваше благородіе!

Коростелинъ вопросительно взглянулъ на полковаго командира, сидѣвшаго у него по правую руку.

— Право не знаю, отвѣчалъ въ недоумѣніи полковой командиръ,—къ намъ-то еще приказъ не приходилъ.

— Ни какъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство, раздался голосъ сзади стоявшаго писаря.—Сейчасъ получено.

— Съ Царскою милостію, ваше благородіе, обратился онъ къ Коростелину.

— А коли такъ, кликнулъ одинъ изъ гостей,—такъ мы сами его въ новый мундиръ одѣнемъ.

И не успѣлъ Коростелинъ опомниться, какъ съ него сняли сержантскіе дослѣхи,—подняли на руки, и три раза подбросили. Затѣмъ, не дали перевести духа, послѣ такого воздушнаго путешествія, одѣли его въ офицерскій мундиръ, полковой же командиръ въ свою очередь немедленно распорядился призвать полковую музыку и полковыхъ пѣсенниковъ, и пиръ снова пошелъ горою.

Было уже часовъ одиннадцать. По тогдашнему обычаю—часъ довольно поздній. Разошлись гости, исчезла сбродная посуда и сбродное столовое бѣлье. Гости разошлись по домамъ. Куры спали на насѣсти. Не спала только дворняшка Оредка, которая пировала на славу объѣдками пира.—Да не спалось журавлю въ его будкѣ,—откуда онъ то-и-дѣло высовывалъ свою кро-

хотную голову съ длиннымъ носомъ и съ длинною шею. Коростелинъ спалъ, какъ убитый, при свѣтѣ лампадки, тихо озарявшій его новый мундиръ, лежавшій на стулѣ, и инструменты, доставившіе ему этотъ мундиръ. Во снѣ ему ничего не снилось.—Онъ былъ черезъ чуръ потрясень.

Өмка и Сенька тоже не спали—потому что были также очень сильно потрясены. Во время пира они такъ набѣгались, разнося и кушанье и напитки, что по словамъ Сеньки и, съ которымъ Өмка вполнѣ соглашался, —оттоптали заднія ноги.

Положеніе ихъ было въ самомъ дѣлѣ каторжное. Парни страшно проголодались, —бѣгая нѣсколько часовъ съ ряду съ кушаньями въ рукахъ, слыша заманчивый запахъ вкусныхъ блюдъ, и имѣя время только на то, чтобъ на бѣгу разжевать какойнибудь крохотной кусочекъ ветчины или что попало подъ руки. Голодъ только отъ этаго усиливался—и теперь они сидѣли въ людской съ сосѣдскими деньщиками и короткими пріятелями изъ дворовыхъ, вознаграждая себя за труды.

Они ѣли часъ не переводя духу;—другой часъ ѣли они съ роздыхомъ, —третій часъ ѣли они уже лѣниво; во тѣмъ не менѣе готовы были ѣсть до самаго утра. Одно было не совсѣмъ ладно.—Съѣстнаго Архипычъ далъ имъ въ волю—даже чаю имъ далъ.—Квасу огромныхъ пять жбановъ поставилъ.—Но насчетъ крѣпкихъ напитковъ обнаружилъ такую жестокость, что на каждого изъ гостей и на каждого изъ хозяевъ, выдано было всего по три рюмки водки, по кружкѣ меду, да по кружкѣ пива, съ наставленіемъ угощаться тихо

и чинно, какъ подобаетъ халопьямъ господина офицера, взысканнаго царскою милостію. Хозяева и гости насупились,—но чуть дверь за старикомъ затворилась, они лукаво переглянулись и, молчкомъ, стали вытаскивать изъ подъ наръ бутылки, кувшины, горшки, куда во время пира предусмотрительно сливали изъ недопитыхъ стакановъ и медъ и пиво и водку, и даже иногда, по ошибкѣ квасъ. Выходила изъ этаго, какая-то мутная смѣсь,—но и хозяева и гости были ею довольны.

Архипычъ заперся въ чуланчикъ, гдѣ стояла его нехитрая постель, и гдѣ сундукъ былъ нагроможденъ на сундукъ. Онъ перекрестился, поправилъ лампадку, снялъ со стѣнки счеты и сталъ перекидывать косточки. Лицо его то хмурилось, то прояснялось—наконецъ онъ задумался—припоминая, не было ли еще какихъ расходовъ—и наконецъ всталъ и вздохнулъ свободно и самодовольно.—Чтожъ? Сказалъ онъ, пятьдесятъ три рубля съ полтиной—а угощеніе было задано на цѣлый полкъ—да еще какое!

Онъ сталъ бережно раздѣваться,—смахнулъ пыль со своего синяго плисового кафтана, внимательно осмотрѣлъ сапоги.—Каждую вещь положилъ на мѣсто, и наконецъ вынулъ чернильницу, перо, разгладилъ листъ бумаги и положилъ все это на сундукъ, стоявшій у его кровати на другомъ сундукѣ и замѣнявшій ему письменный столъ; зажегъ сальную свѣчку и усѣлся писать слѣдующее письмо, которое мы и приводимъ въ точности соблюдая стариково правописаніе.

Милостивый государь батюшкѣ, и кормилецъ егоръ понкратычъ,

бьетъ тебѣ челомъ и ручки твои барскія цалуеть сподобострастіемъ вѣрній рабъ твой ихалонъ васька архиповъ, государыня матушка авдотья петровна, бьетъ тебѣ челомъ рабъ твой и цалуеть ручки, сподобострастіемъ; дай вамъ Богъ во всемъ посиѣшеніе, паче же всего телеснаго здравія, душевнаго спасенія, государынѣ лизаветѣ панкратевнѣ ручки цѣлую государынѣ авдотье сидоровнѣ, ручки цѣлую маврѣ сидоровнѣ, ручки цѣлую и за всѣхъ денно и нощно молюсь Господу Богу, и въ именинныя дни служу за здравныя молебны, и просфиру вынимаю. А што писали про бархатъ на камезорлѣ, такъ бархатъ я купилъ синей добротный по два рубля семь гривенъ съ алтыномъ, бекъ обозикъ назадъ пойдетъ, такъ пришло, а дитя таперя почиываетъ здорово, сегодня почитай весь полкъ угощали, пядесять три сполтиной стало. На дитя негнѣвитесь, эхто я на старости летъ прѣздалъ, дите самой царице ожарелѣ почипилъ; иза то ему брильянтовой перстинѣ царица дала своею рукой, перстинѣ хорошій всередине большой камень, а кругомъ въ три ряда маленькіе; первый рядъ шесть камней, второй рядъ въ двинатцать камней, третій рядъ въ двадцать четыре, мы его вместе съ деньгами отлихова человекъ съ прятал и куда прятимъ все я вамъ сказывалъ. А писать не стану неравень часъ, ище государыня прислала дитяти куръ большихъ, почитай съ собаку, одни куры сказываютъ изъ царства индейскаго, другіе изъ царства мериканскаго а третьи изъ пустыни ливійской а откуда черныя утки, никто не знаетъ а привезли эвтое сяводни на царскихъ лошадахъ и еще чинъ прапорщика егоръ семеновичу, дали я сегодняжъ покуда шло угощеніе, велелъ въ полчаса мундеръ охидерскій шить, сукно уменя было припасено, и шага и шляпа и шарфъ въ сундукѣ тайкомъ дѣржалъ, а корова у насъ поправилась и опять молоко хорошо даетъ, а егору семеновичу, говорятъ чтобъ живилъ, сказываютъ сама государыня всахи пойдетъ и впосоженные а мнѣ сегодня къ ночи запемоглось голова на радости кругомъ пошла, а ветчинку и грибки сегодня очень хвалили, самъ евераль хвалилъ, я ему кадушечку послалъ на домъ.!!! ха ха ха

Перо Архипыча двигалось тихо, голова сильно кружилась, въ вискахъ стучало и вдругъ стало рабить въ глазахъ. Онъ выпилъ квасу, на минуту ему полегчало, но голова опять закружилась. Онъ отворилъ дверь вышелъ въ сѣни чтобы освѣжиться, какъ вдругъ слышитъ—въ людской Оомка растѣваетъ что есть мочи:

„Какъ во городѣ было во Казани“!

Архипычъ пришелъ въ негодованіе.

Барина разбудить? Онъ быстро пошелъ въ поварню, отворилъ дверь. На него пахнуло гарью, дымомъ, въ глазахъ у него уже окончательно позеленѣло, онъ успѣлъ только крикнуть: священника! и грохнулся черезъ порогъ, къ ногамъ мигомъ отрезвѣвшей веселой компаніи.

Черезъ четверть часа, онъ уже лежалъ на кровати весь въ ранахъ отъ рожковъ, съ рукою подвязанной послѣ кровопусканія, безъ котораго тогда ни при какой болѣзни не обходились, — и подлѣ него сидѣлъ отецъ Игнатій, его духовникъ; а Коростелинъ въ другой комнатѣ умолялъ доктора, во чтобы то ни стало спасти Архипыча. Докторъ безнадежно покачивалъ головой:

— Отъ радости да отъ хлопотъ, да отъ пересыженной ночи у старика сдѣлался ударъ; говорилъ докторъ а въ такихъ лѣтахъ удары рѣдко выдерживаютъ.

— Но надо-жъ спасти его, настаивалъ Коростелинъ.

Докторъ развелъ руками.

— Что-жъ я буду дѣлать безъ Архипыча? спросилъ въ недоумѣніи Коростелинъ. Какъ же это будетъ?.. И вдругъ онъ отвалился на спинку скамьи, закрылъ лицо руками, и зарыдалъ всею своею мощною грудью.

Архипычъ кончилъ исповѣдь, причастился и теперь слабымъ голосомъ просилъ священника присмотрѣть, чтобы дитя не тратилось много на его похороны. Просилъ наблюдать за нимъ, а главное дѣло оберегать его отъ плутовства Оомки и Сеньки.

X. X.

приключенія
ПОХОЖДЕНІЯ ЖЕРАРДА.

II том   ГЛАВА XVIII.   *нотатъ Свѣтл*

Молодой художникъ бодро шелъ впередъ, весьма довольный тѣмъ, что наконецъ разстался съ бродягой. Ему было очень жаль Весельчака, онъ отъ души молился о его исправленіи, и вообще желалъ ему всего лучшаго; но ежедневныя сношенія съ челювѣкомъ, который не только самъ вѣчно обманывалъ, но и подозрѣвалъ постоянно другихъ въ плутовствѣ, — были весьма тягостны.

Жерарду, однако, сообщество нищаго бродяги принесло и не мало пользы, онъ приобрѣлъ много житейской опытности, и главное сталъ гораздо самостоятельнѣе и самоувереннѣе. Онъ теперь по опыту зналъ, что съумѣетъ прокормить себя дорогой, и смѣло шелъ впередъ. Ему даже часто приходило на мысль, что онъ теперь съ своимъ гуслими и малярной кистью, гораздо богаче, чѣмъ былъ въ то время, когда туго набитый кошелекъ Вань-Свѣтена висѣлъ у него на поясѣ. Деньги рано или поздно непременно бы извелись; но умѣнье играть и красить было въ немъ словно живой, никогда не изсякающій источникъ; кошелекъ у него взяли лихіе люди; — кто отниметь у него его знаніе и умѣнье?

Однажды, дня три или четыре послѣ того, какъ Жерардъ разстался съ Весельчакомъ, ему пришлось идти мимо великолѣпнаго зѣмка. Въ это время изъ подворотъ зѣмка, на богато-убранномъ конѣ, выѣзжалъ какой-то знатный вельможа въ сопровожденіи двухъ слугъ. Поравнявшись съ нашимъ другомъ, всадникъ слѣзъ съ коня и велѣлъ Жерарду остановиться. Молодому художнику показалось, что его снова хотятъ ограбить, и онъ засмѣялся про себя. «Не очень то ты разживешься на мой счетъ!» подумалъ онъ. Но смѣхъ его продолжался не долго. Вельможа потребовалъ, чтобы Жерардъ скинулъ съ себя верхнее платье. «Помилуйте, сударь,» воскликнулъ нашъ другъ, — „вы подумайте, теперь вѣдь зима! Если я вамъ отдамъ свое верхнее платье, то я погибшій человѣкъ!“

— Ты меня совсѣмъ не понимаешь, сказалъ на это вельможа, и сбросивъ съ плечъ свое подбитое мѣхомъ платье, просилъ Жерарда надѣть его на себя.

Молодой художникъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на чудака. Тогда одинъ изъ слугъ объяснилъ въ чемъ дѣло. Господинъ его въ нетрезвомъ видѣ убилъ двоюроднаго брата, и въ наказаніе за это наложилъ на себя эпитемью. Теперь же онъ просилъ Жерарда помѣняться съ нимъ одеждой, и принять на себя роль графа Дететейна.

— Ты, юноша, сказалъ самъ графъ, — смотри на меня какъ на слугу своего. Будь взыскателенъ и высокомѣренъ, какъ настоящій баринъ. Я же постараюсь быть по возможности покорнымъ и смиреннымъ. Исполнивъ мою просьбу, ты окажешь мнѣ огромную услугу; ты такимъ образомъ поспособствуешь спасенію моей души.

Жерарда усадили на коня, а самъ графъ, привѣсивъ

себѣ гусли на плечи, пѣшкомъ послѣдовалъ за нашимъ другомъ. Такимъ образомъ, Жерардъ, превратностью судьбы, изъ слуги нищаго, превратился въ повелителя графа! Положеніе его было весьма затруднительно. Полагаться исполнѣ на напускное смиреніе графа и командовать имъ было бы крайне неблагоразумно. Человѣкъ, привыкшій всегда и во всемъ давать себѣ волю, не можетъ, какъ бы не искренно было его раскаяніе, отвѣчать за то, что онъ въ минуту гнѣва сѣумѣеть удержать себя. Съ другой стороны, нашему другу необходимо было обращаться съ графомъ именно какъ съ слугою, и тѣмъ самымъ доставить ему случай выказать смиреніе и покорность.

Въ первой, попавшейся по пути гостинницѣ, Жерардъ и графъ переодѣлись съ головы до ногъ, и никто, въ богато-одѣтомъ вельможѣ, не узналъ бы странствующаго художника, а въ смиренно идущемъ за нимъ слугѣ, блестящаго графа Дететейна.

Жерарду былъ предоставленъ выборъ дороги. Онъ, разумѣется, продолжалъ путь по направленію Аугсбурга. Въ гостинницахъ, гдѣ останавливался мнимый графъ, его принимали съ великимъ почетомъ и угощали на славу. Однажды, содержатель заведенія обратился къ Жерарду съ покорнѣйшей просьбой позволить ему нарисовать у себя на выѣскѣ гербъ Его Сіятельства. Ложный графъ не только согласился, но и предложилъ самъ исполнить работу. Трактирщикъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него, но Жерардъ преспокойно полѣзъ на лѣстницу и принялся за дѣло. Настоящій графъ стоялъ возлѣ, и подавалъ художнику краски.

Нашъ другъ блестящимъ образомъ вышелъ изъ труднаго
Сем. Веч. Ж. для юношества № 12. 1871.

положенія. Онъ обращался съ графомъ, какъ съ слугой, отдавалъ ему разныя приказанія, дѣлалъ замѣчанія, когда ему что нибудь не нравилось, но вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно держалъ себя тихо и даже ни разу не возвысилъ голоса; такимъ образомъ, графу было относительно легко выдержать характеръ. Главная же уловка Жерарда состояла въ томъ, что онъ постоянно занималъ мнимаго слугу своего, рассказывалъ ему сказки или былъ, пѣлъ пѣсни, игралъ на гусляхъ и т. д. Не доѣзжая до Аугсбурга, они расстались; срокъ испытанія кончился. Жерардъ отдалъ графу его богатое платье и, надѣвъ свое, снова преобразился въ бѣднаго человѣка; но вельможа, въ знакъ благодарности, подарилъ нашему другу своего коня, да кромѣ того 5 золотыхъ монетъ. При прощаніи онъ сказалъ нѣсколько словъ глубоко тронувшихъ Жерарда.

— Ты, своимъ примѣромъ показалъ мнѣ, промолвилъ графъ, — что достойнѣе благородному человѣку стараться о томъ, чтобы его любили, нежели о томъ, чтобы его боялись. Спасибо тебѣ за урокъ; я постараюсь не забыть его!

Слуги графа, сердечно полюбившіе Жерарда за добродушіе, крѣпко пожали ему руку на прощаніе, и маленькое общество разошлось въ разныя стороны.

Вечеромъ того же дня, молодой художникъ былъ уже въ Аугсбургѣ. Городъ поразилъ его своей красотой, и онъ первые дни, то и дѣло ходилъ осматривать его. Особенно привлекли его выставленные для продажи образчики живописи на стеклѣ, и вырѣзныя работы на деревѣ и слоновой кости. Тутъ же онъ въ первый разъ увидѣлъ печатные листы и узналъ, что въ большихъ городахъ Германіи уже

совсѣмъ перестали переписывать книги.—Что ежели и въ Италіи такъ? подумалъ онъ, и сердце его сжалось.

Въ гостинницѣ, гдѣ остановился Жерардъ, жилъ богатый купецъ по имени Фрегъ. Онъ однажды увидѣлъ лошадь молодаго художника, и такъ прельстился ею, что пожелалъ пріобрѣсти красивое животное. Купецъ зашелъ къ нашему другу спросить о цѣнѣ и, разговорясь съ нимъ, предложилъ переписать набѣло годовые счета фирмы Фрега и К°. Онъ назначилъ порядочныя деньги за трудъ, и Жерардъ, разумѣется, съ радостью взялся за переписку. Онъ отлично исполнилъ возложенное на него дѣло, и съ тѣхъ поръ ему не было недостатка въ работѣ. Молодой художникъ, проживъ около трехъ недѣль въ Аугсбургѣ, успѣлъ заработать себѣ порядочную сумму денегъ.

Онъ все это время поджидалъ партію Нюренбергскихъ купцовъ, съ которыми собирался ѣхать до Венеціи. Фрегъ также отправлявшійся туда по коммерческимъ дѣламъ, предложилъ Жерарду взять его къ себѣ въ секретари. Молодой художникъ обязывался по вечерамъ писать письма подъ диктовку купца, или же сводить счета, а Фрегъ бралъ на себя заботы о прокормленіи и помѣщеніи нашего друга въ продолженіи всего пути.

10 января, Жерардъ, въ обществѣ многочисленной партіи купцовъ, сопровождаемой, для большой безопасности, конвоемъ солдатъ, вышелъ изъ Аугсбурга, и недѣли двѣ спустя, благополучно прибылъ въ Венецію. Оттуда ему уже было не далеко до Рима. Дня два или три по пріѣздѣ своемъ, онъ сѣлъ на корабль и поплылъ по Адриатическому морю. Шестъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ онъ оставилъ Голландію, другъ нашъ входилъ въ Вѣчный городъ.

ГЛАВА XIX.

Жерардъ нанялъ себѣ комнатку на правомъ берегу Тибра, и зажилъ весьма скромно. Онъ каждый день ходилъ по городу и, завидя лавку съ выставленными у окна рукописями, непременно заходилъ въ нее и показывалъ приготовленные имъ заранѣе образчики письма. Но молодого художника вездѣ принимали весьма холодно. — Что это вы какъ мелко пишете, говорилъ одинъ. — Чернила что-то нехороши, замѣчалъ другой. — И что вамъ за охота писать по латыни, восклицалъ третій — Развѣ вы не знаете по гречески?

— Знаю, отвѣчалъ нашъ другъ, — но я по латыни пишу несравненно лучше, чѣмъ по гречески.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ нечего и надѣяться на работу въ Римѣ, говорилъ слушатель. Последнѣе замѣчаніе повторялось такъ часто, что Жерардъ наконецъ за большія деньги взялъ на прокатъ прекрасную греческую рукопись и прилежно принялся списывать съ нея. Недѣли двѣ спустя, онъ отнесъ рукопись назадъ, и при этомъ представилъ прекрасные образчики греческаго письма. Но купцы объявили ему, что такъ мало вообще спроса на рукописи, что имъ нѣтъ выгоды покупать ихъ, будь они написаны на какомъ угодно языкѣ. — Къ намъ въ Римъ наѣхало столько каллиграфовъ, сказалъ одинъ изъ купцовъ — что мы не знаемъ, что и дѣлать съ ними. Чтобы вамъ пріѣхать въ прошломъ году?

Однажды, нѣсколько дней спустя, онъ случайно встрѣтился на лѣстницѣ съ хозяйкой того дома, въ которомъ

жилъ. Она остановилась и, пораженная грустнымъ выраженіемъ обыкновенно веселаго лица Жерарда, спросила у него, что съ нимъ, о чемъ это онъ тужить. Онъ отвѣтилъ, что не смотря на всѣ усилія, не можетъ найти себѣ работы.

— Зайди ко мнѣ, мой милый, — отобѣдаемъ вмѣстѣ, и расскажи мнѣ свое горе, сказала на это добрая женщина. — Авось мнѣ удастся какъ нибудь помочь тебѣ. Жерардъ поблагодарилъ хозяйку и послѣдовалъ за нею. Онъ рассказалъ ей о своей неудачѣ съ купцами.

— Очень естественно, мой милый, сказала на это старушка. — Во первыхъ, въ каждой лавкѣ есть свои давнишніе писаря, а во вторыхъ, въ твоихъ рукописяхъ огромный недостатокъ. Я знаю, я вѣдь видѣла нѣсколько образчиковъ твоего искусства. И этотъ недостатокъ такого рода, что купцы ни за что не простятъ тебѣ его. Что ты такъ на меня смотришь? Сказать тебѣ, въ чемъ ты грѣшишь? — ты слишкомъ хорошо пишешь!

Жерардъ разсмѣялся. — Я васъ не понимаю, сказалъ онъ.

— Очень просто. Сравненіе было бы невыгодно купцамъ. Глядя на твою рукопись, никто не захотѣлъ бы покупать то, что у нихъ имѣется. Но будь покоенъ. Въ Римѣ не мало богатыхъ людей, чуть непомѣшавшихся на каллиграфіи. Стоитъ только узнать ихъ имена и отправиться къ нимъ. Я спрошу объ этомъ одну мою хорошую знакомую — Тереза всегда знаетъ всѣ городскія новости, она поможетъ намъ.

На другой день, добрая женщина сообщила Жерарду, что она видѣла Терезу, и узнала о пяти богатыхъ господахъ, страстныхъ охотникахъ до каллиграфіи. Нашъ другъ

записалъ ихъ имена, купилъ пергаменту, съ особенной тщательностью приготовилъ писменные обрашки, и назначивъ на ихъ свое имя и адресъ отнесъ по одному листу къ каждому изъ пяти указанныхъ ему любителей искусства.

За тѣмъ, онъ сталъ ждать.

День проходилъ за днемъ, но никто не посылалъ за нимъ.

Кошелекъ Жерарда замѣтно пустѣлъ. Нашъ другъ принялся раскрашивать игорныя карты, по вечерамъ разучивалъ разныя мелодіи на гусяхъ и, вмѣсто трехъ разъ въ день, сталъ ѣсть только два.

Но тутъ хозяйка вмѣшалась въ дѣло. — Полно морить-то себя голодомъ, дитя, сказала она Жерарду. — Не вѣкъ тебѣ маяться, ты человѣкъ знающій, дѣльный; прійдетъ и твоя пора. Какъ будутъ деньги, ты заплатишь мнѣ, а пока я прокормлю тебя и даромъ.

— Спасибо вамъ за ласковое слово, хозяйка, отвѣтилъ на это молодой художникъ, — но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы изъ за меня добрые люди теряли должное.

— Да ты, кажется, такой же сумасшедшій, какъ и сосѣдь твой, Піетро, вѣчно няньчащійся со своей плохой картиной!

— Почему вы полагаете, что картина плоха?

— Потому что никто не покупаетъ ее. Этотъ Піетро такой чудакъ, какаго свѣтъ, кажется не производилъ. Приѣхалъ онъ сюда изъ Флоренціи и привезъ недоконченную картину. У него тогда были деньги, и онъ, нанявъ у меня комнату, отлично убралъ ее, и по окончаніи своей работы, сталъ принимать у себя посѣтителей. Заѣго картину предлагали очень порядочныя деньги, но онъ съ презрѣніемъ отказывался продать ее за такую, по словамъ его, ничтож-

ную цѣну. Съ тѣхъ поръ, онъ часто беретъ картину съ собой, когда ходитъ въ городъ, но никто не покупаетъ ее. Последнее же время, Піетро сталъ продавать не только мебель, но и платье. Въ настоящую минуту у него въ комнатѣ остался одинъ лишь большой ящикъ, служащій ему и постелью и стуломъ и столомъ. Жалость на него смотрѣть, да все тутъ! Повѣришь ли, даже не во что ему и одѣться въ праздникъ, все перепродалъ! И ко всему этому, такъ гордъ, что и приступа нѣтъ. Я бы охотно помогла, чѣмъ могу, но куда, и взглянуть то никогда не взглянетъ. Если встрѣтишь его когда на лѣстницѣ, слова не промолвить, смотритъ такой букой, просто бѣда!

— Онъ вѣрно совѣстится своей бѣдности? замѣтилъ на это Жерардъ.

— Очень глупо, если такъ, сказала хозяйка. — Какое онъ имѣетъ право предполагать, что всѣ люди злы и станутъ смѣяться надъ нимъ?

Со времени этаго разговора, Жерардъ часто сталъ думать о бѣдномъ художникѣ; въ ихъ положеніи было много общаго, и нашъ другъ рѣшился непременно познакомиться съ Піетро, и если возможно, подѣлиться съ нимъ собственными, скудными средствами. Онъ нѣкоторое время искалъ случая встрѣтиться съ нимъ, но это ему долго не удавалось и онъ, однажды, рѣшился прямо отправиться въ комнату живописца,

— Извините меня, г. Піетро, что наскучивъ своимъ одиночествомъ, я осмѣливаюсь нарушить ваше уединеніе, входя, сказалъ Жерардъ.

— Я ближайшій вашъ сосѣдъ, да къ тому же самъ художникъ.

— Вы живописецъ? Милости просимъ садиться, и Піетро, соскочивъ съ своего ящика, указаль на него Жерарду. Нашъ другъ поклонился, но отвѣтилъ, что онъ не смѣеть называть себя живописцемъ, что онъ каллиграфъ, и занимается перепиской латинскихъ и греческихъ рукописей.

— Но вы сейчасъ говорили, что вы художникъ, сказалъ Піетро.—По моему, художникомъ можетъ назваться лишь тотъ, кто мыслить, и мысли свои передаетъ на полотнѣ. Каллиграфъ же, только выводитъ чернилами на бумагѣ чужія мысли.

— Такъ, отвѣтилъ совершенно спокойно Жерардъ,— но дѣло въ томъ, что каллиграфъ за то смѣеть передать на бумагѣ такія высокія, разнообразныя мысли, которыхъ ни одинъ живописецъ не изобразить на полотнѣ! Но оставимъ это. Я также и живописецъ, но весьма плохой.

— Тѣмъ лучше для васъ. Въ Римѣ такимъ только и бываетъ удача.

Въ эту минуту, по лѣстницѣ рздались шаги.—Это вѣрно хозяйка, сказалъ Жерардъ.—Сударыня, я здѣсь у г. Піетро и увѣренъ, что онъ позволитъ мнѣ отобѣдать въ его комнатѣ. Не такъ ли сударь?

Итальянецъ молча поклонился.

Хозяйка внесла дымящійся обѣдъ Жерарда, и не говоря ни слова, поставила его на ящикъ.

Нашъ другъ принялся ѣсть, но вскорѣ приостановился и сказалъ:—не сдѣлаете ли вы мнѣ одолженіе пообѣдать со мной? этотъ рагу изъ почекъ отлично приготовленъ;—

хозяйка наша мастерица своего дѣла — попробуйте! И онъ предложилъ ему ложку.

Піэтро пристально посмотрѣлъ на него.

— И такъ, добрый юноша, будучи чужимъ мнѣ человѣкомъ, ты хочешь отдать мнѣ свой обѣдъ?

— Съ насъ будетъ обоихъ, отвѣтилъ Жерардъ.

— Что же? Я согласенъ, повидимому довольно спокойно сказалъ живописецъ, и схвативъ блюдо, вылилъ весь рагу за окно.

— Вотъ тебѣ урокъ не предлагать милостыни незнакомымъ тебѣ художникамъ, г. писарь! весь дрожа отъ злости и оскорбленнаго самолюбія, воскликнулъ итальянецъ.

Жерарду стоило большаго усилія не броситься на гордеца; но онъ удержался и холодно сказалъ:

— Позвольте вамъ замѣтить, что вы поступили не честно. Я предложилъ вамъ подѣлиться со мной обѣдомъ. Вы могли выбросить свою часть, но не имѣли никакого права распорядиться моею. Гордость хороша, но справедливость лучше!

Піэтро молча глядѣлъ на Жерарда и нѣкоторое время ничего не отвѣтилъ.

— Вы правы, наконецъ сказалъ онъ, — и я прошу васъ извинить меня. Оставьте меня одного, молодой человѣкъ. Я не гожусь для общества. Постоянныя неудачи до того раздражили меня, что я сталъ ненавидѣть всѣхъ людей. Еще разъ, извините меня и прощайте!

Жерардъ вздохнулъ и направился къ двери. Но вдругъ мысль блеснула въ головѣ его.

— Г. Піэтро, сказалъ онъ. — Я у васъ попрошу объ

одномъ. Позвольте мнѣ, въ замѣнъ потеряннаго обѣда, взглянуть на вашу картину?

— Ни за что, поспѣшно отвѣтилъ живописецъ. — Я все не желаю проливать вашей крови!

— Я васъ не понимаю? съ недоумѣніемъ сказалъ Жерардъ.

— Знайте молодой человекъ, мрачно проговорилъ итальянецъ, — что я, въ минуту сильнаго раздраженія отъ глупыхъ толковъ немыслящихъ людей, покаялся убить перваго человекъ, который осмѣлится небрежно отозваться о моей картинѣ!

— Неужели же всякій человекъ, которому не понравится ваше произведеніе, долженъ непременно поплатиться жизнью за свой вкусъ? спросилъ Жерардъ, и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на стоящую въ той же комнатѣ, но обернутую лицомъ къ стѣнѣ, большую картину.

— Боже сохрани! Я требую только одного: если кому не нравится, то пускай молчитъ! Бѣдная моя картина! сколько я истратилъ на тебя живыхъ силъ, съ какой любовью, съ какой вѣрой я создавалъ тебя! Не дамъ я тебя въ обиду, не позволю всякому невѣждѣ надсмѣхаться надъ тобою!

Жерардъ съ участіемъ смотрѣлъ на взволнованнаго художника.

— Что же, сказалъ онъ, — покажите мнѣ вашу картину — я, въ случаѣ нужды, съумѣю промолчать.

Піетро всталъ и обернулъ полотно на лицевую сторону.

Богородица съ младенцемъ Іисусомъ была представлена летящей по воздуху и поддерживаемой серафимами и херувимами. Подъ ногами у Нея разстился обширный

ландшафтъ, а надъ головой видѣлось темное, фіолетовое небо юга.

Жерардъ долго молча глядѣлъ на картину, такъ долго, что Піетро наконецъ не выдержалъ.

— Что же вы, ничего не скажете? воскликнулъ онъ.

Жерардъ вздрогнулъ, словно его пробудили отъ сна.

— Піетро Ванучи! торжественно проговорилъ онъ. — Я преклоняюсь предъ тобой! Я благодарю Бога за то, что на свѣтъ есть люди, подобные тебѣ. Картина твоя бессмертна! и ты, бѣднякъ, царь въ великомъ царствѣ искусства! Да здравствуетъ Піетро Ванучи! *)

Художникъ бросился на шею Жерарда. — Наконецъ-то! рыдая говорилъ онъ. — Наконецъ-то! Ты понялъ меня, ты одинъ!

— Я первый, отвѣтилъ Жерардъ. — Слава ожидаетъ тебя впереди!

— Спасибо тебѣ, спасибо! Ахъ я негодный человекъ, какъ могъ я выбросить твой обѣдъ за окно. Да я послѣ этаго просто извергъ, чудовище какое-то!

— Ну что, чудовище, поужинаешь что ли теперь со мной?

— Еще бы! Куда ты?

— Заказать ужинъ. А картину мы пригласимъ къ себѣ въ гости!..

— Моя дорогая, милая картина!

— Ахъ, Піетро, ей придется присутствовать на многихъ

---

*) Піетро Ванучи, извѣстный въ исторіи искусства подъ названіемъ Піетро Перуджино, былъ однимъ изъ самыхъ великихъ живописцевъ конца XV столѣтія и начала XVI, у него въ послѣдствіи учился бессмертный Рафаель.

пиршествахъ, когда насъ съ тобою уже давно не будетъ на свѣтѣ!

— Я надѣюсь, что такъ, отвѣтилъ художникъ.

Недѣлю спустя, новые друзья сидѣли въ двоимъ въ комнатѣ и занимались раскрашиваніемъ игорныхъ картъ.

Дѣло быстро подвигалось къ концу и Жерардъ уже собирался отправиться въ городъ съ тѣмъ, чтобы искать по улицамъ покупателей, когда хозяйка, пріотворивъ дверь, позвала его. — Иди сюда, сказала она, — Тереза пришла и имѣетъ что-то сообщить тебѣ.

Нашъ другъ отправился внизъ, и увидѣлъ среднихъ лѣтъ женщину, съ серіознымъ и благороднымъ выраженіемъ лица. Я слышала, сударь, сказала она, — что вы нуждаетесь въ работѣ. Вчера мнѣ говорили, что съѣдка ваша, Олимпія, жена золотыхъ дѣлъ мастера, ищетъ писаря для приведенія въ порядокъ счетовъ по лавкѣ. Если вамъ угодно, то я провожу васъ къ ней?

Жерардъ, разумѣется, очень обрадовался, и съ благодарностью послѣдовалъ за Терезой. Дорогой, она спросила его, обращался ли онъ съ просьбой о работѣ къ тѣмъ господамъ, о которыхъ она говорила хозяйкѣ. Какъ же, отвѣтилъ онъ, — но увы! — совершенно безуспѣшно.

— Удалось ли вамъ видѣть хотя одного изъ нихъ?

— Нѣтъ, привратники не хотѣли даже и докладывать обо мнѣ.

— Вы догадались ли дать имъ денегъ и обѣщать еще въ случаѣ успѣха?

— И въ голову не пришло! съ недоумѣніемъ глядя на Терезу проговорилъ Жерардъ.

— Въ такомъ случаѣ, нечего и удивляться вашей неудачѣ. По всей вѣроятности, рукописи ваши и до сихъ поръ лежатъ гдѣ нибудь въ каморкахъ привратниковъ!

Въ это время, разговаривающіе подошли къ лавкѣ золотыхъ дѣлъ мастера.

— Сударыня, входя, сказала Тереза, обращаясь къ Олимпіи — я слышала отъ нашей общей знакомой Елеонорѣ, что вы нуждаетесь въ писарѣ. Я привела вамъ вотъ этаго молодого человѣка, и надѣюсь, что онъ угодитъ вамъ. И съ этими словами она взяла Жерарда за руку и подвела его къ хозяйкѣ дома.

Олимпія посмотрѣла на нашего друга. — Елеонора ошиблась, сказала она, — мнѣ вовсе не нужно писаря; я никогда не употребляю ихъ, потому что мужъ самъ занимается счетной частью. Я говорила Елеонорѣ не о себѣ, а о исповѣдникѣ своемъ, объ отцѣ Колоннѣ; это онъ пишетъ искуснаго каллиграфа; святой отецъ чуть съума не сошелъ на рукописяхъ!

— Не сдѣлаете ли вы намъ одолженіе, сударыня, не проводите ли вы насъ къ нему? спросила Тереза.

— Я пошлю съ вами своего мальчика, мнѣ самой некогда, да и не къ чему. Дверь Фра-Колонна постоянно оперта всѣмъ художникамъ и литераторамъ. Намъ только стоитъ объявить, что вы пришли отъ меня и привели писаря, васъ тотчасъ примутъ; разумѣется, не мѣшаетъ и подарить что-нибудь привратнику! Предупреждаю васъ только объ одномъ: святой отецъ очень взыскателенъ. Если вы, молодой человѣкъ, увѣрены въ своемъ искусствѣ, то смѣло идите къ Фра-Колонна, ежели же нѣтъ, то мой совѣтъ вамъ, избѣгать его, какъ огня. Онъ до

того требователенъ и строгъ, что до сихъ поръ почти никто не сумѣлъ угодить ему, хотя на него работаютъ самые искусные каллиграфы Рима!

Жерардъ при этихъ словахъ поблѣднѣлъ.

— Я лучше отправлюсь завтра къ святому отцу, не-твердымъ голосомъ сказалъ онъ.

— Что, страшно стало? нѣсколько насмѣшливо спросила Олимпія.

— Да, страшно, просто отвѣтилъ молодой художникъ, прямо глядя на хозяйку дома. — Римъ славится своими каллиграфами; какъ мнѣ не бояться челоуѣка, по вашимъ же словамъ бракующаго почти всѣ представляемыя ему рукописи? Я отправлюсь домой и съ особенной тщательностью приготовлю образецъ своего письма. Завтра же, если позволите, зайду къ вамъ, и вашъ мальчикъ проводить меня къ святому отцу.

Хозяйка изъявила свое согласіе, и молодой художникъ, въ сопровожденіи Терезы, вышелъ на улицу. Онъ горячо поблагодарилъ добрую женщину за оказанную ему услугу, и за тѣмъ отправился домой. Проходя мимо лавки, въ которой продавались письменныя принадлежности, онъ увидѣлъ выставленные у окна свертки великолѣпнаго пергамента. Бѣдный другъ нашъ вздохнулъ. У него въ кошелькѣ оставалось всего двѣ или три серебряныя монеты, нечего было и думать о покупкѣ новаго пергамента. Жерардъ рѣшился употребить въ дѣло тотъ свертокъ, который онъ принесъ съ собой изъ Голландіи. Онъ до сихъ поръ тщательно хранилъ его, какъ воспоминаніе о родинѣ, и часто развертывалъ, съ намѣреніемъ прочесть. Но рукопись до того была дурно написана, что стоило не малаго

труда разобрать ее; и Жерардъ, всякій разъ, взглянувъ на отвратительный почеркъ, откладывалъ свертокъ въ сторону. — Когда нибудь въ другой разъ прочту, думалъ онъ. Теперь же ему нельзя было оставить дѣло до другаго раза, потому что, какъ мы уже говорили, онъ рѣшился употребить въ дѣло пергаментъ, и слѣдовательно ему приходилось стереть все то, что было написано на немъ; нашъ другъ досталъ рукопись и рѣшительно принялся за нее.

Она начиналась слѣдующими словами:

„Когда, вы, возлюбленные мои Петръ и Илья, прочтете, что написано здѣсь . . . . .“

Имена отца и Петра Брандта поразили Жерарда, когда онъ въ первый разъ прочелъ ихъ въ Севенбергенѣ, но съ тѣхъ поръ съ нимъ было столько приключеній, что онъ вполнѣ успѣлъ забыть объ этомъ обстоятельстве. Теперь же, его снова поразило это общее обращеніе къ настоящимъ непримиримымъ врагамъ, и онъ съ любопытствомъ продолжалъ разбирать рукопись.

По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, все дальше и дальше, сильное волненіе стало овладѣвать имъ; руки его задрожали, глаза такъ и бѣгали. Наконецъ онъ не выдержалъ, вскочилъ съ своего мѣста и, схвативъ себя за голову, въ замѣшательствѣ пробормоталъ: — не сонъ ли это? о Господи!“ но потомъ снова принялся за рукопись и жадно прочиталъ ее до конца.

Передъ нимъ лежало духовное завѣщаніе Дитрихта Ванъ Гейзена, дяди его отца и Петра Брандта. Духовная эта была составлена въ годъ женитьбы Ильи на Екатеринѣ, и въ ней поровну дѣлилось имѣніе дяди между двумя воспитанниками его. Шесть лѣтъ спустя, было написано при-

бавленіе, въ которомъ говорилось, что такъ какъ къ глубокому огорченію завѣщателя, одинъ изъ наслѣдниковъ, а именно Илья, совратилъ съ пути истины, и можетъ дурно употребить оставленное ему богатство, то онъ, Дитрихъ Ванъ Гейзенъ все свое состояніе завѣщаетъ Петру Брандту на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Петръ Брандтъ неимѣетъ никакого права раздѣлить состояніе Дитрихта съ Ильею. 2) Въ случаѣ женитьбы Петра и рожденія у него дѣтей, онъ обязывается стараться о соединеніи бракомъ одного изъ нихъ съ однимъ изъ дѣтей Ильи. 3) Въ случаѣ же если Брандтъ не женится, или у него не будетъ дѣтей, Дитрихъ обязывалъ его оставить свое состояніе по завѣщанію тому изъ сыновей Ильи, который, по мнѣнію Брандта, будетъ всѣхъ достойнѣе. Въ заключеніе, Ванъ-Гейзенъ благодарилъ Петра за его любовь и постоянныя попеченія о немъ, упоминалъ и объ Ильѣ, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ просилъ его, ради спасенія души, стараться объ исправленіи и наконецъ, обращаясь къ Гизбрехту Ванъ Свитену (которому онъ далъ свою духовную на сохраненіе), съ тѣмъ, чтобы онъ предъявилъ ее послѣ смерти завѣщателя, просилъ его не говорить другимъ людямъ всего того, что онъ знаетъ дурнаго объ Ильѣ, и не судить о немъ такъ строго, какъ судилъ до сихъ поръ. „Богъ милосердъ и долготерпѣливъ“, писалъ старикъ. — „Я надѣюсь, что мой бѣдный, заблудшій Илья раскаяется въ своихъ худыхъ поступкахъ и снова обратится на путь истинный! Я молю Бога о немъ. Да поможетъ Онъ моему бѣдному, не смотря ни на что, все-таки дорогому мнѣ Ильѣ“. — Жерарда душили слезы. Онъ вскочилъ съ своего мѣста, и въ страшномъ волненіи заходилъ по комнатѣ. Ра-

дость, ненависть къ злодѣю, причинившему столько страданій бѣдному отцу его, да и ему самому, досада на себя за то, что онъ не ранѣ прочелъ драгоцѣнную рукопись, мысль, что нѣсколько просмотрѣнныхъ во время строкъ избавили бы его отъ изгнанія изъ родины, страстное, порывистое желаніе тотчасъ, въ ту же минуту вернуться въ Голландію и поправить страшное зло, причиненное бургомистромъ, — все это наполняло его сердце. Онъ не зналъ, что начать и за что взяться. Мало по малу, однако, нашъ другъ началъ успокоиваться, и принялся обдумывать свое настоящее положеніе. У него въ карманѣ, какъ мы уже говорили, оставалось только нѣсколько серебряныхъ монетъ. Взять свои гусли да кисть, и снова отправиться пѣшкомъ въ Голландію, зарабатывая себѣ дорогою насущный хлѣбъ, было бы крайне неблагоразумно. Жерардъ по опыту зналъ, сколькимъ опасностямъ подвергается одинокій путешественникъ. Идя въ Римъ, онъ рисковалъ одной только жизнью. Теперь же на немъ лежала священная обязанность примирить двухъ враговъ, успокоить наболѣвшее сердце отца и наконецъ, какъ тогда думалъ Жерардъ, наказать злодѣя. Онъ обязанъ былъ теперь стараться о собственной безопасности, и дѣйствовать осмотрительно. По зрѣломъ обсужденіи, онъ рѣшился остаться въ Римѣ до тѣхъ поръ, пока не успѣетъ заработать себѣ достаточно денегъ для уплаты мѣста на корабль, и затѣмъ, отправившись въ ближайшій портъ, выбрать надежное на видъ судно и, сѣвъ на него, плыть до самаго Амстердама. Рѣшившись на это, другъ нашъ тяжело вздохнулъ. Кто знаетъ, сколько времени ему еще придется прожить въ Римѣ, пока онъ не соберетъ необходимую для проѣздки

сумму? А сердце его такъ и рвалось въ Тергау и Се-венбергенъ! Но дѣлать было нечего, и нашъ другъ, собравъ послѣднія деньги, отправился въ лавку и купилъ маленькій кусокъ пергамента. Рука его, однако, такъ дрожала, что не смотря на всѣ усилія, онъ рѣшительно не могъ писать. Пока онъ старался успокоить внутреннее волненіе, и, выпивая время отъ времени стаканъ холодной воды, ходилъ по комнатѣ, дверь отворилась и къ нему вошелъ Піетро. Итальянецъ тотчасъ замѣтилъ странное выраженіе лица Жерарда и съ участіемъ спросилъ: что съ нимъ. Нашъ другъ сообщилъ ему о только что о сдѣланномъ открытіи и прочиталъ вслухъ духовное завѣщаніе Дитриха Ванъ Гейзена. Ванучи отъ души поздравилъ товарища, и новые друзья, до поздней ночи проговорили о странной участи документа, такъ случайно попавшемъ въ руки Жерарда, и такъ долго хранившимся у него, какъ воспоминаніе о родинѣ. Натолковавшись вдосталь, художники разошлись и Жерардъ, бросившись на постель, почти тотчасъ крѣпко заснулъ.

На другое утро онъ поднялся очень рано и принялся за работу. Часу въ двѣнадцатомъ, онъ отправился сначала къ Олимпіи, а оттуда къ Фра-Колонна. Наканунъ, Піетро успѣлъ продать за порядочныя деньги разкрашенные друзьями игральныя карты, и на счастье Жерарда, у него было чѣмъ умиловить привратника. Его почти тотчасъ допустили къ Фра-Колонна, и онъ съ трепетомъ вошелъ въ большую, свѣтлую комнату, въ которой сидѣлъ монахъ ордена св. Доминика. Передъ Фра-Колонна лежала арабская рукопись, и онъ до того былъ поглощенъ ею, что нѣкоторое время не замѣтилъ присутствія Жерарда. На-

тонецъ монахъ поднялъ глаза и увидѣлъ нашего друга...

— Что вамъ угодно, молодой человѣкъ? довольно сухо спросилъ онъ.

— Святой отецъ, — почтительно отвѣтилъ Жерардъ, — я слышалъ, что ваше священство ищетъ калиграфа для переписки древнихъ рукописей, и осмѣлился явиться къ вамъ съ просьбой испытать мое искусство...

— Вы калиграфъ? Напишите нѣсколько словъ, и покажите мнѣ. И съ этими словами монахъ указалъ Жерарду на близъ стоявшій столъ, на которомъ находилось все нужное для письма.

— Не угодно ли вамъ будетъ, святой отецъ, посмотреть на принесенный мною и нарочно приготовленный для вашего священства образецъ греческаго и латинскаго письма. У меня теперь такъ дрожить рука, что я не способенъ написать порядочно!

— Покажите, молодой человѣкъ...

Жерардъ дрожащею рукою передалъ монаху пергаментъ, и за тѣмъ, въ страшномъ волненіи сталъ ожидать приговора своего строгаго судьи.

Приговоръ этотъ поразилъ его; — двѣ руки обвились вокругъ шеи его, и онъ вдругъ, самъ не зная какъ, очутился въ объятіяхъ Фра-Колонна.

Послѣ этого, разумѣется, Жерарду уже не было недостатка въ работѣ. Доминиканецъ представилъ его нѣсколькимъ богатымъ господамъ, приходившимся ему сродни, а нашъ другъ, благодаря несомнѣнному таланту, молодости и замѣчательному умѣнью держать себя, вскорѣ сталъ любимымъ фаворитомъ римской знати. Онъ зарабатывалъ себѣ большія деньги, и мѣсяца три спустя, послѣ знаком-

ства своего съ Фра-Колонна, онъ уже собралъ достаточную сумму для уплаты за мѣсто на суднѣ, отплывающемъ въ Голландію.

Нашъ другъ среди удачъ не забылъ о бѣдномъ Піетро. Онъ разсказалъ о немъ Фра-Колонна и уговорилъ Домниканца отправиться къ Ванучи посмотреть его картину. Святой отецъ пришелъ въ восторгъ отъ таланта Піетро, и взявъ картину съ собой, продалъ ее за большія деньги одному изъ членовъ богатаго дома Колонна.

Піетро нанялъ себѣ хорошую квартиру и зажилъ баринномъ. Но Жерардъ, до послѣдняго дня пребыванія своего въ Римѣ, продолжалъ разсчитывать каждую копейку, и не смотря на золото въ кошелькѣ, жилъ настоящимъ бѣднякомъ. Всякій отложенный флоринъ приближалъ на нѣсколько часовъ минуту его отъѣзда изъ Рима, и мысль эта давала ему силу отказываться отъ всего, что не составляло предметъ крайней необходимости.

Кто опишетъ радость Жерарда въ тотъ день, когда ему наконецъ удалось собрать нужную для проѣзда сумму? Онъ отправился въ ближайшій портъ и узнавъ, что корабль „Касторъ и Полюксъ“ отплываетъ дня черезъ три или четыре въ Голландію, отыскалъ капитана и, переговоривъ съ нимъ, далъ задатокъ за свое мѣсто на суднѣ. На обратномъ пути въ Римъ, онъ былъ до того счастливъ, что не чувствовалъ земли подъ собой, и чуть не прыгалъ отъ радости.

— Поздравьте меня, моя милая хозяйюшка, — въ восторгѣ воскликнулъ онъ, входя въ комнату доброй женщины.

— Я счастливѣйшій человекъ въ мірѣ!

— Неужели ты такъ счастливъ, что и счастливѣе быть не можешь? улыбаясь спросила она.

— Здѣсь не могу, — но дома! о Боже мой, какое блаженство думать, что я скоро буду дома! отвѣтилъ Жерардъ.

— А я думала, мой милый, что мнѣ удастся и здѣсь еще прибавить къ твоему счастью! Къ тебѣ есть письмо изъ Голландіи!

— Ко мнѣ, письмо изъ Голландіи? О моя дорогая хозяйка, давайте его скорѣй сюда. Кто принесъ его?

— Какой-то краснощекий иностранецъ, живописецъ. Онъ не говоритъ по итальянски, и назвалъ себя Ансъ-Елминъ.

— Гансъ-Мемлингъ?

— Такъ, такъ! именно Ансъ-Елминъ!...

— Я знаю его, онъ давнишній товарищъ мой! Давайте скорѣй письмо, моя дорогая!

Хозяйка вытащила его изъ кармана, и подала молодому художнику.

— Что это значитъ?, воскликнулъ Жерардъ, — письмо не отъ Маргариты. Что то знакомый почеркъ однако, — гдѣ это я видѣлъ его? Такъ, такъ, припоминаю теперь! Это рука г-жи Ванъ-Ейкъ. Вѣрно внутри лежитъ записка отъ моей Маргариты! и съ этими словами онъ сломалъ печать. — Нѣтъ, все написано одной рукой. И онъ принялся громко читать, что слѣдуетъ.

Дорогой мой Жерардъ!

«На мою долю выпала тяжкая обязанность увѣдомить тебя о постигшемъ тебя несчастіи. Твоя бѣдная Маргарита въ прошлую субботу скончалась отъ горячки. Я присутствовала при ея смерти. Последнее слово ея было

и Жерардъ!» Она приказала передать тебѣ, что до конца молилась и думала о тебѣ. Помолись же и ты теперь, мое бѣдное дитя, за успокоеніе ея души! Она умерла очень легко, почти безъ всякихъ страданій... Я не въ состояннн больше писать. Душевно скорблю о тебѣ и остаюсь вѣрнымъ твоимъ другомъ.

„Маргаритой Ванъ-Ейкъ“.

Жерардъ дико посмотрѣлъ на хозяйку и безъ чувствъ повалился на полъ.

Бѣдный юноша долгое время тяжко проболѣлъ и только медленно началъ поправляться. Еслибы не обстоятельство открытой Жерардомъ духовной, расчетъ тергаускихъ злодѣевъ оказался бы совершенно вѣрнымъ. Молодой художникъ никогда бы не рѣшился вернуться въ Голландію. Теперь же на немъ лежала святая обязанность относительно отца и Петра Брандта, и онъ не имѣлъ ни какого права отказываться отъ исполненія ея. Какъ только Жерардъ поправился на столько, что могъ вынести путешествіе, онъ сѣлъ на корабль и поплылъ въ Голландію.

ГЛАВА XX И ПОСЛѢДНЯЯ.

Ровно годъ спустя послѣ побѣга своего изъ Севенбергена, Жерардъ снова стоялъ на родной землѣ. Онъ съ тяжелымъ сердцемъ шелъ по дорогѣ изъ Роттердама въ Тергау. Все напоминало ему о томъ счастливомъ, незабвенномъ времени, когда онъ, не подозрѣвая еще всѣхъ ожидавшихъ его напастей, такъ весело и беззаботно жилъ подъ родной кровлею, и съ такой радостью ежедневно отправлялся къ своей милой Маргаритѣ.

Подходя къ дому, въ которомъ онъ родился, и въ которомъ провелъ свое счастливое дѣтство и юношество, Жерардъ почувствовалъ сильное волненіе. Радость свиданія съ обожаемой матерью, съ дорогой его Катей, заглушила на нѣсколько мгновеній его горькое горе. На него нахлынуло столько свѣтлыхъ, радостныхъ воспоминаній прежней жизни, нѣжной любви матери, постоянныхъ попеченій о немъ отца, что онъ совершенно забылъ о послѣднихъ тяжелыхъ дняхъ, проведенныхъ имъ подъ этой кровлей, и съ преисполненнымъ любовью сердцемъ вошелъ въ домъ отца.

Вся семья Ильи собралась внизу къ обѣду. При видѣ внезапно появившейся на порогѣ фигуры Жерарда, всѣ вскрикнули отъ изумленія. Мать и отецъ бросились къ нему, Жильсъ всплеснулъ руками, Катя схватила за свои костыли, а Корнелиусъ и Сибрандтъ, пользуясь всеобщей суматохой, скользнули подъ столъ, да оттуда въ дверь.

Екатерина судорожно зарыдала.

— О мое потерянное, ненаглядное, дорогое дитя! сквозь слезы говорила она, прижимая сына къ груди и горячо цѣлуя его. Отецъ старался скрыть овладѣвшее имъ сильное волненіе, но онъ видимо дрожалъ, и слезы такъ и стояли у него въ глазахъ.

Послѣ первыхъ, горячихъ и радостныхъ привѣтствій, Жерардъ, освободившись изъ объятій родныхъ, вынулъ изъ за пазухи духовную Ванъ-Гейзена и передалъ ее Ильѣ.

— Отецъ, торжественно проговорилъ онъ — Господу угодно было избрать меня орудіемъ Своего правосудія. Я, страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ, овладѣлъ важнымъ документомъ, и нынѣ изъ за того, чтобы вручить вамъ его, предпринялъ долгій путь изъ Рима въ Голландію. Прочтите

эту рукопись. Она все объяснить вамъ и все загладить, по крайней мѣрѣ для васъ. Что же касается меня, то вы знаете, какое тяжкое несчастіе постигло меня. Мнѣ остается только искать утѣшенія въ молитвѣ и служеніи Богу. Я рѣшился посвятить Ему всю остальную жизнь свою. Тамъ, гдѣ я воспитывался, тамъ, гдѣ впервые научился любить добро и истину, тамъ склоню я нынѣ усталую голову свою! Да поможетъ мнѣ Господь съ покорностью перенести горькую участь мою!

Произнося эти послѣднія слова, Жерардъ былъ страшно заволнованъ; онъ закрылъ лицо руками и выбѣжалъ изъ дому.

Илья съ Екатериной въ недоумѣніи и съ нѣкоторымъ страхомъ посмотрѣли другъ на друга. Что могли значить эти странныя слова? Какое ужасное несчастіе постигло сына помимо ихъ вѣдома? Въ своемъ ли онъ умѣ, и что это за документъ, который все загладить и все исправить?

На послѣдній вопросъ всего легче было отвѣтить. Рукопись лежала въ рукахъ Ильи. Стоило только прочесть ее. Пока онъ занятъ духовнымъ завѣщаніемъ Ванъ-Гейзена, мы съ позволенія читателя, последуемъ за Жерардомъ.

Молодой художникъ твердо рѣшился идти въ монахи и именно въ тотъ монастырь, гдѣ учился ребенкомъ. Но прежде, чѣмъ на вѣки отказаться отъ міра и всѣхъ мірскихъ страстей, онъ хотѣлъ побывать на могилѣ Маргариты и еще разъ взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ онъ когда-то былъ такъ счастливъ.

Ему было страшно тяжело идти по дорогѣ изъ Тергау въ Севенбергенъ. Воспоминанія о прошломъ счастіи встрѣчали его на каждомъ шагу, и слезы не переставали медленно катиться по щекамъ Жерарда, во все продолженіе пути.

Когда онъ издали увидѣлъ маленькій домикъ Петра, по прежнему весело выглядывавшій изъ за зелени, сердце его такъ болѣзненно сжалось, что онъ не былъ въ состояннн продолжать путь, и повернувъ въ сторону, задами сталъ пробираться къ погосту.

Вечерил только что отошла; и народъ валилъ изъ церкви. Жерардъ подождалъ, пока всѣ разойдутся, и затѣмъ, тихо пробравшись къ кладбищу, подошелъ къ роющему могилу, церковному сторожу.

— Гдѣ здѣсь могила Маргариты Брандтъ? дрожащимъ голосомъ спросилъ онъ.

Сторожъ во всѣ глаза посмотрѣлъ на него. — Не знаю, коротко отвѣтилъ онъ, отворачиваясь отъ молодаго художника и вѣроятно принимая его за сумасшедшаго.

Жерардъ нѣкоторое время молча простоялъ подлѣ могильщика. Слезы душили его.

— Вы вѣрно недавно сторожемъ при здѣшней церкви? наконецъ спросилъ онъ.

— Около года.

— Какъ же вы, въ такомъ случаѣ, не знаете могилы Маргариты Брандтъ, дочери лѣкаря Петра? Она умерла мѣсяцевъ 10 тому назадъ, здѣсь же въ Себенбергенѣ.

— Что вы, сударь, смѣтаете что-ли надо мной, — или вы не въ своемъ умѣ? Если вы знакомы съ Маргаритой, то должны знать, что она никогда и не думала умирать. Наша Себенбергская красавица, слава Богу, и по сихъ поръ жива да здорова!

Жерардъ болѣзненно улыбнулся.

— Зачѣмъ вы такъ жестоко шутите со мной, укоризненно

сказалъ онъ могильщику. — Если бы вы знали какую глубокую рану вы безжалостно растревляете!

— Да вы, должно быть, въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій, съ сердцемъ воскликнулъ сторожъ. — Вы не вѣрите, что она жива? Да я же вамъ говорю, что не позже, какъ дня три тому назадъ, я видѣлъ Маргариту Брандтъ, выходящую изъ хижины Жорана Кетля!

— Онъ правду говоритъ!, произнесъ чей-то грубый голосъ за спинами Жерарда и могильщика. Они оба обернулись. Предъ ними стоялъ худощавый, блѣдный человѣкъ лѣтъ сорока, одѣтый чрезвычайно бѣдно.

— Юганъ правду говоритъ, повторилъ онъ, указывая на сторожа, — Маргарита жива, Жерардъ!

Молодой художникъ чуть не упалъ. Одурающее чувство радости охватило все существо его. Голова закружилась, и онъ схватился рукою за плечо могильщика. — О Боже мой, слава Тебѣ!, прошепталъ онъ, и сладкія слезы брызнули у него изъ глазъ.

Нѣсколько оправясь отъ перваго радостнаго волненія, онъ внимательно посмотрѣлъ на только что пришедшаго человѣка.

— Кто ты такой? спросилъ Жерардъ. — Ты повидимому знаешь меня, а я никакъ не могу припомнить твое лицо?

— Меня зовутъ Жораномъ Кеттель, и я плотникъ по ремеслу; а тебя знаю, потому, что былъ въ числѣ твоихъ преслѣдователей въ день побѣга твоего изъ Севенбергена. Не содрагайся: если я тогда дѣйствовалъ за одно съ врагами твоими, то теперь за то, отъ души преданъ тебѣ и твоимъ. Ты видишь на мнѣ грустные слѣды тяжелой болѣзни, я остался въ живыхъ лишь благодаря милосердію

Петра и дочери его Маргариты. Они сначала вылечили меня, потомъ во все время медленнаго выздоровленія, содержали не только меня самого, но и всю семью мою. Я могъ отплатить имъ лишь однимъ, и какъ только былъ въ состояніи говорить, рассказалъ имъ всю правду. Теперь мнѣ остается передать тебѣ все то, что я знаю объ этомъ темномъ дѣлѣ: Недѣль шесть послѣ того, какъ ты убѣждалъ въ Италію, мнѣ пришлось поправлять полъ въ домѣ бургомистра, во второмъ этажѣ. Работа была уже почти окончена, какъ однажды, уходя домой, я забылъ захватить съ собой свои инструменты, и вечеромъ того же дня вернулся за ними. Пока я собиралъ свои вещи, меня поразили громкіе голоса, раздающіеся въ нижнемъ этажѣ. Я легъ навзничь и, приложивъ ухо къ одной еще незадѣланной щели, сталъ прислушиваться. Дѣло шло о подмѣнѣ какаго то письма, адресованнаго на твое имя г-жею Ванъ-Ейкъ, и отданное на сохраненіе Ганзу-Мемлингу. Я узналъ голоса двухъ братьевъ твоихъ, Корнеліуса и Сибрандта, съ которыми часто встрѣчался въ трактирѣ «Прекраснаго Орла». Бургомистръ уговаривалъ ихъ отправиться вслѣдъ за Ганзомъ, а они, повидимому, трусили. Наконецъ я услышалъ бряцанье серебряныхъ монетъ, за тѣмъ, бургомистръ обѣщалъ твоимъ братьямъ, въ случаѣ удачнаго подмѣна письма, дать имъ опустить руку въ ящикъ съ серебромъ и захватить столько денегъ, сколько они будутъ въ состояніи удержать заразъ. Я, признаться, тогда промолчалъ. «Что мнѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла», думалъ я, — «я человекъ семейный, что мнѣ изъ за постороннихъ людей губить себя? Бургомистръ не кто другой. Прокричить, что я его оклеветалъ, и мнѣ же хуже будетъ. — Такъ-то думалъ я

тогда, но Господь наказалъ меня за это. Я вскорѣ послѣ сильно заболѣлъ, а бургомистръ, у котораго я служилъ домашнимъ плотникомъ, безъ милости выгналъ меня изъ своего дома, со всѣмъ семействомъ. Проваливай куда знаешь! А куда? Спасибо Петру съ Маргаритой, выручили. По гробъ жизни останусь имъ благодаренъ.

Жерардъ, во время этого разсказа, дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Въ немъ боролось чувство великой радости съ грустью о томъ, что родные братья его такъ порочны, что они способны на такое безсердечное злодѣяніе!

Но радость все таки взяла верхъ. Все поглощающее чувство счастія, при мысли о томъ, что Маргарита жива, вспыхнуло въ сердцѣ Жерарда. Онъ кинулся на шею Жорвона, горячо поцѣловалъ его и за тѣмъ, бросился съ кладбища.

Подходя къ заросшему со всѣхъ сторонъ зеленью, уютному домику, онъ услышалъ голоса въ саду, и тихо подкрался къ калиткѣ. Былъ чудный, осенній вечеръ. На лугу, передъ раскрытыми окнами кухни, былъ поставленъ покрытый белой скатертью столъ, и за нимъ сидѣли Петръ Брандтъ со старымъ Мартыномъ. У окна стояла Маргарита и подавала старикамъ изъ кухни блюда и тарелки. Она тихо улыбалась, и Жерардъ чуть не вскрикнулъ отъ радости при видѣ дорогой, ненаглядной своей невѣсты. За молодой дѣвушкой виднѣлась чья-то темная фигура, но Жерардъ не разглядѣлъ ее. Онъ бросился къ заднему крыльцу, и прямо вбѣжалъ въ кухню. Дверь скрипнула и Маргарита, обернувшись, увидѣла Жерарда. Она съ громкимъ крикомъ восторга бросилась въ его объятія. Молодой человѣкъ крѣпко прижалъ ее къ своей груди. Въ эту минуту, за нимъ раз-

дался знакомый, звучный голосъ.—Тише, ты задушишь ее! Жерардъ обернулся. — Передъ нимъ стоялъ Денисъ!

Кто опишетъ всю радость этаго свиданія съ словно воскресшей изъ мертвыхъ невѣстой, съ давно потеряннымъ другомъ? Мы не беремъ за это, и предоставляемъ читателямъ вообразить себѣ все, что прочувствовали собравшіеся въ этотъ вечеръ подъ одною кровлею дорогіе другъ другу, испытанные горемъ люди.

Нѣсколько успокоившись, всѣ друзья наши усѣлись за столъ и принялись за ужинъ. Но не успѣли они покончить и съ первымъ блюдомъ, какъ случилось новое происшествіе, до того взволновавшее снова всѣхъ присутствующихъ, что объ ѣдѣ было окончательно забыто.

Калитка сада отворилась, и въ ней показались Илья съ Екатериной.

Отецъ Жерарда подошелъ къ Петру и, протягивая ему руку, вполнѣ внятно, хотя и нѣсколько дрожащимъ голосомъ сказалъ: — Я пришелъ просить у тебя прощенія, Петръ. Я очень виноватъ передъ тобою. Я въ продолженіи долгихъ лѣтъ, въ душѣ своей считалъ тебя негодяемъ и питалъ къ тебѣ страшную ненависть. Нынѣ у меня открылись глаза; я узналъ, что общій нашъ врагъ безжалостно игралъ нами. Я виноватъ тѣмъ, что повѣрилъ этому гнусному человѣку, и не прямо обратился съ просьбой о разъясненіи къ тебѣ, моему старому другу и товарищу. Если можешь, прости мнѣ и забудь все прошлое!

Съ этими словами, Илья до земли поклонился Петру Брандту. Мгновеніе спустя, бывшіе непримиримые враги, лежали въ объятіяхъ другъ друга!

Екатерина бросилась къ Маргаритѣ. — Дорогая дочь моя, прошептала она, горячо цѣлуя невѣсту сына.

А счастливецъ Жерардъ стоялъ подлѣ Дениса и издали любовался этой картиной!

Мы еще не сказали читателю, какимъ образомъ Денисъ попалъ въ домъ Петра Брандта. Когда его насильно увезли отъ Жерарда, бѣдный солдатъ былъ въ такомъ отчаяніи, что по временамъ самъ не зналъ, что говорить и что дѣлаетъ. Въ предупрежденіи какаго нибудь несчастія, принуждены были отнять у него оружіе и приставить къ нему двухъ караульныхъ. Это отрезвило Дениса и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко оскорбило его. Онъ упросилъ графа Жарнака избавить его отъ такого срама, и далъ честное слово, что не станетъ пытаться бѣжать и что вообще будетъ смиренъ. Ему отдали его оружіе, и съ этой минуты Денисъ, забывъ повидимому о прошломъ, усердно занялся службой. Но въ немъ произошла большая перемѣна. Изъ веселаго, беззаботнаго человѣка, онъ превратился въ вѣчно молчавшаго, угрюмаго, несообщительнаго. Онъ оживлялся только на полѣ битвы, и тогда дѣлалъ чудеса. При осадѣ какаго-то городка, онъ былъ сильно раненъ въ руку, и затѣмъ получилъ безсрочный отпускъ. Какъ только Денисъ выздоровѣлъ, онъ отправился въ Севенбергенъ и легко отыскалъ домъ Петра. Оттуда уже не выпустили друга и товарища Жерарда. Онъ былъ обласканъ и отцемъ и дочерью, поселился въ домѣ, и отчасти замѣнилъ собою старика Мартына, разбитаго недавно параличемъ и приведеннаго болѣзнію въ безпомощное состояніе.

На другой день послѣ вышеописанныхъ нами происшествій, Пля, Петръ и Жерардъ отправились къ бурго-

мистру. Молодой художникъ держалъ въ рукахъ духовное завѣщаніе Дитрихта Ванъ-Гейзена. Всѣ трое безъ доклада вошли къ Ванъ-Свитену. Бургомистръ сидѣлъ въ больш^{ой} кресл^ѣ, лицомъ къ двери, и читалъ какую то рукопись. При видѣ неожиданныхъ, странныхъ гостей, лицо несчастнаго старика страшно исказилось. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы все понять. Онъ молча, тихо скользнулъ съ креселъ на полъ, и съдой головой приникъ къ землѣ. Въ комнатѣ воцарилась полная тишина.

— Встань, Гизбрехтъ Ванъ-Свитенъ, надорваннымъ голосомъ наконецъ сказалъ Илья. — Мы съ тобою квиты! Да простить тебя Господь!

И съ этими словами, глубоко тронутый, онъ вышелъ изъ комнаты. За нимъ послѣдовали Пегръ и Жерардъ.

Нѣсколько дней спустя, съ бургомистромъ сдѣлался ударъ. У него отнялась вся правая сторона и онъ, разумѣется, принужденъ былъ отказаться отъ своей должности. Ему назначили самую ничтожную пенсію. Старикъ очутился на мостовой.

Жерардъ, узнавъ объ этомъ, и переговоривъ съ Маргаритой, отправился къ бургомистру и предложилъ ему перебраться на жизнь въ новый домъ, устроенный родителями для молодой, только что обвѣнчанной четы. — Между нами всѣ счеты кончены, сказалъ Жерардъ Ванъ-Свитену, — я буду помнить лишь ваши сѣдые волосы и ваше несчастіе. Повѣрьте мнѣ, и не откажите въ моей просьбѣ!

Герой мой вовсе не безгрѣшный ангелъ, какъ легко могъ убѣдиться читатель, и я не стану утверждать, что онъ рѣшился, безъ всякой борьбы съ самимъ съ собою, пріютить у себя въ домѣ бывшаго злостнаго врага своего.

Но нѣкогда сильный и опасный, врагъ этотъ сталъ теперь такъ безпомощенъ, несчастливъ, безсиленъ, что добрый ангелъ Жерарда побѣдилъ. Бургомистръ перѣѣхалъ къ молодому художнику, и нашъ другъ сдержалъ свое слово. Онъ съ Гизбрехтомъ всегда былъ ласковъ и почтительнъ, никогда, ни однимъ словомъ не напоминалъ ему, что помнить прошедшее.

Жерарду было гораздо легче, чѣмъ самому бургомистру.

Бѣдный старикъ искренно раскаялся въ своихъ злодѣяніяхъ, но ни какъ не могъ сначала отдѣлаться отъ своей сварливости, высокомерія и подозрительности. Привычки цѣлой жизни не сбрасываются сразу, какъ бы не были искренне раскаяніе челоуѣка и желаніе его исправиться. Въ сердцѣ Гизбрехта происходила вѣчная борьба. Онъ и благодаренъ былъ Жерарду, и минутами почти ненавидѣлъ его, и смирялся въ душѣ передъ нимъ, и подозрѣвалъ въ немъ разные злые замыслы. Никто не думалъ унижать старика, но онъ самъ такъ унизился въ собственныхъ глазахъ, что сталъ крайне обидчивъ, и въ каждомъ, самомъ невинномъ словѣ, видѣлъ намекъ и преднамѣренное оскорбленіе. Ему было очень тяжело, пока длилась эта борьба, и онъ успокоился лишь когда вполнѣ смирился и преклонился духомъ передъ Господомъ. Послѣдніе годы его были очень тихи и мирны. Онъ цѣною добровольнаго униженія купилъ себѣ спокойствіе и уваженіе всѣхъ окружающихъ его людей: трудно было узнать прежняго бургомистра въ этомъ кроткомъ старикѣ, удрученномъ болѣзнями и такъ безропотно переносившемъ свои тяжкія страданія. Улыбка почти не сходила съ лица его, и всякій, глядя на разбитаго параличемъ, сморщенного страдальца, чувствовалъ, что ни

смотря ни на что, онъ все таки счастливъ, счастливые
моихъ молодыхъ, здоровыхъ, богатыхъ людей! Ванъ-
вентенъ часто самъ говаривалъ Жерарду, что никогда еще
в жизни не чувствовалъ себя такъ хорошо. — Въ молодые
годы, говорилъ онъ, — я вообразилъ себѣ, что выше по-
стей и денегъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Я не могъ пред-
ставить себѣ, чтобы здоровый, молодой и богатый человѣкъ
могъ быть несчастливъ. Я понималъ несчастіе бѣдности,
потому что постоянно испытывалъ жестокую нужду. Мнѣ
казалось, что стоитъ лишь отстранить это зло, и все пой-
детъ отлично. Ты знаешь, что мнѣ удалось изъ бѣдняка
перевратиться въ богатого человѣка, и знаешь, какой страш-
ной цѣной я купилъ себѣ богатство. Но вотъ что странно:
мечталъ о деньгахъ, и приобрѣлъ ихъ, мечталъ о поче-
тахъ, и сталъ первымъ лицомъ въ Тергау, а между тѣмъ,
когда, во дни самой горькой нужды, не былъ я такъ
счастливъ, какъ былъ въ то время, когда достигъ всего
того, чего желалъ. Я тогда понялъ, что всякое нарушеніе
заповѣднаго закона, неминуемо влечетъ за собою наказа-
ніе. Я бы охотно отдалъ все, что имѣлъ, лишь-бы на
совѣсти моей не лежало тяжкаго преступленія. Я часто
еще думалъ о томъ, что непременно все отдамъ Петру
вознаюсь въ своемъ злодѣяніи. По этому то я никогда
не верѣшался уничтожить духовное завѣщаніе Дидрихта
и Гейзена. Но увы! не даромъ Господь сказалъ намъ,
что «всякій творящій грѣхъ, есть рабъ грѣха». Я испы-
талъ на себѣ, какъ трудно сбросить иго сатаны, разъ подда-
лся власти его. Ступивши однажды на путь гибели, я уже
не имѣлъ силы свернуть въ сторону: Да проститъ мнѣ Богъ!
Смерть Гизбрехта была примѣрная. Онъ собралъ вокругъ
Сем. Веч. Ж. для юношества № 12. 1871.

себя всѣхъ друзей и домочадцевъ, просилъ прощенья у тѣхъ, которыхъ когда либо обидѣлъ, до конца молился, и спокойно, съ твердымъ упованіемъ на благость Господню, отдалъ свою душу Богу.

Жерардъ, въ то время, давно уже былъ женатъ на Маргаритѣ и у нихъ было нѣсколько человѣкъ дѣтей. Петръ Брандтъ скончался за два гола передъ тѣмъ, а Денисъ былъ на войнѣ. Онъ однако скоро вернулся къ нашимъ друзьямъ ~~но уже~~ не прежнимъ Денисомъ, но безногимъ калѣкой. Онъ до конца дней своихъ не оставлялъ уютнаго дома бывшаго товарища своего.

Шляхъ съ Екатериной дожили до глубокой старости, купецъ, 85 лѣтъ отъ роду, схоронилъ 60 лѣтняго Корнелиуса, который такимъ образомъ, прождавъ всю жизнь все таки не дождался наслѣдства отъ отца. Чтоже касается Сибрандта, то онъ вскорѣ послѣ возвращенія Жерарда исчезъ изъ родительскаго дома, и долгое время пропалъ безвѣсти; — потомъ о немъ узнали, что онъ живетъ прикащикомъ у какого то Амстердамскаго купца. Какимъ образомъ ему удалось пристроиться тамъ, до сихъ поръ остается тайной.

Бѣдная Катя не долго радовалась счастію брата. Годъ два послѣ женитьбы его, она спокойно отдала свою душу Богу. Все семейство горько оплакивало ее, особенно мать. Долгое время была неутѣшна. Но наконецъ время взяло свое и Екатерина, играя съ дѣтьми своего дорогаго Жерарда, забывала все на свѣтъ. Лицо ея, въ эти минуты сіяло радостью, и она считала себя, да и въ самомъ дѣлѣ была одной изъ самыхъ счастливыхъ женщинъ въ цѣломъ мірѣ.

Дело кончено.
КОНЕЦЪ.

Н Е Р О Н Ъ
ИЛИ
МОЛОДАЯ ГРЕЧАНКА.

ГЛАВА IV.

Неронъ ѣдетъ въ Грецію.

Прошло больше году съ того времени, какъ Неронъ запятналъ себя смертью своего учителя, и къ ужасу моихъ читателей, долженъ я сказать, что этотъ извергъ совершилъ еще страшнѣйшія преступленія. Такія преступленія, предъ которыми содрагаются все позднѣйшія поколѣнія: Неронъ велѣлъ умертвить свою мать Агрипину, свою супругу Октавію и своего брата Британника!

Но довольно объ этомъ! Если бы намъ пришлось рассказывать только подобныя злодѣйства и преступленія, мы давно бросили бы перо и сожгли бы нашъ рассказъ. Цѣль наша возвышеннѣе—мы желаемъ доказать, что надъ нами паритъ невидимая рука съ вѣсами правосудія, и многимъ, какъ высоко, такъ и низко поставленнымъ, уже здѣсь на землѣ воздается по заслугамъ; продолженіе и конецъ исторіи Нерона оправдаютъ наше замѣчаніе.

Льстецъ Нарциссъ все еще былъ довѣрчивымъ лицомъ

Нерона, но еще больше его, императоръ любилъ тигрицу Фебе. Въ ней отражалась вся его душа. Часто возлегалъ онъ на своемъ тронѣ, а подлѣ него тигрица; она ласкалась къ нему, и когда онъ гладилъ ея блестящую голову, то она только тихонько хрипѣла. Но горе тому, кто попадалъ въ немилость: малѣйшій знакъ ея господина, и страшное животное раздирало на клочки несчастную жертву. Можно себѣ представить ужасъ и боязнь тѣхъ, которымъ приходилось окружать тронъ. Но именно эта боязнь его подданныхъ и нравилась Нерону, не знавшему болѣе ни любви, ни сожалѣнія.

Въ театрѣ пѣлъ онъ часто; презирая народъ, онъ жаждалъ отъ него похвалъ и рукоплесканій, воздаваемыхъ ему такъ щедро, и горе тому, кто бы осмѣлился не сдѣлать этаго! Между зрителями сидѣли переодѣтые клеветы, подмѣчая тѣхъ, кто не рукоплескалъ. Ихъ въ послѣдствіи наказывали, какъ вѣроломнымъ завистниковъ государя. Высокомѣріе Нерона, какъ „ненавистный коршунъ“, не находило болѣе пищи въ своей собственной странѣ, и гордый императоръ рѣшился посѣтить Грецію, чтобы тамъ на Олимпійскихъ играхъ, заставить вѣнчать себя лаврами славы.

Въ Неаполѣ сѣлъ онъ на корабль, Нарциссъ и тигрица сопровождали его. Великолѣпный корабль, украшенный пурпуровыми парусами, несъ его по морскимъ волнамъ, въ которыхъ провожавшій его народъ тайно желалъ ему найти себѣ смерть. Неронъ взялъ съ собою множество плѣнныхъ христіанъ, и каждый день приказывалъ одного изъ нихъ бросать на съѣденіе тигрицѣ.

ГЛАВА V.

Священная роща.

Въ Греціи приближалось время Олимпійскихъ игръ. Эти игры повторявшіяся каждые четыре года, и праздновавшіяся въ честь *Юпитера*, были установлены *Геркулесомъ*. Послѣ долгаго промежутка, онѣ были возобновлены мудрымъ законодателемъ *Ликургомъ*, и нынѣ онѣ были устроены еще съ большимъ блескомъ *Ифитомъ*, правителемъ Эллады.

Съ любовью и воодушевленіемъ предавались благородные греки этимъ играмъ, въ которыхъ, и физическая сила народа являлась во всей своей славѣ. Всѣ народы Греціи посылали своихъ поэтовъ и героевъ на состязаніе, и съ пламеннымъ воодушевленіемъ желали имъ побѣды и славы.

Въ народѣ все кипѣло жизнью, и всѣмъ было извѣстно, что въ присужденіи наградъ, судьи руководились строжайшей справедливостью.

Но на горизонтѣ собирались черныя тучи, которыя должны были омрачить веселье празднества—*Неронъ* приближался къ берегамъ прекрасной страны.

Въ области, гдѣ происходили игры, была священная роща, состоящая изъ чинаръ, смоковницъ, пальмъ и лавровыхъ деревьевъ; въ тѣнистыхъ аллеяхъ помѣщалось безчисленное множество статуй, изваянныхъ знаменитѣйшими художниками древности. Въ двухъ мѣстахъ возвышались надъ верхушками деревьевъ два храма, образцовыя произведенія древняго зодчества — посвященные *Юпитеру* и *Юнонѣ*.

Предъ храмомъ Юпитера стоялъ грекъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, котораго изящная одежда обличала зажиточнаго гражданина; съ нимъ была молодая дѣвушка дивной красоты, извѣстная повсюду подъ именемъ „прелестной красавицы“. На ней была бѣлая туника, вѣнокъ изъ цвѣтовъ украшалъ ея прекрасные, черные волосы. Въ такомъ нарядѣ часто приходили молодыя гречанки въ храмъ. Пожплаго грека звали Мидіасъ, а дочь его—Актея.

Мидіасъ остановился у храма, ожидая пока дочь его совершитъ молитву богинѣ побѣды, золотая статуя которой, красовалась на бѣлой мраморной крышѣ храма. Отецъ зналъ, что дочь молила богиню доставить побѣду ея братьямъ. Затѣмъ, оба поднялись по ступенямъ, и пройдя бронзовыя двери, вошли въ святилище храма. Высокій сводъ поддерживался тремя рядами колоннъ изъ паросскаго мрамора. Между всѣми художественными произведеніями, украшавшими этотъ храмъ, первое мѣсто занимала статуя Юпитера, который хотя и былъ изображенъ сидя на тронѣ, но тѣмъ не менѣе, былъ такъ великъ, что почти касался потолка храма. Лицо, руки и ноги его были сдѣланы изъ чистѣйшей слоновой кости, а все остальное изъ золота.

Набожно приклонила Актея колѣни, и подняла свою голову къ лику статуи, сіяющей силою, мудростью и кротостью.

Фидій, безсмертный скульпторъ, творецъ этого художественнаго произведенія, олицетворилъ въ этой статуй священныя качества міроздателя, и какъ будто подготовилъ человѣчество къ болѣе возвышенному пониманію Божества, даннаго ему въ послѣдствіи христіанствомъ. Совершивъ свои молитвы, отецъ и дочь вышли изъ храма, и отпра-

видись чрезъ тѣнистыя аллеи къ храму Юноны. Въ близи отъ этого храма праздновались въ извѣстное время игры, въ которыхъ могли участвовать только однѣ дѣвицы. Шестнадцать мѣстныхъ женщинъ, отличавшихся своими добродѣтелями, составляли судилице. Онѣ тоже содержали два хора музыки, исполнявшіе въ честь Юноны священныя пѣсни, и вышивала великолѣпныя покрывала, разстилаемые во время празднествъ. Игры дѣвицъ состояли въ бѣганьѣ въ запуски. Побѣдительница получала лавровый вѣнокъ, и ея изображеніе ставилось въ храмѣ.

Во время послѣдняго празднества, Актея въ первый разъ приняла участіе въ бѣгѣ, и одержала побѣду. Искусный художникъ сдѣлалъ ея статую, которую поставили въ храмѣ, и ея слава распространилась повсюду. Актея вошла и въ этотъ храмъ, чтобы здѣсь тоже помолиться за своихъ братьевъ, которые на дняхъ должны были участвовать въ олимпійскихъ играхъ.

Мѣстные жители и пріѣзжіе наполняли пестрой толпой священную рощу. Мидіасъ ожидалъ у храма свою дочь. Знакомый ему олимпійскій гражданинъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Слышалъ ты, что Неронъ пріѣхалъ изъ Рима на наши священныя игры?

— Нѣтъ; но ты, откуда знаешь это? спросилъ Мидіасъ.

— Я его самъ видѣлъ, продолжалъ пріятель, — онъ занялъ дворецъ въ нашемъ городѣ.

— Онъ вѣроятно будетъ присутствовать только какъ зритель? спрашивалъ Мидіасъ.

— Пошли это Юпитеръ! возразилъ пріятель съ особеннымъ удареніемъ. — А то, если онъ захочетъ участво-

вать въ состязаніи, то при его могуществѣ и тиранствѣ, легко можетъ быть бѣда!

Онъ хотѣлъ еще больше сказать, но Мидіасъ, увидавъ свою дочь спускавшуюся по ступенямъ храма, сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ замолчалъ. Пріятели распрощались, и Мидіасъ продолжалъ съ дочерью своею прогулку по роцѣ.

Между тѣнистыми деревьями стояло множество бронзовыхъ и мраморныхъ статуй, изображавшихъ боговъ и побѣдителей, получившихъ награду на олимпійскихъ играхъ. Этихъ статуй побѣдителей набралось въ теченіе столѣтія, безчисленное множество, и о каждой изъ нихъ въ устахъ народа сохранилось преданіе, за какіе подвиги, въ честь кого она была воздвигнута. Большая толпа людей остановилась предъ мраморной группой, изображавшей старца и двухъ юношей. Юноши несли старца на плечахъ, и, поднявъ головы, смотрѣли на него. Чело старика было украшено вѣнкомъ.

— Смотрите, говорилъ какой-то человекъ, объяснявшій группу окружавшей его толпѣ, — старецъ, который здѣсь изображенъ, назывался *Диогорасъ*; прибылъ онъ сюда изъ Родоса со своими двумя сыновьями: Тиманѳомъ и Феагеномъ, чтобы присутствовать при ихъ состязаніи. Юноши получили награды, и, помня, что они обязаны своему добродію отцу жизнью, воспитаніемъ и славой, украсили свѣжими, только что ими заслуженными вѣнками, серебристую голову старца, подняли его на плечи, и съ торжествомъ понесли его къ зрителямъ. Народъ издавалъ громкіе крики радости. Похвала юношамъ раздавалась въ устахъ всѣхъ. Отца осыпали цвѣтами, и нѣкоторые говорили ему: — Діа-

горась умри, потому что бѣльшаго счастья ты не можешь испытать на землѣ!

И дѣйствительно, старикъ не могъ пережить счастья, доставленнаго ему сыновьями. Онъ упалъ юношамъ на руки, и съ блаженной улыбкой на лицѣ закрылъ глаза на всегда. Весь народъ плакалъ отъ умиленія; юноши прижимали отца къ сердцу и орошали его слезами. Родной городъ этихъ юношей велѣлъ, въ воспоминаніе этаго трогательнаго событія, воздвигнуть имъ здѣсь эту статую, и имена прославленныхъ останутся живы и тогда, когда ихъ не будетъ на свѣтѣ.

У другой статуи, возлѣ которой проходили Мидіасъ и Актея, спорило нѣсколько человѣкъ. Эта статуя изображала могучую фигуру, и такъ какъ ей было уже нѣсколько вѣковъ, то надпись на пьедесталѣ стерлась. Одни утверждали, что статуя эта изображаетъ самаго Геркулеса, другіе оспаривали это. Тогда Мидіасъ подойдя къ нимъ, вмѣшался въ ихъ разговоръ и сказалъ:—Милые сограждане, если вы захотите меня выслушать, то я вамъ охотно объясню эту статую: она воздвигнута въ честь Милона, который былъ такъ силенъ, что съ быкомъ пробѣгалъ ристалище. И когда всѣ удивились такой силѣ, и спросили его, какъ онъ ее достигъ, то онъ сказалъ:—Я же и воспиталъ быка, котораго пронесъ нынѣ предъ вашими глазами. Когда онъ еще былъ только теленкомъ, то я его ежедневно носилъ дважды на такомъ пространствѣ, которое длиной равняется этому ристалищу. Теленокъ становился съ каждымъ днемъ больше; вмѣстѣ съ нимъ росла и моя сила. И вотъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, дошелъ я наконецъ до того совершенства, которому вы нынѣ удивляетесь. Такъ говорилъ силь-

ный Милонъ, и всѣ ему рукоплескали, тѣмъ болѣе, что изъ его разумной рѣчи видѣли, что при физическихъ упражненіяхъ онъ радѣлъ и о своемъ умственномъ развитіи. Во время войны, которую впоследствии долженъ былъ вести его родной городъ Кротонъ съ Сибаритянами, онъ былъ выбранъ начальникомъ войска. Милонъ явился на поле сраженія съ огромной дубиной въ рукѣ, и одержалъ рѣшительную побѣду. На олимпійскихъ играхъ онъ нѣсколько разъ получалъ награду, и каждый разъ послѣ игры давалъ необыкновенныя доказательства своей силы. Такъ, однажды, сжавъ въ рукѣ нѣжный гранатъ, онъ вызывалъ сильнѣйшихъ атлетовъ раскрыть ему руку. Никто не могъ разогнуть его желѣзныхъ пальцевъ; а когда онъ, наконецъ добровольно раскрылъ руку, то гранатъ оказался совершенно цѣль и безъ малѣйшаго поврежденія. Всѣ присутствующіе поблагодарили Мидіаса за его рассказъ, и онъ, раскланявшись съ толпой, пошелъ дальше въ сопровожденіи дочери.

— Отецъ, начала Актея, — жизнь моя еще такъ юна, а статуи здѣсь такъ много, что я не успѣла узнать исторію многихъ изъ нихъ. Видишь ты тамъ скалу съ гротомъ, въ которомъ изъ блестящихъ камней бьетъ свѣтлый ключъ, а возлѣ него группа, значеніе которой мнѣ неизвѣстно; не объяснишь ли ты мнѣ ее?

— Очень охотно, дочь моя, отвѣтилъ Мидіасъ. — Предъ тобою всадникъ; онъ держитъ красиваго коня за поводъ. Эта статуя изображаетъ человѣка по имени Филотасъ, который прибылъ сюда на состязаніе въ ристаніи. Поданъ былъ знакъ, и всадники помчались вихромъ по аренѣ. Филотасъ вскорѣ опередилъ всѣхъ. Но вотъ, съ нимъ

сдѣлалась внезапная дурнота, у него потемнѣло въ гла-^{вомъ} захъ, и онъ упалъ съ лошади; благородное животное не испугалось: обѣжавъ арену, оно остановилось все въ пѣнѣ, и съ громкимъ ржаніемъ, какъ разъ предъ самими судьями, точно требуя награды для своего господина. Удивленные судьи провозгласили Филотаса побѣдителемъ. Едва успѣли они это сдѣлать, какъ лошадь повернула и, выступая гордо и съ достоинствомъ, точно понимая торжество своего господина, отправилась къ Филотасу, который прійдя въ себя, шелъ ей на встрѣчу.

Въ это время, кто-то изъ проходящихъ мимо, сказалъ другому:

— Онъ уже со своей святой въ священной роцѣ и теперь осматриваетъ храмы. Трудно себя представить всю роскошь и весь блескъ его окружающихъ.

— Да, замѣтилъ кто-то;—но и никогда еще могущественный монархъ не вступалъ въ эти священные мѣста! О! если бы его добродѣтель была также велика, какъ его могущество!

Мидіасъ внимательно вслушивался въ каждое слово; но Актея, которая шла въ раздумьѣ подлѣ отца, не обратила никакого вниманія на разговоръ проходящихъ. Мидіасъ былъ этимъ очень доволенъ, предчувствуя, что одно имя императора наполнить сердце его дочери страхомъ и тревогой. Повсюду стало извѣстно, что всѣ тѣ, которые осмѣливались оспаривать у императора награду въ состязаніи, платили за это своею жизнью. Мидіасъ, затаивъ въ душѣ пробужденную тревогу, обратился къ дочери и сказалъ:—Дочь моя, богъ солнца съ своей блестящей колесницей уже приближается къ морю, и намъ надо торо-

питься, чтобы до наступленія ночи, добраться домой. Съ этими словами, онъ взялъ Актею за руку, и оба направились по цвѣтущимъ полямъ при свѣтѣ вечерней зари. Вскорѣ пришли они къ себѣ на родину, въ прекрасный сельскій домъ, храмо-образно возвышавшійся между деревьями и цвѣтущими кустарниками. Съ трехъ сторонъ окружалъ его садъ, простиравшійся до береговъ спокойно текущаго Алфея.

Между тѣмъ, Неронъ со своей свитой вошелъ въ храмъ Юноны; у паперти собралась большая толпа народу; привлеченные сюда блескомъ императора и его свиты, всѣ ожидали его выхода изъ храма. Неронъ осматривалъ храмъ; нарочно призванный греческій художникъ показывалъ ему замѣчательнѣйшія произведенія. Императоръ вошелъ тоже въ залу, гдѣ помѣщались статуи дѣвъ, одержавшихъ побѣду при состязаніи въ бѣгѣ. Бѣлая мраморная статуя тотчасъ же бросилась Нерону въ глаза. Она изображала дѣвушку; легкая, прекрасно драпированная одежда прикрывала ея красивое тѣло; лицо, руки и ноги были ослѣпительной красоты.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ разсматривалъ Неронъ эту статую.

— Эта статуя, оконченная недавно скульпторомъ Полу-сомъ, очень хороша, замѣтилъ художникъ; — но она далеко не можетъ сравниться съ дѣйствительной граціей и совершеннѣйшей красотой дѣвушки, которую она должна изображать. Эту дѣвушку зовутъ Актея, она дочь Мидіаса, богатаго грека, живущаго не далеко отъ священной рощи.

Вскорѣ послѣ этаго, Неронъ сидѣлъ уже въ своей колесницѣ и возвращался въ Олимпію. — Я долженъ видѣть

эту дѣвушку! говорилъ онъ подлѣ него сидящему Нарциссу.

— И ты ее увидишь, возразилъ Нарциссъ, положивъ руку на сердце. — Да! ты ее увидишь, клянусь тебѣ моимъ блаженствомъ! Не только слава Греціи, но и красота ея должны тебя сопровождать въ Римъ. У меня есть природныя греки, большіе плуты и отлично годящіеся на то, чтобы похитить дѣвушку. Сила, хитрость и золото! — Она должна возвысить твое торжество въ Римѣ!

— Хорошо. Я на тебя полагаюсь! сказалъ Неронъ съ милостивою улыбкой.

ГЛАВА VI.

Актея и разбойники.

Актея была одна въ своей дѣвичьей комнатѣ, она ласкала и кормила двухъ сицилійскихъ голубковъ, сидящихъ на жердочкахъ.

— Вы, любимцы моего кроткаго брата Эпимеда; говорила она, — радуйтесь со мной, — онъ скоро будетъ опять среди васъ.

Эпимедъ — младшій братъ Актеи, готовился выступить пѣвцомъ на олимпійскія игры.

Старшій ея братъ Діонъ, тоже готовился къ состязанію. Онъ былъ одаренъ большою силою, и мастерски владѣлъ копьемъ. На креслѣ изъ лимоннаго дерева висѣло два праздничныхъ наряда, изготовленныхъ Актеей безъ вѣдома ея братьевъ. Работа этихъ платьевъ была очень искусна, и онѣ блистали самыми роскошными камнями. На одномъ

изъ нихъ вышитъ былъ Орфей—богъ музыки, представленный юношей, и со всѣми своими атрибутами;—это былъ подарокъ назначенный пѣвцу Эпимеду.

Другое платье носило на себѣ характеръ призванія и занятія старшаго брата. Ловкій, сильный всадникъ верхомъ на покрытымъ пѣною конѣ. Предъ нимъ лежитъ могучій тигръ, готовый бросится на коня и всадника; его сверкающіе глаза дышали смертью. Сила страшнаго звѣря испугала бы даже любаго храбреца; но смѣлое лицо всадника, котораго голубая туника развѣвалась вѣтромъ, улыбалось при видѣ опасности. Онъ высоко поднялъ блестящее копье. Его отважная, могучая осанка должна была внушить каждому, кто его видѣлъ, убѣжденіе, что онъ изъ этой борьбы выйдетъ побѣдителемъ. Это былъ подарокъ старшему брату Діону.

На самой Актеѣ былъ нынѣ тоже прелестный нарядъ. Бѣлая туника, спускавшаяся волнистыми складками до пятокъ, была стянута пурпуровымъ кушакомъ. Сверхъ этой туники висѣла легкая мантия, украшенная на плечахъ и на груди красивымъ шитьемъ и пестрыми лентами; и какъ у туники были широкіе рукава, то руки ея были почти обнажены. Въ домѣ кипѣло веселою жизнью. Мать приготавлила большой пиръ. Слуги бѣгали взадъ и впередъ, аромат благовонныхъ кушаній наполнялъ всѣ комнаты. Къ сегодняшнему вечеру ждали возвращенія сыновей. Актея тоже занята была цѣлый день приготовленіями къ этому празднеству, и только недавно вошла въ дѣвичью.

Немного погодя, явилась мать и сказала ей:—Дочь моя, недостаетъ еще винограду.

— Я и набросила плащъ, чтобы сбѣгать на ближайшій холмъ, чтобъ его набрать, замѣтила Актея, и вышла изъ

комнаты вмѣстѣ съ матерью, взяла изящно плетеную корзинку и отправилась на ближайшій холмъ, гдѣ росъ великолѣпный виноградъ. Солнце начинало закатываться, обливая своимъ разноцвѣтнымъ вечернимъ свѣтомъ цвѣтушія поля. Актея нарѣзала самаго лучшаго винограду, которымъ скоро наполнила свою корзинку, выложенную свѣжими виноградными листьями. Актея поднялась еще выше на холмъ, встала подъ оливковымъ деревомъ и глядѣла въ даль. — Съ сегодняшнимъ днемъ окончится праздникъ, думала она, — они должны вернуться сегодня, и я здѣсь подожду, пока глазъ мой не увидитъ ихъ въ дали. Та сторона холма, къ которой Актея стояла спиной, была покрыта группами чинаръ и лавровыхъ деревьевъ. — Чужеядныя растенія, вьющіяся на вѣтвяхъ и стволахъ деревьевъ, образовали настоящія бесѣдки; благовонныя куртины и цвѣтники украшали естественныя аллеи. Въ частой зелени, птички распѣвали свою вечернюю пѣсню, а съ высокаго лавра раздавались въ короткихъ промежуткахъ тихія трели соловья.

— Прекрасна твоя пѣснь, голосистый соловей, сказала Актея, — но еще прекраснѣе звучитъ пѣснь, пробужденная въ груди благороднаго человѣка!

И она мечтала о своемъ кроткомъ братѣ.

Между тѣмъ проходили минуты за минутами, и каждая изъ нихъ казалась ей такъ длинна; а ея желаніе и тоска по отцѣ и братьямъ все возрастала. Солнце уже исчезло за далекими горами, сумерки начинали покрывать всю мѣстность. Пѣснь соловья раздавалась теперь длинными, точными аккордами, точно оплакивая прекрасный день, на всегда исчезнувшій.

Вдругъ горькая тоска сжала болѣзненно грудь молодой

дѣвушки. Радостная надежда увидѣть своихъ братьевъ увѣнчанныхъ, исчезла съ дневнымъ свѣтомъ; и какъ на поля опустились сумерки, такъ и на ея душу, — злая тоска и тревога. Она хотѣла скорѣе вернуться къ матери, чтобы на ея груди искать утѣшеніе и надежду.

Вдругъ почувствовала она, что нѣсколько рукъ схватило ее заразъ, и прежде чѣмъ она успѣла крикнуть, ротъ ея былъ уже завязанъ платкомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, на холмѣ все стихло, какъ будто ничего не случилось.

Трое людей схватили Актею, и вмѣстѣ съ ней исчезли за деревьями.

ГЛАВА VII.

Стрѣла.

Наступила ночь. Мать Актеи съ тревожнымъ видомъ стояла въ портикѣ дома.

— О, я несчастная! говорила она своей старой ключницѣ, — что скажу я моему супругу, когда онъ вернется и не найдетъ Актеи? Или что скажу я дочери, когда она вернется и не найдетъ ни отца, ни брата? Горе мнѣ! На домъ нашъ обрушилось несчастье!

Ключница старалась успокоить озабоченную и встревоженную мать. — Не горюй, говорила она, — твоя дочь вернется съ отцемъ и съ братьями, вѣроятно мучимая тоскою и нетерпѣніемъ побѣжала она имъ на встрѣчу.

Пока онѣ такъ говорили, вдали вдругъ показались факелы. — Вотъ они! радостно воскликнула мать, и обращаясь къ слугѣ сказала ему: — Скорѣй бѣги имъ на встрѣчу, и

посмотри, не съ ними ли Актея? Если ты ее увидишь, то вернись скорѣе, чтобы мнѣ возвѣстить радостное извѣстье!

Медленно подвигались факелы, приближаясь все болѣе и болѣе, но слуга не возвращался.

Наконецъ изъ темноты выступило нѣсколько фигуръ, и мать увидѣла, что несли что-то. Всему шествию предшествовалъ одинъ человѣкъ; и когда оно было уже близко дома, то мать въ этомъ человѣкѣ узнала Мидіаса, хозяина дома. Онъ шелъ съ поникшей головой, и вѣрная жена съ ужасомъ всматривалась въ его блѣдное, озабоченное лицо, когда онъ поднимался по ступенямъ, ведущимъ къ портику.

— Мидіась! воскликнула испуганная мать, — что предвѣщаетъ мнѣ твое разстроенное лицо? Какое несчастіе обрушилось на домъ нашъ?

Мидіась грустно взглянулъ на жену, поднялъ руки и сказалъ: — Мужайся, и переноси съ твердою душою неисповѣдимую волю судьбы! Мы надѣялись видѣть Эпимеда, нашего милаго сына, вѣнчаннымъ живыми людьми, а тутъ смотри, какой вѣнецъ возложила смерть на его чело. — Смотри, это все пѣвцы, принесшіе въ родной домъ умершаго друга! И съ этими словами подвелъ онъ блѣднѣющую супругу къ носилкамъ, сплетеннымъ изъ вѣтвей, на которыхъ лежалъ усопшій сынъ. Юноши, окружавшіе носилки, съ участіемъ и печалью смотрѣли на мать, которая съ воплемъ отчаянія бросилась на колѣни передъ трупомъ своего сына.

— Выслушай меня, меня, глубоко опечаленнаго отца! началъ наконецъ Мидіась. — Я считаю долгомъ возвѣстить тебѣ о преждевременной и внезапной смерти нашего сына.

Въ Олимпію неожиданно явился Неронъ, и его присутствіе испугало народъ. Да, будь Греки по прежнему сильны и могучи, они съ презрѣніемъ исключили бы жестокаго чужеземца изъ священныхъ игръ. Но теперь это невозможно; тиранъ слишкомъ могучъ, а Греція слаба и не въ состояніи ему сопротивляться. Послѣ всѣхъ возможныхъ состязаній, когда въ бѣганіи, въ кулачной борьбѣ, въ поединкѣ, въ ристаніи, въ бросаніи диска и въ бѣгѣ въ колесницахъ, сдѣлано было много прекраснаго и удивительнаго, тогда началось состязаніе въ пѣніи, въ которомъ участвовалъ и Неронъ. Герольдъ вызвалъ его перваго. Гордо выступилъ онъ на арену, взялъ лиру и спѣлъ пѣснь. Имя Императора, и блескъ, съ какимъ Неронъ явился, до того ослѣпили многихъ, что имъ казалось, что Неронъ поетъ прекрасно. Но безпристрастный слушатель могъ сейчасъ видѣть, что въ пѣсни нѣтъ ни ума, ни поэзіи, и что голосъ его не звученъ. Когда Неронъ кончилъ пѣть, онъ опять занялъ свое мѣсто на тронѣ, окруженный толпою римскихъ солдатъ.

Герольдъ вызвалъ втораго пѣвца. Голосъ его дрожалъ, страхъ обуялъ его душу. Эпимель, нашъ дорогой сынъ, склонившись ко мнѣ сказалъ: — Этаго не воодушевилъ богъ пѣсни; грудь пѣвца должна быть свободна отъ рабскаго страха!

Герольдъ вызвалъ третье имя. Вышелъ юноша, занялъ мѣсто, назначенное пѣвцамъ, и началъ свою пѣснь. Но онъ не воспѣвалъ героевъ и мудрецовъ, нѣтъ, онъ обезчестилъ священное призваніе пѣвца низкою лестью къ Императору. Онъ представилъ его героемъ и мудрецомъ такимъ, какаго свѣтъ до сихъ поръ не видалъ.—О, отецъ!

воскликнулъ Эпимедъ въ негодованіи, — не должна ли быть пѣснь отголоскомъ тѣхъ пѣсень, которыя поются богами на блаженной высотѣ? А тиранъ этотъ, навѣрное ими отвергнуть?

Я согласился съ мнѣніемъ сына, но мрачное предчувствіе со своими черными крыльями, внезапно опустилось въ мою душу. Уже съ того дня, когда гуляя съ Актеей въ священной рощѣ, я узналъ пріѣздъ Нерона, какой-то тоскливый страхъ обуялъ мое сердце. Я не могъ совладать съ мыслями, преслѣдовавшими меня, и сказалъ: — Сынъ мой, страшись могучей руки! Эпимедъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня и возразилъ: — Да не ты ли, не ты, о мой добрый отецъ, внушалъ мнѣ, что боги могущественнѣе всѣхъ сыновъ земли?

— Да, Эпимедъ, да, это такъ, я нисколько не хотѣлъ тебя разувѣрять, и сказалъ эти слова только отъ того, что любовь къ тебѣ наполнила мое сердце тоскливою боязнью. — Отецъ, возразилъ Эпимедъ, — не бойся ничего. Твой сынъ будетъ — не только жить согласно съ твоимъ ученіемъ, но, если ему суждено, — то онъ съумѣетъ и умереть. Ты училъ меня бояться только боговъ! И что они внушатъ моему сердцу, то я возвѣстятъ мои уста на священномъ праздникѣ! — Такъ говорилъ Эпимедъ съ блистающимъ взоромъ. Что могъ я сказать противъ этаго? Я молчалъ, и со слезами на глазахъ пожалъ ему руку.

Третій пѣвецъ кончилъ, и Герольдъ провозгласилъ имя нашего сына. Онъ всталъ, и смѣлымъ шагомъ выступилъ на арену. Пріятно зазвенѣли золотыя струны его лиры, и поднявъ глаза къ лазуревому небу, онъ могучимъ голосомъ затянулъ свою великолѣпную пѣснь. Глаза всѣхъ

впились въ прекраснаго юношу, который казалось позабылъ о всемъ на свѣтѣ. Онъ воспѣвалъ Сократа, великаго добродѣтельнаго мудреца, которому зависть и злоба поднесли чашу смерти. Всѣ въ нѣмомъ благоговѣннн прислушивались его пѣнню, и въ глазахъ многихъ блестѣли слезы. Грудь моя наполнилась невыразимой тревогой; я взглянулъ на Нерона, который возсѣдалъ противъ пѣвца на своемъ великолѣпномъ тронѣ, и увидѣлъ гнѣвъ загорѣвшійся въ его глазахъ; зависть исказила черты его лица. Впечатлѣннє, произведенное нашимъ сыномъ на слушателей, не ускользнуло отъ него; я ясно видѣлъ, какъ онъ кивнулъ человѣку, стоявшему подлѣ его трона, который, тотчасъ, извиваясь подобно змѣѣ, тихонько проскользнулъ въ ряды солдатъ. Прошло еще мгновеннє—въ воздухѣ засвистѣла тетива лука, и, — о ужасъ и невыразимое горе! — стрѣла вонзилась въ грудь нашего возлюбленнаго сына. Онъ вздрогнулъ, струйка крови пробилась изъ его груди, лира выпала у него изъ рукъ; но онъ стоялъ еще выпрямившись, подннлъ руки къ небу, уста зашевелились! — потомъ упалъ—и умеръ! Но смерть побѣдила только его тѣло: блаженная улыбка осталась на его лицѣ. Когда Эпимедъ умеръ, то въ народѣ раздался громкнй крикъ радости. Плачь и вопль поднялись противъ неизвѣстнаго убнйцы, и гнѣвъ, подобно далекому раскату грома, раздался въ толпѣ. Шумно подвинулись солдаты и окружили тѣснѣе тронъ. Вдругъ, вблизи Нерона поднялся большой шумъ. Воины вытащили человѣка, громко обвиняемаго въ убнйствѣ, и котораго тутъ же римскнй офицеръ пронзилъ своей стрѣлой. Но я убѣжденъ, что этотъ несчастный умеръ также невинно, какъ и сынъ нашъ; и казнъ его была совершена

съ такимъ усердіемъ только отъ того, чтобы подозрѣніе не пало на Нерона и его окружающихъ. Я же, между тѣмъ, съ помощью этихъ великодушныхъ юношей, поднялъ трупъ нашего сына. Изъ вѣтвей, вблизи стоявшаго оливковаго дерева, мы сплели носилки, и на нихъ унесли нашего Эпимеда.

Кончивъ свой рассказъ, Мидіасъ приподнялъ плащъ, покрывавшій грудь его сына; съ воплемъ отчаянія бросилась несчастная мать на трупъ, походившій на прекрасную мраморную статую, и оросила его горячими слезами.

Молодые люди, принесшіе Эпимеда, затянули похоронную пѣснь, и въ воздухѣ раздались ея печальные звуки.

Коринѣ В. М. 1. 1847

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

Принимаете

~~Зависитъ - Незнакомъ Ивану~~

Трункама

Дорогимъ

5

ЕРМАКЪ.

(Разсказъ изъ русской исторіи).

Когда вся Волга досталась въ наши руки, государи московскіе должны были заботиться, чтобы по ней плаваніе для торговыхъ каравановъ было безопасное. По Волгѣ и по Дону и при татарахъ, еще жило довольно много русскихъ людей, вышедшихъ селиться въ степь по этимъ рѣкамъ, и далѣе, даже въ Кавказскія горы, на рѣку Терекъ. Хотя эти люди не прерывали своихъ связей съ далекой родиной, крѣпко держались вѣры отеческой и русскихъ обычаевъ, и называли себя людьми государевыми, вольными казаками, — однако государи московскіе, за дальностью, управлять ими и промыслять объ нихъ не могли. На жалобы разныхъ татарскихъ хановъ, что казаки ихъ грабятъ, изъ Москвы частенько отвѣчали, «что степь велика—и государямъ за казаками смотрѣть не можно». Сами же казаки, своею постоянною войною съ татарами не мало намъ приносили пользы, постоянно тревожа Казань и Астрахань, Когда же эти царства были взяты, на Волгѣ, по старой памяти, продолжали собираться въ шайки разные гуляющіе люди—и изъ Россіи, и изъ казаковъ, — и нападать безъ разбору на всѣ суда, идущія по Волгѣ. Напрасно

государь приказывалъ изъ Москвы, чтобъ они надъ государевой казной и торговыми людьми никакого воровства не чинили. Вольница не унималась; атаманы ея разгуливали по Волгѣ и по Каспійскому морю, словно сами какіе цари морскіе, и царскаго приказа не слушались. Число ватагъ все росло и росло. Нѣкоторые атаманы сдѣлались грозю для судоходовъ. Между прочими, особенно страшно для нихъ сдѣлалось имя атамана Ермака Тимофѣича.

Такъ-то некрасиво встрѣчается намъ въ первый разъ имя Ермака, знаменитаго покорителя Сибири. Кто же былъ этотъ Ермакъ? и откуда онъ взялся? и какъ это случилось, что имя прежняго разбойника — теперь съ благодарностью и уваженіемъ поминается всѣми на святой Руси?

Есть извѣстіе, что дѣдъ Ермака, по имени Афанасій Григорьевичъ Аленинъ, былъ посадскій человекъ города Суздаля; жилъ тамъ въ великой скудости, переѣхалъ потомъ во Владиміръ съ двумя сыновьями, Родіономъ и Тимофѣемъ, и промышлялъ извозомъ; нанимался иногда возить и разбойниковъ въ Муромскихъ лѣсахъ, да вмѣстѣ съ ними и попалъ въ тюрьму; изъ тюрьмы потомъ бѣжалъ въ Юрьевъ-Подольскій, гдѣ и умеръ; а дѣти его переѣхали жить на рѣку Чусовую, въ нынѣшнюю Пермскую губернію, въ вотчины именитыхъ людей Строгановыхъ.

Строгановы были важные и умные люди. Они выпросили себѣ у государя пустопорожнія земли между рѣками Камой и Чусовой, около Уральскихъ горъ, для того, что тамъ удобно варить соль — и всякой руды много. Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобъ ужъ они сами тамъ всѣмъ распоряжались: и народъ селили-бы, и городки-бы строили,

и ружья и пушки имѣли-бы, и ратныхъ людей; и сами бы оборонялись отъ сосѣднихъ дикихъ народцевъ.

И Строгановы начали устраивать этотъ край — и вели дѣло умно, и за всякой своей нуждой сами переписывались съ царемъ. Вотъ у нихъ-то и поселились сказанные выходцы, Родіонъ съ Тимофѣемъ, и родились у нихъ дѣти; между прочими у Тимофѣя былъ сынъ Василій.

Этотъ Василій былъ удалой малый; красавецъ собой; роста средняго; волосы имѣлъ темные, бороду — черную; былъ силенъ и рѣчистъ. Онъ ходилъ на стругахъ по Волгѣ и Камѣ, и когда былъ еще кашеваромъ въ своей артели, товарищи придали ему прозвище Ермакъ, что означаетъ таганъ артельный. Но не ужился Ермакъ у Строгановыхъ: тѣсно ему было жить въ работникахъ, захотѣлось поискать своей долишки. Манила его жизнь удалая, Волга-матушка — широкое раздольице. Тамъ погуливаютъ люди вольные, казаки государевы, ходятъ — высоко держать голову, славою своей и казною похваляются, съ басурманами сражаются за вѣру христіанскую. Пошелъ къ нимъ Ермакъ, да скоро и въ атаманы попалъ. Что тутъ было имъ по Волгѣ подѣлано, сколько головъ тутъ было погублено, много-ли на душу грѣха было принято, — доподлинно неизвѣстно. Видно только, что, или не совсѣмъ воромъ и разбойникомъ считалъ себя Ермакъ, или можетъ-быть хотѣлъ заслужить милость царскую, — только, когда разъ взбунтовалась черемиса и казанскіе татары, и царь посылалъ на нихъ воеводъ своихъ, — Ермакъ съ своею шайкою ходилъ воеводамъ помочь, царю послужить. Угломонили бунтовщиковъ — отплылъ онъ опять разгуливать по Волгѣ матушкѣ, по морю Хвалынскому. Громче прежняго купцы хивинскіе, бухарскіе,

персидскіе и наши стали жаловаться, что на Волгѣ отъ воровства и шалостей способа нѣтъ. Строже прежняго стали грозить изъ Москвы. Наконецъ стряслась бѣда важная. Ъхалъ въ Москву персидскій посланникъ. Ермаковы люди во хмѣлю и задрали людей посланниковыхъ. Вышла драка, руки расходились, самъ посланникъ былъ убитъ. Тутъ грозный царь опалился, послалъ воеводъ наказать царскихъ слушниковъ, очистить Волгу отъ разбоевъ. Пришлось волжскимъ удалцамъ противъ царя воевать. Воеводы разбили ихъ огромное скопище. Которыхъ разбойниковъ изловили, которыхъ загнали въ степь, въ море. Ермакъ же, чуть слышалъ о приходѣ воеводъ, скрылся невѣдомо куда. Объявлено было, что гдѣ только окажутся главные атаманы, тѣхъ брать, вязать и вѣшать безо всякаго разговора. Въ ихъ числѣ изъ самыхъ главныхъ поименованы— и Ермакъ Тимофѣичъ, и товарищъ его Иванъ Кольцо.

Плохо пришлося Ермаку Тимофѣичу. Пробрался онъ въ мѣста прикамскія съ разбитой своей шайкою, съ худой своей славушкой. Напала на него лютая тоска.— Вотъ она куда завела воля вольная, удалъ молодецкая: вышелъ на Волгу добрымъ молодцомъ, вернулся царскимъ слушникомъ! Никуда показаться нельзя: по Волгѣ ходить — все ворами слыть, въ Казань, въ Астрахань пойдти—быть повѣшену! Ужъ нашелъ же ты, Ермакъ, свою долюшку, шатался-мотался по чисту полю, да по синю морю, и выслужилъ награду царскую: всего два столбика съ перекладинкой—на ней петелька шелковая. Все то теперь Ермаку опротивѣло. Хотя бы все бросить, да въ монастырь пойдти. Надо сказать, что Ермакъ не походилъ на другихъ атамановъ: церковь почиталъ, и въ шайкѣ своей держалъ по-

рядокъ, и злодѣйства не допускалъ, и за всякое дѣло нехристіанское виновныхъ въ мѣшокъ съ каменьями зашивалъ, да въ воду опускалъ. Повѣдалъ, видно, свою кручину Ермакъ Тимофѣевичъ своимъ родичамъ; тѣ поговорили Строгановымъ, а Строгановы были умные старики; руки имъ были надобны. Согласились они Ермаку въ бѣдѣ помочь. И послали къ нему ласковую грамоту съ такими рѣчами: «чѣмъ мотаться тебѣ по бѣлу свѣту, ты бы, Ермакъ Тимофѣевичъ, послужилъ честнымъ людямъ, а у насъ про тебя дѣло нашлось бы. Пожаловалъ намъ государь земли за Угорскимъ камнемъ, по рѣкамъ по Тагилю и по Тоболу; а бы мы тамъ острожки поставили, чтобы на государевы земли сибирскимъ инородцамъ, Остякамъ и Вогуламъ, а тѣмъ паче сибирскому царю, татарину Кучуму, путь перехватили; которые инородцы царю покорность изъявляютъ, съ тѣхъ бы мы дани принимали и къ царю бы отсылали; а какіе купцы пойдутъ, тѣхъ бы мы оберегали. И ты бы, Ермакъ Тимофѣевичъ, намъ это дѣло справлялъ, ты бы набралъ вольныхъ людей, охотниковъ, а мы бы тебѣ все нужное дали; послужилъ бы ты царю вѣрой-правдою, и заслужилъ бы прежніе грѣхи свои».

Какъ получилъ эту грамоту Ермакъ Тимофѣевичъ, созвалъ онъ казацкій кругъ и вышелъ къ нему со свѣтлымъ лицомъ, и велѣлъ передъ всѣми читать грамоту. „Кто хочетъ, братцы, со мной иди; кто не хочетъ — тому воля вольная.—А ужъ я вамъ не товарищъ. Кто же со мной пойдетъ, тотъ на словѣ крѣпко стой, чтобъ ужъ воровства и пакости за нами не водилось“. И всѣ его любимые товарищи, храбрые есаулы—Иванъ Кольцо, да Иванъ Гроза, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ —

всѣ возрадовались: „намъ безъ тебя, Ермакъ Тимофѣевичъ, все ровно пропадать. Куда ты, туда и мы. За тебя головы свои положить согласны“. И набралось съ ними еще пять-сотъ сорокъ человѣкъ. И пошли они въ Чусовые городки, и приняли ихъ именитые люди Строгоновы съ великою честью. И стали снаряжать за Югорскій камень; дали отъ себя еще триста человѣкъ ратныхъ людей, и Литвы, и Нѣмцевъ, и Татаръ, и Русскихъ; снабдили ихъ одежей, и запасами, и воинскими доспѣхами, и ружьями, и маленькими пушечками; свинцу и пороху дали вдоволь, да шесть поповъ, да вожаконъ и переводчиконъ, и проводили ихъ съ молебномъ на судахъ въ дальній путь, въ неизвѣстную землю Сибирскую.

Шелъ Ермакъ по рѣкѣ по Чусовой, потомъ по Серебряной, перетащился волокомъ въ Жаравлю рѣку; тамъ построилъ легкія лодочки коломенки, поплылъ Жаравлей рѣкой въ Тагиль рѣку; изъ Тагиля вошелъ въ Туру рѣку... Сторона была пустынная, тишина глубокая, ясное время стояло, сентябрь мѣсяць. Шли казаки скоро и весело. По рѣкамъ птицы, по берегамъ звѣря—великое множество. Какъ выстрѣлять изъ ружья—все всполошится; выстрѣлто по пустыннымъ мѣстамъ далеко перекачивается, чуть ли не на всю Сибирь. Лодочки идутъ, казаки пѣсни поютъ: эхъ, сторона-то богатая!... Только рѣдко-рѣдко гдѣ пашеньки попадутся; рѣдко-рѣдко гдѣ выглянуть люди дикіе и прочь побѣгутъ. Только вотъ глядятъ казаки—словно войско стоять. Войско зашевелилося: аль встрѣчать идетъ непрошенныхъ гостей? Вышли казаки на берегъ, да какъ грянули изъ ружей—все войско понадало. Засмѣялись казаки, пошли ходить между лежащими, стали искать ихъ

набольшаго. Чуть начнутъ Сибирцы поднимать головы, опять кто нибудь выстрѣлитъ—и тѣ опять носомъ уткнутся въ землю. Нашли наконецъ наибольшаго; оказалось, что войско велъ сибирскаго царя Кучума мурза Таузакъ. Ермакъ обошелся съ нимъ ласково, угощалъ и выспрашивалъ про царя Кучума и про мурзъ его и улановъ, и гдѣ его столица, и сколько у него силы, и далеко ли, и какъ идти туда,—и отпустилъ его домой. Мурза прибѣжалъ къ Кучуму и на всѣхъ нагналъ страхъ своими разказами: „Такіе, молъ, идутъ люди, рода русскаго, какихъ и не видано; сами сильные, а когда стрѣльнутъ изъ луковъ своихъ, то изъ конца дымъ и огонь исходитъ, и громко голкнетъ, аки громъ на небеси; стрѣль исходящихъ не видать, а уязвляютъ ранами и смертью побиваютъ, и защититься отъ нехъ никакими ратными збруями не можно; ни куяки, ни панцыри, ни кольчуги наши не держатъ: все пробиваетъ на вылетъ“. Это ихъ такъ ружейная пальба перепугала. Ружья-то они еще не видывали,—и у насъ оно недавно завелось, при томъ же царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Пушки-то были и до него.

Царь Кучумъ переполошился, а съ нимъ и мурзы, и муллы его, и князьки, и шаманы сибирскіе. Собрались на совѣтъ. Шаманы говорили, что съ этими людьми приходитъ гибель Кучумову царству; что въ воздухѣ, надъ самой Кучумовой столицей, всѣ видѣли городъ, а въ этомъ городѣ—каменные башни, на башняхъ висятъ колокола, а на верху кресты; что, извѣстно, такіе города—русскіе, и показываются они теперь на небѣ, и, того гляди, сойдутъ на сибирскую землю, и вся сибирская страна наполнится русскими людьми и русскими городами. Кучумъ, будучи

мусульманиномъ, хоть и презиралъ шамановъ, но побаивался ихъ; говорилъ, что они врутъ, а самъ разспрашивалъ объ огненной пальбѣ. Нашлись, которые видали ружье въ Черми и у Строгановыхъ, и говорили, что отъ грома его вреда не дѣлается никакого, а прошибаетъ только пуля, — что, все равно, и стрѣла вѣдь ранить смертельно. Понялъ-ли, не понялъ-ли Кучумъ, только тотчасъ повѣстилъ, чтобы самоскорѣйше поднимались и шли къ нему всѣ подвластные ему мурзы, и уланы, и татары, и остяки, и другіе сибирцы. Самъ онъ заперся въ главномъ своемъ юртѣ, въ городкѣ, называемомъ Сибирь или Искеръ; а сыну своему или племяннику, доподлинно неизвѣстно, по имени Мегметъ-Кулу назначилъ идти съ большой ратью на Ермака, и чтобъ онъ старался уничтожить русскихъ; „если-жь паче чаянія, не возьмешь силой, то тревожь и истребляй ихъ всѣми мѣрами, а главное, старайся заманить ихъ на Иртышъ: тамъ же мы устроимъ засаду и всѣхъ перебьемъ ихъ навѣрно“. Этотъ Мегметъ-Кулу считался самымъ славнымъ сибирскихъ странъ богатыремъ: великанъ ростомъ, силы непомѣрной, онъ въ своихъ золотыхъ одеждахъ, отороченныхъ соболями, въ чешуйчатыхъ латахъ на груди и въ золотомъ шлемѣ съ орлиными крыльями, далеко видѣнъ былъ и между своею татарскою конницей, а тѣмъ паче надъ малорослыми сибирцами, съ головы до ногъ одѣтыми въ звѣринныя шкуры.

Мегметъ-Кулу сталъ на Тоболѣ рѣкѣ, между Тавдою и Иртышемъ, и дожидалъ нашихъ, стараясь главное объяснить своему войску про ружейную стрѣльбу, чтобы ея не боялись; молилъ стоять крѣпко, потому что по сибирскимъ правамъ, кто побѣдитъ, того и земля будетъ и

люди. Провѣлавъ, что казаки недалеко отъ него высадились, послалъ онъ на нихъ впередъ свою конницу, а вслѣдъ за ней и пѣшее войско съ копьями и стрѣлами. Казаки встрѣтили ихъ выстрѣлами, изъ пушечекъ и ружей. Тѣ было дрогнули, но скоро опомнились, особенно татары; да и сибирцы ужъ не падали отъ грома, а только разбѣгутся, да опять скучатся и стрѣляютъ изъ луковъ. Казаки кинулись на нихъ въ рукопашъ; съча была зла; но, видя паденіе многихъ своихъ, войска Мегметъ-Куловы не выдержали и побѣжали. У нашихъ тоже были и убитые, и раненые. Ермакъ поплылъ дальше внизъ по Тоболу, спѣша на Иртышъ, гдѣ Кучумовъ юрть. Дорогой былъ еще бой: разбили казаки Кучумова мурзу Карачу и взяли его юрть и богатую добычу—золота, припасовъ, меду,— и перетасили все на свои коломенки.

Разсказываютъ, что юрть этотъ взяли они хитростью. Понадѣлали чучель изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки,—и привязали въ лодкахъ, оставивъ при нихъ малое число людей, а самъ тайно высадился на берегъ. Подошли лодки и стали противъ юрта. Высыпали татары на берегъ, и стали пускать стрѣлы. Стрѣляютъ и дивуются, какіе это люди русскіе—крѣпкіе: стрѣлъ въ нихъ чѣ въ снопики налѣплено, а они все невредимы стоятъ. Настоящіе же казаки тѣмъ временемъ зашли татарамъ въ тылъ и вдругъ голкнули изъ ружей. Такъ юрть и взяли.

Мегметъ-Куль между тѣмъ не терялъ казаковъ изъ виду, по высокому берегу въ нѣкоторомъ разстояніи провозжая ихъ своею конницею; гдѣ рѣка суживается между горъ, онъ засядетъ на горохъ за кустами, и сыплетъ внизъ на плывущихъ стрѣлы и камни. При впаденіи Тобола въ

Пртышь, Ермакъ счелъ наконецъ за нужное отдѣлаться отъ своихъ провожатыхъ, причалилъ къ берегу, храбро напалъ на нихъ и заставилъ бѣжать. Убитыхъ тутъ у насъ не было, но почти всѣ казаки были уже ранены. Многие стали призадумываться. Нужно было хотя гдѣ нибудь остановиться отдохнуть; изходилъ второй мѣсяцъ ихъ похода, наступало 22 октября. Войдя въ Пртышь, Ермакъ повернулъ внизъ по рѣкѣ; казаки скоро увидели какое-то старое городище, удобное для привала, и, не не встрѣчая на всемъ Пртышѣ непріятеля, расположились въ городищѣ. Но это то и была, устроенная Кучумомъ, засада. На это то городище Кучумъ и рассчитывалъ. Онъ велѣлъ заблаговременно совсѣмъ его очистить, и оставить пустымъ. Близъ же него стоитъ высокая гора Чувашева; на этой горѣ расположился самъ Кучумъ съ половиной своего войска; а другую половину, подъ начальствомъ Мегметъ-Кула, укрылъ онъ съ другой стороны городища, сдѣлавъ для того нарочно засѣку, и обведя ее валомъ. Завидя казаковъ, татары притаились въ своихъ мѣстахъ. Казаки же ужъ вечеромъ подплыли къ городищу, стали пищу варить, и готовить себѣ ночлегъ, какъ вдругъ замѣчаютъ, что въ засѣкѣ людей—видимо-невидимо; свѣдавъ, что и на Чувашевой горѣ стоитъ самъ Кучумъ, и что они окружены всей его силой, — они, усталые и раненые, вдругъ впали въ страхъ и отчаяніе, собирались въ круги и требовали, чтобы ночью же садиться на суда и ѣхать назадъ. Есаулы стали было уговаривать, а имъ отвѣчали: «да вы посмотрите: ихъ, вѣдь, нехристей—тмы, а мы всѣ наперечетъ. Сколькихъ товарищей уже похоронили! Понесла насъ нелегкая, по невѣдомымъ рѣкамъ—

ужли-жь затѣмъ, чтобъ берега утыкать крестами: надъ казацкими могилами? Погуляли, страху задали, добычи поцабрали, пора и честь знать, домой поворотить, чего еще дожидаться?» Слыша такія рѣчи, приуныли и есаулы, и старшіе по Ермакъ атаманы, его помощники—Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза. Ермакъ одинъ сидѣлъ поодаль, поглядывалъ на засѣку Мегметъ-Кулову и на круги своихъ азаковъ—и очень хорошо зналъ, о чемъ тамъ дѣло идетъ. Приходятъ, и говорятъ ему Иванъ Кольцо и Иванъ Гроза, что дѣло плохо, казаки бунтуются.—Пусть наговорятся, натѣшатся, отвѣчалъ Ермакъ. И давши имъ наговориться, позвалъ онъ всѣхъ въ большой кругъ; вышелъ, поклонился и началъ рѣчь:—Что же, братцы, сказалъ онъ:—аль ужъ и впрямъ приходится намъ бѣжать?—Да ужъ впередъ то, кажись, некуда; всѣ пути перехвачены, загуторили въ толпѣ. — Одно худо, продолжалъ Ермакъ:—время позднее, рѣки скоро стануть, до дому не догребемъ, придется зимовать въ глуши—Богъ вѣсть гдѣ, и Богъ вѣсть какъ. Пожалуй, въ томъ мѣстѣ замерзнемъ, гдѣ ни Татарва проклятая, ни Сибирь ихъ нѣмшюная, ни Чудь заблудящая не подумали—теплыхъ хоромъ намъ не поставили и хлѣба не напахали... Одно только мѣсто для зимовки доброе я знаю, это Кучумовъ юртъ, Сибирь городокъ.... Стыдно вамъ, братцы, продолжалъ онъ съ негодованіемъ,—а еще казаки, православные христіане, какое помышленіе въ сердца свои попустили! усумнились въ помощи Господней! Чтѣ на Перми, да на Чусовой отъ этихъ поганныхъ нехристей, церковей Божіихъ поругано да пожжено,—народу христіанскаго, русскаго, стариковъ и младенцевъ, помучено, да побито. Того ради Всемогү-

щій Богъ мститъ имъ, окаяннымъ, за кровь неповинную. Нешто мы воровать сюда пришли? Слава Тебѣ Господи, отъ воровства великій обѣтъ дали отстать, царю и честнымъ людямъ, и всему христіанству послужить пошли, и крестъ цѣловали! Вспомните—какими слезами тогда плакали? Какіе обѣты выговаривали? Да всемъ намъ здѣсь помереть! а назадъ обратиться, страху ради и живота своего жалѣючи, намъ не можно: и срамъ и слова своего преступленіе! Ужъ мы души свои, Господу Богу заложили, и Его волею идемъ; а что насъ мало, непріятелей же множество,—то вѣдь не отъ многихъ воевъ побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ и безпомощнымъ Богъ помочь; и насъ не покинетъ Онъ, видя сердца наши — чисты и дерзновенны; уповайте на Него твердо, и памяуйте, что дастъ Господь стоимъ крѣпко,—то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ ней пойдетъ во вѣки.

Не дали Ермаку дальше говорить; выходили впередъ атаманы и есаулы храбрые: Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза, Мещерякъ Матвѣй, Никита Панъ, и другіе; все говорили:—все мы готовы умереть за святія Божія церкви, за вѣру православную страдать, царю послужить, Постоймъ все до единого противъ поганныхъ, твердо до крови и до самой смерти. Все на томъ и стоимъ за одну душу.

— Такъ, такъ, заговорилъ казацкій кругъ, — ужъ во всемъ на тебя, Ермакъ Тимофѣевичъ, полагаемся; ты, извѣстно, человекъ не намъ чета. Безъ тебя давно-бъ ужъ намъ всемъ пропасть.

Похвалилъ Ермакъ такіа рѣчи, и велѣлъ потомъ от-

служить молебень. И вынесли попы крестъ и Евангеліе, аналойчикъ поставили, засвѣтили свѣчки... и ужъ ночь сіяла всѣми своими звѣздами, когда казаки сторожей разставили, а сами полегли соснуть, крѣпкіе духомъ на завтрашніе подвиги.

И на утро, какъ только солнце освѣтило блистаніемъ свѣтлыя облака, вывелъ Ермакъ свою дружину изъ городища и указалъ на засѣку, — Съ нами Богъ! крикнули казаки яко едиными устами, дали залпъ и побѣжали на приступъ, Татары выпустили тучу стрѣль. Многіе изъ нашихъ попадали, другіе замялися; видя то, Татары въ трехъ мѣстахъ разломали сами засѣку и кинулись всею аравою, думая взять множествомъ—и въ тѣснотѣ не дать стрѣлять изъ ружей. Тутъ то проявилась сила богатырская, бой пошелъ на жизнь и смерть; топоры и сабли въ ходъ пошли; дрались въ рукопашную,—на одного казака приходилось по десяти, по двадцати, по тридцати человекъ. Ермака Богъ хранилъ, а съ нимъ у всѣхъ удесятерилась сила: вездѣ поспѣвалъ онъ во время; отъ одного его вида толпа разбѣгалась.... Но столбъ Кучумова царства, душа его войска—надломилась: палецъ храбрый Мегметъ-Куль, раненый; едва успѣли отбить его, еле жива, и отвезъ за Иртышъ. Разстроились его татары и побѣжали; остяцкіе князьки, стоявшіе у Кучума, вмѣсто того, чтобы поддержать татаръ, повернули коней и отвели войска во свояси. Остался Кучумъ одинъ на горѣ съ немногими приближенными, стоялъ какъ ошеломленный, горько заплакалъ и побѣжалъ. Добѣжалъ онъ до столицы своей, гдѣ царствовалъ сорокъ лѣтъ, захватилъ кое-что изъ сокровищъ и устремился на старости лѣтъ въ скитальческій

путь, съ сокрушеніемъ промолвивши:—нѣтъ такой радости, которая бы потомъ не сложилась на печаль. Скитаясь по степямъ, въ горѣ, онъ потомъ ослѣпъ.

Побѣда Ермака была полная, хотя досталась не дешево. Пятая часть всей дружины его, сто семь воиновъ полегло въ этомъ бою. Но Ермакъ не хотѣлъ терять времени и дать врагамъ опомниться. На другой же день пошелъ къ Кучумовой столицѣ: она была отъ Чувашевой горы всего въ шестнадцать верстахъ. Шли безъ боязни, но приближаясь къ городу, и не слыша оттуда ни голоса, не видя ни лица человѣческаго, усумнились—не кроется-ли тутъ какое лукавство. Осторожно начали казаки входить въ городъ и увидѣли, что юртъ совсѣмъ пустъ. Видно было—люди пометались изъ него въ переполохѣ: все ихъ богатство тутъ валялось, золото, серебро и каменья дорогіе и ткани золотыя, и куньи и соболя мѣха; и всякія явства недоѣденныя. Увѣрясь, что лукавства никакого нѣтъ, Ермакъ велѣлъ служить благодарственный молебень, съ крестами и святой водою обошелъ вокругъ города, посвящая его истинному Богу, и поздравилъ товарищей съ доброй зимовкой.

Отдохнули наши молодцы, поустроились въ городѣ. Три дня прошли тихо и мирно. На четвертый день показались остяцкіе князьки, подѣхали, выложили Ермаку богатые дары и запасовъ, и били челомъ принять отъ нихъ присягу на вѣрность. За ними стали приходить жители съ семьями своими, присягали Ермаку — и онъ приглашалъ всѣхъ ихъ жить по прежнему въ городѣ. Городъ опять наполнился людьми. Ермакъ скоро всѣмъ полюбился, всѣмъ подъ нимъ житье было безобидное. Въ дружинѣ его съ

изначала заведенъ былъ порядокъ и послушаніе. Всякое дѣло студное наказывалось строго. Атаманы Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза были у него помощниками. Все войско раздѣлялось на сотни; у каждой сотни было свое знамя, украшенное святыми образами; сотнями начальствовали есаулы. Подъ ними были пятидесятники и десятники. Туземцы стали даже радоваться, что избавились отъ Кучума. Кучумъ былъ въ той сторонѣ пришлый царь, родомъ татаринъ; прежнихъ владѣтелей онъ побѣдилъ и самъ сѣлъ на ихъ мѣсто. Изъ дальнихъ улусовъ всю зиму на оленяхъ и собакахъ прѣзжали остяцкіе и вогульскіе, и всякіе другіе сибирскіе владѣтели къ Ермаку, и тоже вступали въ подданство. Самъ Мегметъ-Куль, выздоровѣвшій отъ ранъ, попался въ плѣнъ; Ермакъ держалъ его подъ крѣпкою стражею, но честилъ и обходился съ нимъ дружески. Весною, какъ только прошли рѣки, Ермакъ пошелъ въ походъ внизъ по Иртышу до самой Оби—и гдѣ мирно, гдѣ боемъ привелъ всю страну подъ власть свою. Когда онъ возвращался назадъ, шествіе его было торжественное. На лодкахъ его играла музыка. У него были барабаны, сиповки, литавры и трубы. Казаки были одѣты въ праздничные кафтаны; все обшито было золотомъ. Жители выходили къ нему на встрѣчу, падали ницъ, выносили дары, куньи и собольи мѣха, просили его суда и славили его судъ.... Обширныя земли были подвластны Ермаку; многіе народы несли ему дань; вѣнецъ Кучумовъ былъ въ его рукахъ...

Принималъ Ермакъ эти почести—а думалъ о другомъ. Молча и по долгу поглядывалъ онъ въ ту сторонушку, гдѣ Русь православная: все то тамъ живетъ честной народъ...

для него же тамъ, на великой Руси, поставлены, стоятъ, дождаются—два столбика съ перекладиной, на ней петька шелковая... Хоть полсвѣтомъ завладѣй, все онъ камъ—воровской казакъ, государевъ измѣнникъ. Такъ въ царскомъ указѣ объ немъ сказано, пятно на имячко его крестное положено: это то пятно и прожигало его душу, а смыть его могло тоже—только слово царское.

Воротился Ермакъ изъ похода, позвалъ попа, заперся въ своей земляночкѣ, караулъ поставилъ, чтобъ никто къ нему не входилъ, и велѣлъ попу писать. Самъ ходитъ по земляночкѣ, а пошъ со словъ его пишетъ къ царю грамоту,—гдѣ о себѣ Ермакъ ни слова не говоритъ, и ничего не указываетъ, чтобы дѣлать государю. „Всемилюсноваго, въ Троицѣ славимаго Бога изволеніемъ, Пречистыя Его Матери и Святыхъ Угодниковъ и Чудотворцевъ Россійскихъ заступничествомъ, и тебя Государя, Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича ко всецелому Богу праведною молитвою и твоимъ государевымъ счастиемъ, царство Сибирское взяли и царя Кучума съ воями его побѣдили, и подъ твою высокую руку покорили многихъ живущихъ въ Сибири инородцевъ, Татаръ, Остяковъ и Вогуличей; и къ присягѣ ихъ привели, чтобы быть имъ подъ твоею государскою высокою рукою, до вѣку, пока мѣсть Богъ изволить вселенной стояти; и чтобы имъ ясакъ давати тебѣ, великому Государю, безпереводно. А на русскихъ людей имъ зла никакого не мыслить; а которые похотятъ въ твою службу государскую, и тѣмъ служить прямо; недругамъ твоимъ государевымъ ни въ чемъ не спускать, и самимъ не измѣнять; къ царю Кучуму и въ иныя орды и улусы не отъѣзжать, и во всѣмъ правомъ постоянствѣ стоять“.

Велѣлъ онъ написать и другую грамоту—свои слова къ именитымъ людямъ Строгановымъ, увѣдомлялъ ихъ о дѣлахъ своихъ, и просилъ переправить съ его грамотой посланца къ самому царю въ Москву. Написавши грамоты, позвалъ онъ атамановъ и есауловъ своихъ и спросилъ: „кому ѣхать въ Москву передъ грознаго царя, за воровскія дѣла отвѣтъ держать и бить челомъ царствомъ Сибирскимъ“?

„Кому же ѣхать, какъ не мнѣ“, вызвался Иванъ Кольцо, Ермаковъ ближайшій другъ: „имя мое великому государю свѣдомо; въ царскомъ указѣ написано; велѣлъ меня сыскать великій государь: самъ приду, свою голову принесу, а отъ тебя дорогой подарочекъ“.

Поѣхалъ Иванъ Кольцо съ пятьюдесятью казаками. Остались Ермакъ съ товарищами дожидать, что велитъ имъ сказать великій государь.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву въ самое печальное время. Только что заключенъ былъ съ Польшею миръ. По этому миру царь потерялъ все свои завоеванія въ Ливонской землѣ, берега Балтійскаго моря, столь для Россіи необходимыя, и Полоцкъ, и другіе города. Мраченъ былъ грозный царь. Это былъ уже не тотъ красивый юноша, что ровно тридцать лѣтъ тому назадъ бралъ Казань. Онъ уже постарѣлъ и хворалъ, подозрѣвалъ, что окруженъ измѣною бояръ. Послѣ московскаго пожара, послѣ его покаянія и рѣчи на Лобномъ мѣстѣ, когда все подданные его проливали слезы умиленія, и простили все другъ другу вины свои,—онъ думалъ, что все, вмѣстѣ съ нимъ, перемѣнились къ добру; и точно, приблизились къ нему тогда совѣтники умные и люди ратнаго дѣла храб-

рые, которые славно казанскій походъ справили, и всё казались государю преданы и готовы служить ему не жалючи живота своего. Но по возвращеніи же изъ подъ Казани съ царемъ случилось событіе, дозволившее ему, такъ сказать, заглянуть въ душу всѣхъ его окружавшихъ: онъ заболѣлъ огненною болѣзнію, то есть горячкою. Всѣ думали, что ужъ онъ кончается; онъ самъ приготовился къ смерти и приказывалъ царство младенцу сыну своему. Но почти всѣ его вельможи и совѣтники не захотѣли присягать младенцу, боясь неурядицы при малолѣтнемъ царѣ, а выбирали на престоль царскаго двоюроднаго брата Владимира Андреевича, уже показавшаго умъ и храбрость при взятіи Казани. Три дня вокругъ постели умирающаго царя спорили, кричали и ругались. На царя уже никто не обращалъ вниманія, словно его тутъ не было. Жадные власти, бояре словно сняли съ себя личины свои, выказали всѣ свои затаенныя желанія. Царь все слышалъ, все видѣлъ, — и вдругъ ему стало легче: онъ выздоровѣлъ, словно изъ мертвыхъ возсталъ. Ничего онъ не сказалъ, когда поправился; но подозрѣніе залегло въ его душу противу всѣхъ его окружавшихъ: онъ помнялъ, что каждый говорилъ и дѣлалъ въ то время, когда почиталъ царя почти умершимъ. Еще восемь лѣтъ тайлся онъ, пока жила первая супруга его, кроткая царица Анастасія, изъ роду Романовыхъ; ее онъ называлъ своею юницею, любилъ до безумія, чувствуя, что подлѣ нея, какъ подлѣ крыломъ тихаго ангела, отдыхала уязвленная душа его, и воспламенялась ко всему доброму и великому. Скончалась „юница“ его — и царь вдругъ почувствовалъ себя¹ одинокимъ посреди людей, которые когда-то, при немъ, во время его болѣзни,

поносили царицу и отвергали ее отъ соправительства малолѣтнему сыну. Все это вспомнилось ему, еще живѣе при видѣ ея бездыханнаго трупa, — и, указывая на покойную, онъ, въ изступленіи горести, говорилъ боярамъ: — радуйтесь, радуйтесь, нѣтъ ужъ той, которую вы ненавидѣли! а за что вамъ негодна была? За то ли, что Богъ, при ней, видя ея ангельскую кротость и чистоту голубиную, намъ славу и побѣду подавалъ, и со смертнаго одра насъ воздвигъ, сиротства ея жалѣючи?.. У самыхъ лучшихъ людейъ есть всегда завистники; нашлось много и тутъ такихъ, которые думали воспользоваться горестью царя, чтобъ избавиться отъ супротивныхъ имъ, — и стали царю нашептывать, что Анастасія умерла отъ отравы... Мать царя тоже нѣкогда скончалась отъ яду... Царь повѣрилъ, и рѣшилъ истребить враговъ своего рода: начались въ Москвѣ опалы и казни... И жизнь самого царя пошла самая ужасная. Новые приближенные старались ему доказать, что только они ему вѣрны, и постоянно пугали его измѣной и лихими умыслами людей имъ негодныхъ, дабы погубить ихъ; сами же льстили царю и тѣшили его, пробудили въ немъ привычки дѣтства его, — и онъ предался всѣмъ ихъ злокозненнымъ боярскимъ обычаямъ, къ которымъ навъкъ отъ юности своея... Правда, продолжалъ царь имя свое передъ иностранными государями честно и грозно держать, о державѣ россійской и о всемъ христіанствѣ радѣть; продолжалъ онъ давать посламъ своимъ мудрые наказы, и дивилъ умомъ и знаніями даже самыхъ хитрыхъ папскихъ посланныхъ, припираясь съ ними о вѣрѣ: не нарушилъ ничего изъ своего мудраго земскаго устройства; по прежнему хотѣлъ правды, казнилъ лихоим-

цевъ; самъ, какъ Соломонъ, творилъ судъ народу, и народъ славилъ его судъ, — но тутъ же, при неудачѣ, вдругъ падалъ духомъ, пугался и готовъ былъ унижаться; вдругъ опалялся и губилъ по одному непонравившемуся ему взгляду, губилъ людей, цѣлые роды, города, гдѣ полагалъ измѣну. Чтя въ счастіѣ — милость къ себѣ Господню, а въ бѣдѣ — казнь за свои прегрѣшенія, — онъ постоянно самъ надъ собой произносилъ строгій судъ: въ сей жизни самъ непрестанно судилъ себя, помня образъ христіанскаго царя, какъ онъ долженъ быть, и какимъ онъ самъ цѣлые тринадцать лѣтъ быть старался, — помня страшный отвѣтъ, который долженъ онъ дать Богу и за судьбу царства своего и всего христіанства, и за кровь имъ проліянную, — отвѣтъ, какъ царя и какъ человѣка. Тогда, исчисляя всѣ свои прегрѣшенія, называя себя окаяннымъ кровопійцею, чревоугодникомъ и „исомъ смердящимъ“, онъ жаждалъ совсѣмъ оставить міръ, принять постриженіе и схиму; уѣзжалъ въ самые отдаленные монастыри; жилъ тамъ въ покаяніи, постѣ и молитвѣ; самъ писалъ имена имъ казненныхъ, и съ богатыми вкладами оставлялъ въ монастыряхъ для вѣчнаго поминovenія. Отъ душевныхъ мукъ своихъ онъ получилъ падучую болѣзнь... Несчастный конецъ Ливонской войны, разрушившій его великіе для Россіи замыслы, повергъ его въ скорбь, казалось, безысходную. Вся Москва трепетала словно передъ бурей...

И вдругъ докладываютъ царю, что пріѣхалъ гонецъ отъ Строгановыхъ и съ нимъ какіе-то казаки изъ Сибири.

Обыкновенно государь принималъ гонцовъ самъ, сидя на креслахъ, а вкругомъ его по лавкамъ — бояре. Вводятъ Ивана

Кольцо съ товарищами. Они пали передъ государемъ на землю, какъ преступники; Иванъ Кольцо положилъ себѣ на голову грамоту. Царь велѣлъ дьяку взять, распечатать и читать грамоту. Дьякъ прочелъ. Государь велѣлъ Ивану Кольцо встать и все дѣло рассказать—и что они за люди. И повѣдалъ Кольцо безъ утайки, всю правду истинную, что они тѣ самые воровскіе казаки, о которыхъ писано въ царскихъ указахъ, и какъ они пришли къ Строгановымъ, и какъ въ Сибирь пошли, и прочее. И объ Ермакѣ все доподлинно рассказалъ. Царь выпрашивалъ все до мелочи. Иванъ Васильевичъ не пропускалъ случая кольнуть бояръ своихъ измѣною нѣкоторыхъ изъ нихъ, и тутъ вышелъ ему поводъ сказать имъ:—вотъ вамъ примѣръ: и не знатнаго рода люди, простые казаки; я ихъ казнить велѣлъ—они же не побѣжали служить моимъ недругамъ, а пошли на меня же поработать, царство мнѣ покорили, чтобы я только снялъ съ нихъ вины ихъ старья. И, обратаясь къ казакамъ, объявилъ, что всѣ вины ихъ онъ съ нихъ снимаетъ, и за службу жалуетъ великимъ своимъ государевымъ жалованьемъ.—А къ храброму воеводѣ нашему, заключилъ онъ,—князю Сибирскому Ермаку Тимофѣевичу, помощь пошлю, и велю отписать къ нему мою царскую грамоту. И допустилъ онъ казаковъ къ рукъ, и одарилъ ихъ, и велѣлъ ихъ продовольствовать съ царскаго стола. Потомъ всталъ съ кресель—поднялись и бояре—и приказалъ государь тотчасъ же служить въ Успенскомъ соборѣ молебень, и по всей Москвѣ, и по всему царству звонить въ колокола и объявить народу, что Богъ въ милостяхъ своихъ къ нему не оскудѣваетъ, послалъ державѣ Россійской великое приращеніе: третье мусульманское цар-

ство—Сибирь покорилась скипетру христіанскаго царя. И великое было на Москвѣ ликованіе.

На помощь Ермаку отряженъ былъ князь Болховской и съ нимъ пятьсотъ стрѣльцовъ. Казакамъ царь послалъ денегъ, суконъ, камки; Ермаку — шубу съ своего плеча, двѣ брони, серебрянный кубокъ, и въ милостивой грамотѣ своей, назвавъ его княземъ Сибирскимъ, поручилъ ему главное распоряженіе и начальство надъ всею покоренною страню. Плѣннаго Махметъ-Кула велѣлъ прислать въ Москву.

Радость казаковъ была неописанная, когда воротился Иванъ Кольцо съ царскими милостями. Но Ермаку не долго пришлось имъ пользоваться. Онъ попалъ таки въ засаду къ Кучуму. Кучумъ распустилъ слухъ, что къ казакамъ идутъ бухарскіе купцы. Ермакъ вышелъ съ пятьюдесятью казаками имъ для прикрытія. Купцовъ на сказанномъ мѣстѣ не нашли и расположились на островку, на Иртышѣ, ночевать. Ночь была бурная, вѣтеръ вылъ, рѣка шумѣла. Казаки спали богатырскимъ сномъ. Кучумъ переправился черезъ рукавъ рѣки, напалъ — и сонныхъ перерѣзалъ казаковъ. Ермакъ вскочилъ было на крики, бросился къ судамъ своимъ, отмахиваясь саблей, перепрыгивалъ съ лодки на лодку, остуился и упалъ въ бурную и глубокую рѣку; тяжелая царская броня была на немъ и была причиной его гибели.

Какъ умеръ Ермакъ — тутъ-то и оказалось, что это былъ за челоуѣкъ. Стрѣльцы и казаки остались безъ него, какъ безъ головы. Душа всего дѣла — исчезла. Иванъ Кольцо не задолго предъ тѣмъ былъ убитъ измѣною. Никита Панъ, Иванъ Гроза, тоже погибли. Оставшись, какъ овцы безъ

пастыря, казаки и стрѣльцы устрашились. Думали ужь только о томъ, какъ бы уйти въ Россію. Оставшійся въ живыхъ одинъ изъ Ермаковыхъ атамановъ, Матвѣй Мещерякъ, повелъ ихъ къ Строгановымъ...

Но ужь путь въ Сибирь былъ указанъ: царскія войска уже двигались туда. Мещерякъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ — и слѣпой Кучумъ не долго процарствовалъ въ занятой имъ вновь столицѣ своей, на казацкихъ могилахъ. Какъ сказалъ когда-то Ермакъ взбунтовавшимся казакамъ: — постоимъ крѣпко, и память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ насъ пойдетъ во вѣки — такъ и сбылось. Имя Ермака стоитъ надо всею Сибирскою страной, живетъ тамъ въ названіяхъ урочищъ, живетъ по всей Руси въ пѣсняхъ народныхъ. Она съизмала любезна намъ всѣмъ и каждому, ибо знаменуетъ великаго, но при томъ чисто русскаго человѣка, который, — соединяя въ себѣ умъ, богатырскій духъ, могучую волю, съ дивной благостью душевной, — совершилъ, въ простотѣ сердца, великія дѣла, единственно для очистки совѣсти своей передъ царемъ и всѣмъ православнымъ людомъ, въ прославленіе имени русскаго и на возвеличеніе державы россійской.

Смерть Ермака приключилась въ одинъ годъ съ кончиною царя Ивана Васильевича Грознаго: въ 1584 году. Только царь скончался 18 Марта, а Ермакъ погибъ 5 Августа. Въ Tobольскомъ синодикѣ до сихъ поръ поминуются имена всѣхъ его казаковъ, первыхъ покорителей Сибири.

ДАНТЬ АЛЛИГІЕРИ.

(Окончаніе).

II.

Изъ всего предъидущаго видно, что вымыселъ поэмы называемой „Божественная комедія“ былъ двоякаго рода: божественный—по плану, человѣческой—по личности; отсюда достоинства и недостатки поэмы, которые мы постараемся показать нашимъ читателямъ.

Адъ.

1.

Первая пѣснь „Ада“ начинается аллегоріей и намекомъ:

„Въ срединѣ жизненной дороги,
Объятый сномъ, я въ темный лѣсъ вступилъ;
Путь истинный утративъ въ часъ тревоги.

.....
.....

И самъ не знаю, какъ вошелъ я въ лѣсъ,
Въ такой глубокой сонъ я погрузился
Въ тотъ мигъ, когда путь истинный исчезъ.

Солнце, отраженіе котораго поэтъ увидѣлъ на холмѣ, немного успокоиваетъ его; онъ съ меньшимъ ужасомъ смотритъ на какой то узкій и страшный проходъ, олицетворяющій, безъ сомнѣнія, смерть: Дантъ не говоритъ этаго, смыслъ его темень; потомъ, не говоря, перешелъ онъ или нѣтъ черезъ этотъ проходъ, Дантъ начинаетъ взбираться на вершину холма. Пантера съ пестрой шкурой заграждаетъ поэту дорогу. Здѣсь пять или шесть блестящихъ стиховъ, рисующихъ тихую ясность перваго утра, освѣтившаго перваго человѣка... Поэтъ наслаждался чуднымъ впечатлѣніемъ утренняго свѣта, какъ вдругъ его повергаетъ въ ужасъ другое появленіе хищнаго звѣря, льва (символь грубой силы). За нимъ идетъ тощая волчица (олицетвореніе ненасытной жадности папскаго Рима). Волчица заставляетъ поэта отступить неизвѣстно куда (намекъ на его ссылку, причиной которой былъ папа).

Здѣсь мракъ усиливается:

Пока стремглавъ я падалъ въ мракъ ужасный,
Глазамъ моимъ предсталъ неожиданный другъ,
Отъ долгаго молчанія безгласный.

Здѣсь Дантъ говоритъ о Виргиліи, намекая на продолжительное невѣжество тѣхъ вѣковъ, которые забыли латинскій языкъ. Дантъ подходитъ къ нему и умоляетъ назвать себя.

Виргилій ему открывается; потомъ, тронутый сыновними похвалами тосканскаго поэта, Виргилій показываетъ ему прямую дорогу, и такимъ образомъ избавляетъ Данта отъ встрѣчи со множествомъ другихъ хищныхъ звѣрей, соединяющихся съ волчицей (темный намекъ на

Римъ и его союзниковъ. Виргилій предлагаетъ себя въ проводники Данту въ его путешествіи по одному изъ жилищъ вѣчности, *loco eterno*:

Услышишь скорбь, отчаянную, злую;
Сонмъ древнихъ душъ увидишь въ той странѣ,
Вотще зовущихъ смерть себѣ вторую.

.....

Но въ эмпирей я ввестъ тебя не смѣю:
Тамъ есть душа достойнѣе стократъ;
Я, разлучась, тебя оставлю съ нею.

Дантъ благодаритъ Виргилія за желаніе провожать его до дверей Св. Петра, (намекъ на рай, отворяемый или затворяемый, по убѣжденію католиковъ этимъ святымъ), и слѣдуетъ за Виргиліемъ.

Вотъ содержаніе первой пѣсни; она оставляетъ воображеніе въ полусвѣтѣ намекомъ, слѣдуетъ ощупью за двумя поэтами, не зная куда идетъ—въ дѣйствительность или въ царство видѣній, — въ вѣка или въ вѣчность.

Во второй пѣснѣ Виргилій рассказываетъ Данту, какъ онъ былъ посланъ ему на помощь божественной женщиной, въ которой вдругъ узнается Беатриса. Виргилій описываетъ свою встрѣчу съ Беатрисой, и передаетъ Данту свой разговоръ съ ней; въ этомъ разговорѣ метафизика и схоластика играютъ большую роль, чѣмъ любовь; потомъ какая то Лючія, дѣвственница и мученица, олицетворяющая, какъ полагаютъ, божественное милосердіе, упрашиваетъ Беатрису летѣть на помощь предмету своей первой любви. Дантъ ободряется при видѣ Беатрисы, и слу-

шая ея рѣчи, оттолкнувъ звѣря, загораживающаго ему дорогу, благодарить *Виргилія*, и подходитъ къ вратамъ ада.

Третья пѣснь начинается знаменитой надписью на вратахъ ада, надписью, обратившейся въ пословицу при выраженіи отчаянія; большими, черными буквами написана она на вратахъ, и Дантъ читаетъ ее:

Здѣсь много входятъ въ скорбный градъ къ мученьямъ,
Здѣсь много входятъ къ мукѣ вѣковой,
Здѣсь много входятъ къ падшимъ поколѣньямъ.

.....
 Меня создали прежде твари суцей,
 Нѣ послѣ вѣчныхъ, и мнѣ вѣка нѣтъ.

Оставь надежду всякъ сюда идущій! —

Смутный и пронзительный звукъ рыданій, проклятій, наносимыхъ и получаемыхъ во мракѣ ударовъ, — все это ошеломляетъ поэта. Онъ вопрошаетъ своего путевода. *Виргилій* отвѣчаетъ ему:

Для нихъ не стану тратить время.
 Надежда смерти не блеститъ слѣпымъ.
 А жизнь слѣпая такъ невыносима,
 Что участь каждая завидна имъ.

Ихъ въ мірѣ слѣдъ исчезъ быстрѣ дыма;
 Нѣтъ состраданья къ нимъ, ихъ судъ презрѣлъ;
 Что говорить объ нихъ? взгляни — и мимо!

Дальнѣйшее путешествіе во мракѣ начинается съ четвертой пѣсни. Здѣсь обитаютъ души, жившихъ до временъ христіанства, и томящихся *желаніемъ безъ надежды*. Великая скорбь овладѣла Дантомъ при видѣ этихъ

несчастныхъ, онъ узналъ здѣсь людей высокодобродѣтельныхъ и съ великими нравственными силами.

Виргилій, одинъ изъ обитателей этой мѣстности, былъ тотъ-часъ же узнавъ своими собратами: слава великому поэту! вскричала толпа. Гомеръ, Горацій, Овидій и Луканъ встрѣчаютъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и Данта. „Я былъ шестымъ среди мудрости такой“, говоритъ поэтъ. Здѣсь смутное воображеніе поэта создаетъ смутную картину. Электръ, Эней, Гекторъ, Цезарь, Лавинія, первый Брутъ, Лукреція, Саладинъ, Аристотель, Сократъ, Платонъ и сотни другихъ тѣней являются и исчезаютъ, не придавая никакого интереса драмѣ.

Въ пятой пѣснѣ Минось, олицетворяющій божественную правду, судить и караетъ души тѣхъ, которые при жизни обуреваемы были страстями. Всѣ знаменитыя женщины, прославившіяся своими преступленіями, являються здѣсь. Въ этой пѣснѣ говоритъ уже не поэтъ-схоластикъ, а влюбленный. Вспоминая свою первую любовь, Дантъ сознаетъ, что для любящихъ сердецъ разлука — настоящій адъ.

Въ шестой пѣснѣ передъ нами рисуется холодный Стиксъ, гдѣ грѣшники находятся постоянно подъ ледянымъ дождемъ, и гдѣ, сверхъ того, ихъ преслѣдуетъ и кусаетъ огромная собака Церберъ; здѣсь поэтъ бросаетъ нѣсколько гнѣвныхъ словъ противъ Флоренціи, противъ своихъ политическихъ враговъ: папъ, кардиналовъ, правителей, знаменитыхъ разными пороками, и противъ разныхъ ересіарховъ.

Слѣдующія пѣсни наполнены научными опредѣленіями; это — переложенные въ стихи тезисы неопредѣленной философіи. Все это и пересыпается стихами, которые гудятъ, какъ мѣдные колокола на колокольныхъ готическихъ соборахъ. Здѣсь масса намековъ, прорицаній, современныхъ портретовъ, въ настоящее время потерявшихъ всякое значеніе, и для насъ непонятныхъ. Только уже въ тридцать третьей пѣснѣ есть мѣсто поразительное по всей страшной силѣ, по своей мрачной поэзіи, — это рассказъ о смерти Уголино. Здѣсь есть нѣсколько глубоко — человѣческихъ воплей, вырывающихся изъ груди жертвъ во время безчеловѣчной пытки. Никогда, ни прежде, ни послѣ, поэзія не извергала такихъ воплей. Графъ Уголино рассказываетъ, какъ онъ приговоренъ былъ архіепискомъ Руджіеро къ страшной, неслышанной казни, — заключенію въ башнѣ со всѣми своими дѣтьми, и къ голодной смерти. Онъ рассказываетъ, какъ одинъ за другимъ умирали съ голоду его дѣти, изображаетъ яркими, ужасающими красками физическія мученія голодныхъ дѣтей, и физическую и нравственную пытку отца, голоднаго, изнемогающаго, который не въ силахъ помочь умирающимъ дѣтямъ...

Далѣе въ поэмѣ изображаются грѣшники, живущіе въ такой стужѣ, что слезы ихъ замерзаютъ на щекахъ; тутъ же видны души, уже мучимыя въ аду, въ то время, какъ тѣла съ ихъ обликами и именами живутъ еще на землѣ. Наконецъ Дантъ рисуетъ царя демоновъ, грызущаго трехъ великихъ грѣшниковъ: Іуду, Брута и Кассія. Пристрастіе Данта къ германскому цесарю объясняетъ жестокость казни, которой онъ предастъ убійцъ римскаго цесаря.

Рассказавъ въ общихъ чертахъ содержаніе первой ча-

сти, перейдемъ къ содержанию другихъ 2-хъ частей „Божественной комедіи.“

2.

Чистилище.

Философская идея католиковъ, изобрѣла мѣсто испытанія для душъ послѣ смерти, мѣсто очищенія и освященія, которое называется у нихъ *чистилищемъ*.

Здѣсь грѣшнику мерещится разсвѣтъ будущаго блаженства, надежда на собственное раскаяніе и молитвы, и на молитвы родныхъ и друзей, оставшихся на землѣ, которые переведутъ его въ жилище блаженныхъ.

Описанію этаго обиталища душъ, не окончательно еще осужденныхъ на вѣчное мученіе, и надѣющихся на избавленіе; ихъ страданія и упованія—посвящаетъ поэтъ вторую часть своей великой поэмы. Вся эта часть состоитъ изъ холодныхъ аллегорій, неясныхъ намековъ, странныхъ вымысловъ, трогательныхъ встрѣчъ,—и стиховъ нечеловѣческихъ.....

Теперь посмотримъ, какъ изображаетъ воображеніе Данта Рай.

Рай.

Въ третьей части своей поэмы, Дантъ описываетъ рай. Разсказывать содержаніе этой части невозможно; тутъ нѣтъ ни дѣйствія, ни драмы, ни завязки, ни развязки. Вы видите только искры, огонь, пламя, свѣтъ, крылья, летающіе цвѣты, лица, окруженныя сіяніемъ, низшія группы,

сливающіяся съ высшими, лица спасенныхъ и блаженныхъ, какими обыкновенно изображаютъ ихъ на куполахъ церквей. Св. Бернаръ, Рахиль, Сара, св. Петръ, св. Анна, Исаія, Іаковъ, Моисей, поющіе несмолкаемые хвалебные гимны Творцу... Разумъ поэта потемнѣлъ, у него наконецъ недостаетъ словъ; онъ самъ сравниваетъ уничтоженіе своего разума „со снѣгомъ, тающимъ и исчезающимъ отъ лучей солнца.“

Трилогія кончается, какъ сонъ монаха, заснувшаго въ монастырѣ подъ пѣніе хоровъ, подъ дымомъ ладона, которому грезятся образы, видѣнные имъ на стѣнахъ въ минуту усыпленія.

Мы познакомили нашихъ читателей съ біографіей Данта, и въ короткихъ словахъ рассказали содержаніе его безсмертной поэмы, занимающей весьма видное мѣсто въ произведеніяхъ человѣческаго генія. Поэма Данта переведена сполна г. Миномъ; переводъ этотъ, не смотря на нѣкоторую сухость и недостатокъ поэтической силы, можетъ дать довольно полное понятіе объ этой поэмѣ. Отдѣльные мѣста, взятые изъ поэмы Данта, и подражанія ему, можно найти у многихъ изъ нашихъ поэтовъ.

Редакторъ-Издательница С. Кашнирева.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 6 Января 1872 г.